

С5

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК НКЮ СССР

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Под общей редакцией
И. Т. ГОЛЯКОВА

ДОПУЩЕНО ВСЕСОЮЗНЫМ КОМИТЕТОМ ПО ДЕЛАМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР В КАЧЕСТВЕ
УЧЕБНИКА ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И
ФАКУЛЬТЕТОВ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР
Москва — 1943

88860

АВТОРАМИ НАСТОЯЩЕГО УЧЕБНИКА
ЯВЛЯЮТСЯ:

Проф. А. А. Герцензон (§§ 19 — 25).

Доцент Н. Д. Дурманов (§§ 27—34).

Проф. М. М. Исаев (§ 10, V—VII; §§ 11, 12; §§ 81—90; § 26).

Проф. Б. С. Ошерович (§§ 1, 2).

Проф. Б. С. Ошерович и проф. Б. С. Утевский (§§ 3—10, 1—IV; §§ 13—16).

Проф. А. А. Пионтковский (§§ 35—64).

Проф. Б. С. Утевский (§§ 65—80).

Редакторы: проф. М. М. Исаев, проф. Б. С. Ошерович,

проф. А. А. Пионтковский

Цена 9 р. 50 к. Переплет 1 р. 50 коп.

Редактор А. Н. Иодковский.

Подписано к печати 18/XII 1943 г.

Печ. л. 17³/₄.

Уч. изд. л. 23,65

В печ. л. 49140 зн.

Л28984

Зак. 1474

Тираж 8000

Тип. «Красное знамя», Москва, Сущевская, 21.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Предмет науки уголовного права¹

I. Советское социалистическое уголовное право есть совокупность норм, изданных социалистическим государством, определяющих, какие действия признаются в нем преступными и какие наказания могут быть применены за их совершение.

Характерный признак советского уголовного права состоит в том, что оно является социалистическим правом.

Задача социалистического уголовного права состоит в защите социалистического государства, социалистического отечества, социалистической собственности, личных имущественных прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств на них.

Характерной особенностью советского социалистического права вообще и уголовного права в частности, является его до конца последовательный демократизм. Советская система создала новую демократию, дающую возможность каждому члену общества стать активным участником в управлении государством.

Другой принципиальной чертой советского уголовного права является подлинный социалистический гуманизм, пронизывающий все социалистическое правосудие. Социалистический гуманизм выражается в полной и действительной охране прав и интересов личности советского гражданина и в непреклонной и решительной борьбе со всеми врагами советского народа и социалистической родины и иными преступниками, подрывающими установленный в СССР правопорядок.

Уголовное право социалистического государства защищает интересы рабочего класса и всего советского народа от различных общественно-опасных действий — преступлений.

Х II. Преступления против основ социалистического государства рабочих и крестьян в настоящее время выражают собой контрреволюционное сопротивление врагов народа — шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, засылаемых в СССР иностранными разведками. Враждебное окружение является источником этих преступлений. Товарищ Сталин на XVIII съезде партии в отчетном докладе о работе ЦК ВКП(б) говорил: «Что касается нашей

¹ Вышинский, Основные задачи науки советского социалистического права, «Советское государство», 1938 г. № 4.

армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов»¹. Социалистическое государство должно сурово карать все эти преступления против основ советского строя. Так же решительно должно оно бороться и со всеми хищениями социалистической собственности, подрывающими основы советского строя.

Преступления, совершаемые трудящимися и нарушающие в различных формах социалистический порядок, выражают собой сопротивление социалистическому строительству пережитков мелкобуржуазной стихии в сознании отсталых слоев трудящихся.

Борьба с подобными преступлениями мерами принуждения — важнейшая задача уголовного права. Борьба с этими пережитками имеет громадное культурно-воспитательное значение. Таким путем осуществляется воспитание трудящихся к новой дисциплине социалистического общества.

Эти основные задачи политики социалистического государства в области борьбы с преступностью являются руководящими принципами всего социалистического уголовного права. Ими определяются признание тех или иных действий преступными и тяжесть указываемого в уголовном законе наказания.

Советское социалистическое уголовное право должно отобразить мероприятия коммунистической партии и советского правительства в области социалистического строительства. Такими мероприятиями, направленными на укрепление социалистической дисциплины труда и повышение качества работы социалистических предприятий, и являются указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих из предприятий и учреждений», 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями», 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство», 10 февраля 1941 г. «О запрещении прогулов, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов».

Эти указы, направленные на установление высокой дисциплины труда и большевистского порядка на государственных и общественных предприятиях и в учреждениях, повышение качества продукции и изжитие мелких краж и хулиганства на предприятиях, в учреждениях и общественных местах, имеют громадное значение в деле укрепления хозяйственной мощи нашего государства, социалистической собственности, правил социалистического общежития и морального облика и достоинства советских граждан.

Мирное социалистическое строительство нашей страны было нарушено вероломным нападением фашистской Германии на СССР. На первый план встали задачи обороны нашей родины от фашистских агрессоров.

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1939, стр. 57.

«Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага», сказал товарищ Сталин в выступлении 3 июля 1941 г.

В соответствии с этим и советская теория уголовного права должна по-новому подойти к ряду вопросов, по-новому осветить их. Необходимость отрешиться от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства ставит, например, в иную плоскость вопрос о такой форме вины, как неосторожность. Условия военного времени придают важнейшее значение особенностям применения положений Общей части к воинским преступлениям, ответственности за невыполнение гражданами своих обязанностей перед государством. В выступлении 3 июля 1941 г. товарищ Сталин указывал, что «...мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов...». Делу обороны нашей родины служат такие акты советской власти, как Указ Президиума Верховного Совета СССР (22 июня 1941 г. «О военном положении», Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий от того же числа, Указ 6 июля 1941 г. об ответственности за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, указы от 26 декабря 1941 г., 15 апреля и 9 мая 1943 г. и др.

III. При изучении уголовного права необходимо остановиться прежде всего на вопросе о специфических особенностях его в сравнении с другими отраслями права.

Специфичность уголовно-правовых норм состоит в том, что они определяют борьбу с действиями, опасными для господствующего класса и установленного в его интересах правопорядка, путем применения по суду мер уголовного наказания к совершившим такие действия.

Следует отличать от уголовного наказания административные и дисциплинарные взыскания.

Уголовное преступление и административное нарушение, наказание и административное взыскание различны по своей юридической природе. Преступление есть общественно-опасное действие или бездействие, направленное против основ государства или его правопорядка, предусмотренное Уголовным кодексом или специальными уголовными законами. Административное нарушение есть нарушение правопорядка, предусмотренное приказами или распоряжениями административных органов. Наложение взыскания за это правонарушение производится соответствующими административными органами.

Дисциплинарное правонарушение состоит в нарушении должностным лицом служебной дисциплины, установленной правилами внутреннего распорядка. Дисциплинарное взыскание состоит в применении администрацией соответствующих мер воздействия в порядке служебной подчиненности.

Отличаются преступление и наказание и от гражданского правонарушения и его последствий. Гражданская ответ-

ственность исчерпывается возмещением имущественного вреда, уголовная ответственность выражается в наказании преступника.

Материальное уголовное право определяет действия, которые считаются преступными, и наказания, которые могут быть применены за их совершение. Уголовно-процессуальное право определяет порядок, в котором устанавливается виновность или невиновность лица и выносится соответствующий судебный приговор.

Большое значение для правильной деятельности уголовного суда имеет уголовная статистика. Учет в области осуществления правосудия является одновременно и контролем над судебной практикой. Только посредством правильного учета можно установить, как работают следственные и судебные органы, как осуществляется ими правосудие. Уголовная статистика имеет широкое применение и в области изучения преступности.

IV. Наука уголовного права принадлежит к общественным наукам. Диалектический материализм, являющийся и методом марксистско-ленинской теории уголовного права, учит нас, что мы должны изучать уголовное право и его институты в связи с изменением общественных отношений, а не как формально-логическое или юридическое понятие, в отрыве от развития экономических отношений общества, в отрыве от классовой борьбы и т. д. Только марксистский метод в состоянии вскрыть истинную природу уголовно-правовых институтов, показать причины их появления, развития и изменения на различных этапах исторического развития, показать характер содержания и формы уголовного права и уголовно-правовых институтов.

Различие между советской и буржуазной наукой уголовного права состоит в том, что в буржуазной теории уголовного права преступление и наказание обычно рассматриваются как абстрактные юридические понятия, вне связи с их социально-экономическим содержанием.

Исторически нужно изучать не только буржуазное, но и социалистическое уголовное право.

На отдельных этапах развития социалистического государства изменялись и формы преступности и методы борьбы с ними. Характеризуя главные фазы развития нашего социалистического государства, товарищ Сталин подчеркивает и изменение функций государства во второй фазе его развития. Сообразно с изменением основной задачи социалистического государства «изменились и функции нашего социалистического государства. Отпала — отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше и подавлять некого. Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра»¹.

Марксистско-ленинская теория дает возможность исторически верно определить действительное существо тех общественных отношений, анализом которых занимается наука уголовного права.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 606.

Марксистско-ленинская теория уголовного права должна особое внимание уделять юридическому анализу действующего социалистического законодательства.

На протяжении ряда лет врагами народа проповедывались вредительские взгляды на советское уголовное право. Они пытались доказать, что всякое юридическое учение об отдельных институтах нашего уголовного права является выражением буржуазного юридического мировоззрения. Отсюда делался вредительский вывод, что нет необходимости заниматься юридическим анализом советского уголовного права.

Задача науки советского уголовного права состоит в том, чтобы развернуть юридическое учение об отдельных институтах уголовного права в связи с их социально-экономическим содержанием и их исторической обусловленностью.

Юридическое учение о преступлении и наказании имеет исключительное значение для правильного применения социалистического уголовного закона, для осуществления социалистического правосудия, для укрепления социалистической законности и тем самым укрепления социалистического государства.

В буржуазной науке уголовного права каждый исследователь подходит к изучению уголовного права с различных точек зрения, в зависимости от характера разделяемого им мировоззрения. Среди них можно найти сторонников французского и английского материализма XVII—XVIII вв., сторонников учения немецкой классической философии, сторонников вульгарного материализма XIX в., сторонников позитивизма и т. д.

Классическая школа уголовного права рассматривала уголовное право как науку юридическую и считала, что предметом ее изучения являются преступление и наказание как юридические явления. Некоторые представители классической школы не исключали того, что кроме юридического исследования преступление и наказание могут быть исследованы и с социологической и биологической точек зрения. Признавая значение биологического и социологического исследования, эти представители классической школы уголовного права считали, что юридическая точка зрения на этот предмет совершенно иная, чем точка зрения социолога и антрополога, что юридическое исследование ставит и разрешает совершенно иные вопросы, чем социологическое и антропологическое, поэтому социологическое и антропологическое исследование не должно входить в науку уголовного права.

Иначе решали вопрос о предмете науки уголовного права представители уголовно-антропологической и уголовно-социологической школ.

Антропологическая школа считала необходимым изучать не преступление, а преступника. Это приводило к отрицанию науки уголовного права как юридической науки, а наука о преступлении сводилась к антропологическим и биологическим исследованиям преступника.

Сторонники социологического направления в уголовном праве значительно расширяли объем предмета уголовного права, включая

в него социологическое и антропологическое исследования, уголовную догматику и уголовную политику.

Все школы буржуазной науки уголовного права исходили из якобы внеклассовых позиций и пытались представить уголовное право как орудие защиты всего общества. В действительности же все они защищали и защищают интересы господствующих классов, лишь идеологически различно оформляя эту защиту.

Нельзя вместе с тем упускать из виду различие в политическом строе буржуазной демократии и стран фашизма. В докладе, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции, товарищ Сталин противопоставил гитлеровский режим режиму таких буржуазно-демократических стран, как Англия и США. «Гитлеровцы, — сказал товарищ Сталин, — являются заклятыми врагами социализма, злейшими реакционерами и черносотенцами, лишившими рабочий класс и народы Европы элементарных демократических свобод. Чтобы приккрыть свою реакционно-черносотенную сущность, гитлеровцы ругают англо-американский внутренний режим плутократическим режимом. Но в Англии и США имеются элементарные демократические свободы, существуют профсоюзы рабочих и служащих, существуют рабочие партии, существует парламент, а в Германии при гитлеровском режиме уничтожены все эти институты...».

§. 2. Система курса Общей части социалистического уголовного права

Наука уголовного права разделяется на две части — Общую и Особенную. Общая часть уголовного права излагает общие понятия и положения, относящиеся ко всем видам преступлений и наказаний. Особенная часть занимается исследованием конкретных видов преступлений и соответствующих им наказаний.

Общая часть уголовного права содержит учение об уголовном законе, учение о преступлении и учение о наказании.

Особым разделом в Общей части науки уголовного права является раздел об истории уголовного права. Задача изучения истории уголовного права заключается в изучении как истории уголовного законодательства, так и развития теории уголовного права.

Для понимания принципиальных особенностей социалистического уголовного права необходимо знать и историю уголовного права иных общественных формаций.

Большое значение для изучения марксистско-ленинской теории уголовного права имеет изучение развития уголовно-правовой мысли. Классики марксизма всегда подчеркивали необходимость изучения истории философии. Развитие буржуазной теории уголовного права было связано с развитием буржуазной философии.

Особое значение имеет изучение истории советского социалистического уголовного права. Без знания этой истории нельзя правильно понять и изучить действующее советское уголовное право.

Учение об уголовном законе является составной частью науки уголовного права. Уголовный закон имеет очень важное значение в деле укрепления Советского государства, в социалистическом строительстве, в охране и защите личных и имущественных прав граждан и играет большую роль в осуществлении социалистической законности.

Юридическое учение о преступлении и наказании составляет основную часть курса. Общей части уголовного права, поэтому все юридические институты, связанные с учением о преступлении и наказании, должны найти обстоятельное изложение в курсе советского уголовного права.

Таким образом система Общей части советского уголовного права должна быть построена следующим образом:

- 1) предмет науки уголовного права;
- 2) история уголовного права;
- 3) учение об уголовном законе;
- 4) учение о преступлении;
- 5) учение о наказании.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОЕ ПРАВО РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 3. Происхождение уголовного права

Невозможность существования права в догосударственном обществе была показана Марксом и Энгельсом. Буржуазные криминалисты пытались утверждать, что уже при первобытно-общинном строе существовало уголовное право, что право и государство — это извечные категории, что право существует и будет неизбежно существовать в каждом обществе. Указание Энгельса, что при первобытно-общинном строе «еще нельзя говорить о праве в юридическом смысле», полностью относится и к уголовному праву.

Кровная месть, талион и композиции (выкупы) хотя и возникают при первобытно-общинном строе, но не являются еще при этом строе юридическими институтами и ничего общего с уголовным правом не имеют.

Исчерпывающая характеристика кровной мести как явления, возникшего при первобытно-общинном строе и не имевшего еще в эту догосударственную эпоху правового характера, была дана Энгельсом¹. Кровная месть при первобытно-общинном строе — это форма помощи сородичам и защиты всем родом своей безопасности от нападения извне, со стороны другого рода. Кровная месть направляется при первобытно-общинном строе только против лиц, стоящих вне рода или племени, к которому принадлежит потерпевший. Она является делом всей семьи, рода или даже целого племени.

При первобытно-общинном строе появляется так называемый талион, при котором нарушителю какого-либо блага причиняется точно такое же нарушение его блага; так, например, убийца предается смерти, ранившему другого человека в руку отрубают руку и т. д. При этом же строе появляются и композиции (от латинского *compositio* — соглашение), заключающиеся в том, что обидчик расплачивался с обиженным или его родом определенным количеством меновых единиц.

Внутри рода и семьи при первобытно-общинном строе, естественно, могли происходить и такие конфликты, которые вызывали необходимость защиты от них всего рода в целом. На такие конфликты род реагировал изгнанием нарушителя мира из своей среды, лишением мира. Изгнанного мог безнужно убить каждый встречный, ни его род ни ближайшие родные не защищали его.

В недрах первобытно-общинного строя развитие производительных сил вызывало глубокие изменения в общественных отношениях и вело к разложению первобытно-общинного строя. Внутри этого строя происходит уже разделение общества на классы и появляется частная собственность. «Нехватало, — говорит Энгельс, — учреждения, которое увековечивало бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 114.

эксплоатацию неимущих и господство первого над последними. И такое учреждение появилось. Было изобретено государство»¹. «Государство,—указывает товарищ Сталин,—возникло на основе раскола общества на враждебные классы,—возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства»².

С образованием государства появляется право вообще и уголовное право в частности. Разделение общества на классы, появление господствующего класса — рабовладельцев — и частной собственности вызвало и создание органов государственной власти для закрепления и поддержания образовавшегося классового неравенства, для укрепления института частной собственности.

§ 4. Особенности уголовного права рабовладельческих государств

«При рабовладельческом строе,—говорит товарищ Сталин,—основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину... Здесь нет уже общего и свободного труда всех членов общества в процессе производства,—здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами. Нет поэтому и общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Ее заменяет частная собственность. Здесь рабовладелец является первым и основным полноценным собственником.

Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя»³.

В соответствии с особенностями рабовладельческого строя уголовное право этого строя — это право открытого классового неравенства, со всей силой и откровенностью проводящее защиту института рабства и систему жесточайшего подавления малейших попыток сопротивления со стороны рабов.

Рабовладельческое государство в начале своего развития санкционирует в отношении свободных кровную месть, талион и систему композиций, т. е. сообщает правовой характер явлениям, которые при первобытно-общинном строе не имели правового характера.

Талион надолго сохраняется в законодательстве рабовладельческих государств.

Наиболее прочно удерживается в уголовном законодательстве рабовладельческого государства и даже переходит в законодательство эпохи феодализма система композиций. Эта система позволяла проводить усиленную охрану господствующего класса путем уплаты повышенного выкупа за нарушение интересов представителей этого класса, давала возможность государству выступать в качестве «посредника» при конфликтах и удерживать часть выкупа в свою пользу. Установление размера выкупа вначале происходило путем обращения сторон к посредникам (старейшины незаинтересованных родов, племенные военачальники и др.). Посредникам за их труд стороны обычно делали подарки, носившие вначале добровольный характер, а позднее ставшие обязательными. Таким образом, выкуп распадался на две части — вознаграждение потерпевшего и публичную пеню. Впоследствии закон установил размеры выкупа за каждое преступление.

Государство вначале стремится при помощи композиций вытеснить кровную месть. В дальнейшем развитии оно отказывается от системы композиций. С развитием классовых противоречий и возрастанием роли государства как орудия классового насилия изменяются представления о преступлении и наказании. Государство все более широко применяет наказания, которые выполняются органами государственной власти, а не сторонами, как это имело место при кровной мести, талионе и композициях. Казнь и членовредительные

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVI, стр. 87.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 41-е, стр. 604.

³ Там же, стр. 555.

наказания как меры публично-правового насилия все более вытесняют композиции, имеющие характер имущественного выкупа. Само преступление приобретает публично-правовой характер.

ГЛАВА II

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

§ 5. Особенности уголовного права феодального государства

«При феодальном строе, — говорит товарищ Сталин, — основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить... Частная собственность получает здесь дальнейшее развитие. Эксплуатация почти такая же жестокая, как при рабстве, — она только несколько смягчена. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя»¹.

Эпоха феодализма, охватывающая V—XVIII вв., прошла в своем развитии три основные стадии: а) эпоху раннего феодализма (V в. — половина XI в.), б) эпоху расцвета феодализма (с половины XI в. по XV в.) и в) эпоху первоначального накопления и разложения феодализма (XVI—XVIII вв.).

Господствующий при феодализме класс — феодалы-крепостники — создает свое уголовное право, задачами которого являются защита крепостного строя и феодальной собственности и подавление сопротивления крепостного и феодально-зависимого крестьянства.

Характерные особенности уголовного права феодализма — система голого насилия и лежащее в основе феодальной юстиции открытое неравенство перед законом различных классов и сословий. Уголовное право феодализма — это кулачное право и право-привилегия.

§ 6. Уголовное право раннего феодализма

Разложение рабовладельческого строя и переход к феодальному строю были ускорены вторжением в IV в. в Римскую империю германских племен, которых римляне называли варварами. Варвары, победив Римскую империю, отняли у нее огромные земельные владения и образовали ряд королевств.

До нас дошли многочисленные сборники законов германских племен, начиная с VI в., так называемые *Leges barbarorum* или «варварские правды». Наибольший интерес представляет древнейшая из «варварских правд» — «Салическая правда» (*lex saxonica*), относящаяся к началу VI в.

Главное место в системе преступлений «Салической правды» и других законодательных памятников раннего феодализма занимают убийства, телесные повреждения и нарушения частной собственности.

«Салическая правда» почти по всем преступлениям устанавливает выкуп (композиции). Свободный германец, говорит Энгельс, — «подвергался смертной казни лишь за измену своему племени, а в остальных случаях мог штрафом (вергельдом) искупить всякий ущерб, даже убийство»². При этом власть ставит перед собой и фискальные задачи: в пользу государства поступает $\frac{1}{3}$ выкупа (фредус), а $\frac{2}{3}$ идет в пользу потерпевшего (вергельд). Классовый подход при установлении размера выкупа проводится с большой последовательностью. В отдельных весьма редких случаях «Салическая правда» предусматривает и наказания публично-правового характера: смертную казнь, кастрацию (только для рабов), сечение (только для рабов), конфискацию, лишение мира.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555—556.

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 357.

§ 7. Уголовное право развитого феодализма

В уголовном праве эпохи развитого феодализма получают полное развитие его характерные особенности — «кулачное» право, т. е. право сильного, и право-привилегия. Эти характерные особенности феодального уголовного права, с его открытым произволом, привилегиями господствующего класса и бесправием эксплуатируемых масс крепостного крестьянства нашли свою яркую характеристику в словах Энгельса: «Весьма немаловажным и постоянным предметом торговли было в руках князей и правосудие... В суде отказывали, или он был продажным, а если рыцарь не мог получить деньги от крестьянина никакими другими способами, то он просто бросал его в тюрьму и требовал от него выкупа... Он в любой момент мог бросить крестьянина в темницу, где его тогда ждали пытки с той же неизбежностью, как теперь ждет арестованного судебный следователь. Он бил его до смерти и, если хотел, мог приказать обезглавить его»¹.

Германские памятники XIV—XVI вв. отразили все особенности развитого феодального общества: крепостное право, сословное деление, систему привилегий, экономического и политического неравенства и усиленную защиту господствующего класса — феодалов. Такими памятниками являются так называемое Саксонское зеркало (Sachsenspiegel), составленное между 1198 и 1235 гг., получившее значение, равное закону, и касавшееся гражданского, уголовного, процессуального и государственного права, Швабское зеркало (вторая половина XIII в.) и др.

Система привилегий находила здесь свое выражение в том, что степень уголовно-правовой охраны зависела от сословной принадлежности лица.

Система наказаний феодального права отражала, кроме классовых, и религиозно-национальные различия. Особенно обрушивалось при этом феодальное уголовное право на евреев.

Саксонское зеркало предусматривало казнь четырех видов: повешение, отсечение головы, сожжение и колесование — главным образом за преступления, совершавшиеся крестьянами. К ним же главным образом применялись и телесные наказания — отсечение правой руки, отрезание языка, сечение, а также различные позорные наказания (выставление у позорного столба и др.).

Большинство наказаний при известных условиях с разрешения суда могло быть заменено выкупом. Высокие размеры выкупа обеспечивали безнаказанность высшим сословиям и были недоступны эксплуатируемым массам.

Саксонское и Швабское зеркала и другие памятники этой эпохи содержали уже ряд составов государственных преступлений. На первом месте стояло «преступление против величества», состоявшее в поднятии оружия против суверена или его слуг (наказание по Швабскому зеркалу — закапывание живым в землю, по другим законам — повешение). Так называемое «нарушение земского мира» каралось по Саксонскому и Швабскому зеркалам отсечением головы. Непослушание и дерзкое поведение на суде карались повешением.

Феодальная собственность защищалась жестокими законами о краже и разбое. Так называемая мелкая кража (до трех шиллингов) каралась потерей чести и прав. Кража на сумму более трех шиллингов и всякая ночная кража считалась по Саксонскому зеркалу большой кражей, за которую назначалось повешение. Ночного вора, потерпевший мог безнаказанно убить на месте. Укрывательство вора каралось по Швабскому и Саксонскому зеркалам так же, как и самая кража.

Огромную роль в развитии уголовного права феодализма, в частности в росте жестокости наказаний этого периода, сыграла церковь, бывшая оплотом феодализма и крупнейшим феодалом. «Единственное, — писал Энгельс, — что средневековые взяли от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утеравших всю свою прежнюю цивилизацию городов... В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, превратились в простые отрасли богословия, и в основу их были положены те же принципы, которые господствовали и в нем»². Уголовное право феодализма образовывалось под непосредственным влиянием церкви и было

¹ Энгельс, Крестьянская война в Германии, 1931, стр. 22, 23, 29.

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 128.

проникнуто религиозными нормами. Поскольку церковная политика была направлена на закрепощение трудящихся и усиление власти помещиков, такой же характер носило и феодальное уголовное право. В особенности это относится к римско-католической церкви, которая, выступая с лицемерными лозунгами смягчения наказания и отказа от смертной казни («церковь воздерживается от пролития крови»), в действительности приводила к невероятному усилению наказаний, массами (до десятков тысяч) сжигала «без пролития крови» на кострах свои жертвы и добивалась создания многочисленных составов преступлений, защищавших церковь.

Римско-католическая церковь была в средние века «великим интернациональным центром феодальной системы... Она окружала феодальный строй священным ореолом божественной благодати»¹. Как указывает Энгельс, «всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение»². Одним из выражений борьбы с феодализмом были ереси. Под влиянием римско-католической церкви в уголовные законы вводились жесточайшие наказания за ересь, безбожие, колдовство и т. д. Суды «святой инквизиции» сожгли несколько сот тысяч таких еретиков, колдунов, ведьм и безбожников.

§ 8. Уголовное право периода первоначального накопления и разложения феодального строя

I. Характерным для эпохи первоначального накопления капитала и разложения феодализма (XVI—XVIII вв.) является зарождение и развитие в недрах феодального общества капиталистической мануфактуры. Возрастает обезземеление крестьян и разорение мелких ремесленников — непосредственный производитель отделяется от средств производства. Начинается ограбление колоний и усиливается эксплуатация коренного населения во вновь открытых землях. Торговля быстро развивается и приобретает мировой характер. Купеческо-ростовщический капитал концентрируется и проникает в промышленность. Политическое единство западно-европейских наций находит свое выражение в феодально-абсолютистской национальной монархии. Классовая борьба между господствующим классом феодалов и антифеодальными элементами города и деревни обостряется. Это обострение в ряде государств приводит к буржуазным революциям, основной движущей силой которых является крепостное и феодально-зависимое крестьянство.

Уголовное право этого периода в соответствии с его особенностями направлено на беспощадную борьбу со все растущим сопротивлением деревенского населения насильственному обезземелению и принуждению его к дисциплине наемного труда.

Революционные наступления крестьян влекли за собой беспощадную расправу с восставшими. Энгельс писал: «...горожане и князья, дворяне и попы, Лютер и папа соединялись против «кровожадных и разбойничьих шаек крестьян». «Их нужно бить, душить и колоть, тайно и открыто, так же, как убивают бешеную собаку», — восклицает Лютер. — Поэтому, господа, спасайтесь, колите, бейте, давите их, кто как может, и если кого постигнет при этом смерть, то благо ему, ибо более блаженной смерти быть не может»³.

В период разложения феодализма, когда вспыхивают так называемые религиозные войны и массовый характер принимают различные ереси, влияние господствующей церкви на уголовное право делается особенно сильным. В борьбе с ересями церковь особенно тесно смыкалась со светскими властями, так как и религиозные войны и ереси представляли собой не что иное, как обложенную в религиозную оболочку классовую борьбу эксплуатируемых классов против гнета со стороны господствующих классов.

«Каролина» (Constitutio criminalis Carolina) — уголовно-процессуальный кодекс, содержащий также нормы уголовного права, — изданная в

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, 1938, стр. 414.

² Там же, стр. 415.

³ Маркс и Энгельс, Собр. соч. т. VIII, стр. 135.

1532 г., т. е. вскоре после крестьянского восстания 1525 г., германским императором Карлом V и получившая название от его имени, полностью отразила беспощадную расправу с восставшими крестьянскими массами. Яркая характеристика «Каролины» дана была Энгельсом. «Из тех поучительных глав «Каролины», — писал он, — которые говорят об «обрезывании ушей», «обрезывании носа», «выкалывании глаз», «обрублении пальцев и рук», «сжигании», «пытке раскаленными щипцами», «колесовании», «четвертовании», нет ни одной, которой бы милостивый господин и покровитель не применял к своим крестьянам по усмотрению. И кто мог бы оказать крестьянину защиту? В судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги. Ибо все официальные сословия империи жили за счет эксплуатации крестьян»¹.

«Каролина» вводит жестокую репрессию за всякое посягательство на императора: Отсечение головы или розги и изгнание полагаются за возбуждение к восстанию, Виселица, утопление, отрезание ушей, тюрьма, розги обрушиваются «Каролиной» на совершивших имущественные преступления.

«Каролина» среди наказаний упоминает сожжение, обезглавливание, колесование, четвертование, повешение, утопление, закапывание в землю живьем, разрывание тела раскаленными щипцами и т. д. «Каролина» спокойно повествует, как следует отрезать уши или язык, рубить пальцы или публично сесть осужденного.

II. «Капиталистическому накоплению, — говорит Маркс, — предшествовало накопление «первоначальное», ...накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом»².

Первоначальное накопление, по словам Маркса, образует «предисторию капитала»³. Развитие капиталистических отношений предполагает превращение производителей в наемных рабочих. Для этого они должны быть освобождены от средств производства, т. е. средства производства должны быть у них экспропрированы. «...История этой... экспроприации, — говорит Маркс, — вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня»⁴.

Процесс экспроприации средств производства у бывших производителей сопровождался применением жесточайших мер насилия. В классической форме, как указывает Маркс, этот процесс происходил в Англии. Маркс указывал, как люди, вырванные из обычной жизненной колеи, попавшие в новую обстановку и не умевшие освоиться с новой дисциплиной, массами превратились под давлением обстоятельств в нищих, разбойников, бродяг. Против этих экспропрированных в конце XV в. и в течение всего XVI в. издаются законы, которые Маркс назвал «кровавым законодательством».

Закон 1530 г. угрожал работоспособным бродягам плетью и тюремным заключением. Этот закон был усилен другим законом, установившим, что рецидив бродяжничества влечет за собой вторичное наказание плетью и отрезание половины уха. Следующий рецидив, т. е. третье обвинение в бродяжничестве влек за собой смертную казнь. Закон 1547 г. установил отдачу каждого уклоняющегося от работы в рабство тому, кто донес на него как на праздничатающего. По закону 1572 г. нищие старше 14 лет, не имевшие права собирать милостыню, наказывались, если никто не соглашался взять их в услужение, кнутом и наложением клейма на левое ухо. Рецидив влек для нищих старше 18 лет, если никто не брал их в услужение, смертную казнь. При третьем рецидиве следовала безусловная казнь.

Уклонение от работы в эпоху, когда развитие капитализма требовало вовлечения больших масс рабочих в производство, представляло с точки зрения интересов буржуазии столь тяжкое преступление, что виновные в этом приравнивались к государственным преступникам.

Иаков I издал закон, объявлявший бродягами всех праздничатающих и просящих милостыню. Мировые судьи могли подвергать подпадающих под действие этого закона публичному наказанию плетью и заключать в тюрьму: первый раз — на шесть месяцев, второй раз — на два года. Неправильные

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 126.

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVII, стр. 781.

³ Там же, стр. 783.

и опасные бродяги клеймились; им выжигали на плече букву «К», и они направлялись на принудительные работы. Второй раз попавшихся в нищенстве казнили.

Но «кровавое законодательство» этим не ограничивалось. Под страхом наказания рабочие обязываются не покидать места работы, не отказываться от работы, если она им предлагается, не брать заработной платы свыше установленной, не входить в рабочие союзы. Так, в 1548 г. были запрещены всякие соглашения ремесленников, поденщиков и рабочих с целью не работать или работать, но за определенную плату и с другими подобными целями. За третье нарушение этого статута виновные приговаривались к выставлению у позорного столба, отсечению одного уха и «обращению как с бесчестными».

В Нидерландах аналогичный закон был издан в 1587 г., в Голландии — в 1614 г.

Такие же законы издавались во Франции даже незадолго до революции 1789 г. В начале своего царствования Людовик XVI указом (ордонанс) 13 июля 1777 г. предписал всех здоровых в возрасте от 16 до 60 лет, не имеющих средств к существованию и определенной профессии, ссылать на галеры.

Вместе с тем система наказаний получает новое содержание, отражающее новое отношение к рабочей силе, которое несут с собой возникающие и развивающиеся капиталистические отношения. Преступник начинает рассматриваться как выгодный и удобный объект уголовно-трудовой эксплуатации. Смертная казнь рассматривается как невыгодная мера, лишаящая государство покорной и почти бесплатной рабочей силы; поэтому в законодательство и судебную практику начинают все больше входить такие наказания, как уголовное рабство, направление на галеры, ссылка в колонии, заключение в рабочий или исправительный дом. Кровавые наказания начинают все более уступать место наказаниям, дающим возможность уголовно-трудовой эксплуатации осужденных.

ГЛАВА III

УГОЛОВНОЕ ПРАВО БУРЖУАЗНЫХ ГОСУДАРСТВ

§ 9. Уголовное право периода победы и утверждения капитализма в передовых странах. Классическая школа

I. Феодално-крепостной строй мешал развитию капитализма и приводил ко все обострявшимся классовым противоречиям. Назревала буржуазная революция, перед которой стояла «...только одна задача — смести, отбросить, разрушить все пути прежнего общества»¹.

Буржуазное общество, возникшее на развалинах феодализма, не уничтожило классовых противоречий, оно только видоизменило их. Пришли к власти новые классы, и были узаконены новые формы эксплуатации. «Революция крепостных крестьян, — говорит товарищ Сталин, — ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся»².

На место права, основанного на привилегии, буржуазия создала право, основанное на формальном равенстве.

В области уголовного права новое, буржуазное право нашло теоретическое обоснование в учении так называемой классической школы уголовного права.

Несмотря на то, что классическая школа почти за двухсотлетнее свое существование насчитывает ряд отличных друг от друга философских направлений и теоретических концепций по основным вопросам уголовного права, тем не менее имеются общие всем этим направлениям характерные черты. Такой чертой является прежде всего ее юридическое мировоззрение.

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 315.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 412.

и е. Энгельс в статье о юридическом социализме пишет, что буржуазия работала новое мировоззрение — юридическое, которое стало классическим мировоззрением буржуазии. «Юридическое мировоззрение, — говорит Энгельс, — было обмирщением (Verweltlichung) теологического. Место догмы божественного права заняло человеческое право, место церкви — государство. Хозяйственные и общественные отношения раньше воспринимались как созданные церковью и догмой ввиду того, что они были санкционированы церковью; теперь они представлялись основанными на праве и созданными государством»¹.

Энгельс указывает, что идеологи буржуазии считали, что правовые нормы, установленные государством, обязаны своим возникновением не экономическим отношениям, а формальным установлениям государства.

Идеологи буржуазии, выразители интересов «третьего сословия», в противовес бесправию и незаконию феодализма, находившим свое выражение в привилегиях господствующего класса и в бесправии остальных классов, выставили требование законности. В противовес системе привилегий, которая в области уголовно-правовой вела к неравному положению перед уголовным законом представителей различных классов и сословий, было выдвинуто требование равенства всех граждан перед законом. В противовес многочисленным ограничениям свободы личности, пронизывавшим весь уклад феодального общества, идеологи буржуазии выдвинули требование свободы личности.

Все эти общеполитические требования идеологов буржуазии нашли свое выражение и в области уголовно-правовой. Так, идеологи буржуазии требуют равенства всех граждан перед уголовным законом. Они выставляют требование *nullum crimen sine lege*, — означающее, что никто не может быть привлечен к уголовной ответственности за действия, прямо не предусмотренные в законе как преступление.

Если феодальное уголовное право отличалось полнейшим произволом и неопределенностью наказаний, то идеологи буржуазии в противовес этому выдвинули требование *nulla poena sine lege*, т. е. требование запрещения таких наказаний, которые прямо не предусмотрены в законе.

Резкому несоответствию в феодальном уголовном праве между наказаниями и тяжестью совершаемых преступлений идеологи буржуазии противопоставили требование строгого соответствия между тяжестью преступления и тяжестью наказания.

Наконец, в противовес характерному для феодальной юстиции так называемому объективному вменению (т. е. уголовной ответственности независимо от наличия или отсутствия вины подсудимого) выдвигалось требование вины как основания уголовной ответственности.

Все эти требования, направленные против старой феодальной юстиции и подрывавшие основы феодального общества, были выражением общих буржуазно-демократических требований в области уголовного права и имели прогрессивный характер.

Однако все эти требования тесным образом были связаны с содержанием буржуазной революции — утверждением господства буржуазной собственности. Защиту этой собственности преследовали в конечном итоге и все правовые требования, выдвигавшиеся представителями классической школы буржуазной науки уголовного права.

Господствующим мировоззрением буржуазии, пришедшей к власти, было юридическое мировоззрение, так как оно в наиболее совершенной форме отражало формальное равенство буржуазного общества. В соответствии с этим и учение классической школы приняло чисто юридический характер при объяснении уголовно-правовых явлений. Так, преступление понималось классической школой как нарушение уголовного закона. Наказание было для нее не более чем юридическим последствием нарушения закона, т. е. преступления.

II. Основные идеи классической школы уголовного права высказывались еще задолго до французской революции XVIII в. Отдельные ее положения были высказаны еще в XVII в. в Англии во время буржуазной революции. Так, например, у английских философов XVII в. (Локк и др.), наряду с философскими воззрениями, которые явились отправными пунктами для построения

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 296.

ния уголовно-правового учения материалистов XVIII в., мы находим отдельные правовые положения, развитые и приведенные в систему классической школой, как-то: принцип законности, принцип равенства всех перед уголовным законом и принцип соответствия между тяжестью преступления и тяжестью наказания.

Эти идеи получили блестящее развитие в произведениях французских просветителей XVIII в.

III. Монтескье (1689—1755) в своих произведениях (главнейшее из них — «О духе законов») выдвигал идею равенства граждан перед законом, показывал бесполезность и вред суровых наказаний, обосновывал необходимость отмены пыток как ненужной жестокости. Монтескье считал, что свобода граждан зависит от характера и качества уголовных законов. Он говорил, что люди должны заботиться об улучшении правосудия больше, чем о чем-либо другом. Он требовал точного соответствия между преступлением и наказанием. Монтескье был сторонником гуманных наказаний.

Наряду с прогрессивными демократическими идеями мы находим у Монтескье и оправдание некоторых средневековых пережитков. Так, он высказывался за наказание еретиков, хотя и оговаривал, что в вопросе о наказании надо быть очень осмотрительным.

Учение Монтескье было направлено против феодальной карательной политики и выражало уже по ряду основных вопросов требования идущей к власти буржуазии XVII—XVIII вв.

IV. Основные положения буржуазного уголовного права и вместе с тем основы классической школы были в блестящей форме развиты Чезаре Беккариа (1738—1794) в книге «О преступлении и наказании» (1764).

Беккариа по своим философским воззрениям примыкал к английскому и французскому материализму. Он находился и под сильным влиянием учения о естественном праве, в частности, под влиянием теории общественного договора Руссо. Беккариа в развитии своих взглядов пошел дальше Монтескье, прикнув к взглядам наиболее радикального из французских материалистов — Гельвеция.

Будучи сторонником материалистов XVII—XVIII вв., Беккариа разделял и их ошибки. Материалисты XVIII в., как указывал Энгельс, были материалистами «снизу» и идеалистами «сверху».

Беккариа и просветители XVII и XVIII вв. исходили из положения, что право является продуктом общественного договора, и считали, что законодатель и законодательство занимают исключительное место в установлении и преобразовании общественных отношений. По их мнению, все зависит от законодателя. Не понимая того, что само законодательство является продуктом общественных отношений, просветители считали, что общественные отношения являются результатом законодательства.

Грубейшей ошибкой просветителей и материалистов XVII—XVIII вв. при рассмотрении общественной жизни, ошибкой, приведшей к идеализму, было то, что они рассматривали различные институты под углом зрения не их исторической обусловленности, а с точки зрения «заблуденный» человечества. Идеализм Беккариа выразился в том, что он предполагал, что хорошие, ясные законы могут служить средством уничтожения преступлений.

Однако требования, выдвинутые Беккариа, были революционными требованиями нового, восходящего класса, направленными против феодальных отношений и феодальной юстиции.

Беккариа стремился к освобождению уголовного права от религиозной морали.

В числе требований, выдвинутых Беккариа, было требование равенства всех граждан перед судом, требование соответствия между преступлением и наказанием, а также требование — нет преступления и наказания без указания о том закона (*Nullum crimen, nulla poena sine lege*).

Преступление, по мнению Беккариа, есть действие, направленное против

¹ См. Ч. Беккариа, О преступлении и наказании, Перевод и вступительная статья М. М. Исаева, М., 1939 г., Б. Ошерович, Уголовно-правовые воззрения Беккариа, «Проблемы социалистического права», 1938, № 3.

общественного договора, заключенного между людьми ради спокойствия, безопасности и блага членов общества.

Беккариа давал материалистическое объяснение преступности. Так, он считал, что кражи совершаются большей частью бедными и отчаявшимися людьми, которым право собственности оставило только возможность голодного существования.

Беккариа считал, что наказание вытекает из задач общественного договора и имеет своей целью охрану общественного порядка, защиту личных и имущественных прав членов общества, ибо члены общества уступили часть своей свободы в пользу государства, чтобы оно защищало остальную часть их свободы.

Беккариа выступал ярким противником теории возмездия, так как считал, что целью наказания должно быть предупреждение возможности совершения в дальнейшем преступлений со стороны преступника и удержание других от совершения преступлений.

Так как Беккариа требовал равенства всех перед законом, то он считал, что наказания должны быть одинаковы для всех, что недопустимо, чтобы богатые имели возможность откупаться деньгами за совершенные ими преступления, ибо это создает неравенство членов общества перед законом.

Беккариа требовал, чтобы наказания были гуманными и покоились на справедливости. Он говорил, что только одни законы могут устанавливать наказание. Наказания, переходящие установленные законом пределы, он считал несправедливыми. Устанавливать наказание и характер его применения может только законодатель, который руководствуется соображениями общественного блага. Судья при решении этих столь важных вопросов может иногда руководствоваться личными соображениями. Для устранения личного момента при вынесении приговоров, функции суда должны быть ограничены установлением факта и применением наказания по закону.

Незамедлительность наказания является необходимой для осуществления задач общего предупреждения. Соразмерность между преступлением и наказанием необходима для осуществления уголовного правосудия, так как если тяжкие наказания будут одинаково применяться и за легкие и за серьезные преступления, то люди будут совершать тяжкие преступления.

Беккариа выступал против смертной казни, допуская ее применение лишь в самых исключительных случаях (для защиты «общей свободы» или когда она является единственным средством предупреждения новых преступлений).

Беккариа выступал против религиозной очистительной присяги подсудимого и против пыток. Он считал, что такая присяга находится в противоречии с естественной природой человека и заставляет его лицемерить. Беккариа признавал несправедливым отношение к человеку как к преступнику до судебного приговора, что имеет место при применении пыток.

Беккариа требовал, чтобы рассмотрение дел в суде происходило при открытых дверях.

Развитие Беккариа уголовно-правовые идеи были идеями буржуазной демократии. На этих идеях покоилось уголовное законодательство французской революции.

V. В наиболее острой форме процесс перехода от феодальных отношений к буржуазным и от феодального права к буржуазному происходил во Франции.

«Декларация прав человека и гражданина» французской революции, изданная в 1789 г.¹, содержала наряду с общими программными лозунгами пришедшей к власти буржуазии также и непосредственно уголовно-правовые положения. Среди естественных и неотчуждаемых прав человека декларация на одно из первых мест поместила право собственности (ст. 2). Она установила, что все граждане равны перед законом (ст. 6), что «все, что не воспрещено законом, не может быть возбранено» (ст. 5), что «никто не может быть наказан иначе, как на основании закона, изданного и обнародованного до совершения проступка и примененного в установленном порядке» (ст. 8), что «право собственности нерушимо и священно» (ст. 17).

¹ Б. Утевский, Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и вопросы уголовного права, «Ученые труды ВЮИОН», вып. II, 1940.

Эти идеи нашли свое выражение в первом уголовном кодексе буржуазии Франции 1791 г. Про этот кодекс можно сказать, что он ввел «...новую, буржуазную революционную законность»¹ и что в нем восторжествовавшая частная собственность получила выдержанную и строгую защиту. Этот кодекс наиболее последовательно отразил основные завоевания крупной буржуазии. Принцип легальности (законности), принцип формального равенства всех перед законом, проведение принципа *nullum crimen sine lege*, пропорциональность наказания тяжести преступления, отказ от увечных и бессрочных наказаний, последовательное проведение защиты частной собственности — все это явилось воспроизведением в области уголовного права принципов «Декларации прав человека и гражданина».

Кодекс 1791 г. состоял из двух частей: первая часть, за исключением одного раздела (о давности), была посвящена наказанию, вторая, также за исключением одного раздела (о соучастии), — преступлениям и наказаниям за них, причем характерным для наказаний являлся абсолютно определенный характер санкций. Особенная часть кодекса содержала деление всех преступлений на преступления против публичных интересов и против частных лиц².

VI. Французская буржуазия уже во время революции издает ряд законов, направленных против народа. «Закон против скопищ, или военный закон» 21 октября 1789 г. отразил растущий страх французской буржуазии перед нарастанием революционного подъема народных масс. Закон 14 июня 1791 г. о запрещении собраний и союзов лиц одной и той же профессии (так называемый закон Ле-Шапелье) установил штраф и лишение прав активного гражданства на один год за нарушение введенного этим законом запрещения ассоциаций. Издание этого закона, отнимавшего у рабочих завоеванное ими при помощи революции право союзов, собраний и стачек, Маркс назвал «государственным переворотом»³. Закон 18 июля 1791 г. рассматривал как мятежников и нарушителей общественного спокойствия всех лиц, виновных в подстрекательстве к убийству, грабежам и поджогам или к неповиновению законам путем воззваний или афиш, напечатания или распространения печатных произведений, произнесения речей в общественных местах и собраниях.

Однако развитие французской революции положило предел антинародному законодательству. После восстания 10 августа 1792 г., бывшего преддверием событий 31 мая — 2 июня 1793 г., отдавших власть народным массам, издаются законы: 4 декабря 1792 г. — о том, что каждый, кто предложит или попытается установить во Франции монархию или другое какое-либо правление, посягающее на власть народа, карается смертной казнью; 6 декабря 1792 г. — о применении смертной казни к экспортерам зерна; 16 декабря 1792 г. — о том, что каждый, кто предложит или попытается сломить единство революции, карается смертной казнью; 17 марта 1793 г. — о том, что препятствующие набору в армию караются смертной казнью; 19 марта 1793 г. — об объявлении вне закона всех участников в контрреволюционных смутах и мятежах во время набора в армию; 27 мая 1793 г. — об объявлении вне закона аристократов и врагов революции.

VII. 31 мая — 2 июня 1793 г. восставшие массы Парижа совершили революцию против жирондистов, препятствовавших дальнейшему развитию и углублению революции. Началось господство революционных якобинцев, эпоха революционного террора, проводимого Конвентом⁴.

Законодательство этой эпохи было «не чем иным, как плебейским способом расправы с врагами революции» (Маркс).

Декрет Конвента о подозрительных 17 сентября 1793 г. предлагал арестовать всех подозрительных лиц, находящихся на территории республики и пользующихся еще свободой. При этом подозрительными объявлялись: а) те,

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 609.

² См. М. Исаев, Французский уголовный кодекс 1791 г. «Советское государство», 1942, № 4.

³ См. Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVII, стр. 811.

⁴ См. Арсеньев, Революционный трибунал французской революции XVIII века, «Ученые труды ВЮИОН», вып. II, 1940, Полянский, Судебное законодательство Конвента, «Советское государство и право», 1940, № 1.

кто своим поведением или связями, речами или сочинениями проявлял себя как сторонник тирании, феодализма и враг свободы; б) те, кто не мог удостоверить источник своего существования и факт исполнения гражданских обязанностей; в) те, которым было отказано в выдаче свидетельства о благонадежности; г) государственные служащие, отрешенные или смещенные с должности Национальным Конвентом или его комиссарами и не восстановленные в должности, а именно те из них, которые были или должны были быть смещены на основании закона; д) те, из бывших дворян, которые являлись мужьями, женами, отцами, матерями, сыновьями, дочерьми, сестрами, братьями эмигрантов, или бывшие служащие эмигрантов, если они не проявили настоящей привязанности к республике; е) те, кто эмигрировал в промежуток времени от 1 июля 1789 г. до обнародования закона 8 апреля 1792 г., хотя бы они и вернулись во Францию в срок, предписанный последним законом, или еще до истечения этого срока.

Декрет Конвента о реорганизации революционного трибунала 10 июня 1794 г. установил, что врагами народа являются те, кто посягает силой или хитростью на общественную свободу, а также лица, которые призывают к восстановлению королевской власти, покушаются унизить или распустить Национальный Конвент и революционное республиканское правительство, центром которого Конвент является; те, кто изменяет республике, командуя крепостями и армиями, или, занимая какую-нибудь другую военную должность, стремится вызвать недостаток в снабжении и обслуживании армии; те, кто старается затруднить доставку продовольствия в Париж или вызвать голод в республике; те, кто содействует замыслам врагов Франции, помогая укрывательству и безнаказанности заговорщиков и аристократии, преследуя патриотов и клеветая на них, причиняя вред народным представителям, или извращая революционные принципы, а также мероприятия правительства путем ложных и вероломных поступков. Единственным наказанием для врагов народа по делам, подлежащим ведению революционного трибунала, являлась смертная казнь.

Такова была система террора французской революции, «...настоящего, все-народного, действительно обновляющего страну террора, которым прославилась себя Великая Французская Революция»¹.

VIII. Крупная буржуазия, став у власти, и закрепив те завоевания революции, которые были ей выгодны, становится на путь контрреволюции. Правительство Наполеона Бонапарта было уже правительством, «которое задумало французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии»².

В этих условиях крупная буржуазия в своем уголовном законодательстве могла использовать идеи, выдвинутые классической школой. Однако эти же условия предопределили, что кодекс 1810 г. явился шагом назад по сравнению с уголовным кодексом 1791 г.

Кодекс 1810 г. основывался на следующих принципах: 1) принцип легальности (законности), выразившийся в установлении правила *nullum crimen sine lege*, в создании точных составов преступлений и т. д., 2) принцип формального равенства всех граждан перед законом и свободой, 3) назначение наказаний, пропорциональных тяжести преступлений, 4) признание лишения свободы центральным звеном в системе наказаний и 5) усиленная охрана частной собственности.

В соответствии с буржуазно-демократическим «равенством» кодекс 1810 г. не устанавливал никаких формальных привилегий для одних классов и ограничений для других, но фактически основные постановления кодекса (государственные преступления и преступления против собственности) всей тяжестью обрушивались на трудящихся.

Другое положение классической школы — никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и обнародованного раньше преступления и законно примененного, — полностью отражено в ст. 4 кодекса. Что же

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 151.

² Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, 1937, стр. 12.

касается защиты буржуазной собственности, то не только специальные разделы кодекса о преступлениях против собственности, но и весь кодекс проникнут последовательно проведенной до конца защитой частной собственности.

Уголовный кодекс 1810 г. содержит «предварительные постановления» и четыре части. Первые две части составляют вместе с предшествующими им «предварительными постановлениями» то, что принято называть Общей частью. Третья часть составляет то, что мы называем Особенной частью. Разделение этой части на разделы «Преступления и проступки против публичного интереса» и «Преступления и проступки против частных лиц» в высшей степени специфично для буржуазного уголовного права, резко противопоставляющего публичные и частные интересы, публичное и частное право. Четвертая часть посвящена полицейским нарушениям и наказаниям за них.

Уголовный кодекс 1810 г. содержит развитую систему наказаний, отличающую от системы наказаний феодального уголовного права. Основной мерой наказания в уголовном кодексе 1810 г. является лишение свободы в разнообразных формах, что не исключает, конечно, и широкого применения смертной казни, в особенности к так называемым политическим преступникам. Однако наряду с этими принципиальными отличиями кодекса 1810 г. от феодального уголовного права, кодекс этот восстановил и такие меры наказания феодального общества, как клеймение и отсечение правой руки отцеубийцам.

По уголовному кодексу 1810 г. наказания делятся на уголовные, исправительные и полицейские. Уголовные наказания в свою очередь делились на наказания собственно уголовные, соединенные с опозорением осужденного, и наказания только позорящие. К первым относились смертная казнь, пожизненные каторжные работы, депортация, срочные каторжные работы и смирительный дом. К этим наказаниям могли присоединяться клеймение и конфискация всего имущества. Смертная казнь предусматривалась в отношении как уголовных, так и политических преступников. К позорящим наказаниям кодекс 1810 г. относил выставление у позорного столба (отмененное с 1832 г.), изгнание и лишение прав состояния. Исправительные наказания — это тюремное заключение, лишение на срок определенных гражданских или семейных прав и штраф. Осуждение к пожизненным каторжным работам или к депортации влекло за собой так называемую гражданскую смерть (отмененную в 1854 г.), т. е. потерю навсегда всех гражданских прав.

Определение французского кодекса 1810 г. как классического кодекса буржуазии оправдало себя в течение более чем столетия его существования, и уголовное законодательство большинства других стран, в которых буржуазия приходила к власти, в большей или меньшей степени воспроизводило, а иногда и полностью заимствовало положения уголовного кодекса 1810 г.

IX. Классическая школа уголовного права явилась продуктом уголовно-политических воззрений буржуазии XVIII—XIX вв. Воззрения этой школы органически вытекали из общей системы воззрений буржуазии того периода. Учение классической школы являлось во всех странах орудием борьбы буржуазии против неравенства и произвола феодального строя. Однако эта школа в своем развитии проделала большую эволюцию. Между первоначальными воззрениями этой школы, как они были сформулированы французскими просветителями, материалистами и Беккариа, и между воззрениями Канта, Гегеля и др. имеются большие различия. В первом случае воззрения классической школы были воззрениями революционной буржуазии, во втором — они выражали воззрения буржуазии экономически неразвитой Германии, искавшей соглашения с феодальным дворянством. Различия в учении классической школы являются отображением состояния буржуазии на различных этапах экономического и политического развития. В соответствии с этим классическая школа формулировала свои политические требования, в соответствии с этим она строила и свое уголовно-правовое учение. Это различие надо иметь в виду, говоря о классической школе уголовного права¹.

¹ А. Пионтковский, Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте, 1940 г., Ошерович, К вопросу об уголовно-правовых воззрениях Ансельма Фейербаха, «Ученые записки ВЮИОН», 1941 г.

Для развития классической школы XIX в. большое значение имели общеправовые воззрения и уголовно-правовое учение Канта (1724—1804).

Основную черту философии Канта Ленин видел в противоречии материализма и идеализма: «Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе познаваемой, трансцендентной, потусторонней, — Кант выступает как идеалист»¹.

Предметом научного познания, с точки зрения Канта, является лишь то, что дано нам на опыте, в наших чувственных восприятиях. Мы познаем мир таким, каким он нам представляется. Наряду с этим Кант утверждал существование потустороннего мира, лежащего за пределами нашего опыта, — мира, который нельзя научно познать, но который можно мыслить и в существование которого можно верить. К этому миру Кант относил и свободу воли, существование которой нельзя научно доказать, но тем не менее нужно принять в качестве постулата при оценке всего практического поведения человека. Правила о должном поведении человека Кант называет императивами. Безусловное и абсолютное веление разума о должном поведении человека Кант называет категорическим императивом. Категорический императив требует, чтобы человек всегда действовал согласно правилу, руководствуясь которым, он в то же время мог бы желать, чтобы оно стало всеобщим законом для всех разумных существ.

Категорический императив Кант кладет в основание как нравственности, так и права. В отношении права категорический императив требует совмещения свободы каждого человека со свободой всех. Преступление есть нарушение свободы всех и тем самым нарушение закона, иными словами, преступление является нарушением категорического императива в его юридическом выражении. Так Кант дает философское обоснование положению классической школы, что преступление есть нарушение закона, что преступление — понятие юридическое.

Все преступления Кант разделял на публичные и частные. Такие преступления, как разбой, кража, подделка векселей, изготовление фальшивых монет, Кант относил к публичным преступлениям, потому что ими ставится в опасность общее благо, а не отдельные лица. К частным преступлениям Кант относил присвоение вверенных для торговли денег и товаров, обман при купле и продаже, совершаемый на глазах другого человека, и т. п. Эти преступления подсудны не уголовным, а гражданским судам.

Если преступление, по мнению Канта, является нарушением уголовного закона, есть вместе с тем нарушение требований категорического императива, то и наказание в свою очередь также является требованием категорического императива. Наказание является последствием преступления как нарушения категорического императива в его юридическом выражении.

Осуществление наказаний есть осуществление требования высшего нравственного закона, без которого государство не может существовать. Нельзя при обосновании наказаний исходить из каких-либо практических целей. Категорический императив не допускает, чтобы человека как разумное существо, одаренное свободной волей, рассматривали как средство для достижения каких-либо целей. Оно может быть только целью в самом себе. Преследовать при осуществлении наказания практические цели — значит низвести человека до уровня вещи или животного. Но наказание, являясь осуществлением требований категорического императива, требований справедливости, наряду с этим защищает права личности преступника как разумного существа.

Исходя из категорического императива, нельзя обосновать никакими практическими соображениями и освобождение преступника от наказания.

Наказание, по мнению Канта, является актом воздающей справедливости, воздаяния равным за равное, выражающегося в принципе талиона «око за око, зуб за зуб». Преступник должен лишиться того блага, которого он лишил своим преступлением другого, например, за изнасилование преступник должен быть кастрирован, за убийство должен быть казнен, за оскорбление — принести публичное извинение, сопровождающееся пожатием руки потерпевшего, и т. д.

¹ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 162.

Неприменение наказания противоречит принципам справедливости, поэтому если бы общество по согласию всех своих членов решило распустить себя, то должен был бы быть предварительные казни последний находившийся в тюрьме убийца, чтобы этим осуществить справедливое воздаяние и чтобы кровавый долг не остался лежать на народе, не выполнившем это наказание. В противном случае надо было бы рассматривать народ как соучастника в нарушении справедливости.

Кант являлся сторонником смертной казни не только за убийство, но и за государственные преступления. Он считал, что смертной казни в этом случае должны подвергаться не только исполнители, но и соучастники.

Ж. Ансельм Фейербах (1775—1833) — известный немецкий криминалист. Его работы, появившиеся на рубеже XVIII и XIX вв., имели огромное значение для развития буржуазной науки уголовного права.

Фейербах исходил из того положения, что гражданское общество создается благодаря соединению воли и сил отдельных лиц в целях обеспечения взаимной свободы всех. Гражданское общество, организованное путем подчинения всех общей воле, выраженной в конституции, является государством. Цель государства — создание правового состояния, т. е. совместное существование людей по закону и праву. Оно имеет своей задачей обеспечение свободы всех и каждого гражданина в отдельности. Государство после своего образования не становится над общей волей, а подчиняется ей.

Нарушения права противоречат цели, поставленной государством; поэтому необходимо, чтобы в государстве эти нарушения вообще не имели места. Отсюда, заключал Фейербах, государство имеет право и обязано принимать меры, благодаря которым нарушения права сделались бы невозможными. Эти меры должны быть по необходимости принудительными. К ним относится прежде всего физическое принуждение государства, устраняющее нарушения права двояким способом: 1) предупреждая не оконченную еще обиду, заставляя дать обеспечение лицу, которому угрожают, или непосредственно парализуя физические силы обидчика, стремящегося совершить нарушение права, или 2) следуя за обидой, добиваясь от обидчика возвращения захваченного или соответствующего удовлетворения. Но физического принуждения недостаточно для предупреждения нарушений права, так как предупредительное его применение возможно лишь в тех случаях, когда государство имеет основания предполагать, что правонарушение безусловно или вероятно будет иметь место. Последующее же принуждение возможно лишь при тех правонарушениях, предметом которых является возместимое благо. Наряду с физическим принуждением должно существовать и психическое.

Все нарушения, говорил Фейербах, своим психологическим источником имеют чувственность. Человек действует по известным мотивам, которые заключаются в представлениях о наслаждении.

Из этого вовсе не вытекает, что человек свободно совершает преступления. Это свидетельствует о том, что он слепо поддается чувственным побуждениям. Чем сильнее побуждение, влекущее к преступлению, тем больше и опасность будущих преступлений. Эта опасность и в объективном и субъективном отношениях служит основанием для юридического вменения и наказания.

Чувственное побуждение, говорит Фейербах, можно побороть тем, что каждый будет знать, что за его действием неминуемо последует зло, являющееся большим, чем неудовлетворенное побуждение к совершению действия. Для этого необходимо, чтобы закон установил, какое наказание неизбежно последует за совершением преступления. Каждый должен представить себе определенную связь между причиной и последствием.

Фейербах проводил резкую грань между правом и нравственностью. Он отделял юридическое вменение от нравственного. Человек, говорил Фейербах, есть существо естественное, а следовательно, он подчиняется закону причинности. Исходя из этого, можно заключить, что человеческая воля не свободна, а причинно обусловлена. Если бы человек действовал свободно, вне зависимости от всякой причины, то наказание приобрело бы характер возмездия, а не подчинялось бы законам целесообразности, на самом же деле суть наказания заключается именно в его целесообразности.

Понятие преступления в уголовно-правовом учении Фейербаха вытекает непосредственно из учения об общественном договоре.

Нарушение гражданских свобод, утвержденных общественным договором и обеспеченных уголовными законами, есть преступление, т. е. нарушение права.

Фейербах устанавливал характер преступления в зависимости от объекта посягательства. В том случае, когда объектом преступления является право государства, тогда совершается публичное, т. е. государственное, преступление. Когда объектом преступления являются права граждан, то преступление будет частным.

По мнению Фейербаха, наказание преследует две основные цели. Цель, которую преследует угроза наказанием, содержащаяся в законе, — устрашение всех как возможных нарушителей, дабы они воздержались от правонарушений. Целью применения наказания является утверждение действительности угрозы, содержащейся в законе, так как без применения наказания угроза им была бы бессодержательной.

Правовым основанием угрозы наказанием является совместимость угрозы с правовой свободой тех, кому угрожают. Равным образом необходимости обеспечить права всех является основанием обязанности государства прибегать к угрозе наказанием. Правовым основанием применения наказания является предшествующая угроза закона.

Поэтому, по мнению Фейербаха, не является целью и правовым основанием наказания предупреждение будущих нарушений отдельного обидчика, так как предупреждение не является наказанием и нет никакого правового основания к такой предупреждающей деятельности. Не является целью и правовым основанием наказания и моральное возмездие, так как последнее относится не к юридическому, а к моральному порядку и физически невозможно. Не является целью и правовым основанием наказания и непосредственное устрашение других страданиями преступника от причиняемого ему зла, так как на это не существует права. Не является, наконец, целью и правовым основанием наказания и моральное исправление, так как последнее является целью воспитания, а не наказания.

Главное начало уголовного права состоит в том, что каждое правомерное наказание в государстве является правомерным следствием закона. Таким образом, применяемое наказание должно основываться на законе. «Без закона нет наказания, без преступления нет наказания». Преступление, против которого законом указана определенная угроза, наказание служит причиной осуществления этого наказания. Ни одно преступление не должно оставаться без законного наказания. Критерием в определении наказания служат как объективная, так и субъективная стороны преступления. В объективном отношении наказание определяется степенью важности права, нарушаемого преступлением, а в субъективном отношении — степенью опасности чувственных побуждений.

XI. Другим крупнейшим идеологом германской буржуазии начала XIX в. был известный немецкий философ идеалист Гегель (1770—1831). Гегель, так же как и Кант, оказал большое влияние на развитие классической школы уголовного права.

Характерная особенность гегелевской философии заключается в ее методе — методе идеалистической диалектики. Гегелевская философия стоит на точке зрения объективного идеализма.

Гегель выступал защитником буржуазного государства, буржуазной системы собственности и личности. Гегель шел на компромисс с существующим в Германии порядком, с дворянством и стремился оправдать прусскую монархию.

Несмотря на реакционные выводы, которые делал Гегель, его учение имело огромное значение в развитии буржуазного учения о праве и государстве. При всей своей абстрактности и отвлеченности труд Гегеля «Философия права» представляет собой высшую ступень в развитии буржуазной правовой мысли первой половины XIX в. В «Философии права» Гегеля объективный идеализм пронизывает все рассматриваемые им вопросы. Под углом зрения объективного идеализма и идеалистической диалектики он рассмат-

ривал вопросы морали, преступления, наказания, вины и т. д. Право в его концепции является наличным бытием свободной воли.

Преступление направлено не против права отдельного лица, а против разумного, всеобщего, содержащегося в праве, поэтому преступление как отрицание права, есть нечто неразумное. Как отрицание права оно должно в свою очередь подвергаться отрицанию для утверждения силы и неизбежности права. Это достигается наказанием. Таким образом, наказание есть отрицание отрицания.

Основным моментом в уголовно-правовом учении Гегеля является проблема наказания. С точки зрения Гегеля, наказание есть не только орудие в руках государства для восстановления нарушенного права, но вместе с тем и право самого преступника. Остановившись на вопросе о применении наказания, Гегель писал: «В том, что мы рассматриваем наказание, как заключающее в себе его собственное право, сказывается, что мы почитаем преступника как разумное существо. Эта честь не воздается ему, если мы не заимствуем из самого его преступления понятия и мерила его наказания; и столь же мало мы воздаем ему эту честь, когда мы рассматриваем его как вредного зверя, которого нужно обезвредить, или когда мы его наказываем в целях устрашения и исправления»¹.

В этих словах изложены основные принципы уголовно-правового учения Гегеля. У Гегеля применение наказания обуславливается требованием права и свободы самого правонарушителя.

Нельзя обосновывать наказание утилитарными соображениями необходимости предупреждения защиты общества от будущего преступления, исправления преступника и т. д. Подобного рода теории, отдельные внешние черты наказания объявляют за сущность самого наказания. Сущность наказания может быть понята, исходя из самого существа права, требующего воздаяния за нарушение права. Теория воздаяния есть единственное основание правосудия, так как этим путем восстанавливается владычество нарушенного права и вместе с тем оказывается уважение лицу, совершившему преступление.

Таковы были философские основы, на которых покоились основные положения классической школы в XIX в.: свобода воли как основание уголовной ответственности, справедливое воздаяние за совершенное преступление, принцип «нет преступления и наказания без указания о том закона» и охрана буржуазного государства и частной собственности.

§ 10. Уголовное право и теория уголовного права конца XIX и начала XX века

1. Период от франко-прусской войны и Парижской Коммуны до победы Великой Октябрьской социалистической революции был периодом «...начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской Коммуны, перерастания старого «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества»².

Пролетариат переходит в этот период к организованным формам сопротивления. Гигантскими шагами вырастает классовое самосознание пролетариата, мощно растет революционное движение, классовая борьба пролетариата принимает все более организованные формы.

Рост революционного движения, с одной стороны, и увеличение в связи с обнищанием масс и ростом резервной армии капитализма общеуголовных преступлений, в особенности рецидива, — с другой, сопровождалось усилением борьбы господствующей буржуазии с этими явлениями.

Буржуазия борется с ростом сопротивления пролетариата двумя методами: «Во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод не-

¹ Гегель, Философия права, Соч., т. VII, 1934, стр. 118.

² Сталин, Киров, Жданов, Замечания о конспекте учебника новой истории в сборнике «К изучению истории», 1937, стр. 26.

примиримого отрицания реформы... Второй метод — метод «либерализма», шаг — в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д. Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злобному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения¹. Эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях.

Эта двойственная тактика буржуазии выразилась в данный период в области уголовного права, с одной стороны, в усилении репрессии, а именно в исключительном законодательстве (германский исключительный закон против социалистов), во введении суровых законов, направленных на борьбу с рецидивом (французский закон о ссылке рецидивистов в Гвиану), а с другой — в издании либеральных законов (законы об условном осуждении и о досрочном освобождении во Франции, Бельгии, США и других странах).

II. Антропологическая школа возникла после поражения Парижской Коммуны, — в эпоху обострения классовых противоречий и роста преступности².

Антропологическая школа пришла на смену классической школе. Однако эту смену нужно понимать относительно, как относительно нужно понимать и смену антропологической школы школой социологической. В буржуазном уголовном праве и до настоящего времени находят отражение принципы классической, антропологической и социологической школ.

Главной антропологической школы был Ломброзо (1836—1909). Основное произведение Ломброзо — «Преступный человек». В первой части этой работы Ломброзо утверждает, что преступления существуют и среди низших организмов — растений и животных. Что касается преступников-людей, то они, по мнению Ломброзо, отличаются от не преступников особыми, им одним присущими анатомо-физиологическими и психическими особенностями. Это — «прирожденные преступники». Для них якобы характерны особое строение черепа и отдельных его частей, а также другие анатомо-физиологические особенности. Ломброзо уверял, что у преступников мозг приближается по весу к мозгу душевнобольного. Преступник своим физическим складом напоминает дикаря. Строение мозга у преступников нередко напоминает форму мозга низших животных. По росту преступники бывают значительно выше среднего нормального человека. Грабители, убийцы и поджигатели обладают большей частью крупным телосложением. Винозные в подлоге и поджигательстве чаще других преступников бывают со сторбленным туловищем. Преступники обладают особой для различных видов преступлений физиономией. У воров наблюдаются подвижность лица и рук, блуждающие глаза, у преступников в области половых отношений — блестящие глаза, изнеженные черты лица и т. д. Ломброзо указывал на нравственную нечувствительность преступников, чрезмерное тщеславие, мстительность, жестокость, страсть к вину и т. д.

Большое место в учении о преступлении Ломброзо отводил климатическим условиям и расовым признакам. Он считал, например, что на преступнике сказываются климат, время года, температура, географические условия и т. д. Ломброзо указывал также что преступники — люди низшей расы, и отождествлял природного преступника и нравственно-помешанного.

Таким образом, в отличие от классической школы уголовного права, рассматривавшей преступление как явление юридическое, антропологическая школа рассматривала преступление как явление биологическое. Антропологическая школа отказалась, по существу, от изучения уголовного права, поставив на место изучения юридических вопросов исключительно изучение преступности как биологического явления. Так, например, вместо разработки и классификации составов преступлений школа занялась изучением

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 7—8.

² Э. Ферри, Уголовная социология. Перевод с пятого французского издания под ред. проф. Познышева, 1908, и с четвертого итальянского издания проф. Дриля, 1910; Б. Ошерович, К постановке вопроса о методологических основах антропологической школы уголовного права, «Проблемы уголовной политики», кн. III, 1937.

и классификацией преступников. Под этим именно углом зрения было построено и все учение антропологической школы. Отсюда же вытекали и все практические предложения этой школы. Так, коль скоро преступность является врожденным свойством человека, не зависящим от влияния общественной среды, она представляется столь же естественно необходимым явлением, как рождение, смерть, болезни. Отсюда вытекало положение о несправимости преступников. Это положение в свою очередь давало антропологической школе основание для выдвижения реакционных практических предложений в области организации репрессий.

Отказавшись от понятия преступления как понятия юридического, антропологи должны были отвергнуть и взгляд на наказание как на юридическое последствие преступления. Это приводило, с одной стороны, к отказу от принципа соответствия между тяжестью наказания и тяжестью преступления, а с другой — к обоснованию репрессии как меры, преследующей исключительно задачи предупреждения преступлений и сводящейся либо к физическому уничтожению преступников, либо к пожизненной их изоляции от общества. Поэтому видное место среди мер борьбы с преступностью у антропологов занимает смертная казнь. За ней следуют пожизненное заключение и другие формы изоляции врожденного преступника. В связи с этим находились и такие реакционные практические предложения антропологической школы, как отказ от суда присяжных, от принципов гласности и состязательности в уголовном процессе и предложение замены суда административно-медицинскими комиссиями. Задачей этих комиссий должно было быть установление наличия или отсутствия биологических признаков преступника и при их наличии избрание наиболее целесообразной меры, которая могла бы, по мнению комиссии, обезопасить общество от преступника.

Первоначально антропологическая школа пользовалась популярностью среди определенной части криминалистов, психиатров, врачей и биологов, но впоследствии подверглась резкой критике со стороны самих буржуазных ученых. Исследования, произведенные психиатрами, биологами и врачами над преступниками, показали, что в действительности нет ни одного антропологического признака, по которому можно было бы отличить преступника от не преступника.

Но не это одно сделало антропологическую школу в тот период неприемлемой для буржуазии. Не столько ее антинаучность, сколько несоответствие политическим особенностям эпохи перехода к империализму и неприемлемость ее практических предложений повели к тому, что буржуазия не могла воспользоваться учениями этой школы. Антропологическая школа односторонне преследовала только задачу реакционной тактики буржуазии, совершенно упуская из виду, что в то время буржуазия была вынуждена сочетать реакционную тактику с тактикой «либеральной». Поэтому антропологическая школа, удовлетворяя требованиям только одной части буржуазии, а именно реакционной, не могла удовлетворить потребности остальной ее части. Это же обстоятельство делало неприемлемыми и практические предложения этой школы в области репрессии.

Наконец, к этому же приводил и отказ ее от таких необходимых для либеральной буржуазии институтов, как наказание, пропорциональное тяжести преступления, вина, вменяемость и др.

В силу этих обстоятельств антропологическая школа в период ее появления и на всем протяжении XIX в. не оказала сколько-нибудь заметного влияния на законодательство. Это лишний раз подчеркивало всю политическую и теоретическую неприемлемость этой школы в тот период. Свое влияние эта реакционная школа могла оказать и действительно оказала значительно позже, уже после первой империалистической войны и в особенности на уголовную политику германского фашизма.

В учении антропологической школы, в особенности более поздних этапов ее развития, отчасти имелись уже элементы так называемой социологической школы. Виднейший представитель антропологической школы Ферри (1856—1929) стоял на грани между антропологической и социологической школами. Ферри вначале был сторонником учения Ломброзо. Впоследствии он признал это учение односторонним и пытался сочетать его с теорией социальных фак-

торов преступности. Каждое преступление, по мнению Ферри, есть результат взаимодействия индивидуальных, физических и социальных факторов. Так, например, Ферри считал, что социальные причины преступности оказывают влияние преимущественно на воровство и менее на убийство и изнасилование; убийство и изнасилование являются преимущественно продуктом личных особенностей преступника.

Теория уголовной ответственности Ферри должна была обосновать потребность буржуазного государства эпохи империализма в усилении репрессии. Ферри отказался, по сути дела, от принципов буржуазной демократии в области уголовного права.

III. Социологическая школа явилась выразителем двойственной тактики буржуазии в области уголовного права. Эта школа, несмотря на весь ее эклектизм, явилась самостоятельным направлением в науке уголовного права¹.

Социологическая школа в учении о преступности исходила из социальных отношений. Она признавала, что преступление есть социальное явление, но вместе с тем утверждала, что факторы преступности не исчерпываются общественными отношениями, а включают в себя и факторы биологические.

Классовая природа преступления благодаря принятому социологической школой «методу» исследования, основанному на теории факторов, не только не раскрывалась, но, наоборот, всемерно затушевывалась.

Беспринципность и эклектизм социологической школы приводили ее к компромиссам то с классической, то с антропологической школой.

Главным представителем социологической школы являлся Лист (1851—1919), который на протяжении десятилетий выступал в роли ее вождя и идеолога. Учение и взгляды Листа наиболее характерны для социологической школы.

Лист в докладе «Преступление как социально-патологическое явление» (1898 г.) говорил, что преступление можно рассматривать с двух точек зрения — с технико-юридической и естественно-научной.

Технико-юридическая точка зрения на преступление ставит задачу установить в действиях лица определенный состав преступления.

Естественно-научная точка зрения ставит задачу исследовать причины преступления. Преступление должно изучаться двояким путем — биологическим и социологическим. С биологической точки зрения, преступление, по мнению Листа, есть явление в жизни отдельного человека, которое должно быть объяснено его индивидуальными свойствами. Биологическому изучению преступления должно быть противопоставлено изучение преступления с точки зрения социологической, рассматривающей преступление как явление в жизни общества и объясняющей его общественными условиями. Таким образом, каждое преступление есть продукт и личных свойств человека и общественных условий.

Социологическая школа, говоря об общественных, в частности экономических, факторах преступности, имеет в виду не экономическую структуру данного классового общества с его классовыми противоречиями в целом, а отдельные явления общественной жизни, оторванные от всей экономической и социально-политической структуры этого общества.

Сторонники теории факторов преступности занимались исследованием влияния на преступность климата, температуры, времени года, расы, национальности, религии, нравственности, образования, пола, возраста, различных социальных причин и т. д. Эти исследования маскировали классовую сущность преступности и игнорировали то, что капиталистический строй является основной причиной преступности. Когда криминалисты-социологи говорят о бедности, нищете, плохих материальных условиях существования, как причине преступности, то этими утверждениями они ни в коей мере не становятся на позиции подлинно научного анализа, так как основная причина преступности — существование капиталистического строя — остается у них совершенно не раскры-

¹ См. Лист, Наказание и его цели, русский перевод, 1895; Его же, Учебник уголовного права, часть Общая, русский перевод, 1903.

той. Поэтому социологическая школа и бессильна вскрыть действительные причины преступности.

Так как, по мнению социологической школы, преступление — не продукт свободной воли, а необходимый результат социальной обстановки, в которой вырос и живет преступник; то не может быть и речи о наказании как возмездии. Понятия ответственности, вменяемости и вины должны быть исключены из уголовного права и заменены понятиями опасного состояния преступника и обеспечения общества. Преступник, совершая преступление, проявляет себя как опасное для общества лицо, и общество должно стремиться обезопасить себя от него путем наказаний. Поэтому социологическая школа противопоставляет наказанию-возмездию наказание-меру безопасности. Таким образом, для социологической школы наказание имеет своим объектом не преступление, а преступника.

Теория опасного состояния и предложение о введении мер безопасности идеологически обосновали возможность усиления уголовной репрессии. Реакционные стороны социологической школы дали реакционной части буржуазии впоследствии возможность использовать эту теорию для расправы не только с уголовными преступниками, но и со своими политическими противниками в лице представителей трудящихся классов. Вместе с тем, однако, социологическая школа в соответствии со своей «либеральной» тактикой выдвинула ряд предложений прогрессивного характера: требование введения условного осуждения, условно-досрочного освобождения, прогрессивной системы заключения, введения реформаториев.

Научные разногласия между классической и социологической школами не помешали представителям обоих направлений объединиться при разработке проекта уголовного кодекса Германии: классики соглашались на введение в уголовный кодекс мер безопасности при сохранении наказания-возмездия.

IV. Лист явился наиболее ярким выразителем социологической школы. На протяжении десятилетий он неустанно пропагандировал эти идеи, организовав в 1889 г. вместе с бельгийцем Принсом и голландским криминалистом Ван-Гамелем Международный союз криминалистов.

Программа союза отражала всю эклектичность социологической школы. Задачи его были сформулированы следующим образом: «Международный союз криминалистов защищает тот взгляд, что как преступление, так и средства борьбы с ним должны рассматриваться не только с юридической, но и с антропологической и с социологической точек зрения».

За время своего существования (1889—1914 гг.) союз провел двенадцать съездов. Центральными вопросами, обсуждавшимися на ряде съездов, были вопросы об опасном состоянии и о мерах безопасности.

Во время деятельности союза в ряде европейских стран были организованы национальные группы союза. Тринадцатый международный конгресс должен был состояться в 1915 г., но союз фактически распался с началом мировой войны¹.

V. Уголовное законодательство на континенте Западной Европы во второй половине XIX в. находилось под сильным влиянием либерально-демократических идей французского уголовного кодекса 1810 г. Таковы были германский уголовный кодекс 1870 г., итальянский уголовный кодекс 1889 г. и др. Эти кодексы полностью отражали взгляды классической школы на преступление и наказание. Идеи социологической школы впервые отразились на проектах федерального швейцарского уголовного кодекса. Предварительный проект его былработан проф. Штоссом в 1893 г. Все проекты швейцарского кодекса сохраняли такие основные положения, как *nullum crimen, sine lege* соразмерность наказания преступлению. Но наряду с мерами наказания они предусматривали и меры безопасности в отношении профессиональных преступников, что означало усиление репрессии. Влияние социологической школы сказалось и на норвежском уголовном кодексе 1902 г.

В Германии работы над новым уголовным кодексом начались с 1902 г., когда германские ученые как классики, так и социологи приступили к соста-

¹ П. Люблинский, Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905—1915), 1915.

влению «Сравнительного изложения» германского и иностранного уголовного права» в 16 томах. Предварительный проект был опубликован в 1906 г. Си, как и последующие проекты, носил характер компромисса между идеями классической и социологической школ.

VI. Английское уголовное право представляет особый интерес в силу его совершенно самобытного развития, на что указывал Энгельс¹.

Англия до сих пор не имеет уголовного кодекса, несмотря на то, что еще Бэкон защищал необходимость кодификации гражданского и уголовного права.

Источниками английского права являются так называемое общее право common law и статутное право. Общее право — это право, выработанное судьями. Создавая какое-либо общее правило, судьи иногда лишь закрепляли принципы, происхождение которых скрывается в сумерках феодальных англосаксонских учреждений. «Формально, — пишет проф. Полянский, характеризуя общее право, — считается, что суд в своих решениях всегда применяет уже существующую норму права, которая лишь извлекается судом из того или другого источника права — закона или обычая. В действительности, это — чистейшая фикция: общее право — это очень значительной своей части есть продукт подлинного судебного правотворчества. Можно, не боясь преувеличения, сказать, что английские суды конкурируют с парламентом в деле создания и преобразования права: очень часто их решениями, хотя, конечно, не прямо, а косвенно, путем толкования общих начал и принципов, изменяются и отменяются постановления законов»². Очень удачно проф. Полянский называет судебное правотворчество буржуазным исправлением феодального законодательства.

До 1827 г. статутное право состояло из множества отдельных законов, изданных парламентом, некоторые из которых имели многовековую давность. В XIX в. значительная часть статуты была консолидирована. Так, статутами 1861 г. были консолидированы постановления отдельных статуты о важнейших преступлениях против личности и имущества. Общая часть не подвергалась никакой кодификации, и вопросы ее разрешаются большей частью на основании положений, выработанных общим правом. На некоторых институтах, как, например, учение об уме и о неосторожности, о соучастии, заметно еще влияние средневековой доктрины.

По процессуальному признаку все преступные деяния делятся на две группы, что более или менее соответствует делению их и по тяжести. Различаются преступные деяния, судебное разбирательство которых пребудет обвинительного акта, и преступные деяния, разбираемые в суммарном порядке. Первую группу можно назвать преступлениями в тесном смысле, вторую — проступками.

Преступления в тесном смысле делятся в свою очередь на три группы: «тризн» (treason) «фелония» (felony) и «мисдиминор» (misdemeanor). Под «тризн» понимается государственная измена, которой охватываются не только посягательства на внешнюю безопасность государства, но и на личность короля, наследника престола и их супруг. «Фелония» — термин феодального права. Так называлось нарушение верности вассалом по отношению к своему сюзерену и обратно. Для вассала такое нарушение связывалось с потерей земельного владения. С течением времени «фелонией» стали называть все преступления, которые влекли за собой конфискацию. В настоящее время «фелонией» считаются все преступления, которые ранее по общему праву влекли за собой конфискацию. За исключением «тризн», все преступления, не подходящие под понятие «фелонии», составляют «мисдиминор». Различие последних от «тризн» и «фелонии» имеет известное значение и в настоящее время. Так, по «тризн» и «фелонии» обвиняемому предоставлено право немотивированного отвода присяжных заседателей, при «мисдиминор» отвод может быть только мотивированным. Обвиняемый в «мисдиминор» имеет право быть освобожденным на поруки, по «тризн» и «фелонии» обвиняемому такого права не предоставляется. Имеются отличия и материально-правового характера. Так, при «тризн» и

¹ См. Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 112.

² Н. Н. Полянский, Уголовное право и уголовный суд в Англии, 1937, стр. 11.

«фелонии» устанавливается различная ответственность соучастников, при «мисдиминор» — одинаковая. Недонесение о «мисдиминор» не наказуемо, «мисдиминор» никогда не влечет за собой смертную казнь.

Английскому уголовному праву известны следующие наказания: смертная казнь, каторга, тюремное заключение, телесное наказание и штраф.

В настоящее время смертная казнь полагается за измену, за поджог военных кораблей, адмиралтейств, арсеналов, складов и за умышленное убийство. Следует иметь в виду, что понятие умышленного убийства — «мердер» (murder — в английском праве шире, чем в континентальном праве. Как «мердер» рассматривается убийство, хотя бы и неосторожное, если оно имело место при совершении «фелонии». Каторга, именуемая в Англии уголовным рабством, пришла в 50-х годах XIX в. на замену ссылки в Австралию. Каторга бывает пожизненной или срочной на срок от трех до 25 лет. Максимум устанавливается отдельными статутами за те или иные преступления. При каторге допускается досрочное освобождение по отбытии мужчинами трех четвертей и женщинами — двух третей наказания. Тюремное заключение по общему праву назначается на срок не свыше двух лет, такой же максимальной срок назначается и статутами. Минимум тюремного заключения — один день.

Телесное наказание (порка) применяется только к мужчинам, не по общему праву, а на основании статут. Оно может быть применено при таких преступлениях, как разбой, сутенерство и некоторые другие преступления. Ранее порка производилась публично, теперь это вышло из употребления. Сечение производится девятихвостовой кошкой или березовыми прутьями. Число ударов не должно превышать пятидесяти.

Штраф занимает в английской карательной системе чрезвычайно большое место. Все преступные деяния, являющиеся по общему праву «мисдиминор», могут наказываться штрафом. По статутному праву многие «мисдиминор» также наказываются штрафом. Закон 1914 г. в целях разгрузки тюрем от попадающих в них за неуплату штрафа обязал при назначении штрафа принимать во внимание имущественное положение осужденного и предоставил возможность отсрочки платежа. Законом 1935 г. установлено, что замена штрафа при неуплате тюрьмой не должна быть автоматической, суд должен в этих случаях выносить специальное постановление.

Поражения прав в качестве дополнительного наказания после отбытия основного наказания английское право не знает, но присуждение к каторге влечет за собой потерю государственных и общественных должностей и ограничение гражданской дееспособности во время отбывания наказания.

При назначении наказания суд в Англии пользуется чрезвычайно широкими полномочиями. Абсолютно определенная санкция в виде смертной казни установлена лишь при умышленном убийстве, во всех остальных случаях суд ограничен лишь в максимуме наказания. О широких пределах судейского усмотрения можно судить по тому, что, например, при непредумышленном убийстве суд имеет право выбора между каторгой, тюрьмой и штрафом. Власть суда представляется тем более широкой, что суд может применять и условное осуждение.

VII. В основе уголовного права США лежит английское право, занесенное в Северную Америку первыми колонистами, выходцами из Англии. Хотя и в более ограниченных размерах, чем в США, общее право имеет применение в тех штатах, в которых нет уголовных кодексов. Но и на федеральном уголовном кодексе и на уголовных кодексах отдельных штатов в формулировке положений Общей части и в формулировке значительного числа составов отдельных преступлений сказывается сильное влияние английского права.

Федеральный уголовный кодекс 1909 г. предусматривает сравнительно незначительное число преступлений: посягательства на внешнюю и внутреннюю безопасность федерации, посягательства на ее налоговую систему и т. п. В последние годы компетенция федерации в области уголовного законодательства расширяется, поскольку организованная преступность должна преследоваться на территории более чем отдельного штата. Преступления, предусмотренные федеральными уголовными законами, подсудны особым федеральным судам. Федерация располагает и своими карательными учреждениями.

В области уголовного законодательства отдельные штаты пользуются широкими правами. Отличаясь в частности, в основах своего уголовного право отдельных штатов является однородным.

Из уголовных кодексов отдельных штатов наиболее известным является кодекс штата Нью-Йорк 1881 г. С внешней стороны этот кодекс представляет то своеобразие, что в нем отдельные группы преступлений расположены в алфавитном порядке. При переводе на русский язык получается такая последовательность: оставление беременной женщины без помощи, аборт, адюльтер, подстрекательство к производству аборта, пропаганда анархизма и т. д. Особенной части предпослано несколько десятков положений Общей части, но очень много общих положений помещено в Особенной части в соответствующем алфавитном порядке. Имеются и такие уголовные кодексы, как калифорнийский, по внешнему своему строению вполне напоминающие европейские уголовные кодексы.

Принцип *"nullum crimen sine lege"* является конституционным в США, воспроизводит его и нью-йоркский кодекс. Преступлением (*crime*) по кодексу является действие или бездействие, запрещенное законом и караемое в случае осуждения уголовным наказанием. Все преступления делятся на «фелонии» и «мисдиминор». «Фелонией» является преступление, караемое смертной казнью или заключением в государственной тюрьме, к «мисдиминор» относятся преступления, караемые более легкими наказаниями. Кодекс определяет понятие невинности, покушения, соучастия, необходимой обороны, говорит о действиях уголовного закона во времени и пространстве.

Смертная казнь полагается за «тризну». Это преступление определяется как ведение войны против штата, насильственная попытка свергнуть правительство штата или оказание помощи неприятелю, ведущему войну со штатом. Полагается смертная казнь и за умышленное убийство («мёрдер») «первой степени», которое по своему содержанию соответствует английскому понятию умышленного убийства.

Минимум государственной тюрьмы — один год, в качестве максимума указывается 10, 15 и 20 лет. Предусматривается и пожизненное заключение в государственной тюрьме. Осуждение к заключению в государственной тюрьме влечет за собой потерю политических и общественных прав. Тюремное заключение на срок ниже одного года отбывается в тюрьмах графства. Если в законе не указан размер штрафа, то максимум его кодекс определяет в 500 долларов.

Приговоры к заключению в государственной тюрьме являются относительно определенными. При многократном рецидиве за «фелонии» может быть назначено такое наказание, как тюремное заключение с минимумом в 15 лет и с максимумом в виде пожизненного заключения. Кодекс допускает условное осуждение в довольно широких размерах.

§ 11. Уголовное право иностранных государств в период после первой мировой войны

1. При анализе уголовного права иностранных государств в период после первой мировой войны необходимо исходить из противопоставления стран фашистским странам буржуазной демократии. «Гитлеровцы, — говорил в своем выступлении 6 ноября 1941 г. товарищ Сталин, — являются заклятыми врагами социализма, злейшими реакционерами и черносотенцами, лишившими рабочий класс и народы Европы элементарных демократических свобод. Чтобы прикрыть свою реакционно-черносотенную сущность, гитлеровцы ругают англо-американский внутренний режим плутократическим режимом. Но в Англии и США имеются элементарные демократические свободы, существуют профсоюзы рабочих и служащих, существуют рабочие партии, существует парламент, а в Германии при гитлеровском режиме уничтожены все эти институты. Стоит только сопоставить эти два ряда фактов, чтобы понять реакционную сущность гитлеровского режима и всю фальшь болтовни немецких фашистов об англо-американском плутократическом режиме»¹.

¹ Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 3-е изд., 1943 г., стр. 25.

Различие политического режима стран фашизма от политического режима буржуазно-демократических стран не могло не сказаться на уголовном праве тех и других стран.

II. Еще до захвата власти в 1922 г. итальянские фашисты показали себя настоящими погромщиками, насильниками и убийцами. После захвата власти итальянский фашизм уничтожил парламентский строй, все рабочие организации, свободу печати и вообще все демократические свободы. К противникам фашизма фашистское правительство широко применяло меры внесудебного террора и расправу в административном порядке (ссылка на пустынные острова Средиземного моря). Наряду с этим был использован и судебный террор. Исключительным законом 1925 г., направленным против антифашистов, была введена смертная казнь, отмененная уголовным кодексом 1889 г. В 1930 г. был издан уголовный кодекс, явившийся первым уголовным фашистским кодексом.

Кодекс 1930 г. резко отличается от кодекса 1889 г., отражавшего начала буржуазной демократии в области уголовного права.

Все постановления Общей части фашистского кодекса 1930 г. направлены к тому, чтобы усилить уголовную репрессию. При совокупности преступлений применяется принцип сложения наказаний. Там, где характер наказаний не допускает сложения, суд должен назначить наказание, качественно более тяжкое. Так, при совершении двух преступлений, из которых каждое влечет пожизненную каторгу, назначается смертная казнь. Сужена область применения условного осуждения и досрочного освобождения. Наряду с наказанием введены «меры безопасности» против привычных, профессиональных преступников и «преступников по склонности» в виде интернирования на неопределенный срок после отбытия долгосрочного лишения свободы. Правопоразжения являются большей частью обязательными, притом пожизненными или долгосрочными.

В Особой части кодекса устанавливает смертную казнь и пожизненную каторгу за ряд политических и общеуголовных преступлений. Сурово преследуется участие не только в коммунистических, но и вообще в антифашистских организациях. Уголовному преследованию подлежат и стачки рабочих, хотя бы и чисто экономического порядка. Католическая религия охраняется как господствующая. В области семейных отношений кодекс закрепляет неравноправие женщины.

Одновременно с уголовным кодексом был издан и тюремный кодекс, вводящий в тюрьмах каторжный режим, являющийся режимом сухой гильотины.

III. С захватом немецкими фашистами власти в 1933 г. в Германии в области уголовного права возродилось самое мрачное средневековье. Германские фашисты еще до того прибегали к убийствам коммунистов и революционных рабочих, сходявшим для них совершенно безнаказанно. После провокационного поджога рейхстага по всей стране были разгромлены все рабочие организации, коммунисты были поставлены вне закона, в концентрационные лагеря были брошены десятки и сотни тысяч антифашистов. В полицейских застенках и в концентрационных лагерях были введены утонченные пытки, заключенных не просто убивали, а подвергали умерщвлению самым мучительным способом.

Наряду с внесудебным террором гитлеровское правительство прибегло в самых широких размерах к исключительному законодательству. В первые же месяцы своей власти оно издало законы, носящие такие демагогические названия, как «закон о защите германского народа», «закон против насильственных действий, носящих политический характер», и т. д., уничтожавшие все существовавшие до того демократические свободы Веймарской конституции. Евреи были лишены не только политических, но и элементарных гражданских прав и подвергались неоднократным средневековым погромам. В 1935 г. был издан «закон об охране немецкой крови», карающий каторгой половые сношения евреев с гражданами немецкой или родственной ей крови.

Законом 14 июля 1933 г. единственной легальной партией объявлялась фашистская партия; попытка сохранить организации прежде существовавших партий или создать новую партию каралась каторгой. Закон 13 октября 1933 г. устанавливал каторгу или смертную казнь за покушение на лиц, принадлежащих к фашистским организациям. Законом 24 апреля 1934 г. были значительно повышены санкции за все государственные преступления, расширено приме-

ние смертной казни, в качестве дополнительного наказания установлена конфискация.

В 1933 г. был издан закон, вводивший для профессиональных преступников меры безопасности в виде интернирования на неопределенный срок после отбытия каторги. Этим же законом в качестве дополнительного наказания за ряд половых преступлений была введена кастрация. С 1 января 1934 г. в Германии в широких размерах стала применяться принудительная стерилизация как мера «оздоровления германской расы».

Исключительными законами отменялся ряд положений Общей части уголовного кодекса 1870 г., построенного на буржуазно-демократических началах. Законом 28 июня 1935 г. было отменено основное уголовно-правовое положение буржуазной демократии о том, что «нет преступления без указания о том закона».

«Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира» (Сталин). В задолго задуманной и подготовленной войне им удалось временно поработить Польшу, Францию, Норвегию и другие страны. В оккупированных странах они отнимают у населения имущество и средства питания, обрекают его на голод и вымирание. В борьбе с ненавидящим их населением поработенных стран они прибегают к системе заложников, расстреливают по суду и без суда десятки тысяч людей, не считаясь ни с полом ни с возрастом, насилюют и убивают потом женщин. В войне с СССР они нагло попирают все правила международных конвенций об обращении с военнопленными: они убивают раненых красноармейцев, подвергают попавших к ним в плен пыткам, доводят их в концентрационных лагерях до голодной смерти.

В докладе, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, товарищ Сталин привел одно из обращений немецкого командования к солдатам, в котором говорится: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки».

«Вот вам, — сказал товарищ Сталин, — программа и указания лидеров гитлеровской партии и гитлеровского правительства, программа и указания людей, потерявших человеческий облик и павших до уровня диких зверей».

Грозными обвинительными актами против озверелого фашизма является нота г. Молотова от 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях», направленная всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, и нота такого же содержания от 27 апреля 1942 г.

В докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1942 г., говоря о наших задачах, товарищ Сталин сказал:

«Гитлеровские мерзавцы взяли за правило истязать советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них. Они насилюют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер. Они задались целью обратить в рабство или истребить население Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Кавказа. Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей. Но это не все. Они покрыли Европу висельниками и концентрационными лагерями. Они ввели подлую «систему заложников». Они расстреливают и вешают ни в чем неповинных граждан, взятых «под залог», из-за того, что какому-нибудь немецкому животному помешали насиловать женщин или ограбить обывателей. Они превратили Европу в тюрьму народов. И это называется у них — «новый порядок в Европе». Мы знаем виновников этих безобразий, строителей «нового порядка в Европе», всех этих новокспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответ-

ственности за свои преступления и не миновать каравшей руки замученных народов»¹

IV. В странах буржуазной демократии уголовное законодательство в послевоенный период исходило из тех же принципов буржуазной демократии, что и в довоенное время, то есть из принципа равенства всех перед законом, принципа «нет преступления без указания о том в законе», принципа образования точных составов преступления и т. п.

Во Франции продолжал действовать Уголовный кодекс 1810 г., изменяемый и дополняемый отдельными законами. Так, закон 24 июня 1939 г. отменил публичность смертной казни, закон 17 июня 1938 г. отменил ссылку в каторжные работы (в Гвиану). Отныне каторга должна была отбываться в метрополии, в «центральных домах». В области законодательства о несовершеннолетних закон 29 июля 1921 г. развил положения закона о детских судах и о надзоре 1912 г. Закон 29 июля 1939 г. установил более усиленную охрану государства от посягательств на внешнюю безопасность страны и т. д.

В Англии на основании изучения 25-летней практики применения «закона о детях 1908 г.» парламентом был принят в 1933 г. «закон о малолетних и несовершеннолетних». Начало уголовной ответственности устанавливается в 8 лет, но до 14 лет несовершеннолетний не может быть помещен в тюрьму, а от 14 до 17 лет лишь в том случае, если суд придет к заключению, что он столь непокорного характера или настолько испорчен, что его нельзя поместить в специальное убежище. Лишение прав, каторга неприменимы к не достигшим 17 лет, а смертная казнь — к не достигшим 18 лет. Вместо смертной казни суд приговаривает таких лиц к лишению свободы на срок «по усмотрению его величества» — фактически министра внутренних дел. Широко должна применяться к несовершеннолетним отдача на попечение родственникам и другим благонадежным лицам, под которыми понимаются и местные органы образования и воспитания. В более трудных случаях несовершеннолетние могут помещаться в особые школы закрытого типа, состоящие под правительственным надзором.

Наиболее значительным кодексом первой половины XX века, отразившим идеи буржуазной демократии в области уголовного права, является Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. Начало работе над этим кодексом было положено профессором Штоссом, издавшим в 1893 г. предварительный проект Швейцарского уголовного кодекса. Проект отражал в себе новые влияния науки уголовного права, сочетая начала классической школы с некоторыми положениями социологической школы. Проект 1893 г., как и дальнейшие официальные проекты (1896, 1903, 1908, 1916, 1918 гг.), привлекали к себе усиленное внимание ученых и использовались при законодательных работах в буржуазно-демократических странах.

Швейцарский уголовный кодекс был принят законодательными палатами 21 декабря 1937 г. и подвергнут согласно швейцарской союзной конституции народному референдуму 3 июля 1938 г., которым он и был одобрен огромным большинством. В действие кодекс вступил 1 января 1942 г.²

Кодекс по объему очень небольшой, всего 401 статья, что свидетельствует о высокой законодательной технике (Итальянский кодекс 1930 г. включает 734 статьи). Кодекс содержит три книги: «Общие постановления» (Общая часть), «Особые постановления» (Особенная часть) и «О вступлении в силу и применении уголовного кодекса».

Кодекс издан на трех языках — немецком, французском и итальянском, которые являются вполне равноправными в швейцарской федерации. В первой же статье кодекса провозглашается основной принцип буржуазно-демократического уголовного права — *nullum crimen sine lege*. Чтобы резко оттенить этот принцип, кодекс подчеркивает, что наказуемым является лишь тот, «кто совершил деяние, точно запрещенное законом под страхом наказания».

Кодекс различает в зависимости от санкций, три вида преступных действий: преступления, проступки и нарушения. К преступлениям относятся де-

¹ Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, 1943 г., стр. 71.

² На русском языке имеется перевод Лапшиной, Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941 г.

ления, за которые в качестве наказания установлена каторга; деяния, наказуемые тюрьмой, считаются проступками; к нарушениям отнесены деяния, караемые арестом или штрафом.

В основу ответственности положен принцип вины (умысел и неосторожность). Наряду с понятием неумышленности кодекс знает понятие уменьшенной вменяемости, наличие которой влечет смягчение наказания. Осужденному может быть предоставлена рассрочка уплаты штрафа от одного до трех месяцев, штраф может быть также погашен отработкой на государство или коммуны. Наказание при покушении может быть смягчено, при добровольно оставленном покушении виновный может быть вообще освобожден от наказания. Смягчено может быть наказание и для пособников.

Карательная система кодекса является довольно простой. Тягчайшим наказанием является каторга, которая может быть пожизненной и срочной на срок от одного года до 20 лет. Продолжительность тюремного заключения — от трех дней до трех лет, при замене каторги в порядке смягчения наказания — до пяти лет. Продолжительность ареста — от одного дня до трех месяцев. Максимум штрафа — 20 тыс. франков. Если преступление совершено из корыстных мотивов, то суд может назначить штраф и выше этого максимума. Если невменяемый или уменьшенно вменяемый представляет угрозу общественной безопасности или порядку, то суд постановляет об интернировании таких лиц в больницу или убежище. При этом отсрочивается исполнение приговора в отношении уменьшенно вменяемого. Постановление об интернировании приводится в исполнение кантональными властями, которые и определяют порядок содержания интернированных. Сам кодекс содержит принципиальную норму, что интернирование прекращается по миновании причин, его вызвавших.

Осуждение к каторге сопровождается обязательным лишением гражданских прав на срок от 2 до 10 лет. Приговоренный к тюрьме может быть лишен гражданских прав от 1 года до 5 лет, если преступление или проступок свидетельствуют о бесчестных мотивах их совершившего.

Кодекс предусматривает и интернирование привычных преступников. Интернирование заменяет назначенное наказание и является неопределенным в смысле максимума своего срока. Интернирование продолжается не менее трех лет, а если замененное наказание является более продолжительным, то не менее этого срока наказания. По истечении этих сроков интернированный может быть освобожден условно. Если интернированный ведет себя хорошо в продолжение трех лет, то освобождение считается окончательным. Если в течение трехлетнего испытательного срока освобожденный совершит новое преступное деяние или упорно будет нарушать предписанные ему правила, то он может быть интернирован вновь на срок не менее как на пять лет.

Приговор к интернированию влечет за собой лишение гражданских прав на 10 лет.

Кодекс предусматривает возможность условного осуждения при назначении наказания к тюрьме на срок не свыше одного года и к аресту. Условное досрочное освобождение допускается по отбытии двух третей назначенного срока наказания при каторге и тюрьме, но не менее трех месяцев при тюрьме. При пожизненной каторге условное освобождение допускается по отбытии 15 лет наказания. Реабилитация в гражданских правах допускается по истечении двух лет со дня отбытия наказания в виде лишения свободы, если это оправдывается поведением осужденного и если он возместит ущерб, причиненный его преступлением или проступком.

Система Особенной части Швейцарского кодекса отличается от обычной системы буржуазных уголовных кодексов. На первом месте помещены посяательства против личности. Так, раздел первый предусматривает преступные деяния против жизни и телесной неприкосновенности, раздел второй — преступные деяния против имущества, раздел третий — проступки против чести, раздел пятый — преступные деяния против нравственности. Затем идут разделы, предусматривающие посяательства против общества, — преступления или проступки против семьи, общественные преступления и проступки (поджог и т. д.), преступления или проступки против общественного здоровья, против общественных средств сообщения, подделка денег и официальных документов, преступ-

ления или проступки против общественного спокойствия. На третьем месте стоят посягательства против государства (Союза и кантонов), и его органов: преступления или проступки против государства и обороны страны, проступки против народной воли (нарушение избирательных прав), преступные деяния против государственной власти, преступления или проступки, подвергающие опасности отношения с иностранными государствами, преступления или проступки против отправления правосудия, нарушения должностных и профессиональных обязанностей.

Последний (XIX) раздел является как бы приложением к Особенной части кодекса. Он содержит нарушения (в техническом смысле) союзноправовых постановлений, которым противопоставляются нарушения кантональных постановлений, санкции за которые устанавливает кантональная власть в пределах санкций союзного кодекса за нарушения.

Санкции Особенной части относительно определенные с невысокими по общему правилу минимумами. Надо иметь далее, в виду и широкие права, предоставленные кодексом суду в смысле смягчения наказания.

§ 12. Буржуазные теории уголовного права в период после первой мировой войны

I. С различными теоретическими направлениями в области уголовного права мы встречаемся и в послевоенное время.

В Италии еще до мировой войны антропологическая школа пустила прочные корни. В других странах европейского континента она была отодвинута на второй план социологической школой. После войны антропологические идеи нашли благоприятную почву и в Германии. Но идеи эти проповедывались не в их первоначальности, неприкрашенном виде. Внедрялись они под лозунгом необходимости «всеобщего изучения личности преступника» в целях якобы отыскания более рациональных методов борьбы с преступностью и научного построения карательной системы. Поэтому организация всякого рода криминально-биологических центров встретила в Германии и Австрии полную поддержку криминалистов социологов. Первый из таких центров был открыт в баварской каторжной тюрьме Штраубинг в начале 20-х годов. Руководителем этого центра психиатр Фирнштейн, не ссылаясь писал: «Опыт такого исследования означает поворот от односторонней теории среды, достигшей своей высшей точки в материалистической системе Карла Маркса, к биологической точке зрения, исходящей из неотвратимой связи индивидуума с наследством своих предков, которая выявляется только средой».

Проникновению неоломброзианских идей в область уголовного права много содействовали германские и австрийские психиатры Кречмер, Бирнбаум и Фрейд.

В своей основной работе «Строение тела и характер» Кречмер пытается установить существующую якобы связь между физической структурой человека и его психическими особенностями. Кречмер — психиатр, но соответствующие выводы, а именно о «наклонности» к совершению преступлений лиц с определенной физико-психической структурой, были очень скоро сделаны на основе его учения криминалистами. Судебный психиатр Бирнбаум пропагандировал существующую якобы связь между преступностью и психопатией. Идеи, защищавшиеся австрийским психиатром Фрейдом, о подсознательных мотивах и о паллиях в человеке, прикритых только тонким, легко прорываемым слоем навыков, привитых цивилизацией, означали, по существу, возвращение к учению Ломброзо о преступности как проявлении атавизма, только внешне в более научнообразной форме.

Неоломброзианские идеи подготовили почву для чисто расистских идей в области уголовного права. Они вели к оправданию таких мер, как стерилизация и кастрация.

II. Наряду с биологическим направлением значительная роль в германской теории уголовного права послевоенного периода принадлежала социологам, ученикам и последователям Листа. Но среди социологов под влиянием все

обострившейся классовой борьбы в Германии шло расслоение. Только незначительная часть была настолько «радикальна», что осмеливалась открыто причислять себя к сторонникам республиканского режима. Члены немецкой группы криминалистов-социологов представляли настолько различные политические направления, что на последнем съезде группы, осенью 1932 г., проф. Лейспех выступил с открытой защитой фашистских взглядов в области уголовного права.

После прихода к власти фашизма немецкая группа криминалистов-социологов самораспустилась. В своей декларации правление группы указывало, что «национал-социалистическое государство дает действительную возможность планомерной борьбы с преступлениями, чего немецкая группа Международного союза криминалистов тщетно требовала в течение десятилетий». Декларация констатировала с чувством глубокого удовлетворения, что «национал-социалистическая власть в Германии в состоянии доказать решительность в беспощадном искоренении профессиональной преступности, решимость, бывшую долгое время столь мало присущей прежней государственной власти, вопреки преобладанию Международного союза криминалистов о необходимости вести эффективную уголовную политику».

В послевоенные годы в Германии представители классического направления в уголовном праве — неоклассики — продолжали отстаивать свои позиции. Они обвиняли социологов и антропологов в том, что замена понятия преступления понятием опасного состояния и замена наказания мерами безопасности подрывают общепредупредительное действие уголовного закона. Они указывали, что отрицание свободы воли, отрицание идеи справедливого возмездия способствует разрушению традиционных взглядов населения на преступление и наказание, являющихся «государственно-охранительными». В своих «Основах уголовного права» (1921 г.) один из виднейших представителей неоклассиков, кантлянец Зауер, писал, что «отрицание свободной воли и склонность к материализму являются показателями упадка немецкого народа и глубочайшей причиной его поражения в мировой войне». Неоклассики считали, что применение наказания должно в первую очередь преследовать задачи общего предупреждения, что должно было вести к усилению уголовной репрессии.

Неоклассики являлись идеологами той части буржуазии, которая считала, что можно сохранить свое классовое господство, усиливая репрессию, но в рамках легальности, не прибегая к внесудебному насилию. Поэтому неоклассики оставались сторонниками сохранения в уголовном праве таких принципов, как равенство всех перед законом, и положения о том, что «нет преступления без указания о том в законе».

С приходом фашизма к власти неоклассики сошли со сцены, поскольку их идеология в целом, отражавшая хотя и в слабой степени начала буржуазной демократии в области уголовного права, являлась неприемлемой для фашизма.

III. Можно говорить о классической, антропологической и социологической школах и теориях. Но эти понятия совершенно не приложимы к тому, что в настоящее время проповедуется в Германии в качестве национал-социалистической «теории» уголовного права. Германский фашизм внес в уголовное право расовую теорию, теорию о высших и низших расах, которую товарищ Сталин охарактеризовал как «странную теорию, которая также далека от науки, как небо от земли»¹.

Расовое начало находит в уголовном праве свое выражение в расистском объяснении причин преступности, в новых составах преступлений, преследующих цель охраны «чистоты и чести высшей расы», каковой являются немцы, в оправдании таких мер, как принудительная стерилизация и кастрация. Германские фашисты не довольствуются заимствованием предложений антропологической школы, они берут и у социологов реакционную часть их требований, усиливая их драконичность. В поисках авторитетов, которые помогли бы обосновать возвращение к средневековым взглядам в области уголовного

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432. См. также Маньковский, Расовая теория уголовного права германского фашизма, «Проблемы уголовной политики», кн. I, 1935, кн. II, 1936.

права, лидеры национал-социалистской «теории» уголовного права — Дамм и Шафтейн — извлекают на свет брошюру мракобеса Миттельшtedта «Против лишения свободы», опубликованную в 1879 г., на которую либерально-буржуазная теоретическая литература указывала в свое время как на какой-то нелепый отзвук средневековья. Эта брошюра проповедует широкое применение порки, «являющейся более гуманным и более воспитательным средством, чем заключение в тюрьму на несколько недель, месяцев», проповедует восстановление в тюрьмах режима порки и голода, широкое применение «гильотины и топора», восстановление «позорного столба».

Нетрудно видеть, что все эти «теоретические» бредни в применении их на практике приводят к истреблению путем отравления газами окиси углерода в специально оборудованных автомашинах «душегубках» тысяч невинных людей, в том числе больных и детей, в местностях, временно захваченных немецкими фашистами, как это установлено судебным процессом (14—17 июля 1943 г.) по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации.

IV. С началом первой мировой войны Международный союз криминалистов распался и все попытки возродить его, предпринятые по окончании войны швейцарскими криминалистами и Ферри, были обречены на неудачу.

В 1924 г. французские ученые создали в Париже учредительное собрание Международной ассоциации уголовного права. В нем приняли участие ученые Бельгии, Польши, Чехословакии, Греции, Румынии и Италии. Руководство ассоциацией было закреплено за Францией организационно. Юридическим местопребыванием ассоциации являлся Париж, генеральным секретарем должен был быть француз, представителей германской науки не было. Воззвание французских ученых обращалось «ко всем нациям, лояльно принявшим мир и решительно мирно настроенным», какового настроения у германских ученых не было.

В разработке вопросов уголовного права Ассоциация заняла эклектическую позицию. Основное положение ее программы гласило, что «Ассоциация не становится на сторону какой-либо одной из школ криминалистов».

Ассоциация провела ряд международных съездов. На последнем из них (1937 г.) обсуждался вопрос о принципе «*nullum crimen sine lege*» («нет преступления без указания о том закона»). Съезд высказался за безусловное сохранение этого принципа.

Французские ученые и примыкающие к международной ассоциации бельгийские, чехословацкие, югославские, польские, греческие и швейцарские ученые, не говоря уже об английских и американских ученых, являются вообще сторонниками сохранения в уголовном праве принципов буржуазной демократии. Излагая учение антропологической и социологической школ и критикуя их, проф. Видаль в распространенном курсе французского уголовного права пишет: «Опасное состояние определенных преступников нельзя отрицать, оно имеется даже у лиц, не совершивших никакого преступления; но трудно распознать с определенностью такого рода состояние, и было бы тяжким посягательством на индивидуальную свободу и безопасность разрешить судье в связи с каким-нибудь преступлением ставить вопрос о том, находится ли подсудимый в опасном состоянии, и в утвердительном случае применить к индивидууму какую-либо меру безопасности».

Принцип легальности используется у французских криминалистов полным признанием. «Этот принцип, — пишет проф. Ру, — является гарантией свободы, чести и жизни гражданина, гарантией, отсутствовавшей в старом праве и существующей со времени революции». Донеде де Вабр сочувственно цитирует, приводит слова Руссо, что «общий характер закона является лучшей гарантией индивидуального права». Защищается этот принцип и такими видными французскими криминалистами как Гарро и Гарсон.

В Англии либерально-демократические круги издавна интересовались практическими вопросами уголовного права. В 1866 г. в Англии была создана Лига уголовных реформ имени Говарда. Целью Лиги являлась борьба за отмену смертной казни, вообще за смягчение карательной системы, за расширение условного осуждения и связанного с ним патронажа. Лига борется за

улучшение организации детских судов и учреждений для несовершеннолетних преступников. Она пропагандирует гуманную уголовную политику в колониях. Лига имеет отделения в Канаде, Австралии и Новой Зеландии.

В США в послевоенные годы сильно возросло внимание общественности к вопросам практики уголовного процесса, организации судов и учреждений для несовершеннолетних и молодых преступников, к вопросам тюремных реформ и попечительного надзора над освобожденными заключенными. Ни в одной из буржуазных стран общественность не допускается так широко к обследованию деятельности судов и карательных учреждений, как в США. Обследования касаются как отдельных штатов, так и федерации в целом. В обследованиях и в разработке их результатов принимают участие крупнейшие американские ученые. Большую известность приобрели труды супругов Глюк, обследовавших дальнейшую «карьеру» 600 лиц, отбывших наказание в реформаториях для молодых преступников. Либерально-демократические взгляды в области уголовного права защищаются одним из крупнейших криминалистов — проф. Сесерлендом. Их разделяют и более молодые авторы, как проф. Кантор и др.

В первые годы после мировой войны в среде американских психiatров и тюремных практиков довольно широко были распространены неоломброзианские взгляды.

Но при децентрализации тюремного дела в США, вследствие различия в методах обследования поступающих в пенитенциарные учреждения заключенных, довольно скоро выявился произвольный характер зачисления преступников в категории психопатов, дефективных и т. п. Резкие колебания обнаружились при сравнении статистических данных даже за сравнительно небольшой промежуток времени. Так, в одно и то же почти время тюремные учреждения штатов Нью-Йорк и Массачусетс насчитывали среди заключенных 10,0% психопатов, в то время как в таких же учреждениях штата Иллинойс к психопатам относили 88,3%. Резкие колебания обнаружились и при сопоставлении данных за несколько лет, относящихся к одному и тому же пенитенциарному учреждению. Так, в реформатории Эльмайра из поступающих заключенных к эпилептикам было отнесено 19,0% в 1919 г., а в 1929 г. только 0,8%.

Подобного рода расхождения не могли не подорвать доверия к неоломброзианским теориям. Сесерленд пришел в своем курсе, в 1934 г., к заключению, что эти теории научно не более обоснованы, чем теория Ломброзо о том, что преступник — особый физический тип.

ГЛАВА IV

ИСТОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА НАРОДОВ СССР¹

§ 13. Памятники русского уголовного права до превращения русского национального государства в многонациональное государство

Первым из дошедших до нас сборников русских законов является «Русская Правда». «Русская Правда» — памятник Киевского государства XI в., классового общества, в котором основным производителем являлись крестьяне (а не рабы), частично попадавшие в зависимость от землевладельцев². «Русская Правда» предоставляла усиленную охрану интересам землевладельцев и в слабой степени защищала интересы крестьян.

Уголовное право в период феодальной раздробленности (до XVI в.) развивалось путем издания так называемых грамот, предназначавшихся не для всего

¹ См. С. Ю. Юшков, История государства и права СССР, 1940; Любимский, Главнейшие моменты развития уголовного права и суда в дореволюционной России, «Энциклопедия» Граната, т. XXXVI, ч. V; М. Гернет, История царской тюрьмы, т. I, 1940.

² «История СССР», т. I, 1939, стр. 76.

государства, а для отдельных местностей. Наибольший интерес, с точки зрения развития уголовного права, представляют Псковская судная грамота (конец XIV в.), Двинская грамота (1397 г.) и Новгородская грамота (1471 г.).

С образованием и укреплением национального великорусского государства появляется основание для издания сборников права, действующих на территории всех русских земель, такими сборниками явились так называемые судебники. Первым таким сборником был Судебник Ивана III (1497 г.). Царь Иван III (1472—1505) называет себя уже «государем всея Руси». Эпоха его царствования наряду с усилением власти московского царя характеризуется усилением униятия широких масс крестьянства, закреплением общинной системы и развитием процесса прикрепления крестьян к земле.

Иван Грозный (1533—1589), еще более расширивший русское государство, был первым царем, объявившим себя самодержцем. При нем национальное русское государство стало многонациональным. При нем еще более усилился процесс прикрепления крестьян к земле: крестьянам было запрещено уходить от своих владельцев в Юрьев день (день, ранее установленный для выхода крестьян).

Судебник царя Ивана Грозного, изданный в 1550 г., представлял собой исправление прежнего Судебника в соответствии с новыми требованиями. Среди государственных преступлений Судебник Ивана III упоминал крамолу, т. е. измену (наказание — смертная казнь), а Судебник Ивана IV — еще и сдачу города неприятелю (то же наказание). К преступлениям по службе Судебник Ивана III относил прежде всего лихоимство. Судебник Ивана IV уже четко установил такие составы, как отказ в правосудии (наказание — опала), доставление преступнику средств уклониться от суда (понаровка), медленность суда и др.

Развитие в судебниках получила система имущественных преступлений. Здесь мы встречаем татьбу в различных ее формах с наказанием в большинстве случаев смертной казнью; разбой, в случае признания преступника «ведомым лихим человеком» караемый смертной казнью; поджог, приравняемый по тяжести преступления к измене. В Судебнике Ивана IV описан состав грабежа и впервые установлено понятие мошенничества, наказывавшегося как татьба.

Судебники устанавливали следующую систему наказаний: а) смертная казнь, б) телесные наказания, в) лишение свободы, г) опала и д) имущественные наказания (продажа).

Применение смертной казни по судебникам было расширено.

Телесные наказания судебники предусматривали в двух видах: 1) торговая казнь, т. е. наказание преступника кнутом на торговой площади, назначавшаяся главным образом за первую кражу, и 2) битье батогами, назначавшееся за маловажные проступки.

Тюрьма как наказание применялась крайне редко. Как правило, тюрьма применялась только в качестве меры пресечения до суда.

Опала означала всякого рода наказания (кроме казни), назначаемые по усмотрению царя или князя.

Классово-сословное начало сохраняется при установлении наказания и в судебниках.

Судебник 1550 г. предусматривал добавление к нему после его издания «новых дел», разрешенных «с государеву указу и со всех бояр приговору». Эти дополнительные к Судебнику указы вносились в книги теми приказами (ведомствами), к ведению которых тот или иной указ специально относился. Таким образом, создались многочисленные (по числу приказов) книги указов. Для истории уголовного права интерес представляет одна из таких книг — «Уставная книга разбойного приказа», являвшаяся фактически сводом уголовных законов с 1555 по 1631 г. Разбойный приказ должен был заниматься преследованием разбоев и краж, однако фактически круг дел, а вместе с тем и круг вопросов в «Уставной книге разбойного приказа» был шире, так как она охватывала все «лихие дела» вплоть до «душегубства», «поджигательства» и т. п., если они были соединены с разбоем.

§ 14. Уголовное право народов СССР в XIII — XVI вв.

Киликийское государство армянского народа образовалось в конце XI в. и просуществовало до конца XIV в. (1375 г.). Государство это представляло собою феодальную монархию. Сборник законов Киликийского государства, составленный Мхитаром I ошем, относится к концу XII — началу XIII в. В сборнике регулировались вопросы гражданского права, семейного, уголовного и др.

Грузия после владычества в ней монголов, восстановила свое единство в начале XV в. Восстановление это сопровождалось ростом феодальной эксплуатации крестьян и усилением классового угнетения. Законодательными памятниками уголовного права этого периода являются законы царя Георгия VI и законы Беки и Агбуги. Законы эти посвящены главным образом уголовному праву. Уголовное право всех этих законов — право феодальное, основанное на открытом неравенстве. Так, например, по законам царя Георгия VI обида дворянина влекла за собой уплату 150 серебрянников, а обида простого человека — 30 серебрянников. По законам Беки и Агбуги за убийство дворянина полагалась уплата от 12.000 до 20.000 серебрянников, в зависимости от его имущественного положения, а за убийство крестьянина — от 400 до 1000 серебрянников.

В Литовском государстве законодательство начинает развиваться в конце XV в. До того времени здесь действует русское право («Русская Правда» и обычное право Русь). В 1468 г. издается Судебник короля Казимира Ягайловича IV. В 1529 г. вступил в силу Литовский статут, содержащий нормы не только уголовного права, но и гражданского, судебного и др. В 1556 г. был издан второй, а в 1588 г. — третий статут. Уголовное право литовских статутов — также феодальное уголовное право, усиленно защищавшее интересы шляхты и предоставлявшее слабую защиту интересам крестьянства.

§ 15. Уголовное право периода превращения русского государства в многонациональное централизованное государство

Выдающимся по своему значению памятником уголовного законодательства периода превращения русского государства в многонациональное централизованное государство явилось так называемое Соборное уложение (или Уложение царя Алексея Михайловича) 1649 г. Оно было издано в условиях мощных народных движений, вызванных резким обострением классовых противоречий среди населения. Это была «плебейская оппозиция», состоявшая из разорившихся граждан и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства: ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных зачатков люмпен-пролетариата¹. Правительство объединяло все феодальные силы на борьбу со все возраставшим народным движением. Оно ставило себе задачей укрепление прав дворян-землевладельцев и крепостной зависимости крестьян².

Соборное уложение явилось значительным шагом вперед по сравнению с прежними законодательными сборниками. Комиссия, которая составляла проект Уложения, были поставлены следующие задачи: 1) выписать подложные для государственных и земских дел статьи из правил святых апостолов и святых отцов и из градских законов от греческих царей, 2) подобрать прежние указы государей и боярские приговоры по всяким делам и сравнить их со старыми судебниками и 3) по всем вопросам, на которые не нашлось бы ответа в судебныхках, старых указах и боярских приговорах, составить «общим советом» новые статьи. Проект Уложения был утвержден специально созданным земским собором, состоявшим из представителей с мест.

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. VIII, стр. 123.

² См. «История СССР», т. I, стр. 466.

Преступления имели по Уложению подчеркнутый характер нарушения воли государя и забвения «божьего страха», наказания же по Уложению — это жестокие меры подавления, осуществлявшиеся от имени самодержавного царя в интересах господствующих классов и ставившие своей задачей не удовлетворение частных интересов потерпевшего, а главным образом устрашение.

С точки зрения системы Уложение 1649 г. представляло собой шаг вперед. Оно разделялось на главы, а главы — на статьи.

Отдельные юридические институты, относящиеся ныне к «Общей части», получили в Уложении достаточное развитие. Так, Уложение знало физических и интеллектуальных виновников, главных и второстепенных, различало пособников и недоносителей, попустителей и укрывателей, различало, хотя и недостаточно четко, умышленные, неосторожные и случайные действия, знало голый умысел, покушение на совершение преступления, обстоятельства, отягчающие и смягчающие вину, а также необходимую оборону и крайнюю необходимость.

Система преступлений получила в Уложении значительное развитие. На первом месте шли преступления против веры, что выражало прочную связь царской власти и церкви как оплота самодержавия.

Преступления государственные в Уложении были более развиты, чем в предшествовавших памятниках. На первом месте среди них стояли преступления против личности государя, на втором — измена, т. е. передача неприятелю части государственной территории, сношения с неприятелем с целью оказания ему помощи и бегство в неприятельскую землю или войско и на третьем — «скоп и заговор». По всем этим преступлениям предусматривалась в виде наказания смертная казнь. Родственники преступника, знавшие и не донесшие о преступлении, также карались смертью.

Расширено было в Уложении число составов преступлений против порядка управления и суда (лжеприсяга, лжесвидетельство, ябедничество и подмет подличного), более развита была и система должностных преступлений и преступлений против личности (убийство умышленное и неумышленное, убийство родителей, мужеубийство, убийство детей, убийство господина слуги, увечья, нанесение ран и тяжких побоев и др.). Уложение с чрезвычайной тщательностью развернуло систему имущественных преступлений, разграничивая отдельные составы. Табьба определялась как тайное похищение имущества, грабеж был ограничен от разбоя (субъект разбоя — «лихие люди»), появились составы мошенничества, истребления чужого имущества и поджога.

Наказание по Уложению преследовало прежде всего задачи устрашения. Идея возмездия понималась Уложением еще в примитивной форме талиона (заливание расплавленным металлом горла фальшивомонетчику, лишение убийцы жизни тем же способом, которым он убил свою жертву, и т. п.).

Устрашительный характер наказаний проявлялся не только в формуле «чтоб на то смотря, иным неповадно было так делать», не только в публичности наказаний, но и в систематическом указании в санкциях отдельных статей на жестокость и беспощадность исполнения наказания («наказати нещадно», «учинити жестокое наказание», наказать «без милосердия», «безо всякие милости» и т. п.).

Уложение наряду с определенными санкциями знало и абсолютно-неопределенные: «вкнутъ в тюрьму, на сколько государь укажет», «чинити ему жестокое наказание, что государь укажет», и т. п.

Смертная казнь предусматривалась в Уложении в 60 случаях. Виды казни были различные: отсечение головы, сожжение, повешение, закапывание живою в землю, утопление, залитие горла расплавленным металлом и др. Казнь в первых трех видах постигала прежде всего бунтовщиков, злоумышленников на жизнь государя, богохульников, закапывание живою в землю полагалось для жен, убивших своих мужей, залитие горла расплавленным металлом — денежным мастерам за подделку монет.

Телесные наказания по Уложению разделялись на членовредительные и только болезненные. Уложение широко допускало битье кнутом, причем предусматривало «нешадное» и «жестокое» битье, часто кончавшееся смертью наказуемого. Битье батогами (прутья толщиной в палец) считалось легким наказанием.

Ссылка по Уложению применялась в отдаленные города, на Украину и в Сибирь. Она преследовала колонизационные цели. Преступники ссылались вместе с женами и детьми и должны были работать на месте ссылки.

Денежные наказания применялись в виде вознаграждения за убытки и ущерб, нанесенные частному лицу, и за оскорбление чести.

В некоторых случаях (измена, разбой и др.) применялась конфискация имущества.

Наказаниями, лишавшими чести, являлись выговоры (объявление виновному, что он учинил «негораздо»), опала (царский гнев, удаление виновного от двора с глаз государя) и «выдача головой» (обряд, оскорблявший чувство чести виновного).

Уложение всемерно усиливало классово-сословный характер репрессий. Наказание назначалось тем выше, чем выше по общественному положению был потерпевший и чем ниже преступник. Уложение гласило: «Челобитчиков во время службы Божьей государю бить батоги, а кто почтнее посадит в тюрьму на неделю». Дьяк, составивший незаконный акт, подвергался торговой казни, а подьячему за то же преступление отсекалась рука. За одно и то же преступление низший по должности подвергался более суровому наказанию, что высший по должности, хотя бы первый как подчиненный полностью зависел от своего начальника. Особенно ярко система классового неравенства проявлялась при установлении наказания за бесчестье. Здесь Уложение самым детальным образом расценивало в деньгах честь людей в зависимости от занимаемого общественного положения.

После издания Уложения 1649 г. продолжалось издание указов, дополнявших Уложение. Эти указы носят в истории русского права название «и о воуказные статьи». «Новоуказные статьи» — это решения по отдельным конкретным вопросам. Наряду с ними издавались от имени государя и целые уставы и наказы. Для истории русского уголовного права имеют значение наказы «О городском благочинии» и «Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах». Особенное значение имел второй из этих памятников, в 128 статьях которого продолжалось развитие статей Уложения 1649 г., посвященных уголовному праву.

§ 16. Уголовное право от эпохи Петра I до 60-х годов XIX в.

1. Товарищ Сталин так характеризовал в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом роль Петра I (1682—1725) в истории России: «...Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»¹.

Создавая и укрепляя «империю помещиков и купцов»², делая очень много для укрепления национального государства, реформируя управление государством, хозяйство и просвещение, Петр, разумеется, ни в малейшей мере не ослаблял крепостного угнетения и царского произвола. С беспощадной жестокостью подавляя народные восстания, Петр и уголовное законодательство ставил на службу всем этим задачам. К уголовному законодательству Петра полностью относится характеристика, данная Петру Лениным: Петр «...ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»³. Варварскими средствами Петр боролся не только с варварством, но и с растущим сопротивлением угнетаемых народных масс.

Попытки Петра издать новое уложение взамен Уложения царя Алексея Михайловича не увенчались успехом, поэтому Петр вступил на путь издания отдельных законов и регламентов. Так, им был издан ряд указов о поимке

¹ «Большевик», 1932, № 8, стр. 33.

² Краткий курс истории СССР, под ред. А. Шестакова, 1937, стр. 60.

³ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 517.

и искоренении воров и разбойников, о том, как поступать с тем, кто по бедности не может заплатить бесчестье, о бесчестье послам, о бесчестье за ложное подозрение на судей и др.

30 марта 1716 г. Петр издал Воинский устав. Этот устав, предназначенный, как видно из самого его названия, быть уголовным законом для военных, был сделан Петром через несколько дней после его издания (10 апреля 1716 г.) обязательным и для общих судов.

Уголовное законодательство Петра основано на идее устрашения. «Того ради, — говорилось в петровском Генеральном регламенте, — надлежит публичному месту быть, где в указанное время все наказания чинено быть имсет, дабы всяк смотря на то от всяких погрешений и преступлений себя мог охранить».

Воинский устав при определении ответственности за отдельные преступления содержал ряд новых положений, касающихся институтов Общей части. Так, он ввел ряд обстоятельств, влияющих на наказуемость (состояние аффекта, «служебная ревность», несовершеннолетие, умопомешательство, непривычка к службе), содержал постановления, относящиеся к необходимой обороне, крайней необходимости, покушению, соучастию.

Воинский устав не только сохранил уже имевшиеся до него составы преступлений против веры, но расширил число их. Оскорбление величества, крайне широко понимаемое, каралось по Воинскому уставу смертной казнью посредством четвертования или отсечения головы. Изменой считались тайная переписка и тайные переговоры с неприятелем, открытие неприятелю пароля или лозунга, разглашение сведений о состоянии воинских дел и крепостей, распространение неприятельских манифестов и др. Расширено было понятие возмущения или бунта, к которому устав относил и «непристойные сходбища», хотя бы и без преступных целей, а для подачи коллективной челобитной, для совещания и т. п. Получили развитие в Воинском уставе также преступления против порядка управления и др. При общей оценке Воинского устава следует иметь в виду, что основная его задача заключалась в укреплении воинской дисциплины в организованной Петром армии.

Смертная казнь полагалась в огромном числе случаев. Она была обыкновенной и квалифицированной. Обыкновенная казнь состояла в отсечении головы или повешении. В 7 из 33 случаев повешения она применялась коллективно («повесить каждого десятого из солдат»). Квалифицированными видами казни были: четвертование, т. е. отсечение сперва рук и ног, а потом головы, сопровождавшееся иногда вырыванием частей тела клещами; закапывание в землю до плеч с оставлением без пищи и питья до наступления смерти; заливание горла металлом; колесование, т. е. раздробление членов тела колесом; сожжение, часто в форме копчения на медленном огне; повешение за ребра и т. п. Членовредительские телесные наказания заключались в урезании языка или прожжении его раскаленным железом, отсечении суставов руки и пальцев, прибитии гвоздем или ножом руки к виселице на один час, отсечении носа и ушей, рвании ноздрей и клеймении. Болезненные телесные наказания заключались в битье шпиретками (длинными гибкими прутьями) при проведении преступника сквозь строй, розгами, линьками (кусками каната с узлами) и др.

Однако наказание при Петре I являлось и формой эксплуатации труда осужденных. Ссылка на каторжные работы заключалась главным образом в направлении на каторгу или галеры, т. е. суда, приводившиеся в движение веслами. На галерах осужденные на каторгу работали прикованными. Петр I широко использовал труд каторжников на строительстве городов, крепостей, портов и т. д. Тюремное заключение разделялось на простое и «жестокое», а также на арест у профоса (палача). Имущественные наказания были трех видов: вычет из жалованья, штраф в пользу казны и конфискация имущества.

В 1720 г. был издан Морской устав, который также содержал много численные постановления по уголовному праву. 135

После смерти Петра I наступил период чрезвычайного расширения прав дворянства, сопровождавшийся усилением эксплуатации крепостного крестьянства. Тяжелое положение крестьян вело к восстаниям, наиболее значительным

из которых была крестьянская война под руководством Пугачева, беспощадно подавленная Екатериной II.

Буржуазная революция 1789 г. во Франции вызвала страх у Екатерины, и она поставила своей задачей борьбу с этой революцией. Екатерина, лицемерно заявлявшая себя сторонницей идей французских просветителей, в то же время на деле проводила реакционную политику всемерного укрепления власти помещиков и жесточайшей расправы с крестьянами, подавляя малейшее проявление революционных идей.

Решив осуществить составление нового уложения, Екатерина созвала в 1767 г. законодательную комиссию, в которую вошло 564 депутата с мест (депутатов от крепостных не было). Комиссии в качестве руководства был предложен составленный Екатериной «Наказ». Характерной особенностью «Наказа» являлось совмещение защиты самодержавия, сословных привилегий, дворянства и крепостного строя с различными идеями, заимствованными из трудов Монтескье и Беккариа, изложенными, однако, в обезвреженном и приспособленном к интересам самодержавия виде. Эти заимствования из Монтескье и Беккариа представляли собой не более, чем либерализм на словах, маскировавший реакционные взгляды и политику Екатерины. На практике при Екатерине применялись массовые казни, пытки и телесные наказания.

При Екатерине была издана «Жалованная грамота дворянству» (1785 г.), в принципе беспрецедентной форме выдвинувшая дворянство из-под действия общих законов, в том числе и важнейших уголовных законов, освободившая дворян от телесных наказаний, запретившая битье головы дворянину-преступнику, заключение его в кандалы и т. д. «Жалованная грамота на права и выгоды городом Российской империи» (1785 г.) избавляла купцов первых двух гильдий и «именитых граждан» от телесных наказаний.

Для характеристики уголовного права царствования Екатерины II необходимо указать, что помещикам было предоставлено право ссылать крестьян в Сибирь на поселение (1760 г.) и отдавать их в каторжные работы без суда (1765 г.), были введены жестокие наказания за подачу жалоб на помещиков (1767 г.), были учреждены смирительные дома (1775 г.) и рабочие дома (1781 г.) и т. д. В 1782 г. был издан «Устав благочиния», содержавший ряд положений материального уголовного права: он послужил началом организации полицейско-жандармского управления в царской России.

II. В истории Грузии XVIII в. характеризуется ростом феодальных владений, восстаниями крестьян, набегами турецких и персидских войск и стремлением Грузинского государства к установлению и укреплению экономической и культурной связи с Россией, так как эта связь открывала возможности экономического развития Грузии. Царь Вахтанг IV в начале XVIII в. произвел кодификацию действовавших в Грузии законов и правовых обычаев, гражданских и уголовных. Так называемые законы царя Вахтанга заключали в себе: 1) Уложение самого Вахтанга, 2) армянские законы (судебник Мхитаря Гоша), 3) грузинские законы Георгия VI, 4) грузинские законы Беки и Агбуги, 5) законы Моисея, 6) преческие законы и 7) законы главы грузинской церкви — католикоса. В соответствии с феодальным строем Грузии того периода уголовное право законов царя Вахтанга попрежнему сохранило характер права-привилегии, но в еще большей степени отражало обострение классовых противоречий внутри страны и усиление опасности, грозившей государству со стороны Турции и Персии. Отсюда — развитие составов государственных, в том числе изменнических преступлений и усиление наказаний, направленных к уголовно-правовой защите господствующих классов. Так, например, за убийство первейшего князя или архиепископа полагалась уплата 15 360 руб., среднего князя или епископа — 7680 руб., третьестепенного князя или архимандрита — 4840 руб., а за убийство крестьянина — 120 руб.

Северокавказские народы в XVI—XVIII вв. в области уголовного права руководствовались так называемым адатом, т. е. нормами обычного права, по своему содержанию отражавшими влияние шариата, т. е. магометанских религиозных правил. В зависимости от степени хозяйственного развития адаты одних народов в большей мере, других — в меньшей отражали принципы феодального права как права-привилегии для господствующих классов.

Калмыки начали переселяться на территорию России в начале XVII в. Общественное устройство калмыков в этот период характеризуется ранне-феодалными отношениями. В 1640 г. был издан правовой сборник, так называемый Устав 1640 г., содержащий главным образом нормы уголовного права. Уголовное право, согласно Уставу 1640 г., отличается неразвитостью, отсутствием четкой границы между наказанием и возмещением вреда, между правовыми и моральными нарушениями. Вместе с тем уголовное право Устава 1640 г. — открыто неравное право. Так, за убийство свободного человека полагалась уплата 1000 юец, за убийство раба — 45 юец.

III. Во второй четверти XIX в. кризис крепостных отношений обострился. Феодално-крепостническая система подрывалась широким развитием обмена, начавшимся в конце XVIII в. Все более развивались торговые отношения с государствами Европы и азиатскими странами. Росли внутренний товарооборот и потребность в деньгах. Медленно, но прогрессирующе промышленность отделялась от земледелия. Хотя промышленное развитие России сильно отставало по сравнению с капиталистическими государствами Европы, тем не менее промышленность в России делала заметные успехи. Феодално-помещичье хозяйство разлагалось, и одновременно развивались буржуазные отношения, порождавшие и буржуазные идеи.

Крестьянское движение против крепостного права и революционное движение вызывали кровавую расправу. Движение декабристов было подавлено суровыми приговорами Верховного уголовного суда. Пятеро декабристов были повешены. 116 подверглись жесточайшим наказаниям. Реакционное правительство пыталось противопоставить новым развивавшимся отношениям укрепление разлагающегося крепостного строя.

При Александре I была сделана неудачная попытка издания нового уголовного уложения. Александр I поручил составление проекта профессору университета в Галле (Германия) Якоби. Этот проект был значительно изменен Государственным советом, но утвержден не был. При Николае I была начата работа по составлению Свода законов Российской империи. Руководство этой работой было поручено Сперанскому. Задача составителей Свода законов заключалась не в составлении уложения, а в систематическом изложении действующих законов по разным отраслям права. Том XV Свода законов содержал законы о преступлениях и наказаниях и законы уголовного судопроизводства. Здесь впервые появляется Общая часть. Свод законов был утвержден в 1833 г.

По инициативе Сперанского была начата и доведена до конца (уже после его смерти) работа по составлению Уголовного уложения. 15 августа 1845 г. было утверждено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных взысканий первой части тома XV Свода законов.

Уложение 1845 г., несмотря на все свои недостатки (многостатейность, казуистичность, отсутствие единых основных юридических принципов), с точки зрения юридической техники представляло собой значительный шаг вперед по сравнению не только с Уложением 1640 г., но и с томом XV Свода законов. Оно отличалось более совершенной систематизацией материала, большей разработанностью отдельных составов преступлений, введением впервые системы («лестницы») наказаний.

По своему содержанию Уложение 1845 г. отразило особенности эпохи. Охрана крепостнических порядков, борьба с революционным движением (в особенности после восстания декабристов в 1825 г.), жестокая палочная дисциплина, установленная Николаем I, усиление эксплуатации крепостных, беспощадное подавление недовольных крестьян, восстававших против произвола помещиков, — все эти особенности эпохи нашли отражение в Уложении 1845 г.

Наиболее открытое выражение помещичье-крепостного характера Уложения 1845 г. содержится в ст. 288, которая рассматривала помещиков как «власть», и восстание против помещиков объявляла «восстанием против власти, правительством установленных».

§ 17. Уголовное право пореформенной России

1. Отмена крепостного права в 1861 г. и рост капитализма в царской России вызвали необходимость изменения законодательства, в том числе уголовного.

«Царская Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития. До 60-х годов прошлого столетия в России было очень мало фабрик и заводов. Преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность. Подневольный крепостной труд давал низкую производительность труда в сельском хозяйстве. Весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права. Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право»¹.

Отмена крепостного права содействовала тому, что «...развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, еще задерживавшие это развитие»². В половине 80-х годов рабочие вступили уже на путь организованной борьбы, в то же время крестьяне, не выдерживая жестокого угнетения и эксплуатации крепостников, «...боролись, как умели, как могли»³.

Отмена крепостного права и развитие в России капиталистических отношений были не совместимы с отсталой крепостнической судебной системой. Царское правительство оказалось вынужденным провести реформу и в этой области. Изданные в 1864 г. Судебные уставы построили судебную систему на основе буржуазно-демократических принципов гласности, устности и состязательности процесса. Однако вскоре же после реформы 1864 г. начались реакционные ее ограничения в сторону все большего отказа от буржуазно-демократических принципов. «...Реакционный характер «пореформенной» эпохи, — писал Ленин, — обнаруживается на другой же день после вступления в силу Закона 1864 года, преобразовавшего нашу «судебную часть»⁴. Этот реакционный характер «пореформенной» эпохи сказывается уже в Уложении о наказаниях 1885 г., представляющем собой несколько измененное Уложение 1845 г.

В соответствии с тем, что в России помещик разделял власть с капиталистом (что отнюдь не равнозначало полной уступке власти капиталистам) Уложение выполняло задачи в основном помещичьего строя, наряду с усиленной охраной помещичьих интересов оно, особенно в последующих изменениях и дополнениях, содержит ряд уголовно-правовых мероприятий, защищающих интересы развивавшегося русского капитализма.

В разделе «О стачках рабочих и о притеснении сих последних заводчиками» (ст. ст. 1358¹—1359¹⁰) классовая сущность Уложения выступает со всей откровенностью. Наряду с суровыми наказаниями тюрьмой и заключением в крепость на срок до четырех лет для рабочих и лиц, возбуждающих к стачкам, статьи, предусматривающие «притеснение рабочих», устанавливают только штраф и в одном случае — арест на срок до трех месяцев. «Когда издают, — писал по поводу податного законодательства Ленин, — закон, напр., о том, что рабочие не вправе уходить с фабрики до срока, то сейчас же назначают и наказание за уход и даже такое свирепое наказание, как арест. За стачку, напр., рабочим прозлит закон арестом или даже тюрьмой, а фабриканту за неисполнение правил, вызвавшее стачку, только штрафом»⁵.

Система классового неравенства сохранилась и в Уложении 1885 г. До самого падения царского режима сохраняло свое действие приложение 1 к ст. 30 «О лицах, изъятых от наказаний телесных». Список таких лиц начинался так: «1) дзорные потомственные; 2) дворяне личные; 3) дворяне иностранные;

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 5.

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 6.

³ Ленин, Соч. т. IV, стр. 311.

⁴ Ленин, Соч. т. IV, стр. 84.

⁵ Ленин, Соч. т. II, стр. 150.

4) священнослужители, церковнопричетники и церковнослужители церкви православной; 5) монашествующие православного исповедания... 10) почетные граждане потомственные... 12) купцы обеих гильдий... и т. д. Из большого числа аналогичных примеров приведем ст. 57 Уложения, согласно которой «дворяне и чиновники, присуждаемые к наказанию кратковременным арестом, могут, по усмотрению суда или начальства, быть подвергаемы сему аресту или в тюрьме, или на военной гауптвахте, или в собственном месте жительства, или же в одном из домов ведомства, к которому они принадлежали, буде состоят на службе».

II. Одновременно с Уложением 1885 г. в России действовали: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.), предусматривавший менее серьезные проступки, наказания за совершение которых не превышали одного года и шести месяцев тюремного заключения; Временные правила о волостном суде 1889 г., сохранившие до 1904 г. розги как наказание, применявшееся к крестьянам; Военский устав о наказаниях (1875 г.) и Военно-морской устав о наказаниях (1886 г.), предназначенных формально только для военно-служащих, фактически же применявшиеся и к прочим лицам на основании исключительных законов, передававших дела о политических преступлениях в военные и военно-полевые суды.

III. Царское правительство наряду с неограниченной внесудебной расправой, погромами, убийствами, массовыми казнями и без суда и карательными экспедициями широко использовало для борьбы с революционным движением и исключительное законодательство. Положение об усиленной охране 1881 г. стало, как писал Ленин, «...одним из самых устойчивых, основных законов Российской империи»¹.

В 1906 г. были введены так называемые военно-полевые суды, которые рассматривали дела в 48-часовой срок; приговоры этих судов не подлежали никакому обжалованию. Крупное введение военно-полевых судов определен законом не был и фактически был крайне широк. За первые шесть месяцев действия этих судов они приговорили к смертной казни 950 человек.

После революции 1905 г. царские палачи и тюремщики развратили свою кровавую работу. Карательные экспедиции в Польше, Латвии, Эстонии, Закавказье, Сибири свирепствовали во всю»².

Особенно усилилась кровавая деятельность царского правительства в эпоху столыпинской реакции (1908—1912 гг.) «Царское правительство стало усиленно громить политические и экономические организации пролетариата. Каторжные тюрьмы, крепости и места ссылки переполнились революционерами. Революционеров зверски избивали в тюрьмах, подвергали пыткам и мучениям. Черносотенный террор свирепствовал во всю. Царский министр Столыпин покрывал виселицами страну. Было казнено несколько тысяч революционеров»³.

Особо следует отметить реакционную уголовную политику царизма в отношении угнетенных национальностей. «Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческим унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально «инородцами», воспитывало презрение и ненависть к ним. Царское правительство сознательно разжигало национальную рознь, натравливало один народ на другой, организовывало еврейские погромы, татаро-армянскую резню в Закавказье... Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»⁴.

Статья 168 Уложения о наказаниях 1885 г. открыто предусматривала изъятия из общего уголовного законодательства «по отношению к губерниям Варшавского судебного округа, а равно по отношению к некоторым обитающим в:

¹ Ленин, Соч., т. VII, стр. 153.

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 80.

³ Там же, стр. 93—94.

⁴ Там же, стр. 80.

Сибири, в губерниях Архангельской, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской и в Закавказском крае инородцам». Уложение о наказаниях 1885 г. со-держало ряд специальных составов преступлений в отношении евреев (ст. 530—об укрывательстве евреем военнослужащего из евреев, ст. 1053—с неиспол-нением правил по надзору за частным воспитанием детей евреев, ст. 1171—о производстве евреями вне черты, назначенной для постоянного их жительства, какой-либо торговли, кроме дозволенной им, и т. д.). Специальные составы преступлений содержались в Уложении 1885 г. в отношении армяно-григорян-ских и армяно-католических священнослужителей, магометан, жителей При-балтийского края, «нехристиан» вообще и т. д.

Со всей силой политика бесправия в отношении угнетенных народностей проводилась в судах царской России. Эта политика осуществлялась, в част-ности, путем отказа от введения на национальных окраинах суда присяжных и путем разрешения дел на основе местных законов и обычаев, имевших рели-гиозно-феодальный характер.

Уголовное уложение 1885 г., даже измененное и дополненное, не могло уже более удовлетворять потребности военно-феодального империализма в его борьбе со все более мощными и новыми формами революционного движения.

Задачам борьбы помещичье-буржуазного правительства с надвигавшейся ре-волюцией еще более террористическими мерами и удовлетворению потреб-ностей феодского капитализма должно было служить Уголовное уложе-ние 1903 г. Уложение это было введено в действие не полностью. Оно было по сравнению с предыдущими уголовными уложениями документом, с технико-юридической точки зрения более совершенным. Оно отражало влияние совре-менных ему европейских уголовных кодексов и буржуазной науки уголовного права. Формулировки уголовно-правовых институтов стояли на уровне уголовно-правовой теории того времени.

В процессе борьбы со все более нараставшим революционным движением царское правительство вводило в действие отдельные главы и статьи Уложе-ния, устанавливавшие новые составы преступлений или усиливавшие наказания. 7 апреля 1904 г. были введены в действие почти все статьи, касающиеся по-литических преступлений. 4 марта 1906 г. были введены в действие статьи о религиозных преступлениях. Далее последовало введение статьи Уложения 1903 г. о контрабанде, некоторых статей о преступлениях против личности, статей о нарушениях авторских прав и привилегий на изобретения. 5 июня 1912 г. был введен в действие новый закон о шпионаже. Была введена в дей-ствие и Общая часть Уложения, с тем, однако, что она применялась лишь в отношении преступлений, предусмотренных введенными в действие его статьями.

Уголовное уложение 1903 г. настолько полно отвечало интересам капитали-стов и давало такие широкие возможности расправы с революционным движе-нием, что после революции оно действовало некоторое время в качестве уго-ловного кодекса в буржуазных Эстонии, Латвии, Литве и части Польши.

§ 18. Уголовное законодательство Временного правительства

Уголовная политика Временного правительства вытекала из всей его контре-волюционной политики. «Нынешнее правительство, — писал 11 сентября 1917 г. Ленин, — проводит постепенно, но неуклонно, именно ту политику, которую партия к.-д. систематически проповедывала и подговляла с марта 1917 года. Возобновление и втягивание империалистской войны, прекращение «болтов-ни» о мире, предоставление министрам права закрывать газеты, потом съезды, потом производить аресты и высылки, восстановление смертной казни, расстре-лы на фронте, разоружение рабочих и революционных толков, наводнение сто-лиц контрреволюционными войсками, начало арестов и преследований крестьян за самочинные «захваты», закрытие фабрик и локауты. — вот далеко еще не полный список мер, которые яснее ясного рисуют картину буржуазной контре-волюции бонапартизма»¹. При этом, как указывал Ленин, «Эс-эры и меньше-вики, как рабы буржуазии, прикованные господином, согласились на все:

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 84—85.

и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, преследования, закрытие газет без суда¹.

Эту же контрреволюционную политику Временное правительство, прикрываясь «...полууступками и посулами...»², проводило и в уголовном праве.

Уголовное право Временного правительства, по существу, ничем не отличалось от царского уголовного права, действовавшего до революции, тем более что Временное правительство сохранило нетронутым все царское уголовное законодательство. Попрежнему каторга угрожала виновным в насильственном посягательстве «на изменение существующего государственного строя в России» или «на смещение органов верховной власти в государстве». Более того, одним из первых мероприятий Временного правительства было издание закона об усилении наказания за неисполнение законных распоряжений и постановлений правительственных органов, земских и общественных учреждений. 9 марта Временное правительство издало постановление о привлечении к уголовной ответственности всех участников аграрных беспорядков, 12 марта оно в порядке «уступки» отменило смертную казнь, но 21 июля восстановило ее на фронте. 17 марта отменило применение к арестантам розог и оков, но оставило в неприкосновенности царскую каторгу. 6 июля Временным правительством был издан закон «О наказуемости публичного призыва к совершению преступления», угрожавший виновному заключением в исправительном доме или крепости на срок до трех лет. Этот же закон приравнивал к государственной измене призыв военнотружущих к неисполнению законов, а также распоряжений военных властей.

Товарищ Сталин так характеризовал политику контрреволюционного Временного правительства: «Обыски и разгромы, аресты и побои, истязания и убийства, закрытие газет и организаций, разоружение рабочих и расформирование полков, роспуск финляндского сейма, стеснение свобод и восстановление смертной казни, разгул громил и контр-разведчиков, ложь и грязная клевета, все это с молчаливого согласия эсеров и меньшевиков, — таковы первые шаги контрреволюции»³.

ГЛАВА V

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА⁴

§ 19. Две фазы развития Советского государства и изучение истории советского социалистического уголовного права

Изучение истории советского социалистического уголовного права должно опираться на его научно-обоснованную периодизацию, непосредственно связанную с общей историей развития социалистического государства.

Товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б) развил и поднял на высшую ступень учение марксизма-ленинизма о социалистическом государстве. Указания товарища Сталина о двух фазах развития социалистического государства имеют решающее значение и для понимания развития социалистического уголовного права.

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 76.

² Ленин, Соч., т. XX, стр. 36.

³ Ленин и Сталин, Избранные произведения 1917 г., Партиздат, 1937, стр. 234.

⁴ См. Ленин, «Очередные задачи советской власти», Соч., т. XXII, стр. 435—468; Ленин, «О «двойном» подчинении и законности», Соч., т. XXVII, стр. 298—301; Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 564—611; Краткий курс истории ВКП(б), главы VII—XII. См. также «Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917—

Социалистическое государство со времени Великой Октябрьской социалистической революции в своем развитии прошло две фазы:

«Первая фаза — это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов. Основная задача этого периода состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, в организации обороны страны от нападения интервентов, в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, в подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов. Сообразно с этим наше государство осуществляло в этот период две основные функции. Первая функция — подавление свергнутых классов внутри страны. Этим наше государство внешним образом напоминало предыдущие государства, функция которых состояла в подавлении непокорных, с той однако принципиальной разницей, что наше государство подавляло эксплуататорское меньшинство во имя интересов трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства подавляли эксплуатируемое большинство во имя интересов эксплуататорского меньшинства. Вторая функция — оборона страны от нападения извне. Этим оно также напоминало внешним образом предыдущие государства, которые также занимались вооруженной защитой своих стран, с той, однако, принципиальной разницей, что наше государство защищало от внешнего нападения завоевания трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства защищали в таких случаях богатство и привилегии эксплуататорского меньшинства. Была здесь еще третья функция — это хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа органов нашего государства, имевшая своей целью развитие ростков нового, социалистического хозяйства и перевоспитание людей в духе социализма. Но эта новая функция не получила в этот период серьезного развития»¹.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции знаменовала собой уничтожение старого буржуазно-помещичьего государства со всеми его придатками, уничтожение и старого буржуазного уголовного права. Октябрьская революция принесла с собой рождение первого в мире социалистического государства, социалистического права, в том числе и уголовного права.

Путь развития советского уголовного права шел от отдельных декретов советской власти, посвященных борьбе с наиболее опасными видами преступлений против советской власти, от широкого правотворчества судебных органов, осуществлявших политику партии и правительства, к законодательному обобщению норм Общей и Особенной частей уголовного права, к созданию уголовных кодексов союзных республик, к объединению республиканского уголовного законодательства, к созданию общесоюзного уголовного законодательства. Советское уголовное право, имея своей задачей суровую борьбу с врагами народа и принудительное воспитание к дисциплине неустойчивых элементов из среды трудящихся, не освободившихся от пережитков капитализма в первой фазе развития социалистического государства, особое внимание, естественно, уделяло подавлению сопротивления свергнутых классов, различными путями стремившихся подорвать силу и мощь социалистического государства.

«Вторая фаза — это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции. Основная задача этого периода — организация социалистического хозяйства по всей стране и ликвидация последних остатков капиталистических элементов, организация культурной революции, организация вполне современной армии для обороны страны. Сообразно с этим изменились и функции нашего социалистического государства. Отпала — отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше и подавлять некого. Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и

1937 гг.)», составленный А. Герцензоном и Ошеровичем; Герцензон, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., «Проблемы социалистического права», 1938, № 3; Герцензон, Развитие социалистического уголовного законодательства до его кодификации, «Проблемы социалистического права», 1938, № 4.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 605.

расхитителей народного добра. Сохранилась полностью функция военной защиты страны от нападений извне, стало быть, сохранились также Красная армия, Военно-Морской Флот, равно как карательные органы и разведка, необходимые для вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засылаемых в нашу страну иностранной разведкой. Сохранилась и получила полное развитие функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы государственных органов. Теперь основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов»¹.

Во второй фазе социалистического государства развитие советского уголовного права идет в направлении упрочения общесоюзного уголовного законодательства, обеспечения единой карательной политики, подготовки единого уголовного кодекса СССР. Одной из основных задач советского уголовного права становится охрана социалистической собственности.

Сталинская Конституция как юридическая база всего советского социалистического законодательства определяет собой дальнейшие пути развития советского уголовного права. Изданные на основе Конституции СССР указы Президиума Верховного Совета СССР о борьбе с лодырями, прогульщиками, хулиганами, ворами и нарушителями государственной дисциплины знаменуют собой усиление той стороны карательной деятельности государства, которая связана с принудительным воспитанием к дисциплине неустойчивых элементов, совершающих преступления в силу не изжитых еще в их сознании пережитков капитализма.

Усиление воспитательной стороны уголовной политики сопровождается дальнейшим укреплением советских карательных органов и разведки, в задачу которых входит беспощадная борьба с засылаемыми в нашу страну иностранными шпионами, убийцами, вредителями, диверсантами.

Переходя к изучению истории социалистического уголовного права за истекший период его развития, мы исходим из указаний товарища Сталина о периодизации истории нашей страны.

В своих замечаниях составителям курса истории партии товарищ Сталин дал периодизацию истории партии в связи с историей нашего государства. В соответствии с данной товарищем Сталиным периодизацией истории нашей страны, принятой и Кратким курсом истории ВКП(б), мы разбиваем историю развития советского социалистического уголовного права на следующие шесть периодов:

- 1) период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1918 гг.);
- 2) период иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.);
- 3) период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925 гг.);
- 4) период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.);
- 5) период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.);
- 6) период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведение новой Конституции.

История последних лет прибавила к этим периодам период Великой Отечественной войны.

§ 20. Период проведения Великой Октябрьской социалистической революции

1. Давая характеристику периода проведения Великой Октябрьской социалистической революции, Краткий курс истории ВКП(б) указывает:

«Чтобы упрочить Советскую власть, нужно было разрушить, сломать старый, буржуазный государственный аппарат и на его месте создать новый аппарат Советского государства. Нужно было, далее, разрушить остаток

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 605—606.

сословного строя и режим национального гнета, отменить привилегии церкви, ликвидировать контрреволюционную печать и контрреволюционные организации всякого рода, легальные и нелегальные, распустить буржуазное Учредительное собрание. Наконец, нужно было вслед за национализацией земли национализировать также всю крупную промышленность и затем — выйти из состояния войны, покончить с войной, которая более всего мешала делу упорочения Советской власти.

Все эти мероприятия были проведены в продолжение нескольких месяцев с конца 1917 года до середины 1918 года»¹.

Осуществляя эти всемирно-исторические задачи, советская власть встретила отчаянное сопротивление старого, буржуазно-помещичьего мира. Капиталисты и помещики в своей звериной ненависти к трудящимся массам и советам в первые же дни после победы Октября в Москве и Петрограде организуют попытки опрокинуть власть советов, а после неудачи переходят к иным методам борьбы с советской властью. Это сопротивление выливается в формы контрреволюционного саботажа, заговоров, восстаний, террористических и диверсионных актов, шпионажа, организуемого в пользу иностранных государств. С другой стороны, сопротивление советам выливается в форму хищений и спекуляции, бандитских налетов и тому подобных преступлений, организуемых и совершаемых в целях восстановления старого строя.

Чтобы опрокинуть советскую власть, все контрреволюционные силы боролись против политики советской власти, осуществлявшей волю народа на прекращение империалистической войны. Враги народа ставили своей задачей срыв Брестского мира, арест и злодейское убийство руководителей партии и правительства и формирование нового правительства из троцкистско-бухаринских и левозсеровских антисоветских элементов.

После заключения мира советская власть приступила к развертыванию социалистического строительства. Во весь рост перед советской властью встали задачи сосредоточения в руках пролетариата командных высот народного хозяйства, организации всенародного учета и контроля, борьбы за трудовую дисциплину, за хлеб, борьбы со стихийной мелкобуржуазной анархичностью.

II. Социалистическое уголовное законодательство периода проведения Великой Октябрьской социалистической революции отразило особенности этого периода и дало в руки советам и широким народным массам верное и острое оружие в борьбе со всеми врагами социализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила старое, буржуазно-помещичье государство со всей его государственной машиной, судом, старым, буржуазно-помещичьим правом. Она создала новое, социалистическое государство, новый государственный аппарат, советский суд и новое, первое в мире, социалистическое право.

В период проведения Великой Октябрьской социалистической революции социалистический закон, выражающий волю рабочего класса, вместе с тем служил формой пропаганды. По этому поводу Ленин в докладе XI съезду РКП(б) в 1922 г. говорил:

...«У нас была полсека, когда декреты служили формой пропаганды... Эта полсека была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате завоевание того громадного доверия, которое мы имеем и имеем в народных массах»².

Однако уже в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции советское правительство издало ряд декретов, целью которых было — дать массам руководящие указания к конкретной практической работе. Закон в этот период являлся еще общей директивой, общей инструкцией, детализировать, конкретизировать, наполнить практическим содержанием которую должно было широкое правотворчество революционных народных масс.

Об этом Ленин писал в начале 1919 г.

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 204.

² Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 255—256.

...«Наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе: «Рабочие, поднимайтесь, свергните буржуазию!» Нет, это — призыв к массам, призыв их к практическому делу. Декреты это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу».

В свете этого указания Ленина ясным становится исключительное значение декрета о суде № 1 (1917 г.). Давая лишь общие указания, намечая основные организационные вехи деятельности советских судов, декрет о суде № 1 предоставлял широкое поле для правотворчества суда. Статья 5 декрета указывала, что местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку они: 1) не отменены революцией, 2) не противоречат советским декретам, 3) не противоречат партийной программе и 4) не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Таким образом, сфера применения старых законов была крайне ограничена.

На основе указаний партии и правительства развертывается широкое правотворчество народных (местных) судов и революционных трибуналов. Исходя из декретов советской власти, учитывая местные условия, конкретную обстановку, суды и трибуналы борются за создание и укрепление революционной законности в молодой советской республике. Судебная практика обогащает революционно-марксистскую теорию; к этой практике обращаются законодательные органы, обобщающие и направляющие практику изданием новых декретов. Судебная практика смело ставит и разрешает задачу осуществления новых форм наказаний, вводит принудительные работы без содержания под стражей, условное осуждение, общественное порицание. Одновременно суровая репрессия применяется к лицам, совершившим тяжкие преступления, посягающие на Советское государство. Однако в этот период, как неоднократно подчеркивал Ленин, народные суды и революционные трибуналы еще страдают либерализмом по отношению к зрягам революции, еще не всегда умеют правильно и метко разить врага.

В конце рассматриваемого периода в результате накопления опыта молодого социалистического государства, народных судов и революционных трибуналов, в результате издания целого ряда декретов отпадает необходимость в применении, хотя бы и незначительном, старого права.

В изданном в июле 1918 г. декрете о суде № 3 указывается, что народный суд может налагать наказание до пяти лет лишения свободы, лишь «руководствуясь декретами Рабочего и Крестьянского Правительства и социалистической совестью» (ст. 3). Таким образом, возможность применения старых законов окончательно устранялась.

К концу рассматриваемого периода советская власть выработала законы, которые были положены в основу революционного правопорядка. Постановление VI Всероссийского Чрезвычайного съезда советов 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов» является крупнейшей исторической датой в развитии социалистического права. Это постановление отметило прежде всего, что «за год революционной борьбы рабочий класс России выработал основы законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России». Съезд постановил: «Призвать всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц Советской власти к строжайшему соблюдению законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений».

III. Социалистическое уголовное законодательство этого периода должно было, уничтожая старое, буржуазное право, суд, тюрьмы и т. д., прежде всего наметить принципиальные основы нового права и организационно-юридические формы нового суда, призванного охранять советскую власть. Далее, необходимо было помочь советским карательным органам творить новое, советское уголовное право, бороться с контрреволюционерами, хищниками, спекулянтами, бандитами, хулиганами, необходимо было дать законы, которые наметили бы задачи и меры борьбы с этими преступниками. Наконец, осуществ-

Влия национализацию земли, промышленности, банков, проводя целый ряд мероприятий хозяйственного порядка, необходимо было обеспечить их осуществление мерами государственного принуждения, необходимо было издать законы, которые обуславливали бы наказуемость невыполнения или саботажа мероприятий советской власти.

IV. В первоначальном наброске статьи «Очередные задачи советской власти», написанном 28 марта 1918 г., Ленин раскрыл классовую природу суда и дал исчерпывающую формулировку задач советского суда и его огромного значения в борьбе за укрепление и развитие нового строя:

«Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплуататоров, пытающихся восстановить свое господство, или отстаивать свои привилегии, или тайком протасовать, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий. Но кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая еще более важная задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся»¹.

К концу периода проведения Великой Октябрьской социалистической революции была не только уничтожена старая система суда, но и была создана в основном новая судебная система, причем законодательством были охвачены весьма детально основные звенья этой системы: местные (народные) суды, революционные трибуналы, военные суды, комиссии для несовершеннолетних. Были разработаны уголовно-процессуальные нормы, наконец, были созданы новые тюремные учреждения.

Наряду с новыми судами для борьбы с контрреволюционными и другими наиболее опасными для новой власти преступлениями необходимо было создание особого карательного органа.

20 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление о создании ВЧК. В задачи ВЧК входило:

«1) Преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили.

2) Предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними».

Одновременно с изданием декретов, отменивших старое право и старый суд, провозгласивших новое право и создавших новый, советский, суд, советское правительство, идя навстречу революционной инициативе широких народных масс, творящих новое, революционное право, издает ряд декретов, направленных на непосредственное подавление контрреволюционных выступлений, на беспощадную борьбу с контрреволюцией, на борьбу с уголовными элементами.

Советская власть должна была быстро, смело и беспощадно подавлять сопротивление, которое оказывали ей буржуазия и всевозможные элементы разложения старого общества, проявлявшие себя совершением контрреволюционных преступлений, бандитизмом, спекуляцией, хулиганством и другими преступными посяательствами на установленный в стране правопорядок.

В период проведения Великой Октябрьской социалистической революции процесс создания советского уголовного права рисуется в следующем виде: слом и уничтожение старого, буржуазно-помещичьего уголовного права, разработка Лениным новых принципов революционно-марксистской теории советского уголовного права, широкое правотворчество советского суда, издание декретов, содержащих положения о борьбе с наиболее опасными видами преступлений.

§ 21. Период иностранной интервенции и гражданской войны

I. В первой половине 1918 г. выявились две силы, направленные на свержение советской власти: иностранная интервенция и внутренняя, российская контрреволюция в лице свергнутых революцией господствующих классов старого общества.

Осуществляя беспощадную борьбу с внутренней контрреволюцией, страна под руководством партии большевиков мобилизовала все силы советского народа на разгром иностранной интервенции.

«Партия объявила страну военным лагерем и перестроила ее хозяйственную и культурно-политическую жизнь на военный лад. Советское правительство объявило, что «социалистическое отечество — в опасности», и призвало народ к отпору. Ленин дал лозунг — «все для фронта» и сотни тысяч рабочих и крестьян пошли добровольцами в Красную Армию, на фронт. Около половины всего состава партии и комсомола пошло на фронт. Партия подняла народ на отечественную войну против нашествия войск иностранной интервенции, против мятежей свергнутых революцией эксплуататорских классов»¹.

Наряду с борьбой против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции советская власть велла большую работу в области организации народного хозяйства: налаживание работы национализированных фабрик и заводов, создание нового продовольственного аппарата и т. д. Особое внимание уделялось созданию Красной Армии, ее вооружению, снабжению, без чего невозможен был разгром внешней и внутренней контрреволюции.

В период гражданской войны резко обостряется сопротивление буржуазной и мелкобуржуазной стихии, множатся контрреволюционные заговоры, восстания, мятежи, диверсионные и террористические акты, усиливается контрреволюционная агитация, деятельность бандитских шайк. Хозяйственная разруха и голод используются жуликами, спекулянтами, мешечниками, хищниками, мародерами.

Классовые враги в своей бешеной ненависти к революции прибегали к коварным методам борьбы, не останавливаясь перед убийством вождей и руководителей партии и советской власти. Белогвардейцы, меньшевики, эсеры и «левые коммунисты» во главе с Бухариным организовали злодейские убийства, доходя до попыток ареста правительства и покушения на убийство Ленина, Сталина и Свердлова. 20 июня 1918 г. был убит Володарский, 30 августа — Урицкий, 30 же августа эсерка Каплан покушалась на жизнь В. И. Ленина.

В ответ на проявление террора со стороны врагов революции Советское государство было вынуждено издать в сентябре 1918 г. декрет о красном терроре (СУ РСФСР 1918 г. № 65), в котором говорилось, «что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью...; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».

II. В «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» Ленин в августе 1919 г. указывал:

«Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов, во всех их прикритиях, разоблачать их и карать беспощадно, ибо это — злейшие враги трудящихся, искусные, знающие, опытные, терпеливо выжидające удобного момента для заговора; это — саботажники, не останавливающиеся ни перед каким преступлением, чтобы повредить Советской власти. С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми надо быть беспощадным»².

Критикуя деятельность советских судов, Ленин писал: «Но наши революционные и народные суды непомерно, невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд, как на нечто казенно-чуждое. Нет достаточного осознания того, что суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления), что суд есть орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства, — что суд есть орудие воспитания к дисциплине»³.

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 218.

² Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 434.

³ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 460.

Подвергая столь резкой критике деятельность революционных трибуналов и судов, Ленин подчеркивал, что виновных в преступлениях против социалистического государства и интересов трудящихся «...надо уметь находить, отдавать под суд и карать беспощадно»¹.

Суровые условия гражданской войны требовали, чтобы советская власть не проявляла той мягкости к своим врагам, о недопустимости которой в свое время говорили и Ленин и Сталин: «...Подобная мягкость,—указывает товарищ Сталин,— только подрывает крепость советской власти. Мы совершили ошибку, проявляя подобную мягкость по отношению к врагам рабочего класса. Если бы мы повторили и дальше эту ошибку, мы совершили бы преступление по отношению к рабочему классу, мы предали бы его интересы»².

Необходимость самой решительной борьбы с сопротивлением врагов социализма была воспринята судебной практикой далеко не сразу.

В развитии принципов советского социалистического уголовного права исключительно важную роль играет программа ВКП(б), принятая в марте 1919 г. Она сформулировала задачи социалистического уголовного права, указала пути его развития.

Программа ВКП(б) прежде всего подчеркнула задачи беспощадного подавления сопротивления врагов социализма.

В области общеполитической программа партии указывает, что «Советское государство, по самой своей сущности, направлено к подавлению сопротивления эксплуататоров».

В разделе, посвященном сельскому хозяйству, программа говорит о решительной борьбе с эксплуататорскими поползновениями кулачества, с деревенской буржуазией, о подавлении их сопротивления советской политике.

Особое внимание программа партии уделяет борьбе со стихией мелкобуржуазной анархичности.

Отмечая, что «только благодаря советской организации государства революция пролетариата могла сразу разбить и разрушить до основания старый, буржуазный, чиновничий и судейский государственный аппарат», программа партии в разделе о суде формулирует основные принципы советского уголовного права. Программа партии указывает, что «отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых или неполноты их руководствоваться социалистическим правосознанием».

Указав принципиальные основы советской судебной системы, программа партии констатирует, что в области наказания произошло коренное изменение его характера, что суды широко применяют условное осуждение, вводят новые меры наказания в виде общественного порицания, заменяют лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы и т. д.

III. В период иностранной интервенции и гражданской войны социалистическое уголовное право уже содержит, по существу, все основные нормы Общей части. Правда, эти нормы еще не кодифицированы, содержатся в различных декретах, посвященных борьбе с отдельными видами преступлений. Это, однако, ни в малейшей степени не уменьшает их значения. Понятия вины, покушения, соучастия, невменяемости и т. д. — все эти важнейшие институты Общей части получают в рассматриваемый период достаточно полное законодательное выражение.

Изданные 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» явились своего рода итогом, хотя и неполным, законодательства и судебной практики за первые два года существования власти советов и вместе с тем инструкцией судам для дальнейшего развития их работы.

В «Руководящих началах» впервые были сформулированы основные юридические нормы Общей части уголовного права.

Во введении указывается на процесс слома буржуазного государства со всеми его придатками и уничтожения буржуазного права, на невозможность

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 460.

² Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Сборник «Ленин и Сталин», 1936, т. III, стр. 525.

«приспособить» буржуазное право к интересам социалистического государства. Далее, во введении излагается исторический путь развития социалистического права. Во введении отмечаются характерные особенности социалистического уголовного права в первые два года советской власти, а в последней части говорится об общих задачах уголовного права.

Проводя мысль о необходимости централизации и объединения методов борьбы с преступностью, «Руководящие начала» важнейшее значение придавали общению мероприятий по борьбе с преступностью. Однако, желая дать систему мероприятий социалистического государства в борьбе с преступностью, «Руководящие начала» сосредоточили свое внимание лишь на задаче подавления сопротивления врагов социализма, поэтому изложение задач советского уголовного права оказалось односторонним, неполным. Ленинская формулировка задачи наказания оказалась обобщенной «Руководящими началами», и вопросы о принудительном воспитании к дисциплине и о борьбе со стихией мелкобуржуазной анархичности выпали из введения к «Руководящим началам». В результате этого извращались задачи советского уголовного права. Более того, в этой несомненно неудачной части введения имеется и другая политически неверная формулировка — о сломе сопротивления повергнутых буржуазных и промежуточных классов, противоречащая взглядам марксизма-ленинизма на отношение к крестьянству. Эта формулировка тем более грубо ошибочна и непустима, что на VIII съезде ВКП(б) 23 марта 1919 г., т. е. за 9 месяцев до издания «Руководящих начал», Ленин специально останавливался на этом вопросе.

«Руководящие начала» обошли эти важнейшие указания Ленина и партии, точно так же как обошли указания Ленина и программы партии о том, что суд есть орудие воспитания к дисциплине, что на суд, помимо задачи подавления сопротивления эксплуататоров, ложится другая, еще более важная задача — обеспечения строжайшего проведения дисциплины и самодисциплины трудящихся.

Раздел I «Руководящих начал» содержит определение советского уголовного права. Уголовное право рассматривается как «правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания)».

Это определение содержания уголовного права представляет собой попытку преодолеть традиционное нормативное определение содержания уголовного права. «Руководящие начала» подчеркивают исторически органическую роль уголовного права как явления, присущего исключительно классовому обществу, и вскрывают классовую сущность уголовного права. Раскрывая классовое содержание и цель советского уголовного права, «Руководящие начала» содержат формулировки и положения, которые в известной части были восприняты уголовными кодексами союзных республик.

Раздел III «Руководящих начал», озаглавленный «О преступлении и наказании», содержит определение понятия преступления, указывает обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, формулирует цели и задачи наказания и условия и порядок его применения. Большинство этих норм было развито в последующих законодательных актах и сохранилось в действующих уголовных кодексах. Однако в этом разделе «Руководящих начал» мы находим и некоторые специфические черты, обусловленные эпохой, в которую создавался этот документ.

Статьи 5 и 6 «Руководящих начал» дают определение преступления и обоснование необходимости борьбы с преступлениями. Преступление в ст. 5 определяется как «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом». Это определение охватывает существенные моменты понятия преступления — его опасность и его противоправность.

Учение о наказании разработано «Руководящими началами» более подробно, чем учение о преступлении.

Статья 7 «Руководящих начал» гласит: «Наказание — это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)». Это общее определение наказания конкретизируется в последующих трех статьях.

Статья 10 «Руководящих начал» дает дополнительную характеристику методов осуществления задач наказания: «При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишний страданий.»

Крупным дефектом «Руководящих начал» является неприменение учения Ленина о сочетании подавления и воспитания как задач наказания, о роли наказания в социалистическом государстве, наконец, о соотношении убеждения и принуждения. Этот дефект следует признать тем более значительным, что ко времени создания «Руководящих начал» все необходимые указания в этой области Лениным были уже сделаны.

«Руководящие начала» значительное место уделяют вопросу о видах наказания и о принципах его применения.

В первой части ст. 25 дается обоснование необходимости применения на практике разнообразных наказаний: «В соответствии с задачей ограждения порядка общественного строя от нарушения, с одной стороны, и с необходимо-стью наибольшего сокращения личных страданий преступника, — с другой, наказание должно разнообразиться в зависимости от особенностей каждого отдельного случая и от личности преступника.»

«Руководящие начала» дают 15 «примерных видов» наказания. Среди них мы находим наказания, рожденные непосредственно судебной практикой тех лет. В большей части наказания, данные в перечне, впоследствии вошли в уголовные кодексы. Перечень составлен в виде «лестницы наказаний» — от наиболее мягкого наказания (до наиболее тяжкого): а) вынуждение, б) выражение общественного порицания, в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения), г) объявление под бойкотом, д) исключение из объединения на время или навсегда, е) восстановление, а при невозможности его — возмещение причиненного ущерба, ж) отрешение от должности, з) воспрещение занимать ту или другую должность, исполнять ту или другую работу, и) конфискация всего или части имущества, к) лишение политических прав, л) объявление врагом революции или народа, м) принудительные работы без помещения в места лишения свободы, н) лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок, до наступления известного события, о) объявление вне закона, п) расстрел, р) сочетание вышеперечисленных видов наказания.

IV. Изучение декретов и постановлений советской власти, содержащих определение отдельных преступлений и карательные санкции, показывает, что уже к концу периода иностранной интервенции и гражданской войны в советском законодательстве в основном были сформулированы институты Общей и в значительной мере Особенной части уголовного права, в частности были сформулированы составы контрреволюционных преступлений, воинских преступлений, наиболее важных преступлений против порядка управления, должностных и хозяйственных преступлений. Эти составы преступлений были сформулированы в Положениях о трибуналах и в отдельных декретах.

Задача укрепления революционной законности выдвигала требование систематизации и кодификации уголовного законодательства. Этот вопрос встал еще в конце 1918 г., когда VI Всероссийский съезд советов принял постановление о точном соблюдении законов.

Советское уголовное право в период иностранной интервенции и гражданской войны характеризуется изданием большого числа декретов, посвященных борьбе с отдельными видами преступлений, дальнейшим развитием правотворчества карательных органов, изданием инструкций, обобщающих положения советского уголовного права. В этот период происходит дальнейшее укрепление революционной законности, основной задачей которой является беспощадная борьба с контрреволюцией и с другими преступлениями, посягающими на советский правопорядок.

§ 22. Период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства

№ 3. 1.

I. В период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства происходит изменение форм классовой борьбы, а вместе с тем и изменение форм и характера преступлений.

В рассматриваемый период контрреволюция переходит к скрытым формам борьбы с социалистическим государством (экономическая контрреволюция). В области общеуголовной преступности должны быть отмечены всевозможные мошенические действия неповских «дельцов», в известной мере увеличиваются такие преступления, как растрата, взяточничество и др. В области общеуголовных преступлений отмечается некоторый рост преступлений имущественных и против личности.

Судебная практика особое внимание обращает на борьбу со взяточничеством, растратами и другими должностными преступлениями. Непманские элементы, нарушая советские законы, совершают преступления, причиняющие ущерб государственному имуществу (расхищение, расточение государственной собственности, мошенические операции, спекуляция и др.), и судебная практика направляет острые репрессии на эти преступления.

Последствия империалистической и гражданской войн, хозяйственная разруха, вызванная этими войнами, безработица—все это обусловило некоторый рост имущественных преступлений.

Наконец, необходимо отметить, что преступления против личности, отражающие не изжитые еще в городе и деревне старые бытовые отношения (убийства на почве ревности и мести, телесные повреждения, половые преступления, поножовщина, хулиганство), занимают в судебной практике заметное место.

II. При переходе на мирную работу по восстановлению народного хозяйства страны еще больше возрастает значение революционной законности.

Характеристика революционной законности первого периода нэпа была дана товарищем Сталиным, указавшим, что «революционная законность первого периода нэпа обращалась своим острым главным образом против крайностей военного коммунизма: против «незаконных» конфискации и поборов. Она гарантировала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими «советских законов»¹.

Письмо Ленина товарищу Сталину «О «двойном» подчинении и законности», написанное в мае 1922 г., ярко раскрывает роль и значение советского социалистического закона в Советском государстве не только первого периода нэпа, но и последующих лет развития социалистического государства.

Учение Ленина о революционной законности получило законодательное выражение в изданиях социалистических кодексов — гражданского, уголовного, процессуальных и т. д. В уголовных кодексах советских республик были систематизированы нормы социалистического уголовного права.

Постановлением ВЦИК с 1 июня 1922 г. вводится в действие УК РСФСР, в 1922 и 1923 гг. издан ряд декретов в развитие или изменение его.

Другие республики в эти же годы издают свои уголовные кодексы: Белоруссия — в 1923 г., Украина и Грузия — в 1922 г., Азербайджан — в 1923 г.

Все эти кодексы были изданы каждой республикой самостоятельно, но содержание их в основном совпадало. Обуславливалось это единством принципов социалистического уголовного права. Отдельные различия, имевшиеся в кодексах, объяснялись местными особенностями каждой республики.

Создание общественного уголовного законодательства, явившегося воплощением ленинской идеи о единой революционной законности, сыграло исключительно большую роль в развитии социалистического уголовного права этого периода.

В 1924 г. союзными законодательными органами утверждены «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик» и Положение о воинских преступлениях. Помимо этих основных законодательных актов союзные законодательные органы издают и ряд других декретов, относящихся к уголовному праву.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 41-е, стр. 394.

III. Издание Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. представляет собой крупнейшее историческое явление. Впервые был издан социалистический и по содержанию и по форме Уголовный кодекс, содержащий совокупность норм, последовательно излагающих и проводивших в жизнь марксистско-ленинское учение о преступлении и наказании. Уголовные кодексы союзных республик не только сформулировали общие принципы социалистического уголовного права, не только дали юридически точные формулировки основных институтов уголовного права, но и создали определенную систему. Особенной частью с точными составами преступлений и с конкретными санкциями.

В постановлении ВЦИК «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (СУ РСФСР 1922 г. № 15) указывалось, что кодекс вводится «в целях ограждения Рабоче-Крестьянского государства и революционного порядка от его нарушителей и общественно-опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания». Для осуществления этих задач УК РСФСР 1922 г. дал определение понятия преступления, задач наказания, оснований и условий применения мер наказания к преступникам. В УК РСФСР 1922 г. дано понятие форм виновности, как основания уголовной ответственности, разграничены стадии развития преступной деятельности, определена ответственность соучастников в преступлении и т. д., т. е. даны в развернутом виде все основные вопросы учения о преступлении.

Уголовные кодексы союзных республик явились обобщением опыта борьбы с преступностью в социалистическом государстве в период 1917—1921 гг. Они восприняли уголовно-правовые идеи и принципы, которые принесла с собой Великая Октябрьская социалистическая революция. Особенная часть уголовных кодексов союзных республик была составлена на основе обобщения юридических норм, определявших борьбу с преступлениями в годы гражданской войны.

УК РСФСР 1922 г. резко подчеркнул классовую природу уголовного правосудия в социалистическом государстве. Так, в ст. 5 говорилось, что кодекс «имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно-опасных элементов и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания». Таким образом, впервые в истории уголовного права непосредственно в уголовном кодексе нашло прямое выражение положение о классовой природе уголовного права.

УК 1922 г. в ст. 6 дал развернутое материальное определение преступления, которое в основном действует и ныне: «Преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».

Исходя из конкретных условий классовой борьбы, УК 1922 г. в ст. 10 установил принцип аналогии. Применение аналогии в тот период способствовало созданию и последующему законодательному утверждению новых составов преступлений, включаемых в кодекс.

УК 1922 г. в ст. 8, определяя задачи наказания, указывал, что «наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям обожения путем исправительно-трудового воздействия; в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений».

УК 1922 г. различал наказания в собственном смысле слова и меры социальной защиты. К последним он относил помещение в учреждение для умственно или морально дефективных, принудительное лечение, запрещение занимать ту или иную должность или заниматься определенной деятельностью, удаление из определенной местности.

УК 1922 г. дал стройную систему норм социалистического уголовного права, развил целостное учение об уголовном законе, преступлении и наказании.

В период своего действия УК 1922 г. подвергся весьма существенным изменениям, которые были обусловлены не только имевшимися в нем пробелами, но и изменением характера и видов преступлений в связи с изменением форм классовой борьбы.

IV. Учение Ленина о революционной законности, в частности его указание на необходимость осуществления единой революционной законности в социалистическом государстве, получило законодательное отражение прежде всего в УК РСФСР 1922 г., а затем и в уголовных кодексах других союзных республик. Образованием Союза ССР и принятием Конституции СССР 1924 г. была выдвинута новая задача, вытекавшая из того же указания Ленина о единой революционной законности, — задача разработки основ общесоюзного уголовного законодательства.

Конституция СССР 1924 г. установила, что к компетенции законодательных органов СССР в области уголовного права относится определение основ уголовного законодательства Советского Союза. В соответствии с этим законодательными органами СССР был издан ряд общесоюзных уголовных законов: а) «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», б) Положение о преступлениях государственных, в) Положение о военных преступлениях, г) отдельные законы, определяющие диспозиции и санкции по некоторым преступлениям в отношении которых в союзных республиках должна проводиться единая уголовная политика (ст. 3 «Основных начал»).

Конституция СССР, таким образом, предусматривала необходимость обеспечения единства уголовной политики по борьбе с важнейшими категориями преступлений, а также установление в законодательном порядке общих принципов советского социалистического уголовного права, которые должны быть воспроизведены во всех республиканских уголовных кодексах. Из этого видно, насколько большое место в системе общесоюзного и республиканского уголовного законодательства занимают «Основные начала» как выражение единых для всего Союза ССР принципов социалистического уголовного права, как первая и необходимая предпосылка к созданию единого, общесоюзного Уголовного кодекса.

Во вводной части «Основных начал» (СЗ СССР 1924 г. № 24) задачи советского уголовного законодательства были сформулированы так: «Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет своей задачей судебную-правовую защиту государства трудящихся от общественно-опасных деяний подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею порядок. Задача эта осуществляется путем применения к правонарушителям мер социальной защиты в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и союзных республик, на основании общих начал, изложенных в следующих статьях».

В ст. 4 «Основных начал» изложены цели наказания: а) предупреждение преступлений, б) лишение общественно-опасных элементов возможности совершать новые преступления и в) исправительно-трудовое воздействие на осужденных. Во второй части ст. 4, так же как и в предшествующих законодательных актах, подчеркивается, что советское уголовное законодательство не ставит задач возмездия и кары и меры наказания должны быть целесообразны, не должны иметь целью причинение осужденному физического страдания и унижение человеческого достоинства.

«Основные начала» отказались от термина «наказание» и говорят о «мерах социальной защиты судебной-исправительного характера».

Не было никаких оснований вносить в советское право этот термин, не выражающий цели, содержания и формы уголовной репрессии социалистического государства. Следует подчеркнуть, что Ленин и Сталин, говоря о наказании, всегда употребляют этот термин. Закон об ответственности за измену родине 8 июня 1934 г. вновь вернулся к термину «наказание». Законы 8 августа 1936 г. и 2 октября 1937 г., изменившие и дополнившие ст. ст. 13 и 18 «Основных начал», употребляют термин «наказание».

Давая систему наказаний, «Основные начала» не только воспроизвели в этой части уголовные кодексы, но и ввели некоторые новые виды наказа-

ний — объявление врагом трудящихся и ссылку с поселением в определенной местности.

«Основные начала», изданные в 1924 г., являются общесоюзным уголовным законом, с целым рядом дополнений и изменений действующим и в настоящее время.

Советское уголовное право в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства характеризуется в целом следующими основными чертами: укрепление революционной законности; издание уголовных кодексов советских республик, приведших в систему уголовное законодательство предшествующих лет на основе опыта социалистического строительства и судебной практики и давших точные составы преступлений и конкретные санкции по ним; создание основ общесоюзного уголовного законодательства, главным образом по вопросам Общей части.

§ 23. Период борьбы за социалистическую индустриализацию страны

I. В период борьбы за социалистическую индустриализацию страны Советское государство, преодолевая огромные трудности, разрешает задачу накопления средств для строительства тяжелой промышленности, создает первый конкретный план социалистического строительства, разворачивает строительство заводов, совхозов, колхозов. «Это продвижение вперед по пути социализма сопровождалось обострением классовой борьбы внутри страны»¹.

Выявляя причины обострения классовой борьбы в 1928—1929 гг., товарищ Сталин указал на социалистическое наступление, направленное против капиталистических элементов города и деревни, и на сопротивление этих элементов, не желавших уступать победоносному шествию социализма.

Одной из форм сопротивления социалистическому наступлению явилось хищение государственного, кооперативного и профсоюзного имущества.

Придавая борьбе с хищениями в государственных, кооперативных и профсоюзных органах исключительное значение, приравнивая хищения к тяжчайшим государственным преступлениям, товарищ Сталин указывал на необходимость наряду с репрессией развернуть систему профилактических мероприятий, обратив особое внимание на широкую общественно-воспитательную работу среди трудящихся масс.

Наконец, необходимо отметить, что к концу периода борьбы за социалистическую индустриализацию страны выявились и иные формы кулацкого сопротивления мероприятиям советской власти: с одной стороны, усиливается террористическая деятельность кулачества, а с другой — кулачество переходит к иным формам борьбы. Кулачество пытается саботировать мероприятия советской власти. Оно укрывает хлеб, идет на чорчу его, пытается создавать трудности строительства социализма в этот период. «В ответ на отказ кулачества продавать излишки хлеба государству по твердым ценам партия и правительство провели ряд чрезвычайных мер против кулачества, применили 107 статью уголовного кодекса о конфискации по суду излишков хлеба у кулаков и спекулянтов, в случае их отказа продавать эти излишки государству по твердым ценам, и дали бедноте ряд льгот, в силу которых беднота получала в свое распоряжение 25 процентов конфискованного кулацкого хлеба.

Чрезвычайные меры возымели свое действие: беднота и середняки включились в решительную борьбу против кулачества, кулачество было изолировано, сопротивление кулачества и спекулянтов было сломлено»².

В рассматриваемый период судебная практика особое внимание уделяет борьбе с хищениями и растратами, со спекуляцией, с неуплатой налогов. Одновременно острее уголовной репрессии направлено на борьбу с хулиганством и другими преступлениями, препятствующими осуществлению строительства нового, социалистического быта, подрывающими социалистический правопорядок.

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 285.

² Там же, стр. 279.

II. К числу важнейших законодательных актов союзного правительства в этот период, относящихся к установлению норм Особенной части, следует отнести прежде всего Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлений против порядка управления) (СЗ СССР 1927 г. № 12). Это Положение установило обязательные для уголовных кодексов союзных республик нормы, определяющие понятие контрреволюционных преступлений и особо для СССР опасных преступлений против порядка управления, давшие составы различных государственных преступлений, к которым прибегали враждебные классы в борьбе против советского строя. В развитии общесоюзного социалистического уголовного законодательства это Положение сыграло исключительную большую роль. Не меньшее значение имеет и Положение о воинских преступлениях, вторая редакция которого утверждена 27 июля 1927 г. (СЗ СССР 1927 г. № 50).

Помимо этих двух важнейших законодательных актов союзное правительство издало еще ряд уголовно-правовых норм, относящихся к Особенной части (о ростовщичестве — 1927 г., о борьбе с лжекооперативами — 1928 г., об усилении борьбы с транспортными преступлениями, об уголовной ответственности за выпуск некачественной продукции — 1929 г. и др.).

С принятием «Основных начал» союзные республиканские органы переработать свои уголовные кодексы для приведения их в соответствие с «Основными началами».

22 ноября 1926 г. 2-й сессией ВЦИК XII созыва был принят УК РСФСР в новой редакции. Этот кодекс вступил в силу с 1 января 1927 г. С вносившимися в него изменениями и дополнениями как Общей, так и Особенной части он действует в настоящее время.

В УК РСФСР 1926 г. находит дальнейшее развитие материальное понимание преступления. Согласно примечанию к ст. 6 УК РСФСР 1926 г., не может считаться преступлением действие, хотя формально и подпадающее под признаки какой-либо статьи Особенной части, но не являющееся общественно-опасным в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий.

В вопросе о наказании УК РСФСР 1926 г. пополнился таким важным институтом, как институт погашения судимости, чего не знало законодательство предшествующих лет.

УК РСФСР 1926 г. в дальнейшем подвергался существенным изменениям и дополнениям. Значительная часть этих изменений в период борьбы за социалистическую индустриализацию страны обуславливалась необходимостью согласовать республиканские уголовно-правовые нормы с нормами СССР. Вместе с тем в УК РСФСР выносились вытекающие из задач социалистического государства в данный период изменения и дополнения, обусловленные необходимостью развернуть или усилить борьбу с вновь появившимися или возросшими видами преступлений.

В развитии общих начал советского уголовного права большую роль сыграло постановление ВЦИК и СНК РСФСР 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения». Это постановление ограничило применение краткосрочного лишения свободы, признало необходимым проведение в судебной практике более четкой дифференциации репрессии и т. д.

В период борьбы за социалистическую индустриализацию страны советское социалистическое уголовное право характеризуется следующими основными чертами: 1) создание общесоюзного уголовного законодательства по наиболее опасным видам преступлений; приведение в соответствие с общесоюзным уголовным законодательством уголовных кодексов союзных республик; внесение в уголовное законодательство изменений и дополнений, обусловленных особенностями периода борьбы за социалистическую индустриализацию страны.

§ 24. Период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства

I. Растущий подъем социалистического строительства, приведший к победе социализма в нашей стране, протекал в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Вредительство, диверсии, террористические акты, всевозможная антисо-

ветская деятельность кулацко-капиталистических элементов поддерживалась и финансировалась зарубежной агрессивной частью капиталистического окружения, использовавшего всевозможные антисоветские элементы, в первую очередь троцкистско-бухаринских изменников и бандитов, в качестве своих наемных агентов.

Сопротивление социалистическому строительству со стороны отживающих кулацко-капиталистических элементов поддерживалось, организовывалось и возглавлялось, как это было установлено рядом судебных процессов, троцкистско-бухаринскими изменниками по заданию иностранных государств.

К числу наиболее крупных процессов над вредителями периода борьбы за коллективизацию сельского хозяйства следует отнести дело Промпартии (25 ноября—7 декабря 1930 г.), дело о контрреволюционной вредительской и шпионской организации верхушки старой технической интеллигенции, дело контрреволюционной вредительской меньшевистской организации (1—9 марта 1930 г.) и дело вредителей на электростанциях (12—19 апреля 1933 г.).

Эти три крупнейших судебных процесса и ряд других процессов вочую показали, что вредительство верхушки буржуазной интеллигенции организовывалось, направлялось и руководилось империалистической буржуазией, дававшей контрреволюционерам вредительские, диверсионные и шпионские задания с целью ослабления экономической и оборонной мощи СССР и облегчения интервенции против нашей страны.

Товарищ Сталин говорил о вредительстве: «Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение». Эту мысль товарищ Сталин неоднократно подчеркивает и развивает, мобилизуя нашу бдительность для борьбы с вредительством.

Второй основной формой классовой борьбы в этот период является зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне. «Кулачество было экспроприровано. Оно было экспроприровано так же, как в 1918 году были экспропрированы капиталисты в области промышленности, с той, однако, разницей, что средства производства кулачества перешли на этот раз не в руки государства, а в руки объединенных крестьян, в руки колхозов. Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, переворот, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года». Кулаки совершали такие злодейские акты, как поджог колхозов, убийство колхозных деятелей, попытки срыва сева, разложение колхозов и т. д.

Третьей основной формой классовой борьбы в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства являлся саботаж мероприятий советской власти со стороны бюрократических элементов аппарата, являвшихся агентурой врага.

Победоносное шествие социализма не только вызвало новое обострение классовой борьбы, но и обусловило в дальнейшем изменение ее форм. Лютые враги социализма, пролезшие в советские органы, чувствуя свое бессилие пойти в открытую атаку против советской власти, пытаются действовать тихой сапой, исподтишка, пытаются осуществлять вредительские и диверсионные акты: поджог складов, поломку машин, вредительство и саботаж в колхозах и совхозах, порчу, истребление скота и особенно расхищение народного имущества и т. п.

«Главное,—говорил товарищ Сталин,—в «деятельности» этих бывших людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности. Воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение железнодорожных грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях,—особенно воровство и хищение в совхозах и колхозах,—такова основная форма «деятельности» этих бывших людей. Они чувствуют как бы классовым инстинктом, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напасть на Советскую вла-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 344.

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 291.

сти, и они действительно стараются расшатать общественную собственность путем организации массового воровства и хищения»¹.

Воровство и хищения в государственных и общественных учреждениях и на предприятиях совершались под руководством и при непосредственном участии троцкистско-бухаринских бандитов, стремившихся расшатать экономическую основу советского строя — социалистическую собственность. Рестаавраторы капитализма из троцкистско-бухаринских банд совершали в этот период тяжчайшие преступления против революции.

Совершенное 1 декабря 1934 г. неслыханное злодеяние — убийство С. М. Кирова троцкистско-бухаринскими бандитами, организация ими же ряда чудовищных покушений на руководителей партии и правительства, шпионаж, вредительство, диверсии и т. д. — вот те гнуснейшие преступления, которые совершались уголовной бандой Троцкого — Бухарина по указаниям разведки враждебных государств.

В рассматриваемый период судебная практика острие репрессии направляет прежде всего против контрреволюции, против расхищения социалистической собственности, против должностных преступлений.

II. Общесоюзное уголовное законодательство в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства пополняется постановлением, представляющим исключительно важное значение в деле дальнейшего укрепления революционной законности, — постановлением ЦИК и СНК СССР 25 июня 1932 г. «О революционной законности» (СЗ СССР 1932 г. № 50 ст. 298). Намечая ряд конкретных мероприятий по дальнейшему укреплению революционной законности, ЦИК и СНК СССР в этом постановлении подчеркивают, что «задача строжайшего соблюдения революционной законности в отношении колхозов и всей массы колхозников является задачей особо важной в условиях, когда большинство трудящихся крестьян объединились в колхозы».

Постановление 16 января 1930 г. «О мерах борьбы с хищническим убоем скота» (СЗ СССР 1930 г. № 6) констатирует, что «в ряде мест происходит хищнический убой скота. Он является одним из способов вредительства со стороны кулаков, которые этим подрывают коллективизацию и препятствуют подъему сельского хозяйства». В связи с этим постановление устанавливает ответственность виновных в этих деяниях кулаков.

В связи с необходимостью обеспечения сохранности сельскохозяйственных машин и осуществления борьбы с преступно-небрежным к ним отношением, ЦИК и СНК СССР 13 февраля 1931 г. издали постановление «Об ответственности за поломку и порчу тракторов и сельскохозяйственных машин» (СЗ СССР 1931 г. № 9, ст. 104).

В период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства социалистическое уголовное законодательство уделяет исключительно большое внимание борьбе с посягательствами на социалистическую собственность как с основной формой деятельности врагов народа в этот период. Это соответствовало указаниям товарища Сталина о том, что «Революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхищителей общественной собственности. Основная забота революционной законности в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом. Вот почему борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти, — является одной из основных задач партии»².

Центральное место в законодательстве этого периода занимает исторический закон 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (СЗ СССР 1932 г., № 62).

После издания закона 7 августа 1932 г. общесоюзное уголовное законодательство неоднократно обращается к вопросам, связанным с борьбой с хищениями социалистической собственности.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 392—393.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е стр. 394.

В борьбе со спекуляцией, которая тесно связана, как неоднократно указывали Ленин и Сталин, с хищениями, большую роль сыграло постановление ЦИК и СНК СССР 22 августа 1932 г. (СЗ СССР 1932 г. № 65), изданное ввиду того, что за последнее время, несмотря на запрещение, участились случаи спекуляции, особенно спекуляции товарами массового потребления.

Необходимость решительно перестроить работу реконструируемого транспорта, в корне улучшить трудовую дисциплину на транспорте и ликвидировать отставание транспорта от других участков социалистического хозяйства, в частности ликвидировать крушения, аварии и т. д., обусловила издание специального закона, усиливающего борьбу с преступлениями на транспорте (постановление ЦИК и СНК СССР 23 января 1931 г. — СЗ СССР 1931 г. № 4).

Одной из задач в развертывании социалистической индустрии явилось обеспечение высокого качества выпускаемой фабриками и заводами продукции. Постановление ЦИК и СНК СССР 8 декабря 1933 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции» (СЗ СССР 1933 г. № 73) указывало, что выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции должен рассматриваться как «тяжкое противогосударственное преступление», ответственность за которое возлагается на руководителей трестов, предприятий и административно-технический персонал.

Обмеривание и обвешивание потребителя, производимое работниками советской торговли, — тяжкое преступление, посягающее на принципы советской торговли и нарушающее интересы трудящихся. Рассматривая это преступление как обворовывание потребителя и обман Советского государства, постановлением ЦИК и СНК СССР 25 июля 1934 г. (СЗ СССР 1934 г. № 41) предложено ввести в уголовные кодексы союзных республик статью, предусматривающую это преступление.

В рассматриваемый период общесоюзное уголовное законодательство пополняется еще тремя особо важными законами.

Постановлением ЦИК СССР 14 марта 1933 г. «Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты» (СЗ СССР 1933 г. № 19) предложено по делам о диверсиях, поджогах, взрывах, порче машинных установок и по прочим видам вредительства применять особо строгие наказания.

Постановлением ЦИК СССР 8 июня 1934 г. (СЗ СССР 1934 г. № 33) в Положении о преступлениях государственных вводятся ст. ст. 1^а—1^д об ответственности за измену родине. Этот исторический закон с исключительной силой подчеркнул священную обязанность советского гражданина, особенно военнослужащего, защищать свое социалистическое отечество. Измена родине является самым тяжким злодеянием.

Издание закона об измене родине имело исключительное значение. Ленин и Сталин неоднократно указывали, что пролетариат должен защищать свое отечество с момента захвата им власти. Ленин говорил, что мы за защиту отечества с того дня, когда свергли свою буржуазию, дали свободу угнетенным народам, дали землю народу.

Совершенное 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С. М. Кирова троцкистско-бухаринской бандой вызвало необходимость принятия решительных мер борьбы со злодейскими террористическими актами. В связи с этим постановлением ЦИК и СНК СССР 1 декабря 1934 г. в уголовно-процессуальное законодательство вносятся изменения, обеспечивающие быстроту и меткость ударов по террористам (СЗ СССР 1934 г. № 74).

III. Не разоблаченные тогда еще враги народа, пробравшиеся на руководящие посты в органы юстиции и в теоретической области пытались своими вредительскими «теориями» и проектами Уголовного кодекса подорвать основы социалистического уголовного права. Они проповедывали нигилистическое отношение к советскому уголовному закону, разрабатывали проекты кодекса без точных составов преступлений и без точных санкций.

Эти вредительские «установки» были впоследствии разоблачены, и врагам народа был нанесен сокрушительный удар, в результате чего и была создана возможность ликвидировать последствия вредительства на правовом фронте.

В рассматриваемый период советское социалистическое уголовное законодательство характеризуется следующими основными чертами: дальнейшее укрепление революционной законности, основной задачей которой становится охрана социалистической собственности; издание целого ряда общесоюзных норм уголовного законодательства, определяющих борьбу с наиболее опасными преступлениями.

§ 25. Период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведения новой Конституции

№ 1.

I. Сталинская Конституция подняла на новую высоту учение Ленина-Сталина о революционной законности и социалистическом уголовном законе.

В докладе о проекте Конституции СССР товарищ Сталин указал: «Конституция есть основной закон, и только основной закон. Конституция не исключает, а предполагает текущую законодательную работу будущих законодательных органов. Конституция дает юридическую базу для будущей законодательной деятельности таких органов»¹.

В эпоху победившего социализма еще больше возрастают роль и значение социалистического закона.

Выдвинутое товарищем Сталиным требование стабильности советских законов является основой социалистической законности в настоящее время: «Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было»².

В области уголовного права требование стабильности законов находит свое выражение в закреплённом Сталинской Конституцией положении о едином Уголовном кодексе СССР.

Первая и единственная в мире Конституция победившего социализма является основой советского социалистического уголовного права. Принципы, положенные в основу Сталинской Конституции, находят свое отражение в советском уголовном праве.

Из общих положений Конституции СССР явствует, что социалистическое уголовное право имеет своей задачей охрану и укрепление социалистического государства рабочих и крестьян и его политических и экономических основ. Из постановлений Конституции вытекает необходимость усиленной охраны личности гражданина СССР, его личных прав и личной собственности.

✓ II. В период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведения новой Конституции классовая борьба протекала в ожесточенных формах.

Шпионская, диверсионно-террористическая, подрывная, вредительская, изменническая деятельность подлых наймитов иностранных разведок — троцкистско-бухаринских бандитов — была в основном разоблачена и разгромлена.

Анализируя формы классовой борьбы в конце рассматриваемого периода, товарищ Сталин указал на необходимость помнить и никогда не забывать, что пока есть враждебное окружение — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств.

Осуществляя беспощадную борьбу с врагами народа, совершившими тяжчайшие злодеяния, суд в этот период обращает большое внимание и на борьбу с теми преступлениями, в которых находят свое выражение пережитки капитализма в сознании людей.

III. В период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведения новой Конституции общесоюзное уголовное законодательство обогащается целым рядом важнейших уголовных законов.

¹ Сталин, Доклад о проекте Конституции СССР, Партиздат, 1936, стр. 31.

² Там же, стр. 39.

Прежде всего следует отметить дальнейшее развитие норм Общей части.

Для усиления борьбы с наиболее опасными преступлениями ЦИК и СНК СССР 8 августа 1936 г. принимают постановление о дополнении ст. ст. 13 и 18 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (СЗ СССР. 1936 г. № 44). Согласно этому постановлению, наиболее опасные преступники могут приговариваться к лишению свободы в виде заключения в тюрьму.

2 октября 1937 г. постановлением ЦИК СССР (СЗ СССР 1937 г. № 66) в целях дальнейшего усиления борьбы со шпионажем, вредительством, с попытками организации взрывов, крушений поездов, поджогов с человеческими жертвами и других диверсионных актов во изменение ст. 18 «Основных начал» по перечисленным видам преступлений установлено лишение свободы на срок до 25 лет.

В целях быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних постановлением ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. (СЗ СССР 1935 г. № 19) установлена уголовная ответственность по некоторым преступлениям с 12-летнего возраста и особо выделена уголовная ответственность организаторов преступлений несовершеннолетних.

Нормы Особенной части в этот период пополняются рядом важных постановлений.

В целях обеспечения быстрой и решительной борьбы с вредительскими и диверсионными актами в уголовно-процессуальные кодексы союзных республик постановлением ЦИК СССР 14 сентября 1937 г. (СЗ СССР 1937 г. № 61) вносятся изменения, согласно которым кассационное обжалование по делам об указанных преступлениях не допускается и приговоры к высшей мере наказания приводятся в исполнение немедленно по отклонении ходатайства осужденных о помиловании.

Положение о выборах в Верховный Совет СССР, утвержденное ЦИК СССР 9 июля 1937 г. (СЗ СССР 1937 г. № 113), вводит три новых состава преступления: препятствование гражданину СССР в осуществлении им избирательных прав, подделка избирательных документов и заведомо неправильный подсчет голосов.

Важным законом, принятым в рассматриваемый период, является постановление ЦИК и СНК СССР 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи рождениям, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» (СЗ СССР 1936 г. № 34). Этот закон, принятый после всенародного обсуждения его проекта, явился выражением сталинской заботы о женщине-матери и детях.

IV. В последний период времени был принят ряд законов, имеющих исключительно большое политическое значение, по-новому ставящих основные вопросы социалистического уголовного права.

Требование ст. 130 Конституции СССР, обращенное ко всем советским гражданам, блюсти дисциплину социалистического труда, соблюдать правила социалистического общежития, свято блюсти незыблемость советских законов, конкретизировано в ряде Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Указ «О переходе на восьмичасовую рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», изданный 26 июня 1940 г., определил карательную политику по делам о прогулах и самовольном уходе рабочих и служащих. Этот Указ играет исключительно большую воспитательную роль в деле укрепления социалистической дисциплины труда.

В борьбе за укрепление правил социалистического общежития громадную роль играет Указ Президиума Верховного Совета СССР 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство».

Как показывает изучение судебной практики, решительная борьба с хулиганством и мелкими кражами дала очень большие положительные результаты.

Карательная политика по этому делу обесценила крутой перелом в борьбе с такими пережитками капитализма в сознании людей, как хулиганство и хищения (хотя бы и мелкие) социалистической собственности.

Так же велико политическое значение и других изданных в последний период времени указов Президиума Верховного Совета СССР: 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» и 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия».

Все эти указы направлены на осуществление тех задач, которые стоят перед социалистическим государством в данный период его развития.

§ 26. Уголовное законодательство за время Великой Отечественной войны

Состояние войны, в котором оказался СССР вследствие предательского нападения на него фашистской Германии, вызвало издание советской властью ряда важнейших законодательных актов. В первый же день войны Президиум Верховного Совета СССР был издан Указ «О военном положении». Согласно ст. 7 этого Указа, в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передаются на рассмотрение военных трибуналов. Передавая эти дела военным трибуналам, Указ тем самым подчеркивал особую опасность определенных преступлений в условиях военного времени. К таким делам Указом были отнесены: дела о государственных преступлениях (т. е. контрреволюционные и особо опасные против порядка управления); дела о преступлениях, предусмотренных законом 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности; все дела о преступлениях, совершенных военнослужащими; дела о разбое (ст. 167 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик); дела о насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи (ст. 81 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик); дела о уклонении от всеобщей воинской обязанности (ст. 68 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик); о сопротивлении представителям власти (ст. 73 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик); дела о незаконной покупке, продаже и хранении оружия (ст. ст. 164-а, 166-а и 182 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик). Кроме того, Указ предоставлял военным властям право передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, злом хулиганстве и иных преступлениях, предусмотренных уголовными кодексами союзных республик, если командование признает это необходимым по обстоятельствам военного времени. Военным властям Указ «О военном положении» предоставлял право издавать обязательные для всего населения постановления, устанавливая за неисполнение их административные взыскания в виде лишения свободы на срок до шести месяцев или штрафа до 3000 руб.

Указ «О военном положении» 26 июня 1941 г. является характерным для второй фазы развития социалистического государства. Согласно п. «п» ст. 49 Союзной Конституции, военное положение вводится в интересах обороны или обеспечения общественного порядка и безопасности. Основная задача военного положения — усиление обороноспособности страны. Прошли безвозвратно те времена, когда интервенты и агрессоры могли рассчитывать на поддержку внутренней контрреволюции. Указывая 6 ноября 1941 г. на причины провала молниеносной войны, товарищ Сталин указал, что «...немцы рассчитывали... на непрочность советского тыла, полагали, что... пойдут восстания и страна распадется на составные части... Но немцы и здесь жестоко просчитались... Никогда еще советский тыл не был так прочен, как теперь. Вполне вероятно, что любое другое государство, имея такие потери территории, как мы имеем теперь, не выдержало бы испытания и пришлось бы в упадок. Если советский строй так

легко выдержал испытание и еще больше укрепил свой тыл, то это значит, что советский строй является теперь наиболее прочным строем»¹.

Указ «О военном положении» 1941 г. отражал прочность советского строя, прочность советского тыла. Прочность советского строя, прочность советского тыла сказались и на советском уголовном законодательстве и на судебной практике военного времени, значительно облегчив борьбу с дезорганизаторами тыла.

Указ Президиума Верховного Совета СССР 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», установил за это преступление наказание в виде тюремного заключения на срок от двух до пяти лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой более тяжкого наказания.

Необходимость увеличить производство продукции на предприятиях военной промышленности потребовала закрепления на этих предприятиях рабочих и служащих. Для борьбы с самовольными уходами с этих предприятий Президиум Верховного Совета СССР издал 26 декабря 1941 г. Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Указ постановляет, что все рабочие и служащие мужского и женского пола предприятий военной промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, военного судостроения, военной химии), в том числе эвакуированных предприятий, а также предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность по принципу кооперации, считаются на период войны мобилизованными и закрепляются для постоянной работы за теми предприятиями, на которых они работают. Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий указанных отраслей промышленности рассматривается как дезертирство, а лица, виновные в самовольном уходе, караются лишением свободы в виде заключения в тюрьму на срок от пяти до восьми лет. Дела о самовольном уходе (дезертирстве) с предприятий указанных отраслей подлежат рассмотрению в военных трибуналах.

Специальными указами, изданными в 1942 и 1943 гг., Указ 26 декабря 1941 г. был распространен на рабочих и служащих угольной, нефтяной и других отраслей промышленности.

16 января 1942 г. были установлены новые правила учета и передвижения в военное время военнообязанных и призывников. За умышленное нарушение этих правил виновные должны привлекаться по ст. 193^{10а} УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Отечественная война потребовала мобилизации всех сил страны. В целях обеспечения рабочей силой важнейших предприятий и строек военной промышленности и других отраслей народного хозяйства, работающих на нужды обороны, Президиум Верховного Совета СССР издал 13 февраля 1942 г. Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» с установлением уголовной ответственности за уклонение от этой мобилизации.

В целях оказания помощи колхозам, совхозам и МТС в своевременном выполнении ими сельскохозяйственных работ 13 апреля 1942 г. состоялось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей». Указом Президиума Верховного Совета СССР 15 апреля 1942 г. установлена уголовная ответственность за уклонение от этой мобилизации.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. был установлен обязательный минимум трудовой для трудоспособных колхозников. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудовой» отмечалось, что этот минимум подавляющим большинством колхозников выполняется и перевыполняется. Ввиду этого и в целях своевременного проведения всех сельскохозяйственных работ, чтобы тем самым обеспечить колхозам получение высокого урожая и дальнейшего развития животноводства, а колхозникам — более высоких на-

¹ Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 3-е изд., 1943 г., стр. 20.

натуральных и денежных доходов по трудовым, а также в целях обеспечения страны и Красной Армии достаточным количеством продовольствия СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили повысить обязательный минимум трудовых. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 г. установил уголовную ответственность колхозников, не выполнивших без уважительных причин обязательного минимума трудовых.

В целях усиления борьбы за надлежащее использование горючего Президиум Верховного Совета СССР установил Указом 23 июня 1942 г. специальную ответственность за расхищение горючего в МТС и совхозах (тюремное заключение на срок от трех до пяти лет).

29 сентября 1942 г. был издан Указ о переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах. Этот Указ предписывал рассматривать самовольный уход такого рода лиц с предприятий и из учреждений как дезертирство и предписывал карать его по Указу от 26 декабря 1941 г. Вместе с тем Указ 29 сентября 1942 г. рассматривал необеспечение со стороны руководителей предприятий и учреждений организованной и полной эвакуации рабочих, служащих и инженерно-технических работников как специальное должностное преступление, караемое тюремным заключением на срок от пяти до десяти лет.

2 мая 1943 г. последовал Указ об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам.

15 апреля 1943 г. был издан Указ «О введении военного положения на всех железных дорогах». Указ в своей вводной части отмечал, что подавляющее большинство рабочих и служащих железнодорожного транспорта честно и добросовестно выполняет свой долг перед Родиной. Но Указ подчеркивал вместе с тем, что поскольку в условиях войны точное и своевременное выполнение железнодорожным транспортом заданий правительства по перевозкам имеет особо важное военное и народнохозяйственное значение, то недопустимо, чтобы недисциплинированное меньшинство рабочих и служащих железнодорожного транспорта срывало бесперебойное снабжение фронта и мешало честным труженикам железнодорожного транспорта выполнять свой долг перед Родиной.

Согласно Указу 15 апреля 1943 г., все рабочие и служащие железнодорожного транспорта на период войны считаются мобилизованными и закрепленными для работы на железнодорожном транспорте. Ответственность работников железнодорожного транспорта за преступления по службе устанавливалась наравне с военнослужащими Красной Армии.

Указом 9 мая 1943 г. Указ «О введении военного положения на морском и речном транспорте» Указ от 15 апреля 1943 г. был распространен на Наркомфлот, Наркомречфлот и Главное управление Северного морского пути при СНК СССР.

За время Отечественной войны было сравнительно немного издано законодательных актов, непосредственно относящихся к Общей части уголовного права. Так, 27 февраля 1942 г. был издан Указ «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта», 26 февраля 1943 г. был издан Указ «О признании не имеющими судимости военнослужащих, проявивших себя стойкими защитниками Родины, и освобождении от наказания».

15 июня 1943 г. было издано постановление СНК СССР «Об усилении борьбы с хулиганством и преступностью несовершеннолетних» (Изложение указов от 27 февраля 1942 г. и 26 февраля 1943 г., а равно постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г. дается в тексте учебника).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. установил за измену и соучастие в злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками, смертную казнь через повешение, а для менее активных пособников — каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УЧЕНИЕ ОБ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

ГЛАВА VI

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ ОБ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

§ 27. Понятие уголовного закона

Уголовный закон есть акт высшего органа государственной власти, содержащий юридические нормы, определяющие, какие действия и бездействия являются преступными и какие наказания органы суда должны применять к лицам, совершившим их.

Советский уголовный закон защищает от общественно-опасных посягательств социалистическое общественное и государственное устройство СССР, социалистическую собственность и социалистическую систему хозяйства, личность, ее права и законные интересы и социалистический правопорядок. Эту защиту уголовный закон осуществляет, устанавливая применение мер наказания к лицам, совершившим преступления.

Советский уголовный закон определяет круг преступных деяний, виды преступлений, их сравнительную тяжесть и виды наказаний, соответствующие степени тяжести каждого преступного деяния.

Советский уголовный закон является единственным источником советского уголовного права. При определении преступности совершенного деяния и при избрании меры наказания суд, в соответствии со ст. 112 Конституции СССР, подчиняется только закону. Уголовный закон, как и всякий другой советский закон, является непреложным и общеобязательным.

Одной из основных обязанностей граждан, в первую очередь должностных лиц, осуществляющих социалистическое правосудие, является соблюдение Конституции и точное исполнение законов социалистического государства.

Всякое отступление от веления закона ведет к ослаблению социалистической законности, к нарушению интересов государства, интересов и законных прав граждан.

Суд подчиняется только закону. Правила социалистического общежития не могут считаться источником уголовного права, но они имеют существенное значение для правильного понимания ряда норм советского уголовного закона.

Например, уголовный закон карает оскорбление личности (ст. 159 УК РСФСР) и клевету, т. е. распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (ст. 161 УК РСФСР). Определить, какие именно измышления являются порочащими, какие слова или действия — оскорбляющими личность, возможно, лишь руководствуясь неписаными, но общепринятыми правилами социалистического общежития.

§ 28. Уголовное законодательство СССР и союзных республик

1. Действующее советское уголовное законодательство складывается из общесоюзных уголовных законов и уголовных законов союзных республик. Несмотря на некоторые различия между отдельными уголовными законами союзных республик, в целом их следует рассматривать как в принципе единое советское социалистическое уголовное законодательство.

До образования Союза Советских Социалистических Республик законодательные акты уголовно-правового характера издавались каждой советской социалистической республикой самостоятельно. Единство уголовного права выразилось в том, что основные положения советского уголовного законодательства были одинаковы во всех советских республиках. Уголовное законодательство РСФСР служило основой законодательства других советских республик, воспроизводивших его со сравнительно небольшими изменениями, вызываемыми особенностями этих республик.

Конституция СССР 1924 г. отнесла к ведению Союза ССР в лице его верховных органов «установление основ судостроительства и судопроизводства, а также основ гражданского и уголовного законодательства Союза» (п. «п» ст. 1) и «право амнистии, распространяемой на всю территорию Союза ССР» (п. «ц» той же статьи).

В соответствии с этими положениями Конституции СССР 2-я сессия ЦИК СССР II созыва конкретно определила компетенцию Союза ССР в области уголовного законодательства, отнеся к ней издание «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», положений о преступлениях государственных и воинских и отдельных законодательных актов, указывающих союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной единой судебной политики.

Совокупность указанных законодательных актов и составляет те общесоюзные Основы уголовного законодательства, о которых говорит Конституция СССР 1924 г.

Наряду с общесоюзным законодательством в силу Конституции СССР 1924 г. сохранилось и уголовное законодательство (уголовные кодексы) союзных республик, воспринявшее постановления общесоюзного законодательства.

В силу п. «х» ст. 14 Конституции СССР 1936 г. к ведению Союза ССР отнесено издание уголовного кодекса, который, таким образом, будет общесоюзным кодексом.

До издания общесоюзного Уголовного кодекса в основном действует уголовное законодательство, созданное на основе Конституции СССР 1924 г. Оно состоит из общесоюзного уголовного законодательства и уголовных кодексов и других законодательных актов уголовно-правового характера союзных республик.

II. Общесоюзное уголовное законодательство состоит из перечисленных ниже законодательных актов:

1) «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», принятые 2-й сессией ЦИК СССР II созыва и введенные в действие постановлением ЦИК СССР 31 октября 1924 г. (СЗ СССР 1924 г. № 24). «Основные начала», в соответствии с Конституцией СССР 1924 г., определяют пределы уголовного законодательства как Союза ССР, так и союзных республик, содержат уголовно-правовые нормы, относящиеся к Общей части Уголовного кодекса, и отдельные указания союзным республикам об издании некоторых норм, относящихся к Общей части.

2) Положение о преступлениях государственных, принятое ЦИК СССР 25 февраля 1927 г. Положение действует на всей территории СССР с дополнениями, внесенными в него в последующие годы. Статьи Положения включены без изменения в уголовные кодексы союзных республик.

3) Закон 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Закон 7 августа 1932 г. не включен в уголовные кодексы союзных республик, но действует и применяется как самостоятельный акт на всей территории СССР.

4) Положение о воинских преступлениях, первоначально изданное в 1924 г. Положение действует в редакции, принятой 27 июля 1927 г. Оно включено в уголовные кодексы союзных республик в качестве отдельной главы (глава IX Особенной части УК РСФСР).

5) Отдельные законодательные акты уголовно-правового характера, изданные в соответствии со ст. 3 «Основных начал», предоставившей Президиуму ЦИК СССР право в необходимых случаях указывать союзным республикам виды и роды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой судебной политики. Эти общесоюзные законодательные акты за отдельными исключениями дословно или с некоторыми изменениями, не затрагивающими их существа, вошли в уголовные кодексы союзных республик. Таковы, например, постановления ЦИК и СНК СССР 7 декабря 1931 г. и 7 марта 1932 г., уголовно-правовые статьи закона 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов», указы Президиума Верховного Совета СССР 10 июля и 10 августа 1940 г. и др.

По характеру содержащихся в них уголовно-правовых норм эти общесоюзные законодательные акты можно разделить на несколько видов:

а) Законодательные акты, подлежавшие включению в уголовные кодексы союзных республик полностью, в дословном тексте общесоюзного закона. Таково, например, постановление ЦИК и СНК СССР 7 августа 1935 г., дословно включенное в УК РСФСР в качестве статьи 75⁴.

б) Законодательные акты, содержащие основные элементы уголовно-правовой нормы, но не содержащие готового текста статьи. Законы этого вида отличаются от указанных выше только тем, что они не содержат готового текста статей Уголовного кодекса, но включают основные их элементы. Таково, например, норма закона 7 апреля 1935 г., устанавливающая ответственность за подстрекательство или привлечение несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также за понуждение несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п. В уголовные кодексы союзных республик этот закон включен с необходимыми редакционными изменениями (ст. 73² УК РСФСР).

в) Законодательные акты, содержащие указания союзным республикам об издании тех или иных уголовных законов, но не определяющие основных элементов этих законов. Таково, например, постановление ЦИК и СНК СССР 7 марта 1932 г. «Об усилении борьбы с хищениями и пропажей почтовых отправлений», которым правительствам союзных республик было предложено установить более суровую ответственность за хищения и пропажу почтовых отправлений. В указанных случаях условия преступности и наказуемости должны определяться законодательством союзных республик.

г) Законодательные акты СССР, которыми даны указания о применении действующих норм уголовного закона, в частности о квалификации преступных деяний по тем или иным статьям Уголовного кодекса и об установлении на основе существующего закона уголовной ответственности за определенные деяния. Так, ст. 14 Положения о государственном пожарном надзоре 7 апреля 1936 г. (СЗ СССР 1936 г. № 18) определяет, что самовольное досрочное оставление службы в городской пожарной охране карается по ст. 111 УК РСФСР.

Некоторые общесоюзные законодательные акты, содержащие уголовно-правовые нормы, не вошли в уголовные кодексы. Таковы нормы ст. ст. 111 и 112 Положения о выборах в Верховный Совет СССР (за исключением УК УССР), ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1940 г., ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР 10 февраля 1941 г., нормы закона 17 июля 1935 г. (СЗ СССР 1935 г. № 45) об ответственности за незаконный въезд в пограничные местности и проживание там.

При привлечении к уголовной ответственности и осуждении за преступные деяния, предусмотренные общесоюзным законом, уголовно-правовые нормы которого не включены в Уголовный кодекс, должна делаться ссылка на этот общесоюзный закон.

Приведенными законодательными актами, однако, не исчерпывается законодательство СССР, содержащее уголовно-правовые нормы. Важнейшие положения советского уголовного права содержатся в Законе о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, принятом Верховным Советом СССР 16 августа 1938 г. Особо надо указать на ст. 2, говорящую о задачах правосудия в СССР, ст. ст. 3 и 4, определяющие цели применения наказания, и ст. 5, указывающую начала, на которых осуществляется правосудие в СССР. Ряд норм уголовно-правового характера содержат «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (в частности ст. ст. 3, 6 и 6¹). Многие другие законодательные акты СССР содержат нормы, прямо или косвенно относящиеся к уголовному праву. Таковы Таможенный кодекс СССР, содержащий определение квалифицированной и простой контрабанды, постановление ЦИК СССР 17 августа 1932 г. о сельских общественных судах и многие другие законы.

Для понимания и правильного применения ряда уголовных законов необходимо изучение постановлений и распоряжений СНК СССР. Так, понимание ст. 192-а УК РСФСР, карающей нарушение паспортного законодательства, невозможно без знания Положения о паспортах 8 сентября 1940 г.

III. Некоторые уголовные законы СССР и союзных республик изданы в соответствии с международными конвенциями, в которые вступил СССР. Беря на себя при подписании международного договора обязательство издать определенный закон, СССР соответственно изменяет или пополняет свое законодательство.

В действующем УК РСФСР ст. ст. 176 и 184 вытекают из Брюссельских конвенций 23 сентября 1910 г. о столкновении судов, оказании помощи и спасении на море; ст. 80 УК РСФСР основывается на Парижской конвенции 14 марта 1884 г. об охране подводных телеграфных кабелей. Эти конвенции 2 февраля 1926 г. признаны СНК СССР имеющими силу для СССР.

Часть 2 ст. 86 УК РСФСР вытекает из конвенции 7 июля 1911 г. о международной охране котиков, подтвержденной СНК СССР 2 февраля 1926 г.

Статьи 94 и 183 (в части незаконного пользования знаками Красного креста и Красного полумесяца), 193³⁰ и 193³¹ вытекают из Женевской конвенции 6 июля 1906 г. и Гаагской конвенции 18 октября 1907 г. об улучшении во время войны участи раненых и больных воинов. Эти конвенции 16 июня 1925 г. признаны имеющими силу для СССР.

Закон 17 октября 1935 г. об ответственности за изготовление, хранение, рекламирование порнографических предметов и торговлю ими (ст. 182¹ УК РСФСР) издан в соответствии с Международной конвенцией 4 мая 1910 г. о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими. Конвенция признана имеющей силу для СССР.

Статьи международных договоров, упоминающие об уголовной ответственности за определенные деяния, разумеется, не являются уголовными законами, но имеют в некоторых случаях существенное значение для правильного понимания и истолкования уголовных законов, изданных в соответствии с этими договорами. Так, например, для понимания ст. 182¹ УК РСФСР, предусматривающей ответственность за распространение порнографических изданий, существенное значение может иметь перечень деяний, признаваемых наказуемыми, который дан в конвенции. Для определения понятия иностранной валюты, подделка которой карается по ст. 8 Положения о преступлениях государственных, необходимо обратиться к ст. 3 Международной конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков, подписанной в Женеве 20 апреля 1929 г. (СЗ СССР, отд. II, 1932 г., № 6).

IV. Действующее уголовное законодательство союзных республик состоит из уголовных кодексов и отдельных уголовных законов.

Уголовные кодексы изданы союзными республиками самостоятельно. В настоящее время действуют следующие уголовные кодексы:

УК РСФСР редакции 1926 г., введенный в действие с 1 января 1927 г. Он распространяет свое действие также на территорию Казахской и Киргизской союзных республик, которые до издания Сталинской Конституции входили в состав РСФСР в качестве автономных республик, и на Карело-Финскую ССР. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР 6 ноября 1940 г. УК РСФСР временно, впредь до издания общесоюзного Уголовного кодекса, введен в действие в Литовской, Латвийской и Эстонской союзных республиках;

УК Украинской ССР 1927 г., введенный в действие с 1 июля 1927 г. По Указу Президиума Верховного Совета СССР, УК Украинской ССР временно, впредь до издания общесоюзного Уголовного кодекса, введен на территории Молдавской ССР;

УК Белорусской ССР 1928 г., введенный в действие с 15 ноября 1928 г.;

УК Азербайджанской ССР 1927 г., введенный в действие с 15 января 1928 г.;

УК Армянской ССР 1927 г., введенный в действие с 1 ноября 1927 г.;

УК Грузинской ССР 1928 г., введенный в действие с 1 мая 1928 г.;

УК Узбекской ССР 1926 г., введенный в действие с 1 июля 1926 г.;

УК Туркменской ССР 1928 г., введенный в действие с 1 мая 1928 г.;

УК Таджикской ССР 1935 г., введенный в действие с 15 июня 1935 г.

V. Действующее советское уголовное законодательство, созданное на основе Конституции СССР 1924 г., представляет собой в принципе единое законодательство.

Общесоюзный уголовный закон определяет и законодательство союзных республик по данному вопросу. Он или действует самостоятельно на всей территории СССР, или же входит в уголовные кодексы союзных республик в качестве их органической части. Так, общесоюзные положения о преступлениях государственных и воинских являются главами уголовных кодексов союзных республик, нормы «Основных начал» входят в нормы Общей части уголовных кодексов союзных республик.

Вместе с тем единство общесоюзного и республиканского законодательства выражается в распространении действия Общей части уголовных кодексов союзных республик также и на деяния, преступность и наказуемость которых определены общесоюзным законом. Например, уголовное преследование за производство незаконного аборта самой беременной женщиной, караемое в силу общесоюзного закона общественным порицанием, погашается в пределах Украинской ССР годичным, а в пределах РСФСР — трехлетним давностным сроком.

Принципиальное единство общесоюзного и республиканского советского уголовного законодательства находит свое выражение и в том, что суды, в том числе и судебные органы СССР, вынося приговор, применяют непосредственно не общесоюзный закон, а соответствующие статьи уголовного кодекса данной союзной республики. Например, военный трибунал, действующий в пределах РСФСР, осуждая за несвоевременное прибытие в часть военнослужащего, квалифицирует преступление не по ст. 10 Положения о воинских преступлениях, а по ст. 193¹⁰ УК РСФСР.

Лишь в случае, когда общесоюзный закон не включен в текст уголовного кодекса союзной республики, он применяется судами непосредственно. Так, например, применяется ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1940 г.

Общесоюзные уголовные законы непосредственно применяются на всей территории СССР также в период от момента издания нового общесоюзного уголовного закона до включения его в уголовные кодексы союзных республик. Так, после издания Указа 10 июля 1940 г. об ответственности за выпуск промышленными предприятиями недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции до соответствующего изменения УК РСФСР Указом 16 ноября 1940 г. судебные органы РСФСР квалифицировали указанное преступление непосредственно по Указу 10 июля 1940 г.

VI. Общесоюзные законы действуют на всей территории СССР с момента их издания и сохраняют в полной мере свое действие и после включения их норм в уголовные кодексы союзных республик. Поэтому если статья уголовного кодекса союзной

республики содержит норму, расходящуюся с нормой общесоюзного закона, то в силу ст. 20 Конституции СССР должна применяться норма общесоюзного закона.

В УК Узбекской ССР к числу государственных преступлений отнесен ряд деяний, которые общесоюзное законодательство не считает государственными преступлениями (хулиганство, самоуправство и т. д.). Суды Узбекской ССР при определении понятия государственного преступления должны руководствоваться не УК Узбекской ССР, а общесоюзным Положением о преступлениях государственных. Согласно ст. 55 УК РСФСР, судимость считается погашенной в случае несовершения отбывшим наказание лицом в течение определенного срока другого, не менее тяжкого преступления. В силу же ст. 10¹ общесоюзных «Основных начал» судимость погашается в случае несовершения в течение этого срока всякого нового преступления. Поскольку здесь имеет место расхождение УК РСФСР с общесоюзным законом, суд обязан руководствоваться не ст. 55 УК РСФСР, а ст. 10¹ «Основных начал».

§ 29. Строение уголовных кодексов и структура их статей

I. Уголовный кодекс представляет собой законодательный акт, отличающийся внутренним единством, взаимной связанностью содержащихся в нем норм.

Уголовные кодексы делятся на Общую и Особенную части, которые органически связаны между собой.

Законодательные памятники древнего мира и средневековья знали лишь описания конкретных преступлений и виды наказаний по ним, причём отдельные положения нынешней Общей части (о видах виновности, об ответственности за покушение, об ответственности соучастников, об исключении ответственности или необходимости обороны и т. д.) являлись обычно составной частью постановлений закона, определяющих наказуемость отдельных видов преступлений. Деление уголовного кодекса на Общую и Особенную части получает принципиальное значение со времен французской буржуазной революции: в Особенной части давался исчерпывающий перечень преступлений.

II. По своему характеру нормы уголовного закона одновременно являются и запрещающими и обязывающими. Они запрещают совершение тех деяний, которые предусмотрены ими, под страхом наказания и вместе с тем обязывают компетентные органы государственной власти применять установленные наказания в случае совершения этих деяний.

Статьи Особенной части (за исключением трех статей, излагающих общие понятия о контрреволюционных преступлениях, о преступлениях против порядка управления и о воинских преступлениях) состоят из диспозиции и санкции.

Некоторые статьи делятся на части, каждая из которых, воспроизводя общее содержание уголовно-правовой нормы, вместе с тем отличается некоторыми особенностями, имеющими иногда ис-

ключительно большое значение. Поэтому каждая часть статьи содержит диспозицию и санкцию.

Части статьи в большинстве случаев не разделяются какими-либо знаками (например ст. ст. 61, 74, 128-а и 128-г УК РСФСР), но в некоторых случаях имеют особые показатели (например пп. «а»—«е» ст. 162 УК РСФСР). Не следует смешивать с отдельными частями одной статьи статью, имеющую тот же номер, но с каким-либо буквенным или цифровым показателем (например ст. ст. 73¹, 73², 154-а и 164-а УК РСФСР). Они содержат самостоятельный состав преступления, но так как они были введены в действие после издания Уголовного кодекса, то во избежание ломки нумерации всей Особенной части им присвоен номер той статьи Уголовного кодекса, к которой они ближе всего подходят по содержанию, и дан отличительный признак в виде буквенного или цифрового показателя.

III. Диспозицией называется часть статьи, содержащая определение отдельного преступного деяния. Так, в ст. 161 УК РСФСР диспозицией являются слова: «клевета, т. е. распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений».

Диспозиции бывают четырех видов: 1) простая, 2) описательная, 3) бланкетная и 4) ссылочная.

Простой называется диспозиция, которая содержит лишь наименование преступного деяния, не определяя его признаков. Такова, например, диспозиция ст. 159 УК РСФСР, которая, говоря о наказуемости оскорбления, не приводит признаков этого преступления. Простая диспозиция употребляется в советском законодательстве обычно в тех случаях, когда признаки преступного деяния достаточно ясны и без специального пояснения в законе.

Описательной называется диспозиция, которая приводит признаки преступного деяния. Такова, например, диспозиция ст. 109 УК РСФСР, которая, устанавливая наказуемость злоупотребления властью или служебным положением, поясняет, какие именно действия должностного лица рассматриваются как указанное злоупотребление.

Надо иметь в виду, что ни один признак преступного деяния, указанный в описательной части диспозиции, не может быть опущен без ущерба для точного понимания или применения закона.

Бланкетной называется диспозиция, в которой закон не определяет существа преступного деяния, а отсылает к другим законодательным актам или же правительственным постановлениям и распоряжениям, приказам и инструкциям народных комиссариатов и постановлениям местных органов власти. Такова, например, диспозиция ст. 105 УК РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение правил о торговле.

Для применения статьи закона, содержащей бланкетную диспозицию, необходимо обращаться к постановлениям, инструкциям,

приказам или распоряжениям, о которых говорит статья Уголовного кодекса.

Ссылочной называется диспозиция, которая не дает определения преступления и его признаков, а отсылает к другой статье или части статьи уголовного закона, где это определение дается (например ст. 132 УК РСФСР). Отдельные части статей Уголовного кодекса имеют ссылочные диспозиции с дополнительным признаком: «Те же действия при наличии таких-то условий». Ссылочная диспозиция лишь заменяет собой повторение диспозиции другой статьи Уголовного кодекса и потому не представляет самостоятельного вида диспозиции.

IV. Санкцией называется та часть статьи, которая определяет конкретное наказание за совершение преступления, указанного в диспозиции.

Санкция определяет вид и пределы уголовного наказания. Санкция статьи Особенной части, по общему правилу, определяет основную меру наказания и реже — дополнительную (например конфискация).

Санкции в советских уголовных законах делятся на два вида: 1) относительно-определенные и 2) абсолютно-определенные. В истории уголовного права известны также санкции абсолютно-неопределенные, например: «наказать по всей строгости законов».

Относительно-определенная санкция указывает вид наказания и его низший и высший пределы, предоставляя суду возможность индивидуализации наказания, чтобы в зависимости от степени виновности, учитывая отягчающие и смягчающие обстоятельства, назначить конкретную меру наказания в пределах, очерченных санкцией.

В советских уголовных кодексах встречаются следующие виды относительно-определенных санкций:

а) Санкция, определяющая лишь высший предел уголовного наказания. Таковы, например, санкции ст. ст. 73^а, 107 УК РСФСР и др. Низшим пределом является в этом случае низший предел, установленный в Общей части для данной меры уголовного наказания. Например, если в санкции определены исправительно-трудовые работы на срок до одного года, низшим пределом санкции является один день, так как эта мера в силу ст. 30 УК РСФСР применяется на срок от одного дня до одного года.

б) Санкция, определяющая лишь низший предел уголовного наказания. Таковы, например, санкции ст. ст. 73^а, 107 УК РСФСР и ряда других. Закон не указывает в этом случае высшего предела, но им является предел, установленный Общей частью для этого вида уголовного наказания, например, для лишения свободы — 10 лет, за исключением преступлений, указанных в законе 2 октября 1937 г., по которым может быть назначено лишение свободы на срок до 25 лет.

в) Санкция, определяющая как низший, так и высший предел наказания — от и до. Этот вид санкции является преобладающим

в уголовном законодательстве начиная с 1940 г. Таковы санкции за самовольное оставление работы по Указу 26 июня 1940 г., за преступления, караемые по указам 10 июля 1940 г., 10 февраля 1941 г. и др.

В абсолютно-определенной санкции закон определяет не только вид, но и точно определенный размер наказания, исключая возможность выбора меры наказания судом. Так, Указом 10 августа 1940 г. за хулиганство и мелкую кражу на предприятиях и в учреждениях установлена санкция в виде одного года тюремного заключения.

Одни санкции содержат только один определенный вид основного наказания; такова, например, санкция ст. 116 УК РСФСР, определяющая только лишение свободы. Многие санкции предоставляют суду возможность выбора между несколькими видами наказания (так называемая альтернативная санкция).

В ряде случаев, определяя в санкции вид наказания, закон далее указывает, что при наличии отягчающих или смягчающих обстоятельств должен применяться другой вид наказания. Так, по ст. 59³ УК РСФСР (бандитизм) в качестве основной меры наказания указано лишение свободы на срок не ниже трех лет; в случае же наличия особо отягчающих обстоятельств суд может применить высшую меру наказания (расстрел), указанную в той же статье.

Иногда санкция носит отсылочный характер. Не содержа определения вида и пределов наказания, она указывает другую статью, санкция которой и должна применяться в таких случаях. Таковы, например, санкции ст. ст. 58³, 58⁵ и 58⁸ УК РСФСР. Отсылочная санкция показывает, что данное преступление представляется одинаково опасным с преступлением, предусмотренным статьей, к которой сделана отсылка.

ГЛАВА VII

ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

§ 30. Действие уголовного закона во времени 13. VI

I. Существенным вопросом при анализе и применении каждого закона является определение пределов его действия. Это относится в полной мере и к уголовному закону. Необходимо определить действие уголовного закона во времени и действие уголовного закона в пространстве.

Определение пределов действия уголовного закона во времени требует анализа ряда вопросов, связанных с установлением момента вступления закона в силу, продолжительности его действия, момента прекращения его силы и т. д.

Вопрос о пределах действия уголовного закона во времени является вопросом материально-правовым и скорее должен был бы

быть разрешен в «Основных началах». Однако по действующему праву он разрешается в «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», ст. 3 которых устанавливает, что применение судом мер наказания определяется уголовными законами, действующими в момент совершения преступления. Законы, вовсе отменяющие применение мер наказания по данному деянию или смягчающие эти меры, имеют обратную силу (см. также ч. 1 ст. 2 УИК РСФСР).

II. Уголовный закон утрачивает силу в следующих случаях:

а) в случае отмены или прекращения его действия законодательным актом; так, постановлением ВЦИК 24 мая 1922 г. о введении в действие УК РСФСР прекращено действие всех других норм, устанавливавших до издания Уголовного кодекса основания и пределы уголовной ответственности;

б) в случае замены его другим уголовным законом; так, постановление ЦИК и СНК СССР 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт» прекратило действие ряда статей уголовных кодексов союзных республик (ст. 140, ч. 2 ст. 158 УК РСФСР), нормы которых были, таким образом, заменены нормами, содержащимися в законе 27 июня 1936 г.; Указ Президиума Верховного Совета СССР 10 июля 1940 г. прекратил действие закона 8 декабря 1933 г., а следовательно, и основанной на этом законе ст. 128-а УК РСФСР в редакции 1934 г.

Иногда в новом законе указывается, какие из действующих законов им заменяются, в некоторых же случаях установить это можно путем сопоставления содержания законов. По общему правилу, позднейший закон заменяет ранее изданный закон по тому же вопросу;

в) за истечением срока действия закона, если в законе этот срок указан;

г) вследствие прекращения действия тех установлений, которые охранялись от преступных посягательств данной уголовной нормой. Так, например, ст. 100 УК РСФСР, предусматривавшая нарушение акцизных правил или правил об особом патентном сборе, утратила значение вследствие отмены акцизов и патентного сбора. Однако такие нормы уголовного закона до отмены их законом же сохраняют свою силу в отношении деяний, совершенных ранее, в данном случае — в отношении нарушений, имевших место до отмены акцизов и патентного сбора.

III. Уголовный закон, как это указывается в ст. 3 «Основ уголовного судопроизводства», в некоторых случаях имеет обратную силу, т. е. применяется и к деяниям, совершенным до его издания.

Здесь надо различать два случая:

а) новый уголовный закон отменяет наказуемость деяния, которое подлежало уголовному преследованию по прежнему закону,

или смягчает меру наказания по этому преступлению; в последнем случае закон имеет обратную силу, т. е. деяния, которые по новому закону не являются преступными, не подлежат уголовному преследованию, хотя бы они были совершены при действии закона, карающего эти деяния; если же закон смягчает наказуемость этих деяний, суды обязаны применять более мягкие санкции нового закона;

б) новый закон устанавливает наказуемость какого-либо деяния или усиливает наказание за преступление; в этом случае, по общему правилу, в соответствии со ст. 3 «Основ уголовного судопроизводства» преступность и наказуемость деяния определяются по уголовному закону, действовавшему в момент совершения деяния, т. е. деяние, которое было до того ненаказуемым, не подлежит уголовному преследованию, к виновному же в совершении деяния, которое по новому закону влечет более тяжкое наказание, чем по прежнему закону, применяются меры наказания, определившиеся прежним законом.

В очень редких случаях в виде исключения советское законодательство считает возможным придать обратную силу уголовному закону, устанавливающему более суровую наказуемость преступных деяний. Такие изъятия специально указываются каждый раз в законе, и суд в этом случае применяет новый уголовный закон также в отношении предусмотренных этим законом деяний, хотя бы они были совершены и до его издания. Так, обратная сила придана законом 19 октября 1922 г. новой редакции ст. ст. 114 и 114¹ УК РСФСР 1922 г., которыми была установлена более суровая наказуемость взяточничества. Закон 21 ноября 1929 г. о не-ребяжиках в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства имеет обратную силу, поскольку об этом сказано в самом законе.

§ 31. Действие уголовного закона в пространстве

1. Пределы действия советского уголовного закона в пространстве установлены на основе сочетания двух принципов: 1) принципа территориального и 2) принципа гражданства.

Территориальный принцип действия уголовного закона состоит в безусловном распространении действия уголовного закона на всю территорию государства. Все лица, независимо от их гражданства или подданства, находящиеся на территории государства, подлежат действию уголовного закона, т. е. в случае совершения предусмотренных им преступлений подвергаются установленным законом наказаниям. Территориальный принцип вытекает из принципа суверенитета государства. СССР есть суверенное государство, поэтому законы СССР и входящих в него союзных республик имеют непреложную силу на территории СССР и нарушение советского закона, произведенное кем бы то ни было на территории СССР, вызывает указанные законом последствия независимо от того, является ли нарушивший закон гражданином СССР, иностранцем или лицом без гражданства. Исключения ус-

тановлены на началах взаимности только для лиц, пользующихся экстерриториальностью (см. ниже).

Общий принцип применения уголовного закона к преступлениям, совершенным на территории СССР, сформулирован в ст. 1 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»: «Все лица, находящиеся на территории Союза ССР, кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан, подлежат за совершенные ими на территории Союза ССР преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления».

Территорией СССР является как суша, включая и острова, так и внутренние моря, и прибрежная полоса океанов и морей, омывающих берега нашей родины (так называемые территориальные воды), и воздушные пространства над ними. Деяния, предусмотренные советскими уголовными законами, считаются совершенными на территории СССР и в том случае, если они совершены в открытом море на корабле, плавающем под флагом СССР. Деяния, совершенные лицом, принадлежащим к экипажу военного корабля СССР, считаются совершенными на территории СССР и в том случае, если они совершены на этом корабле во время стоянки его в иностранном порту или во время плавания его в прибрежных водах иностранного государства. Акты подстрекательства, пособничества и т. п., имевшие место за границей, считаются совершенными на территории СССР, если само преступление совершено в пределах СССР. Равным образом преступление считается совершенным на территории СССР, если на ней имела место хотя бы одна из стадий преступления.

В СССР действует как общесоюзное уголовное законодательство, так и законодательство союзных республик. Поэтому необходимо определить пределы действия в пространстве союзных и республиканских законов.

Общая норма содержится в ст. 1 «Основных начал», указывающей, что ответственность определяется уголовным законом места совершения преступления.

Уголовные законы СССР имеют в одинаковой мере действие на территории всех союзных советских социалистических республик (ст. 19 Конституции СССР).

Преступное деяние карается по уголовным законам той союзной республики, на территории которой оно совершено.

Принципиальное единство всего советского уголовного законодательства находит свое выражение в том, что суд выносит приговор по Уголовному кодексу той союзной республики, на территории которой совершено преступление, а не по Уголовному кодексу той республики, в которой разбирается дело. Например, народный суд в Москве, рассматривая дело о преступлении, совершенном в Тбилиси, руководствуется Уголовным кодексом не РСФСР, а Грузинской ССР.

Если преступление совершено на судне, находящемся в открытом море, то в отношении его применяется уголовный кодекс той союзной республики, к порту которой приписано судно.

Общесоюзные и республиканские советские законы, как правило, действуют на всей территории, первые — СССР, вторые — данной союзной республики. Однако в тех случаях, когда законодательные органы считают, что определенные деяния представляют опасность лишь в некоторых местностях, эти органы издают уголовные законы с ограниченными пределами действия, т. е. действующие лишь в определенной местности.

Такова глава X УК РСФСР. В силу ст. 205 УК РСФСР она действует не на всей территории РСФСР, а лишь в тех автономных республиках, автономных областях и отдельных местностях РСФСР, на территории которых предусмотренные ею действия являются преступлениями, составляющими пережитки родового быта.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 17 июня 1924 г. УК РСФСР был дополнен статьями о водных преступлениях, действие которых ограничивалось отдельными районами Казахской ССР (входившей тогда в РСФСР в качестве автономной республики).

II. Экстерриториальность. Единственное изъятие, которое советское законодательство делает в отношении действия советских уголовных законов на территории СССР, — это изъятие для иностранцев, пользующихся экстерриториальностью (внеземельностью).

Экстерриториальностью в силу закона 14 января 1927 г. (СЗ СССР 1927 г. № 5, ст. 48) на началах взаимности пользуются дипломатические представители и члены дипломатических представительств иностранных государств, а также супруги этих лиц и их несовершеннолетние дети.

Перечисляя права и преимущества, присвоенные указанным лицам согласно нормам международного права, закон, в частности, указывает, что эти лица пользуются личной неприкосновенностью, в силу которой они не могут быть подвергнуты аресту или задержанию в судебном или административном порядке. Они не подлежат юрисдикции судебных учреждений СССР и союзных республик по уголовным делам. Исключение составляют случаи, когда имеется согласие правительства соответствующего государства.

Консулы иностранных государств не подлежат юрисдикции судебных учреждений СССР и союзных республик только по делам о должностных преступлениях.

В силу особых договоров право экстерриториальности может быть предоставлено лицам, которые хотя и не состоят дипломатическими представителями, но приравняются к последним указанными договорами.

Помимо дипломатических представителей и приравненных к ним лиц экстерриториальностью в отношении уголовной ответ-

ственности пользуются лица из экипажа военного иностранного судна в случае, если во время стояния этого судна в порту СССР преступление совершено на борту этого судна. Однако, если преступление совершено вне пределов судна, например на территории советского порта, виновные подлежат ответственности по советским уголовным законам.

III. Принцип гражданства означает, что гражданин СССР подлежит уголовной ответственности перед советским судом за предусмотренные советским уголовным законом преступления, совершенные и за пределами СССР.

Это положение ст. 1 «Основных начал» не требует пояснений: гражданин советского социалистического государства рабочих и крестьян ответственен перед своим государством за все свои поступки, где бы он их ни совершил. Возможны, однако, случаи, когда советский гражданин совершил за границей деяние, являющееся наказуемым и по уголовным законам той страны, на территории которой оно совершено, например убийство, кражу, и уже понес за него наказание по закону места совершения преступления. Это обстоятельство не исключает уголовной ответственности за то же деяние, если оно является преступным по советскому законодательству, перед судом социалистического государства, однако при вынесении приговора может быть учтено, что виновный уже был подвергнут наказанию за границей.

Поскольку в СССР впредь до издания общесоюзного Уголовного кодекса действуют уголовные кодексы союзных республик, возникает вопрос, какой же из них применяется в тех случаях, когда преступление совершено гражданином СССР за границей. Исходя из положения об одинаковой значимости всех уголовных кодексов, изданных равноправными союзными республиками, «Основные начала» разрешают этот вопрос так: «...Граждане Союза ССР подлежат... ответственности за совершенные ими за границей преступления, в случае их задержания на территории Союза ССР, по законам места задержания или предания суду или следствию». Таким образом, применяется Уголовный кодекс той союзной республики, на территории которой задержан виновный или начато расследование по делу.

Советская власть, неуклонно осуществляя незыблемые принципы ленинско-сталинской национальной политики, в полной мере признала равноправие и суверенность государств (Иран, Турция, Китай и др.), в которых на основании неравноправных договоров русские подданные пользовались правом экстерриториальности. Это принцип был провозглашен в обращении Совета Народных Комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока 3 декабря (20 ноября) 1917 г., написанном товарищем Сталиным, и в принятой III Всероссийским съездом советов 25 (12 января) 1918 г. «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанной В. И. Лениным при ближайшем участии товарища Сталина.

В договоре, заключенном с Турцией 16 марта 1921 г., советское правительство юридически закрепило отказ от капитуляций. Статья VII договора гласит: «Правительство Российской Социал-

листической Федеративной Советской Республики, считая режим капитуляций не совместимым со свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав, считает потерявшими силу и отмененными всякого рода действия и права, имеющие какое-либо отношение к этому режиму».

Аналогичные пункты содержатся в договорах советского правительства с Ираном, Китаем и другими странами.

IV. Вопрос о выдаче преступника из СССР не регулируется специальным законодательным актом. Он может быть разрешен в каждом конкретном случае в дипломатическом порядке.

Не подлежат выдаче иностранные граждане, которым СССР предоставил право убежища.

В СССР с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции было признано право убежища иностранцев, преследуемых за политическую или научную деятельность. Право убежища впервые было определено в декрете 28 (15) марта 1918 г.

Основные положения этого декрета были включены в Конституцию РСФСР 1918 г. (ст. 21). По ст. 12 Конституции РСФСР 1925 г. (в редакции, принятой в 1929 г. XIV Всероссийским съездом советов), право убежища предоставлялось «всем иностранцам, подвергающимся преследованиям за революционно-освободительную деятельность».

Сталинская Конституция в разделе «Основные права и обязанности граждан» установила (ст. 129), что «СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу».

Право убежища политических и религиозных преступников, бежавших со своей родины от преследований, — институт, созданный буржуазией, когда она шла к власти, боролась с феодализмом. Статья 120 конституции Франции 1793 г. обеспечивала убежище во Франции всем «изгнанникам за дело свободы». В то же время французские эмигранты — монархисты и контрреволюционеры — находили убежище в феодально-абсолютистских государствах Европы.

В первой половине XIX в. невыдача политических преступников явилась одним из программных требований либерализма. Впереди других стран в этом отношении шли Англия и Швейцария. Реакционно-монархические страны, в особенности царская Россия, Пруссия и Австрия, долгое время упорно выступали против предоставления убежища политическим преступникам. Будучи вынужденным в 1867 г. признать принцип невыдачи политических преступников, царское правительство пыталось, где только возможно, отменить этот принцип, а в 1911 г. официально признало их выдачу.

V. В новых советских республиках и областях действует уголовное законодательство СССР и уголовное законодательство РСФСР или Украинской ССР (см. ниже). В западных областях Украинской и Белорусской союзных республик действуют соответственно уголовные кодексы Украинской и Белорусской союзных республик.

В прибалтийских союзных советских социалистических республиках до конца 1940 г. сохраняли силу уголовные кодексы, действовавшие до установления советской власти, с существенными изменениями и дополнениями, внесенными в них высшими органами власти республики после установления советской власти.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 6 ноября 1940 г. президиумам верховных советов прибалтийских советских республик было предоставлено право ввести на территории этих республик временно, впредь до издания общесоюзного Уголовного кодекса, УК РСФСР. В соответствии с этим указами президиумов верховных советов Латвийской, Литовской и Эстонской союзных республик на территории этих республик введен в действие в 1940 г. УК РСФСР. В связи с введением в действие на территории этих республик УК РСФСР были даны указания о применении на территории этих республик общесоюзных законов и указов, содержащих уголовно-правовые нормы.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР 14 декабря 1940 г. на территории Молдавской ССР временно, впредь до издания общесоюзного Уголовного кодекса, введен в действие УК Украинской ССР.

Введенные на территории новых советских республик и областей советские уголовные законы применяются ко всем деяниям, совершенным с момента введения в действие этих законов. В части же действия советских уголовных законов в отношении деяний, совершенных до введения советских уголовных законов, исчерпывающие указания даны в указах Президиума Верховного Совета СССР 6 ноября и 14 декабря 1940 г. и в постановлении СНК СССР 22 апреля 1940 г. «О порядке применения уголовного и гражданского законодательства на территории западных областей УССР и БССР», в указах президиумов верховных советов новых советских республик и в изданных на основе этих указов инструкциях народных комиссариатов этих республик.

Перечисленными актами установлены следующие принципы действия советских уголовных законов в отношении деяний, совершенных до установления советской власти:

1. Приговоры буржуазных судов, еще не приведенные в исполнение, не подлежат исполнению. Все дела, по которым вынесен приговор, не приведенный еще полностью в исполнение, подлежат пересмотру в соответствии с советским уголовным законом.

Дела, по которым привлечены лица, совершившие деяния, не преступные по советскому закону, подлежат прекращению.

Если же деяние является преступным по советскому праву, мера наказания определяется в соответствии с санкцией соответствующей статьи советского Уголовного кодекса с зачетом отбытого наказания.

Эти указания вытекают из принципиального положения, что в социалистическом государстве действуют только нормы социалистического права, в частности и уголовного права. Понятие преступления определяется с точки зрения советского социалистического права.

2. При пересмотре дела «суды выясняют мотивы преступления и принимают во внимание классовое и социальное положение осужденного и пострадавшего во время совершения преступления» (ст. 2 Инструкции НКЮ Латвийской ССР от 3 декабря 1940 г.). Таким образом, пересмотр дела означает учет всех обстоятельств, характеризующих субъекта преступления и совершенное им деяние в момент совершения преступления.

3. При пересмотре дел ранее назначенное наказание не повышается.

4. Привлечение к уголовной ответственности за преступления, совершенные до установления советской власти, может производиться только на основании действующего советского уголовного закона.

ГЛАВА VIII

ТОЛКОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА № 31

§ 32. Виды толкования уголовного закона

I. Толкование уголовного закона, т. е. уяснение его истинного смысла, необходимо при всяком изучении или применении закона. Словесное выражение закона может иногда неточно, неясно или неполно выражать мысль закона. Выявление этой мысли и составляет задачу толкования закона.

Советский закон есть подлинное выражение государственной воли всего советского народа. Все советское законодательство едино в своих исходных положениях и последовательно. Если в отдельных случаях текст закона неясно, неполно или неточно передает мысль советского законодателя, то истинное содержание этой нормы закона всегда может быть установлено исходя из анализа всей системы советского законодательства.

Отдельный закон или отдельная статья советского закона не могут рассматриваться изолированно. Каждый закон является звеном всей системы мероприятий по развитию и укреплению социалистического общества и государства. Поэтому при толковании какого-либо советского закона надо рассматривать его во взаимодействии с другими законами, определяя цели, которые поставлены перед этим законом советским законодателем.

II. Толкование советского уголовного закона осуществляется как органами государственной власти, так и научными учрежде-

ниями и отдельными учеными-юристами. Надо различать толкование, имеющее обязательную силу и не имеющее такой силы.

Можно определить три вида толкования уголовного закона:

1. Толкование, даваемое высшими органами государственной власти СССР. В силу п. «б» ст. 49 Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР «дает толкование действующих законов СССР». Такое толкование законов является обязательным для всех лиц и учреждений в Советском Союзе. Так, Президиум Верховного Совета СССР Указом 7 июля 1941 г. разъяснил, что несовершеннолетние, достигшие 12 лет, могут подлежать ответственности по закону 7 апреля 1935 г. (ст. 12 УК РСФСР) не только при умышленной, но и при неосторожной вине.

2. Судебное толкование закона имеет место при применении законов судами. Толкование уголовного закона, даваемое вышестоящими судами при отмене ими судебного приговора ввиду неправильного применения закона, является для суда, вторично рассматривающего дело, обязательным, но лишь по данному делу. Советское уголовное право не признает юридического значения судебного прецедента, поэтому истолкование закона, данное в приговоре или определении по конкретному делу, не может иметь обязательной силы ни для этого суда по другим делам, ни для других судов.

При действии Положения о Верховном суде СССР 1929 г., ныне утратившего силу, Пленуму Верховного суда СССР принадлежало право давать разъяснения законов, имевшие общеобязательное значение; были тогда определены также положениями о судеустройстве союзных республик и права пленумов верховных судов союзных республик.

По действующему Закону о судеустройстве (ст. 75), Пленум Верховного суда СССР «...дает руководящие указания по вопросам судебной практики на основании решений, принятых по рассмотренным Верховным судом СССР судебным делам». Эти указания обязательны для всех судов.

3. Научное толкование закона дается научно-исследовательскими учреждениями и отдельными учеными-юристами. Таково, например, толкование закона, даваемое в учебниках, комментариях к закону, в статьях и специальных монографиях. Это толкование может иметь значение для развития теории советского социалистического права и для практической работы органов, применяющих закон, но оно, разумеется, не является само по себе обязательным ни для каких лиц или учреждений.

§ 33. Приемы толкования уголовного закона

I. При толковании закона приходится пользоваться различными приемами и средствами.

К числу таких приемов и средств можно отнести: а) установление текста закона, б) выяснение терминологии закона, в) граммати-

ческий анализ, г) систематический анализ закона и д) исторический анализ закона.

а) Установление текста закона означает нахождение того закона, который действует в данный момент или действовал в момент совершения преступления. Обычно можно ограничиться обращением к тексту Уголовного кодекса, но в ряде случаев этого оказывается недостаточно и следует обратиться к другим законодательным актам, анализ которых оказывается необходимым. Так, выше говорилось, что при применении статей уголовного кодекса союзной республики, основанных на общесоюзном уголовном законе, иногда надо обращаться непосредственно к тексту общесоюзного закона. Иногда для полного выяснения закона надо изучить другой законодательный акт. Так, для установления круга действий, наказуемых по ст. ст. 59^а и 83 УК РСФСР (контрабанда), необходимо обратиться к ст. ст. 164—166 Таможенного кодекса.

б) Выяснение терминологии закона важно для того, чтобы понять мысль закона. Иногда закон употребляет различные термины для обозначения одного и того же понятия. Например, определение умышленного характера деяния дается в законе нередко словами «умышленно», «заведомо», «с намерением», «с целью». Иногда сходные термины содержат различные оттенки мысли законодателя. Изучая каждый термин уголовного закона и сопоставляя его со сходными терминами, надо установить, считал ли законодатель эти термины идентичными или же вкладывал в каждый из них иное содержание.

в) Грамматический анализ закона состоит в выяснении смысла закона путем этимологического и синтаксического разбора текста закона. Например, употребление в ст. 109 раздельного союза «или» свидетельствует о том, что для применения этой статьи достаточно наличия одного из указанных в ней обстоятельств, т. е. или корыстной, или иной личной заинтересованности, или систематичности, или наступления, или даже заведомой для должностного лица возможности наступления тяжелых последствий.

г) Систематический анализ закона состоит в сопоставлении анализируемого положения с другими положениями закона.

Примером систематического анализа закона может служить решение вопроса о пределах санкции за умышленные тяжкие телесные повреждения, совершенные при превышении пределов необходимой обороны. Закон (ст. 142 УК РСФСР) установил за тяжкое телесное повреждение санкцию в виде лишения свободы на срок до восьми лет, не выделив специально статьи, карающей такое же телесное повреждение, совершенное при превышении необходимой обороны. Следует ли отсюда, что суд вправе по ст. 142 применить лишение свободы на срок до восьми лет и за такое телесное повреждение? Нет, не следует. Обращаясь к ст. 139 УК РСФСР, мы видим, что закон установил за убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны, наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или исправительно-трудовых работ на срок до одного года. Поскольку телесное повреждение есть более легкое преступление, чем убийство, мы вправе сказать, что мера

наказания за телесное повреждение, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны, во всяком случае не должна превышать наказание, определенное в ст. 139, т. е. трех лет лишения свободы.

При систематическом толковании приходится нередко обращаться не только к уголовному законодательству, но и к законам, относящимся к другим отраслям советского социалистического права.

д) Исторический анализ закона состоит в исследовании тех соображений, которые были положены в основу закона. Изучение обстоятельств издания закона или его изменения может иногда помочь усвоению его смысла и определению объема его применения.

II. Толкование уголовного закона может быть ограничительным и распространительным. Слова закона иногда неточно передают его мысль; бывает, что закон имел в виду охватить больший круг явлений, чем это выражено в его словах, и, наоборот, иногда закон употребляет слова, которые слишком расширяют мысль закона.

При ограничительном толковании закону придается более узкий, более ограниченный смысл, чем буквальный смысл закона. Наоборот, при распространительном толковании закону придается более широкий смысл, чем буквальный его смысл. Во всяком случае должен быть установлен подлинный смысл закона, и совершенно недопустимо произвольное его толкование.

Примером ограничительного толкования может служить уяснение подлинного смысла ст. 152 УК РСФСР. Эта статья карает развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий над ними. По буквальному смыслу этой нормы закона, по ст. 152 надо преследовать развращение лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Однако мысль закона не такова. Применяя систематическое толкование закона, мы сопоставляем ст. 152 со ст. 151, карающей ненасильственное половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости. Вывод таков, что если закон ограничивает ответственность за более тяжкое посягательство на несовершеннолетних, т. е. совершение с ними полового сношения, лишь случаями, когда потерпевшим являлось лицо, не достигшее половой зрелости, то тем более он должен был установить подобное же ограничение в отношении более легкого преступления — совершения развратных действий без полового сношения. Следовательно, мы даем норме ст. 152 ограничительное толкование и признаем, что по этой статье карается развращение путем развратных действий не всякого несовершеннолетнего, а лишь несовершеннолетнего, не достигшего половой зрелости.

В качестве примера распространительного толкования закона можно привести постановление Пленума Верховного суда РСФСР 2 марта 1927 г., по которому кража государственного или общественного имущества, хранящегося у частных лиц, если совершивший кражу заведомо знал, кому принадлежит имущество, должна рассматриваться как кража из государственного учреждения.

§ 34. Аналогия

Советский уголовный закон дает общее определение преступления и указывает в Особенной части конкретные виды преступлений. По общему правилу, совершенное деяние может подлежать

уголовной ответственности лишь тогда, когда оно прямо предусмотрено статьей Особенной части, т. е. когда оно содержит все признаки, наличие которых закон считает необходимым для состава данного преступления. Однако, вместе с тем, в виде исключения ст. 3 «Основных начал» (ст. 16 УК РСФСР) допускает уголовную ответственность по аналогии.

Применение аналогии обставлено рядом существенных условий. Оно допускается при наличии одновременно следующих трех условий: а) совершено общественно-опасное деяние; б) это деяние прямо не предусмотрено статьей Особенной части и в) имеется статья Уголовного кодекса, предусматривающая деяние, сходное с совершенным.

Первое условие вытекает из определения преступления в советском уголовном праве. Преступление есть деяние общественно-опасное, поэтому, только признав совершенное деяние общественно-опасным, требующим применения уголовного наказания, можно ставить вопрос о применении по аналогии статьи Уголовного кодекса в отношении этого деяния.

Второе условие выражено в законе в негативной форме. Закон говорит, что аналогия применяется тогда, когда совершенное общественно-опасное деяние прямо не предусмотрено Уголовным кодексом (ст. 16 УК РСФСР). Из этого следует, что деяние, прямо предусмотренное статьей Уголовного кодекса, должно квалифицироваться и караться по этой статье, применение же по аналогии другой статьи означало бы отказ от принципа неуклонного соблюдения законов. Если закон указал преступление и определил за него меру наказания, то он, следовательно, дал исчерпывающее определение степени опасности этого преступления. Поэтому грубую ошибку делают суды, применяющие какую-либо статью Уголовного кодекса по аналогии с целью усилить меру наказания при наличии статьи, прямо предусматривающей совершенное преступление. Так, уголовно-судебная коллегия Верховного суда СССР определением 10 апреля 1939 г. признала неправильной квалификацию по аналогии с бандитизмом деяния К., совершившего злостное хулиганство, поскольку в Уголовном кодексе имеется статья (ст. 74), прямо предусматривающая совершенное К. преступление, т. е. злостное хулиганство.

Третье условие для применения статьи Особенной части по аналогии — сходство совершенного деяния по роду и важности с преступлением, указанным в статье Уголовного кодекса, применяемой по аналогии.

УК РСФСР говорит лишь о сходстве по роду, в то время как «Основные начала» требуют еще одного признака — сходства по важности. Исходя из общего принципа о приоритете общесоюзного закона, следует признать необходимым для применения аналогии наличия обоих этих признаков.

Закон говорит о возможности применения аналогии в тех случаях, когда совершенное общественно-опасное деяние прямо

не предусмотрено Особенной частью Уголовного кодекса. Эти слова закона можно понимать только в том смысле, что для применения аналогии совершенно необходимо, чтобы совершенное деяние все же предусматривалось уголовным законом, но не прямо, а в общих, родовых признаках.

В этом случае можно говорить о сходстве совершенного деяния с преступлением, предусмотренным законом по роду и важности.

Статья 79² УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за порчу и поломку принадлежащих машинно-тракторным станциям и колхозам тракторов и сельскохозяйственных машин, вызванную преступно-небрежным отношением к этому имуществу. В законе прямо не предусматривается ответственность за истребление или повреждение в результате небрежности другого имущества колхозов и МТС — построек, инвентаря складов и т. п. Однако все остальные признаки этого деяния, безусловно являющегося общественно-опасным, сходны по роду и важности с преступлением, предусмотренным ст. 79² УК РСФСР. Поэтому данное преступление можно квалифицировать по ст. 16 и 79² УК РСФСР.

Наоборот, было бы совершенно неправильным применение по аналогии статьи Уголовного кодекса, не содержащей общих родовых признаков совершенного деяния, в частности применение статьи, карающей умышленное преступление, к деянию, совершенному по неосторожности, и наоборот.

В основе ошибок практики лежит часто неверное представление, что при помощи аналогии можно, как угодно пользоваться уголовным законом. В действительности, «аналогия — говорит академик Вышинский, — не освобождает от необходимости понимать закон, ...не дает права объявлять преступным то, что кажется преступным органу, ведущему расследование, — прокуратуре, или органу, разрешающему вопрос об ответственности, — суду. Безотносительно к положительному, действующему праву. Наоборот, пользование аналогией возможно лишь на основе действующего законодательства, применительно к существующим законам, на строгой основе закона и, больше того, — закона, указанного в Уголовном Кодексе»¹.

Так, Уголовно-судебная коллегия Верховного суда СССР определением 22 марта 1939 г. признала неправильным применение по аналогии ст. 175 УК РСФСР, предусматривающей умышленное истребление имущества, в отношении К., виновной в истреблении имущества путем пожара, вызванного неосторожностью К. Уголовно-судебная коллегия указала, что «в данном случае ст. 175 применена по аналогии к действию, не только не сходному по своему содержанию с содержанием этой статьи, но прямо противоположному последней».

¹ Вышинский, К положению на фронте правовой теории, 1937 г., стр. 25.

Аналогию не следует смешивать с распространительным толкованием закона, о котором говорилось выше. Распространительное толкование преследует только цель уяснения действительного смысла закона, недостаточно точно выраженного в тексте закона. Установив действительный смысл закона, суд применяет статью Особенной части, предусматривающую совершенное деяние.

При применении же аналогии суд исходит из признания пребельности закона, т. е. констатирует, что совершенное деяние данной статьей Уголовного кодекса прямо не предусмотрено, и применяет эту статью только как предусматривающую сходное по роду и важности преступление.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

ГЛАВА IX

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

§ 35. Понятие преступления

I. Социалистический уголовный закон дает материальное определение понятия преступления, т. е. определяет по существу, какое действие или бездействие в социалистическом государстве считаются преступными.

Социалистический уголовный закон, давая материальное определение понятия преступления, тем самым открыто провозглашает классовый характер социалистического уголовного права. Преступлением наш закон считает то действие или бездействие, которые являются общественно-опасными с точки зрения интересов всех трудящихся, строящих под руководством рабочего класса коммунистическое общество нашей страны.

Социалистическое уголовное право с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции защищало интересы громадного большинства населения — всех трудящихся. С ликвидацией эксплуататорских классов в нашей стране и укреплением морально-политического единства советского народа наше уголовное право защищает интересы всего народа против изменников родины, вредителей, расхитителей социалистической собственности и других врагов народа, а также против убийц, бандитов, воров, хулиганов, нарушителей трудовой дисциплины и иных преступников.

Понятие преступления, данное в ст. 6 УК РСФСР, содержит указание лишь на один из самых существенных признаков преступления — общественную опасность совершенного действия или бездействия. Однако не всякое общественно-опасное действие или бездействие является преступлением. В силу постановлений «Основных начал» и Общей части уголовных кодексов союзных республик преступлением может быть признано лишь виновное общественно-опасное действие или бездействие: лишь только тогда общественно-опасное действие или бездействие может быть признано преступлением, когда оно совершено умышленно или неосторожно.

Признание данного виновного общественно-опасного действия или бездействия преступлением означает вместе с тем, что оно

может влечь за собой применение наказания. Поэтому наказуемость виновного общественно-опасного действия или бездействия является также необходимым признаком преступления. Такие действия или бездействия являются преступлениями в социалистическом государстве, определяет социалистическое уголовное законодательство. Признавая то или иное действие или бездействие преступлением, социалистический уголовный закон устанавливает за их совершение соответствующее наказание. В нем выражается оценка общественной опасности совершенного преступления. Лишь в исключительных случаях, когда общественно-опасное действие прямо не предусмотрено уголовным законом, его наказуемость определяется по аналогии (ст. 16 УК РСФСР). Если общественно-опасное действие или бездействие не влечет за собой наказания, то оно не может считаться преступлением. Таким образом, преступление есть общественно-опасное виновное наказуемое действие или бездействие.

II. Общественная опасность каждого отдельного преступления находит свое выражение в признании его наказуемым по социалистическому уголовному законодательству. Возможны случаи, что совершенное действие отвечает признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом, но тем не менее по существу не может быть признано общественно-опасным и, следовательно, не может подлежать наказанию. Это может иметь место или в силу малозначительности совершенных действий и отсутствия вредных последствий или в силу изменившейся социально-политической обстановки.

Это положение нашло свое признание еще в ст. 16 «Руководящих начал». «С исчезновением условий, в которых определенное деяние представлялось опасным для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию». УК РСФСР 1922 г. не содержал никаких постановлений по этому вопросу. Однако уже в 1924 г. сессия ВЦИК поручила Президиуму разработать вопрос о прекращении дел по незначительным проступкам до судебного разбирательства по мотивам целесообразности. В соответствии с этим 9 февраля 1925 г. Президиум ВЦИК дополнил УПК РСФСР ст. 4-а. Согласно этой статье прокурор и суд имели право «отказаться в возбуждении уголовного преследования, а равно прекратить производством уголовное дело в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, но не может считаться общественно-опасным (ст. 6 Уголовного кодекса) вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется явно нецелесообразным». Хотя ст. 4-а и была включена в УПК РСФСР, но по существу в значительной степени являлась нормой не процессуального, а материального уголовного права. Это положение в УК РСФСР 1926 г. отражено в примечании к ст. 6 и в ст. 8. Примечание к ст. 6 говорит: «не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного».

Согласно ст. 8, конкретное действие, являющееся в момент совершения его преступлением, но к моменту расследования или рассмотрения его су-

дом потерявшее характер общественно-опасного в силу изменившейся социально-политической обстановки, не влечет применения меры наказания.

Положения, содержащиеся в примечании к ст. 6 и в ст. 8 УК РСФСР, отражены и в общесоюзном законодательстве. Постановлением ЦИК и СНК СССР 13 октября 1929 г. «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 1924 г. дополнены ст. 6¹, согласно которой «Уголовное преследование может быть прекращено во всякой стадии процесса в случае, когда совершенные обвиняемые действия хотя формально и заключают в себе признаки общественно-опасных деяний, но по своей маловажности и по отсутствию вредных последствий или в силу конкретной социально-политической обстановки не имеют и не могут иметь общественно-опасного характера».

При прекращении дела в силу явной малозначительности действия и отсутствия вредных последствий необходимо одновременное наличие обоих признаков. Покушение на преступление часто может сопровождаться отсутствием вредных последствий, тем не менее, по общему правилу, оно не может быть признано маловажным, малозначительным деянием и поэтому влечет за собой уголовную ответственность. Вместе с тем возможны случаи, когда совершенное действие вызвало те или иные последствия, но они не могут быть признаны с точки зрения уголовного права действительно вредными последствиями. Например, умышленное повреждение не имеющего ценности чужого листа бумаги не может быть признано общественно-опасным и влечь за собой ответственность по ст. 175 УК РСФСР за умышленное повреждение чужого имущества. Малозначительность совершенного деяния должна быть такой, что применение наказания в данном конкретном случае являлось бы излишним с точки зрения осуществления задач уголовного законодательства СССР.

В ряде случаев приговорительные действия к совершению преступления могут не влечь за собой уголовного преследования в силу малозначительности совершенного действия и отсутствия вредных последствий.

Норма о прекращении уголовного преследования в силу изменившейся социально-политической обстановки вызвана тем, что нецелесообразно преследование в отдельных случаях за те или иные преступления, которые в новых конкретно-исторических условиях уже не представляют общественной опасности, хотя бы предусматривающий их уголовный закон и не перестал еще действовать.

Однако в силу ст. 10 УПК РСФСР примечание к ст. 6 УК РСФСР не может быть применено по делам частного обвинения (нанесение легкого телесного повреждения, побоев, оскорбление, клевета). Поскольку сам потерпевший, возбудив уголовное пре-

следование, не считал совершенное посягательство на его личность маловажным, не заслуживающим уголовного преследования, суд не имеет права отказать ему в разборе по существу предъявленного обвинения.

III. «Основные начала» в ст. 2 различают две категории преступных деяний: посягательства, направленные против основ советского строя, признаваемые наиболее опасными, и все остальные преступления. По первой категории преступлений закон устанавливает наказание не ниже определенного предела, по второй категории — не свыше определенного предела, например, по ст. 168 УК РСФСР за присвоение чужого имущества, вверенного для определенной цели, установлено лишение свободы до двух лет. В настоящее время это деление в значительной мере утратило значение, так как целый ряд уголовных законов, изданных из последние годы, устанавливает непосредственно в законе и высший и низший предел карательной санкции или даже абсолютно-определенное наказание.

IV. В буржуазной теории даются преимущественно формальные определения понятия преступления. Они весьма разнообразны.

Приведем некоторые из них. Так, для Биндинга преступление есть нарушение нормы закона с карательной санкцией. Согласно определению Листа, преступление является запрещенным под страхом наказания виновным противоправным действием. Для русского дореволюционного криминалиста Таганцева преступление есть деяние, посягающее на юридическую норму в ее реальном бытии. Все эти определения сводятся, по существу, к тому, что преступлением признается деяние, запрещенное законом под страхом наказания, т. е. преступление есть то, что законодатель считает преступлением.

Эти формальные определения преступления неспособны ни в коей мере приблизить к пониманию существа преступления, к пониманию того, почему законодатель считает те или иные действия преступлением.

V. Формальное понятие преступления как деяния, запрещенного под страхом наказания, тесным образом связано с одним из основных принципов, на которых строилось буржуазное уголовное право: «нет преступления без указания о том закона» (*nullum crimen sine lege*)¹. Это положение является выражением принципов буржуазной формальной демократии. Принцип формальной свободы наиболее радикальная конституция французской революции — конституция 1793 г. — определяла следующим образом: «Свобода — это принадлежащее человеку право делать все, что не вредит правам другого». Принцип формальной свободы находит свое выражение в указанном положении буржуазного уголовного права: гражданин свободен делать все, что не запрещено уголовным законом. Во имя формальной свободы уголовный кодекс

¹ Б. Утевский, К вопросу о происхождении принципа *nullum crimen sine lege*, «Ученые записки ВЮОН», вып. 1.

должен точно указать, какие действия являются преступными. С проведением в законодательстве этого принципа появляется и формальное понятие преступления. Принцип «нет преступления без указания о том закона» был выдвинут буржуазией в тот период, когда она шла к власти.

Положение, что нельзя преследовать за деяние, не запрещенное в момент его совершения под страхом наказания, является одним из требований «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. Это требование имело исторически прогрессивное значение в борьбе с произволом феодально-абсолютистского государства.

VI. В иностранном уголовном законодательстве все преступления по тяжести наказания обычно делятся на две или три группы. Двучленной системы — преступления и проступки — держится действующий итальянский уголовный кодекс 1930 г., трехчленной системы — французский уголовный кодекс 1810 г., германский уголовный кодекс 1871 г. и дореволюционное русское Уголовное уложение 1903 г., швейцарский уголовный кодекс 1937 г. Уложение 1903 г., например, по тяжести грозящего наказания делило все преступные деяния на следующие три группы: 1) тяжкие преступления, к которым относил деяния, караемые смертной казнью, каторгой и ссылкой; 2) преступления, к которым относил деяния, караемые исправительным домом, тюрьмой и крепостью; 3) проступки — деяния, караемые штрафом и арестом.

Подобное деление преступлений в иностранном уголовном законодательстве имеет только законодательно-техническое значение. Оно позволяет регулировать особенности применения тех или иных институтов Общей части сразу к целым большим группам преступлений. Так, например, устанавливается наказуемость покушения во всех случаях совершения тяжкого преступления, наказуемость покушения на совершение преступления лишь в случаях, специально указанных в законе, и ненаказуемость покушения при совершении проступков. Таким же путем регулируются вопрос об ответственности за соучастие, пределы ответственности за умышленную и неосторожную вину, порядок применения давности и т. д.

§ 36. Состав преступления

I. Общее понятие преступления, даваемое в Общей части уголовных кодексов союзных республик, конкретизируется в Особенной части Уголовного кодекса в виде отдельных составов преступлений.

Составом преступления называется совокупность признаков, образующих данное преступление.

Установление в действиях обвиняемого того или иного состава преступления имеет исключительное значение в деле осуществления социалистического правосудия. Уголовный суд может применить к виновному лишь наказание, указанное в законе за соответствующее преступление. Правильная квалификация действий, совершенных обвиняемым, является необходимым условием соблюдения социалистической законности в осуществлении уголовного правосудия. Неправильная квалификация действий, совершенных обвиняемым, нарушает деятельность социалистического правосудия, подрывает его авторитет в глазах трудящихся и может глубоко нарушить интересы отдельных граждан.

Установление признаков отдельного состава преступления требует знания не только Особенной части Уголовного кодекса, но и его Общей части, которая содержит постановления, относящиеся к характеристике ряда признаков, общих для всех конкретных составов преступлений. Теория Особенной части социалистического уголовного права изучает составы отдельных конкретных преступлений. В теории Общей части изучаются общие для всех конкретных преступлений признаки состава преступления. Без знания этих признаков не могут быть надлежащим образом установлены и признаки состава каждого конкретного преступления, поэтому учение об общем составе преступления имеет громадное значение для правильного осуществления социалистического правосудия.

Для определения ответственности за конкретное преступление имеют существенное значение и постановления Общей части, относящиеся к стадиям развития преступления и к соучастию. Юридическое учение о преступлении в теории социалистического уголовного права складывается из учения об общем составе преступления, учения о стадиях развития преступной деятельности и учения о соучастии¹.

Каждый состав преступления складывается из следующих четырех основных элементов: 1) объект преступления, 2) объективная сторона преступления, 3) субъект преступления и 4) субъективная сторона преступления. Отсутствие одного из указанных признаков состава преступления означает вместе с тем отсутствие и самого состава преступления. В общем учении о составе преступления рассматриваются свойственные всем преступлениям общие черты объекта преступления, объективной стороны состава преступления, субъекта преступления и субъективной стороны состава преступления. Анализ отдельных составов преступлений рассматривает конкретные, свойственные данному преступлению особенности объекта и субъекта, объективной и субъективной сторон состава преступления.

II. Объектом преступления является то, на что посягало преступление, совершенное данным лицом. Каждое преступление посягает на существующие в СССР социалистические общественные отношения и вместе с тем нарушает определенные нормы социалистического права.

Каждое преступное действие представляет собой определенное единство объективных и субъективных свойств действия. Лишь в теоретическом анализе можно разделить рассмотрение отдельно объективных и субъективных свойств преступного действия.

Объективные свойства всякого преступления выражаются в определенном действии или бездействии. Рассмотрение

¹ Изложение юридического учения о преступлении в буржуазной теории уголовного права, см. Таганцев, Русское уголовное право, т. I, 1902; Неймировский, Основные начала уголовного права, 1917.

общих свойств преступного действия или бездействия входит в общее учение о составе преступления. Рассмотрение конкретных черт действия или бездействия отдельного преступления дается в Особенной части курса уголовного права.

Особенность способа действия в ряде составов преступлений является необходимой чертой объективной стороны ряда составов преступлений. Так, например, закон различает отдельные виды похищения имущества по способу его совершения: кража — тайное похищение, грабеж — открытое похищение и т. д. Иногда способ действия выступает в качестве обстоятельства, делающего преступление более опасным, квалифицированным. Например, грабеж является квалифицированным, если он совершен с насилием, хотя бы и не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, убийство является квалифицированным, когда оно совершено способом, опасным для жизни многих лиц, и т. д.

При обрисовке объективной стороны ряда составов преступлений уголовный закон дает специальные указания на время и место совершения преступления. Так, например, ряд воинских преступлений может быть совершен лишь в военное время (мародерство, злоупотребление в военное время знаками Красного креста и т. д.). Пункт «в» ст. 162 УК РСФСР говорит о краже, совершенной на вокзалах, пристанях и тому подобных местах.

В ряде составов преступлений объективная сторона состава полностью исчерпывается совершением определенного действия или бездействия; при других преступлениях для состава преступления недостаточно совершения определенного действия или бездействия, а необходимо еще наступление определенного преступного результата. Например, для состава преступления убийства недостаточно одного действия, направленного на лишение жизни человека, — выстрела, удара, дачи яда и т. д., а необходимо наступление от этого определенных последствий — смерти человека. При тех преступлениях, для состава которых необходимо наступление определенного результата как последствия совершенного преступного действия, нужно всегда установить наличие причинной связи между действием или бездействием и наступившим преступным результатом. Учение о причинной связи входит в общее учение об объективной стороне состава преступления.

Объективным свойством всякого преступления является его общественная опасность. Посягая на существующие общественные отношения в СССР, преступление нарушает вместе с тем и определенные нормы советского права, поэтому общественная опасность деяния означает вместе с тем и его противоправность. Учение о противоправности (общественной опасности) деяния также входит в общее учение об объективной стороне состава преступления.

При наличии ряда объективных обстоятельств, которые сопровождают совершение действий, по своим чертам подходящих

под тот или иной состав преступления, устраняется противоправный характер совершенного. Это так называемые обстоятельства, исключающие противоправность (общественную опасность) совершенного деяния. Учение о них также входит в общее учение об объективной стороне состава преступления.

При разрешении ряда вопросов учения об обстоятельствах, исключающих противоправность совершенного деяния, необходимо предварительное знание основных вопросов субъективной стороны состава преступления, поэтому учение об обстоятельствах, исключающих противоправность деяния, излагается нами после рассмотрения субъективной стороны состава преступления.

III. Субъектом преступления могут быть лишь вменяемые физические лица, достигшие определенного возраста. Учение об этих общих свойствах субъекта преступления входит в учение об общем составе преступления. При анализе конкретных составов преступлений указываются особые свойства субъекта отдельных преступлений, предусмотренных Особой частью Уголовного кодекса.

IV. К субъективной стороне состава преступления относится прежде всего вопрос о вине и ее формах. О составе преступления можно говорить лишь в том случае, если установлена виновность лица, совершившего его. При отсутствии вины в действиях лица отсутствует и состав преступления, хотя бы определенные общественно-вредные последствия и наступили в результате действий данного лица. Учение о вине и ее формах — умысле и неосторожности — входит в учение об общем составе преступления. Одни преступления могут быть совершены умышленно и неосторожно, другие — только умышленно или только неосторожно, но ни одно преступление не может быть совершено без наличия виновности в той или иной из указанных форм.

Наряду с виной как необходимым элементом состава преступления в субъективную сторону того или иного состава преступления могут входить и другие моменты.

Ряд составов преступлений включает в свою субъективную сторону в качестве необходимого элемента состава преступления определенный мотив деятельности, т. е. те побуждения, которыми руководствовалось лицо при совершении преступления. В сущности, без определенного мотива не совершается ни одно преступление, однако для большинства преступлений мотив его совершения лежит за пределами самого состава преступления — телесное повреждение остается телесным повреждением независимо от того, какими мотивами руководствовался виновный — местью, ненавистью, ревностью и т. д.

Мотив введен в состав некоторых преступлений или в качестве необходимого элемента самого состава преступления или в

качестве лишь квалифицирующего обстоятельства. В качестве необходимого элемента состава преступления корыстный мотив введен, например, в состав подлога, предусмотренного ст. 170 УК РСФСР. В ряде случаев определенный мотив выступает в качестве квалифицирующего преступление обстоятельства. Так, убийство считается квалифицированным (ст. 136 УК РСФСР), если оно совершено из корысти, ревности или других низменных побуждений. Ложный донос судебно-следственной власти считается квалифицированным (ч. 2 ст. 95 УК РСФСР), если он совершен по корыстным мотивам.

Поскольку мотив не является необходимым признаком состава каждого преступления, а является лишь элементом составов некоторых конкретных преступлений, рассмотрение его не входит в общее учение о составе преступления, а относится к анализу конкретных преступлений, даваемому в Особенной части курса.

Хотя мотив иногда и не входит в состав преступления ни в качестве основного ни в качестве квалифицирующего признака, он все же не является безразличным для суда. Суд должен учитывать при определении наказания характер мотива совершенного преступления.

Некоторые составы преступлений требуют в качестве одного из признаков субъективной стороны состава преступления наличие специальной цели действия, которая часто не сливается с мотивами данного преступления. Так, например, состав преступления подделки денежных знаков, предусмотренный ст. 59^а УК РСФСР, требует наличия специальной цели — выпуска поддельных денежных знаков в обращение.

Вопрос о специальной цели действия, как элементе субъективной стороны составов некоторых преступлений, не входит в учение об общем составе преступления, а рассматривается при анализе соответствующих преступлений в Особенной части курса.

V. Не является элементом общего состава преступления время и место его совершения. Вместе с тем состояние войны, в котором СССР оказался вследствие вероломного нападения германских фашистов, показало все огромное значение для советского уголовного права совершения преступлений в условиях военного времени. В Особенной части совершение преступления в условиях военного времени является или основным признаком состава преступления или квалифицирующим. В качестве основного признака совершение преступления в условиях военного времени характерно для ряда воинских преступлений, например, сдача неприятелю начальником вверенных ему сил (ст. 193²⁰ УК РСФСР), сношение путем переписки с неприятелем во время войны (ст. 193²⁰ УК РСФСР). В качестве квалифицирующего признака совершение преступлений во время войны встречается не только при воинских преступлениях, например, неисполнение приказа

(ст. 193² УК РСФСР), уклонение от несения обязанностей военной службы путем членовредительства (ст. 193¹² УК РСФСР); но и при общеуголовных преступлениях, например отказ от выполнения в военное время государственных повинностей (ст. 59⁶ УК РСФСР), контрреволюционная агитация (ст. 58¹⁰ УК РСФСР) и др. В Общей части совершение преступления в военное время совершенно не упоминается среди обстоятельств, увеличивающих вину, между тем для ряда преступлений совершение их в военное время является одним из таких обстоятельств.

Большое значение играет и место совершения преступления. Так, объявление местности на военном положении влечет за собой передачу ряда дел военным трибуналам, что свидетельствует о большей опасности именно этих преступлений.

Перечень преступлений, подсудных военным трибуналам в местностях, объявленных на военном положении, или в районе военных действий, дан выше (§ 26).

VI. Одно и то же преступление в зависимости от тех или иных обстоятельств, относящихся к объекту преступления, его объективной или субъективной стороне или к субъекту преступления, может быть сравнительно более или менее опасным. Эти обстоятельства могут быть учтены в Особенной части Уголовного кодекса при определении ответственности за те или иные преступления. В связи с этим можно различать простой состав преступления — без наличия каких-либо смягчающих или отягчающих обстоятельств, квалифицированный состав преступления — при наличии отягчающих обстоятельств, делающих данное преступление более опасным, и состав преступления со смягчающими обстоятельствами. Последний в уголовно-правовой литературе обычно называется привилегированным составом преступления. Мы считаем этот термин неудачным. Название, например, убийства или кражи привилегированными может создать совершенно ложное представление, что социалистический уголовный закон терпимо относится к этим преступлениям. Применение этого термина ослабляет отрицательную оценку преступления со стороны социалистического государства, поэтому мы не пользуемся им. Термин «простое» и «квалифицированное» преступление иногда употребляет и сам Уголовный кодекс. Так, ст. 83 УК РСФСР говорит о простой контрабанде, а ст. 59⁹ о квалифицированной контрабанде.

Простым составом преступления является состав убийства, предусмотренный ст. 137 УК РСФСР. Это убийство без наличия каких-либо отягчающих или смягчающих обстоятельств, о которых говорят ст.ст. 136 и 138 УК РСФСР. Квалифицированным составом преступления является убийство, предусмотренное одним из пунктов ст. 136 УК РСФСР. В качестве квалифицирующих преступление обстоятельств закон указывает различные обстоятельства, относящиеся к объекту, объективной стороне со-

става, его субъективной стороне или к субъекту. Примером состава преступления при наличии признаков, смягчающих общественную опасность деяния является состав убийства, предусмотренный ст. 138 УК РСФСР: здесь закон предусматривает умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего.

VII. Одним из основных принципов буржуазного уголовного права периода победы и утверждения капитализма в основных передовых странах Европы было положение «нет преступления без указания о том закона».

Проведение в уголовном законодательстве этого принципа требовало точного указания в уголовном законе признаков каждого состава преступления. Разработка буржуазной теорией уголовного права основных элементов состава преступления, как и всего юридического учения о преступлении, содействовала проведению в законодательстве и судебной практике указанного положения буржуазного уголовного права. Эта работа имела исторически-прогрессивное значение в деле борьбы с произволом феодально-абсолютистского государства.

Буржуазные криминалисты не всегда одинаково решают вопрос об основных элементах самого состава преступления. Одни криминалисты, воспитанные по преимуществу на кантовской философии с ее резким противопоставлением объекта субъекту, объективного субъективному, к составу преступления относили лишь объективные свойства преступного действия, а субъективные моменты — виновность — выносили за пределы состава преступления и рассматривали как другое необходимое условие, наряду с составом преступления, для применения наказания. Другие буржуазные криминалисты, воспитанные преимущественно на гегелевской философии с ее признанием единства противоположности субъективного и объективного, субъекта и объекта, относили к составу преступления не только объективные свойства — действия, но и его субъективное свойство — виновность.

Ученые социологической и антропологической школ уголовного права теоретически обосновывали применение наказания не за совершенное действие, не в связи с характером состава того или иного преступления, а в связи с характером «опасного состояния» личности самого преступника. Эти теории пытались ослабить или даже полностью устранить значение состава преступления как основы для применения уголовной репрессии и тем самым теоретически оправдывали ломку буржуазно-демократических принципов в организации репрессии. Разрушение буржуазией своей собственной законности находит свое дальнейшее выражение в уголовном законодательстве и в немецкой теории уголовного права эпохи послевоенного империализма. Уголовное право, направленное на борьбу с преступными действиями, точно очерченными в конкретных со-

ставах преступлений (Tatstrafrecht), пытаются заменить уголовным правом, ведущим борьбу с опасными для господствующего правопорядка личностями (Täterstrafrecht)¹.

ГЛАВА X

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 37. Понятие объекта преступления

I. Всякое преступление, совершенное в нашей стране, прямо или косвенно посягает на существующие в СССР общественные отношения и вместе с тем одновременно нарушает определенные требования социалистического права, т. е. правила поведения (нормы), установленными или санкционированные социалистическим государством. Поэтому объектом всякого преступления одновременно являются и социалистические общественные отношения и соответствующие правовые нормы социалистического государства, которые защищают эти отношения и содействуют их развитию по пути к коммунизму. Об этом общем объекте преступления говорит ст. 6 УК РСФСР. Она указывает, что преступление посягает на советский строй или правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени.

Определенные общественные отношения включены, однако, в качестве объекта посягательства лишь в немногие составы преступлений, например, в контрреволюционные преступления. Большинство составов преступлений построено так, что непосредственным объектом преступления в них являются не определенные общественные отношения, а те или иные государственные или общественные интересы или интересы отдельной личности, посягательства на которые вместе с тем нарушают существующие в СССР общественные отношения и соответствующие нормы права. В некоторых составах преступлений в качестве объекта преступления указываются определенные нормы, правила, например, в ст. 59¹¹ УК РСФСР говорится о нарушении правил о монополии внешней торговли, в ст. 133 — о нарушении правил об охране труда.

Особенная часть уголовных кодексов располагает все составы преступлений по определенным группам. В основу этой классификации кладется деление преступлений по объекту посягательства. В связи с этим наряду с общим понятием объекта преступления (ст. 6 УК РСФСР) необходимо говорить и об объектах преступлений, являющихся общими для определенной группы преступлений, — объект должностных преступлений, объект хозяйственных преступлений, объект преступлений против личности и т. д.

По родовым объектам посягательства все многообразные преступления могут быть объединены в сравнительно немногочисленные группы. Такие преступления, как убийство, телесные повреждения, аборт, содействие самоубийству несовершеннолетних, изнасилование, клевета, оскорбление и некоторые другие, объединяются в главу о преступлениях против личности. Глава о контрреволюционных преступлениях по общности объекта посягательства (основы советского строя) объединяет такие преступления, как измена родине, террористические акты, вредительство, диверсия, саботаж, контрреволюционная агитация и т. д. УК РСФСР и уголовные кодексы других союзных республик в соответствии с общесоюзным законодательством содержат в определенных случаях описание общих объектов преступлений для определенных групп преступлений. Так, ст. 58¹ УК РСФСР содержит описание общего объекта посягательства всех контрреволюционных преступлений, ст. 59¹ дает обрисовку общего объекта посягательства как для преступлений против порядка управления вообще, так и для особо опасных преступлений против порядка управления, ст. 193¹ говорит об общем объекте воинских преступлений.

II. В каждой группе преступлений, объединяемых по своему общему объекту посягательства, специфические особенности каждого преступления определяются прежде всего характером непосредственного объекта данного преступления. Преступления против личности объединяют посягательства на различные блага личности: жизнь, здоровье, личную свободу, достоинство. Эти непосредственные объекты посягательства определяют специфические особенности каждого преступления против личности — убийства, телесного повреждения, клеветы, изнасилования.

Некоторые составы преступлений по своему существу содержат одновременно посягательства не на один, а на два объекта. Например, хулиганство является преступлением против порядка управления и вместе с тем часто одновременно является и посягательством против личности. Заведомо ложный донос — должностному лицу, имеющему право возбуждать уголовное преследование, имеет также два непосредственных объекта посягательства: он посягает на нормальную работу судебно-следственного аппарата, стремясь возбудить неосновательное уголовное преследование против невиновных лиц, а вместе с тем посягает и на интересы отдельной личности, которые могут пострадать, если в результате ложного доноса человек подвергается уголовному преследованию.

Установление непосредственного объекта каждого преступления является необходимым условием правильной квалификации совершенного преступления. Так, например, лишь в тех случаях, когда объектом совершенного похищения является социалистическая собственность, может встать вопрос о применении закона 7 августа 1932 года, похищение же имущества, принадлежащего на правах личной собственности отдельному трудящему-

ся, не может быть квалифицировано по закону 7 августа, за исключением случаев, когда оно входит в состав взрывов железнодорожного или водного транспорта.

В ряде случаев те или иные свойства непосредственного объекта преступления являются обстоятельствами, которые делают совершенное преступление квалифицированным (более опасным) или, наоборот, менее опасным. Так, например, согласно УК Украинской ССР, считается относительно менее опасным убийством убийство матерью своего новорожденного ребенка немедленно после родов. По УК РСФСР считается квалифицированным похищение государственного имущества, открытое или тайное похищение лошадей или крупного скота, мошенничество, причинившее убытки государственному или общественному учреждению, и т. д.

§ 38. Понятие объекта преступления в буржуазной теории уголовного права

I. В вопросе о том, что является объектом преступления, среди криминалистов нет единства взглядов. Одни (преимущественно криминалисты-классики) считают, что объектом преступления является только какая-либо правовая норма, предписывающая воздержаться от совершения каких-либо действий (запрет) или совершить определенные действия (велеие). Другие криминалисты (преимущественно криминалисты-социологи) считают, что объектом всякого преступления является какое-либо правовое благо, т. е. защищенные правом жизненные интересы. Эти интересы могут быть или интересами отдельной личности (индивидуальные правовые блага) или интересами всего общества (коллективные правовые блага). Представителем нормативной теории объекта преступления является немецкий криминалист Биндинг. Представителем взгляда на объект преступления как правовое благо является немецкий криминалист-социолог Лист. Среди буржуазных криминалистов были и такие, которые стремились объединить оба взгляда на объект преступления.

Таганцев, определяя преступление как посягательство на правовую норму в ее реальном «бытии», считал объектом преступления правовую норму, находящую свое выражение в охраняемом ею жизненном интересе.

Нормативная теория объекта преступления, как и соответствующая ей нормативная теория права есть идеалистическая теория.

Нормативная теория права и нормативная теория объекта преступления рассматривают нормы в отрыве от тех общественных отношений, которые они составляют и регулируют. В нормативной теории исчезает всякий намек на классовое содержание объекта преступления. В связи с этим и само преступление понимается не как деяние, опасное с точки зрения господствующего класса для данной системы общественных отношений, а как голое нарушение нормы. Юридическая форма здесь представляется криминалистам

всей сущностью преступления. Они не видят и не желают видеть действительное социальное содержание преступления.

II. Теория объекта преступления как правового блага опирается на теорию права немецкого юриста Иеринга, развитую им во второй половине XIX в. Он определяет право как защищаемый государством интерес. Лист определяет объект преступления как защищенный правом интерес. Эта теория является поверхностно-эмпирической теорией объекта преступления. В своих построениях эти криминалисты исходят из наивного представления об обществе как совокупности людей, каждый из которых, действуя для себя, действует и для других. Для нее «защищенный интерес» есть лишь условие, необходимое для существования отдельной личности, интерес отдельной личности. Они не видят и не могут видеть классовой структуры общества. Поэтому и теория объекта преступления как правового блага не в состоянии дать действительного понятия об объекте преступлений, совершаемых в буржуазном обществе.

ГЛАВА XI

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 39. Общественная опасность и противоправность преступного деяния

I. По своим объективным свойствам преступление является действием или бездействием, опасным для основ социалистического строя или социалистического государства или социалистического правопорядка.

Каждое общественно-опасное действие нарушает вместе с тем и определенные требования социалистического права, т. е. является действием противоправным. Общественная опасность — материальная характеристика, противоправность — формальная характеристика объективных свойств преступления.

Однако возможны случаи, когда то или иное общественно-опасное действие прямо не подходит ни под какой из составов преступлений, предусмотренных в Особенной части Уголовного кодекса, тем не менее может все же являться общественно-опасным с точки зрения основ социалистического строя или социалистического правопорядка. В таких случаях, как говорилось выше, действующее советское законодательство допускает применение аналогии (§ 34). Возможны и такие случаи, когда то или иное действие подходит формально под какой-либо состав преступления, указанный в Особенной части, но тем не менее не является общественно-опасным и, несмотря на свою формальную противоправность, не влечет за собой уголовной ответственности (§ 35).

Объективным свойством каждого преступления в социалистическом уголовном праве является его общественная опасность. Понятие противоправности действия есть юридическое выражение его общественной опасности. Статья 61 «Основ уголовного судопроизводства» придает решающее значение понятию общественной опасности деяния как объективной характеристике преступления.

Криминалисты-классики в своих работах для характеристики объективной стороны состава преступления пользуются лишь понятием противоправности, что полностью соответствует их представлению об объекте преступления как правовой норме. Криминалисты-социологи применяют понятие материальной противоправности. Материальная противоправность для них означает общественную опасность совершенного деяния. Понятие материальной противоправности криминалистов-социологов соответствует их представлению об объекте преступления как о правовом благе. Следует иметь в виду, что криминалисты-социологи в своих работах исходят из внеклассового представления об обществе.

II. При некоторых обстоятельствах действие, содержащее по своим внешним чертам состав того или иного преступления, в действительности не является социально-опасным и поэтому не может считаться преступным. К таким обстоятельствам, исключаящим общественную опасность (противоправность) деяния, относятся: а) необходимая оборона, б) крайняя необходимость, в) согласие потерпевшего, г) осуществление общественно-полезных профессиональных функций, д) исполнение обязательного приказа, е) осуществление своего права, ж) исполнение закона.

Советское уголовное законодательство предусматривает лишь два первых обстоятельства (необходимая оборона и крайняя необходимость), при наличии которых наказание не применяется вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами (ст. 9 «Основных начал»).

§ 40. Преступное действие и бездействие

I. По своим объективным свойствам преступление является общественно-опасным действием или бездействием, направленным против основ социалистического государства или социалистического правопорядка.

Преступление является действием или бездействием данного лица, т. е. выражением во вне, в совершенном действии или бездействии его воли. Лицо не является ответственным, если оно действует против своей собственной воли под влиянием физического принуждения или непреодолимой силы. Совершенное при этих условиях не является его действием или бездействием.

Нет состава преступления недонесения о готовящемся бандитском налете, если лицо было лишено преступниками свободы, чтобы воспрепятствовать донесению об этом органам власти. Нет со-

става повреждения имущества в действиях того, кого сознательно толкнули, чтобы он, падая, разбил чужое имущество; повредивший чужое имущество является лишь орудием в руках другого лица, которое и подлежит уголовной ответственности. В этих случаях лицо действует под влиянием физического принуждения. Совершенное общественно-опасное действие или бездействие не является таким образом выражением воли данного лица, не является его действием или бездействием, а есть выражение воли другого лица, которое физически принудило данное лицо к определенному поведению.

Нет состава преступления провала, предусмотренного Указом Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1940 г., если работник не явился на работу вследствие железнодорожного крушения или вследствие разлива реки; нет состава уклонения свидетеля от явки в суд, если он не явился вследствие тяжелой болезни. В этих случаях человек не мог выполнить лежащих на нем обязанностей потому, что не в состоянии был преодолеть те препятствия, которые возникли на пути к их выполнению и оказались такой силой, которую нельзя было преодолеть. Он действовал под влиянием непреодолимой силы.

В тех случаях, когда преступление было совершено под влиянием психического принуждения (угроза), совершенные действия, по общему правилу, влекут уголовную ответственность. Уголовная ответственность в случаях психического принуждения может быть исключена лишь тогда, когда будет признано, что действие совершено в состоянии крайней необходимости, исключавшей его общественную опасность. Для этого необходимо, чтобы были налицо все те требования, которые закон выставляет для исключения ответственности за действия, совершенные в состоянии крайней необходимости (§ 53).

II. Общественно-опасное поведение человека может выражаться в совершении каких-либо активных действий (преступное действие в тесном смысле слова) или в пассивном поведении, в воздержании от совершения тех или иных действий, которые субъект обязан был совершить (преступное бездействие).

Уголовный закон может считать преступлением самое действие или бездействие либо наступившие вследствие него те или иные вредные последствия.

Следует различать, во-первых, преступления, в которых уголовный закон считает объективной стороной состава преступления самый факт совершения человеком действия или бездействия независимо от дальнейших последствий, вызванных им во внешнем мире (так называемые формальные преступления; например, словесная обида, оставление в опасности и др.). Во-вторых, надо различать преступления, в которых уголовный закон для наличия объективной стороны состава преступления требует не только действия или бездействия человека, но и наступления в результате действия или бездействия вредных последствий (так называемые материальные преступления, например убий-

ство, телесное повреждение, кража, грабеж и др.). В первом случае, например, самый факт словесной обиды включает в себе уже состав оконченного преступления независимо от того, произошли ли от этого какие-либо дальнейшие последствия (длительные душевные переживания потерпевшего). Во втором случае, например при убийстве или нанесении тяжкого телесного повреждения, факт выстрела или удара по голове не включает еще в себе состава оконченного преступления; лишь наступившие вследствие выстрела или удара последствия (лишение жизни человека, причинение длительного расстройства здоровья) включают в себе состав оконченного преступления.

Преступления, совершенные путем активных действий, называются преступным содеянием (delictum commissionis), преступления, совершенные путем бездействия, называются преступным бездействием.

Среди преступлений, совершенных путем бездействия, выделяются преступления, выражающиеся в упущении или в чистом бездействии (delictum omissionis). Они имеют место лишь тогда, когда закон требует совершения определенных действий, несовершение которых и включает состав преступления. Таковы, например, неоказание помощи, непредставление тех или иных сведений, неявка по мобилизации и т. д.

Среди преступлений, совершенных путем бездействия, выделяются также преступления, выражающиеся в смешанном бездействии (delictum commissionis per omissionem), например, мать не кормит своего ребенка, который в результате этого погибает от голода. Смешанное бездействие может иметь место лишь тогда, когда на данном лице в силу тех или иных обстоятельств лежала обязанность воспрепятствовать наступлению преступного результата.

Специальная обязанность к совершению активных действий, направленных к предотвращению наступления преступного результата, может вытекать: а) из закона, например, обязанность родителей заботиться о детях, б) из принятых на себя обязательств по договору или службе, например обязанность стрелочника перевести стрелку или подать сигнал для предотвращения крушения поезда, в) из таких предшествующих действий данного лица, которые ставят защищенные правом интересы в реальную опасность, например, обязанность хирурга, вскрывшего брюшную полость, завершить начатую операцию; прекращение операции, повлекшее смерть больного, влечет за собой уголовную ответственность за умышленное или неосторожное убийство.

§ 41. Причинная связь

1. Для возможности привлечения лица к уголовной ответственности за совершение преступления, явившегося результатом действия или бездействия виновного, необходимо установить наличие причинной связи между его действием или бездействием и насту-

пившим преступным результатом. При совершении преступлений, в которых наказывается само действие или бездействие виновного, безотносительно к вызванным им последствиям, этот вопрос не возникает, так как здесь само действие или бездействие лица уже дает состав оконченного преступления.

Вопрос о причинной связи есть один из наиболее сложных вопросов теории уголовного права. Если не возникает сомнение в существовании причинной связи между действиями субъекта и непосредственно вызванным ими преступным результатом, то многочисленные сомнения возникают тогда, когда цепь причинности между действиями субъекта и наступившим преступным результатом осложняется наступлением событий, непосредственно субъектом не вызванных.

Уголовное законодательство не определяет, что нужно считать причиной преступного результата, и обычно не содержит по вопросу о причинной связи каких-либо специальных постановлений.

Вопрос о причинной связи между действиями и преступным результатом разрешается не Уголовным кодексом, а судебной практикой и теорией уголовного права. Вопрос о наличии или отсутствии причинной связи в этих случаях решается криминалистами различно, в зависимости от их общих философских взглядов на понятие причинности.

II. По вопросу о причинности существуют два основных, диаметрально противоположных друг другу взгляда—материалистический и идеалистический. С точки зрения материализма, причинность есть объективная, вне нас существующая связь между явлениями природы или социальной жизни. С идеалистической точки зрения, причинности объективно, вне нашего сознания между явлениями внешнего мира не существует; причинность есть условная связь между явлениями, созданная нашим сознанием для того, чтобы ориентироваться в них.

«...Субъективистская линия в вопросе о причинности, — писал Ленин, — выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второму, но делает природу частью разума, вместо того, чтобы разум считать частичкой природы. Субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм... Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»¹.

Человеческие понятия о причинности отображают объективную связь между явлениями природы и общества, но они отображают эту связь лишь приблизительно, упрощенно; «...человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового

¹ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 127.

процессы»¹. Причина и следствие — лишь изолированные моменты в общей цепи взаимного сцепления событий внешнего мира. Поэтому причина и следствие суть понятия, имеющие значение лишь в применении к определенному явлению. То, что сейчас есть следствие данного явления, само оказывается причиной другого явления.

Все явления природы и общества причинно обусловлены. Беспричинных явлений нет. Но тем не менее среди причинно обусловленных явлений следует отличать явления необходимые и случайные. Случайные следствия не вытекают с необходимостью из определенных предшествующих событий, хотя и являются сами причинно обусловленными. Они имеют место потому, что действие данных определенных причин переплетается с действием других посторонних для них обстоятельств. Случайные следствия возникают под влиянием воздействия другой цепи причинности, оказавшей влияние на развитие данных событий. Необходимые последствия вынутренне присущи данным определенным предшествующим событиям, необходимо вытекают из них. Случайность для диалектического материализма существует объективно в процессе развития внешнего мира. Механический материализм всех оттенков отрицает объективное существование случайности. Его сторонники считают случайность лишь субъективной категорией — нашим незнанием причин какого-либо явления. Отрицание случайности как объективной категории связано с тем, что они не различают причинности и необходимости. Для них это есть тождественное понятие.

III. Из всех указанных общих положений диалектического материализма по вопросу о причинности мы должны исходить при разрешении вопроса о причинной связи в уголовном праве. Теория социалистического уголовного права должна исходить при решении своих теоретических проблем из методологии диалектического материализма. Рассматривая поэтому вопрос о последствиях совершенного преступного действия, мы должны установить объективно существующую связь между определенным человеческим действием и теми общественно-опасными последствиями, которые произошли от него во внешнем мире. Поэтому в каждом конкретном деле является прежде всего необходимым разрешить вопрос, есть ли вообще причинная связь между определенным действием данного лица и теми событиями, которые вменяются в ответственность данному лицу. При установлении наличия причинной связи между действиями данного лица и определенными общественно-опасными последствиями мы должны разрешить, являются ли они необходимыми или случайными и последствиями совершенного данным лицом действия.

Действия человека являются причиной преступного результата не только тогда, когда он вызван непосредственно действиями субъекта преступления, например, нанесение тяжкой раны,

вследствие которой наступила смерть человека, но также и тогда, когда он мог наступить лишь при наличии особых условий, имевших место в данном конкретном случае. Эти особые условия не могут выражаться в наличии каких-либо особых свойств у непосредственного объекта преступления или во вмешательстве в развитие общей цепи причинной связи действий других лиц или сил природы. Примером «особых условий» первого рода может служить нанесение Ивановым Петрову легкого удара, который повлек за собой смерть последнего лишь вследствие недавно перенесенной им мозговой болезни. Между действиями Иванова и смертью Петрова есть причинная связь, так как удар, нанесенный Ивановым, является одним из необходимых условий смерти Петрова. Если бы не был нанесен удар, то не наступила бы и смерть Петрова. Примером «особых условий» второго рода может служить нанесение Сидоровым легкой раны Алексееву, который умирает от заражения крови, происшедшего в результате небрежности врача, производившего перевязку раны, или погибает во время пожара в больнице, где он находился на излечении от полученного ранения, и т. п. Причинная связь между действиями Сидорова и смертью Алексеева имеется и в этом случае, так как рана, нанесенная Сидоровым, является одним из необходимых условий смерти Алексеева: если бы рана не была нанесена, то не наступила бы смерть Алексеева. Причинная связь между поведением человека и каким-либо результатом отсутствует лишь тогда, когда этот результат наступил помимо действий данного лица. Причинная связь прерывается, когда результат появляется не вследствие данной цепи причинности, необходимым звеном которой является поведение данного человека, а вследствие другой совершенно самостоятельной цепи причинности, например в случае, когда Алексеев, раненый Сидоровым, остается дома и погибает ночью со своей семьей при обвале потолка. Между результатом — смертью Алексеева — и действиями Сидорова нет причинной связи.

IV. После установления в приведенных примерах наличия причинной связи между действиями лица и наступившими от них последствиями можно выяснить объективное различие между необходимыми и случайными последствиями совершенных лицом действий.

Наступивший результат является необходимым последствием совершенного действия в случаях, когда от нанесения тяжелой раны наступила смерть потерпевшего или когда смерть потерпевшего наступила от сравнительно легкого удара, вследствие перенесенной им недавно мозговой болезни. В этом случае наступивший результат — смерть потерпевшего — внутренне присущ действиям лица, совершенным в данных условиях, с необходимостью из них вытекает.

Преступный результат является случайным последствием совершенных действий, когда лицу было нанесено легкое телесное повреждение, но оно умирает от заражения, происшедшего в

результате небрежности врача, перевязывавшего рану, или погибает во время пожара в больнице. В этих условиях наступивший результат — смерть потерпевшего — не вытекает с необходимостью из совершенных данным лицом действий; он является необходимым последствием действий других лиц (небрежности врача) или других событий (пожар в больнице).

За необходимые последствия своих действий лицо может, хотя и не всегда, нести уголовную ответственность, за случайные последствия не должно нести уголовной ответственности. Судебная практика при установлении того, что последствия являются объективно случайными для действий данного лица, иногда считает, что они не стоят с ними в причинной связи. Правильнее считать, что в этих случаях причинная связь есть, но она носит случайный характер.

V. Положительное решение вопроса о наличии причинной связи еще не предрешает вопроса об уголовной ответственности данного лица за причиненный им результат. Нашему уголовному законодательству неизвестно объективное вменение, т. е. ответственность за причиненный результат без наличия вины умышленной или неосторожной. Для уголовной ответственности лица за причиненный им преступный результат необходимо, чтобы причинная связь охватывалась или по крайней мере по обстоятельствам дела должна была охватываться его предвидением (см. ниже о субъективной стороне состава преступления).

Каждое преступление есть определенное единство объективной и субъективной сторон состава преступления.

В тех случаях, когда преступный результат объективно являлся необходимым последствием действий данного лица, причинная связь между действиями этого лица и наступившим результатом может охватываться, но может и не охватываться предвидением лица, так как оно может не сознавать тех условий, при которых совершались его действия. Поэтому может оказаться, что объективно необходимые последствия от действия данного лица являются для него самого в субъективном отношении случайностью. Поэтому, в приведенном выше примере, где смерть последовала от удара при наличии у потерпевшего недавно перенесенной мозговой болезни (необходимый результат), вопрос об уголовной ответственности должен быть разрешен следующим образом. Если Иванов, нанося Петрову удар по голове, не предвидел и не должен был предвидеть возможности наступления его смерти, то за смерть Петрова он не подлежит уголовной ответственности. Если Иванов хотя и не предвидел, но по обстоятельствам дела должен был предвидеть смерть Петрова от наносимого ему удара, то он подлежит уголовной ответственности за неосторожное убийство. Если Иванов, зная о перенесенной Петровым болезни, предвидел возможность наступления его смерти от удара и ее желал или сознательно допускал, то

он подлежит уголовной ответственности за умышленное убийство.

В тех случаях, когда преступный результат объективно является случайным последствием действий данного лица, причинная связь между его действиями и наступившим результатом не охватывается и не может охватываться предвидением субъекта. Наступивший результат является не только объективно случайным, но для данного лица случайным и в субъективном отношении. В примере же, где смерть последовала от заражения крови, происшедшего в результате небрежности врача (случайный результат), вопрос об уголовной ответственности должен быть разрешен следующим образом. Сидоров, причиняя умышленно или неосторожно легкое телесное повреждение, не предвидел и не должен был предвидеть небрежную деятельность врача, поэтому Сидоров подлежит уголовной ответственности лишь за нанесение легкого телесного повреждения и смерть Алексева является для него в субъективном отношении «случаем». Врач же самостоятельно подлежит ответственности за неосторожное убийство или, если он является должностным лицом, за халатное отношение к своим служебным обязанностям.

VI. Вопрос о бездействии как о причине преступного результата должен быть разрешен аналогично с тем, как был разрешен вопрос о действии как о причине наступившего преступного результата. Наступивший результат должен быть последствием бездействия лица. Если бы бездействие не имело места, то не имел бы места и преступный результат, так как развитию причинной цепи, приведшей к его наступлению, был бы положен предел активными действиями субъекта. Вопрос о причинной связи между бездействием и наступившим результатом может возникнуть не только тогда, когда субъект мог совершить активные действия для предохранения наступления результата, но и тогда, когда на субъекте в силу тех или иных обстоятельств лежала, кроме того, и специальная обязанность произвести активные действия. Когда на субъекте не лежит специальной обязанности произвести указанные действия, нет необходимости и ставить вопрос о наличии причинной связи между его поведением (бездействием) и наступившим результатом. В тех случаях, когда субъект не мог совершить нужных активных действий, между его бездействием и наступившим результатом нет причинной связи. Для уголовной ответственности за преступный результат, причиненный путем бездействия лица, необходимо установить его виновное причинение, т. е. наличие у него в момент бездействия умысла или неосторожности в отношении этого результата.

VII. Установление причинной связи между действием лица и наступившим преступным результатом является необходимым условием для признания наличия состава преступления при совершении всех тех преступлений, где, закон

преследует не само действие, а его результат. На это неоднократно указывали руководящие судебные органы. Так, определение УКК Верховного суда РСФСР 13 ноября 1925 г. указывало: «лицу, совершившему то или иное деяние, наступившие объективные последствия могут быть вменены в вину лишь в том случае, когда последствия явились результатом его действия, т. е. в том только случае, когда между деянием и последствием имеется причинная связь, установление какой и является важнейшей задачей предварительного и судебного следствия». Такие же указания давались руководящими судебными органами и в последующие годы по ряду конкретных дел.

Так, например, Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР в 1937 г. прекратила за отсутствием состава преступления дело по обвинению И. по ст. 59^а УК РСФСР, потому что судебное следствие не установило наличия причинной связи между длительным простоем парохода «Декабрист» и его недоброкачественным ремонтом, произведенным под руководством И. Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР прекратила в 1936 г. дело по обвинению З. по ст. 111 УК РСФСР за проявленную халатность в отгрузке картофеля, так как отгрузка картофеля не была произведена не вследствие действий З., который принял со своей стороны для отгрузки все зависевшие от него меры, а в результате действий других лиц. Примером прекращения дела в уголовном порядке за отсутствием причинной связи между действием лица и теми последствиями, которые вменялись ему в вину, может служить дело Г. и Б., признанных виновными в том, что 26 декабря 1937 г., ночью, одевшись в белую одежду, они испугали колхозника О., в результате чего тот умер 14 апреля 1938 г. Приговор был основан на показаниях родственников и невежественном заключении врача. Произведенное 15 мая 1938 г. судебно-медицинским экспертом вскрытие трупа установило, что смерть колхозника О. последовала от туберкулеза бронхиальных желез, легких и брюшной полости. Уголовно-судебная коллегия Верховного суда СССР определением 10 апреля 1939 г. признала, что в действиях обвиняемых отсутствует состав преступления, так как не установлено никакой связи между их действиями и смертью О.

Примером прекращения уголовного преследования за отсутствием причинной связи между бездействием лица и наступившим преступным результатом может служить дело И., осужденного по ст. 111 УК РСФСР за то, что он, являясь комендантом здания, допустил халатность в работе, не следил за состоянием дымоходов, не выполнял распоряжений администрации, что повлекло за собой возникновение пожара, причинившего убытки на сумму около 24 тыс. руб. Уголовно-судебная комиссия Верховного суда СССР в своем определении 15 сентября 1939 г. не нашла состава преступления в поведении И., поскольку из материалов дела видно, что пожар возник в той части дома, где происходил ремонт, к которому И. не имел никакого отношения, так как наблюдение за ходом ремонта осуществлялось строительной организацией. Между бездействием И. и указанным пожаром нет причинной связи.

Примером прекращения уголовного преследования в силу того, что последствия, наступившие от действий данного лица, носили случайный характер, может служить дело К., прекращенное производством определением Уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР 22 мая 1939 г. К., желая привести в чувство Б., лежавшего на тротуаре в состоянии сильного опьянения, поднял его с земли и, поставив на ноги, ушел от него. Б., пошатываясь, кошел на мостовую, сделал по ней несколько шагов и упал. В это время на него наехала автомашина, и он был задавлен насмерть. Неправильно было бы сказать, что между действиями К. и смертью Б. вообще нет причинной связи. Если бы К. оставил лежать Б. на тротуаре, тот не был бы задавлен. Тем не менее наступившие от действий К. последствия являются для него случайными послед-

ствиями. Они вовсе не вытекают necessarily из совершенного К. действия, а явились результатом развития другой цепи причинности, оказавшейся, однако, случайно связанной с последствиями действий К. (переход Б. на мостовую).

VIII. В буржуазной теории уголовного права вопрос о причинной связи породил обширную литературу. К разрешению этого вопроса буржуазные криминалисты подходили или с позиций механистического материализма или с идеалистических позиций.

Выражением механистического материалистического взгляда на причинность в теории уголовного права является признание поведения человека причиной наступившего преступного результата, когда оно было в действительности необходимым звеном в развитии событий, приведшим к наступлению преступного результата, и, следовательно, без него данный преступный результат не мог бы наступить (так называемая теория «conditio sine qua non»). Криминалисты, защищающие этот взгляд на причинность, стоят на позициях механистического материализма, ибо они отождествляют причинность и необходимость и не отводят места для случайности как объективной категории.

Выражением идеалистического взгляда на причинность в теории уголовного права являются все те теории причинности, которые считают поведение человека причиной преступления лишь тогда, когда оно подходит под искусственное понятие причинности как условной связи между явлениями, созданной нашим сознанием лишь для того, чтобы ориентироваться в окружающих явлениях. Многие криминалисты, стоящие на позициях теории «conditio sine qua non», пытаются вместе с тем дать ей идеалистическое истолкование. Они понимают вслед за Кантом причинность не как объективно, вне нашего сознания существующую связь между явлениями внешнего мира, а субъективно, как форму нашего познания, априорно присущую нашему разуму.

Одной из идеалистических теорий причинности, получившей значительное распространение в буржуазной теории уголовного права, является теория так называемой адекватной причинности. Она считает причиной преступного результата лишь те действия лица, которые вообще, а не только в данном конкретном случае способны повлечь наступление данного преступного результата. Этот результат является типичным для данного действия, ему соответствует, он ему адекватен. С точки зрения адекватной теории причинности, нужно было бы признать отсутствие причинной связи между действием и наступившим результатом, когда в результате удара по голове смерть могла наступить потому, что потерпевший недавно перенес мозговую болезнь. При этом нельзя было бы привлечь к уголовной ответственности за убийство даже в том случае, если бы данное лицо заведомо знало о болезни потерпевшего, нанося ему удар по голове. В теории адекватной причинности вопрос о признании поведения человека причиной преступного результата решается не на основании того, является ли оно в действительности объективно-существующим необходимым звеном в развитии цепи

причинности, приведшим к наступлению данного результата, а в зависимости от того, подходит оно или не подходит под созданное представление о причинности для ориентировки в наступивших событиях. Понятие о причинности как выражении объективно существующих связей между явлениями внешнего мира в теории адекватной причинности заменяется неким критерием для оценки типичности или нетипичности наступивших последствий от совершенных данным лицом действий.

Адекватная теория причинности в буржуазной науке уголовного права была порождена методологической ограниченностью теории «*conditio sine qua non*», не способной различать объективно случайные и необходимые последствия совершенных действий. Гегель в своей «Философии права» различает среди многообразных последствий совершенного проступка последствия необходимые и случайные. К необходимым Гегель относил те последствия поступка, которые проявляют его природу, имеют своей душой цель поступка, к случайным Гегель относил последствия, наступающие от того, что поступок оказывается отданным во власть внешним силам, которые заставляют его переходить в отдаленные, чуждые ему самому последствия¹.

Мысль Гегеля о том, что случайные последствия представляют собой нечто объективно существующее независимо от сознания субъекта, не была использована буржуазной уголовно-правовой литературой в учении о причинной связи.

Сторонники адекватной теории причинности смутно сознавали недостатки теории «*conditio sine qua non*». Стремление устранить эти недостатки приводило их, однако, к отказу от понимания самой причинности как объективной категории. В адекватной теории причинности понятие о причинности из объективной категории, существующей вне нашего сознания, превращается в субъективную категорию, привнесенную нашим сознанием в оценку совершившихся событий.

Такой же, только еще более неприкрытый идеалистический характер носят и те теории буржуазных криминалистов, которые пытаются создать особое понятие о причинности в «юридическом смысле слова». Таким, например, является понятие о причинности в уголовном праве как оценочной категории, выдвинутой в современной иностранной правовой литературе, в частности среди тех криминалистов, которые в своих работах стремятся опереться на неокантианские теории. Они считают, что понятие причинности в уголовном праве устанавливает не объективно существующие связи между действием и наступившим преступным результатом, а выражает собой лишь оценку пределов власти лица над последствиями его действий. Причинность и в этой теории трактуется не как объективная категория, а как чисто субъективное оценочное понятие. С их точки зрения, в уголовном праве речь идет не о познании связи между определенными яв-

¹ Гегель, Философия права, § 118, 1934, стр. 137.

лениями, а лишь об оценке человеческих поступков. Эти теории открыто выступают против допустимости пользования в уголовном праве «естественно-научным», т. е. материалистическим, понятием причинной связи. Они ставят себе в заслугу борьбу с материализмом в теории уголовного права и являются выражением реакционной идеалистической идеологии в разработке конкретных вопросов теории уголовного права.

ГЛАВА XII

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 42. Понятие субъекта преступления

1. Субъектом преступления по социалистическому уголовному праву может быть физическое вменяемое лицо, достигшее определенного возраста. Быть субъектом преступления в уголовном праве означает быть ответственным, согласно действующему уголовному законодательству, за совершенное преступление.

Субъектом преступления может быть только физическое лицо — человек. Не могут быть субъектами преступления юридические лица. Совершенное от имени юридического лица то или иное преступление не делает его субъектом совершенного преступления. Уголовную ответственность за него не может нести юридическое лицо. Субъектом преступления и здесь остаются физические лица, которые его совершили или приняли участие в его совершении. Это непосредственно выражено и в нашем уголовном законодательстве. Статьи 2—5 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик указывают, что действие уголовного кодекса распространяется на советских граждан и иностранцев, т. е. физических лиц, совершивших соответствующее преступление. Ни при каких условиях юридические лица (предприятия, учреждения, учебные заведения, колхозы и т. д.) по нашему законодательству не могут быть привлечены к уголовной ответственности. Поэтому в случае нарушения на каком-либо предприятии законодательства об охране труда к уголовной ответственности может быть привлечено не само предприятие, а лишь физические лица, виновные в несоблюдении установленных законом правил охраны труда. За выпуск каким-либо предприятием нестандартной или недоброкачественной продукции в уголовном порядке отвечает не само предприятие, а строго определенные физические лица из числа административно-технического персонала, виновные в выпуске такой продукции.

II. Не требуется специальных указаний о том, что субъектом преступления не могут быть вещи или животные. Это сейчас представляется само собой разумеющимся. Однако судебным хроникам средних веков известны многочисленные процессы быков, поранивших человека, свиней, загрызших новорожденных детей, саранчи, поевшей поля, гусениц, уничтоживших плодовые деревья,

и т. д. В 1474 г. в Бадене был приговорен к смертной казни путем сожжения петух, который обвинялся в том, что он якобы снес яйцо; это служило доказательством его связи с «нечистой силой». В России в 1593 г. был случай осуждения за государственное преступление церковного колокола, которым был поднят набат при восстании народа в г. Угличе. Мятежный колокол был наказан кнутом и сослан в Сибирь в г. Тобольск. Во Франции последний процесс против крыс и мышей, повредивших хлебные поля, состоялся в 1710 г.

Привлечение к уголовной ответственности животных и вещей нельзя объяснить только заблуждением человеческого ума. Это было связано с общим представлением средневековья об уголовной ответственности. Уголовная ответственность мыслилась не только как ответственность за виновное совершение преступления, но и как ответственность за всякие опасные и вредные действия. Такие опасные и вредные действия совершались не только людьми, но и животными, такая опасность могла представляться исходящей и от тех или иных предметов. Тем самым создавалась возможность распространения понятия об уголовной ответственности не только на людей, но и на животных и даже на вещи. В работах юристов того времени можно встретить указания о том, что процессы над животными должны устрашить и людей.

III. Субъектом преступления может быть и гражданин СССР и иностранец, не пользующийся правом экстерриториальности. О том, что уголовное законодательство социалистического государства распространяется на иностранцев, совершивших на территории СССР преступления, говорят и «Основные начала» и уголовные кодексы отдельных союзных республик. По некоторым преступлениям в силу их характера иностранные граждане не могут быть субъектами преступления. Субъектом измены родине как особого контрреволюционного преступления (ст.ст. 58^{1а}—58^{1г} УК РСФСР) могут быть только граждане СССР. Иностранцы, совершившие какое-либо посягательство на внешнюю безопасность СССР, отвечают за совершенное преступление по другим статьям главы о контрреволюционных преступлениях. По самому характеру преступления по ст. 84^а УК РСФСР (заявка за границей изобретений, сделанных гражданином СССР) могут отвечать лишь граждане СССР.

По ряду преступлений, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса, субъектом преступления может быть не любое вменяемое физическое лицо, а лишь лицо, обладающее определенными качествами. Так, в качестве субъекта (исполнителя) должностного преступления может быть лишь должностное лицо, т. е. лицо, занимающее определенную должность в государственном или общественном учреждении или в аппарате управления государственного или общественного предприятия. Субъектом (исполнителем) воинского преступления (ст. 1. Положения о воинских преступлениях, ст. 193¹ и примечание к ней УК РСФСР) могут быть лишь военнослужащие и лица, к ним приравненные в смысле уголовной ответственности. Для состава ряда должностных и воинских преступлений требуется, чтобы субъект преступления принадлежал к определенной категории должностных лиц или военнослужащих. Так, по ст. 113 УК РСФСР к уголовной ответственности за дискредитирование власти может быть привлечено не всякое должностное

лицо, а лишь представитель власти; по ст. 17 Положения о воинских преступлениях (ст. 193¹⁷ УК РСФСР) за злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти и халатное отношение к службе могут быть привлечены лишь лица начальствующего состава.

Целый ряд других статей определяет, что в качестве субъекта преступления может быть не всякое вменяемое физическое лицо, а лишь лицо, обладающее определенными качествами. Так, по ст. 59³⁸ за нарушение дисциплины на транспорте могут быть привлечены к уголовной ответственности лишь работники транспорта, по ст. 128 за бесхозяйственность подлежат ответственности лица, стоящие во главе государственных или общественных учреждений и предприятий или их уполномоченные, за производство аборта по ст. 140¹ подлежит ответственности лишь сама беременная женщина, а по чч. 1 и 2 ст. 140 — лишь врач и т. д.

§ 43. Понятие вменяемости и невменяемости ³⁵

I. Субъектом преступления может быть не всякое физическое лицо, а лишь вменяемое лицо. Лицо, находящееся в состоянии невменяемости, не может быть субъектом преступления и потому не подлежит уголовной ответственности. К вменяемому лицу, совершившему то или иное преступление, может быть применено по суду определенное наказание. Невменяемое лицо, совершившее какое-либо общественно-опасное действие, не может быть наказано и к нему могут быть применены лишь меры медицинского характера. Лишь при установлении вменяемости лица может быть поставлен вопрос о его виновности. Уголовный закон обращается лишь к тем лицам, которые, выражаясь словами Энгельса, могут «принимать решения со знанием дела». Это и есть вменяемые лица. От них закон может требовать совершения определенных действий или воздержания от совершения определенных действий под угрозой применения наказания. Они несут ответственность за свои поступки.

Социалистическое уголовное законодательство содержит определенные указания о том, когда лицо должно быть признано невменяемым и, следовательно, не подлежащим уголовной ответственности за совершенные им действия.

Уже «Руководящие начала» 1919 г. устанавливали, что суду и наказанию не подлежат лица, совершившие деяния в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершавшие его не отдавали себе отчета в своих действиях. Такое же постановление содержалось и в УК РСФСР 1922 г.

Вопрос о невменяемости в действующем уголовном законодательстве определяется ст. 7 «Основных начал» 1924 г. В соответствии с ней уголовные кодексы отдельных союзных респуб-

¹ Судебная психиатрия, Учебник для юридических институтов, 1938.

лик определяют условия, при которых лицо должно быть признано судом невменяемым. Статья 11 УК РСФСР 1926 г. определяет, что наказание не может быть применено в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности или в ином болезненном состоянии, если эти лица не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими.

Закон в определении содержания понятия невменяемости в уголовном праве пользуется критериями медицинскими и юридическими.

Медицинский критерий невменяемости заключается в установлении наличия у лица хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности или иного болезненного состояния. Хроническими душевными болезнями считаются шизофрения, прогрессивный паралич, эпилепсия и др. К временному расстройству душевной деятельности относятся различные формы так называемого «исключительного состояния» — патологический аффект, патологическое опьянение и др. При обрисовке понятия невменяемости УК Таджикской ССР не упоминает о временном расстройстве душевной деятельности. К иному болезненному состоянию, которое может быть основанием для признания невменяемости лица, следует отнести слабоумие, психопатические состояния.

Юридический критерий состояния невменяемости заключается в установлении отсутствия у лица способности отдавать себе отчет в своих действиях (интеллектуальный момент) или руководить своими поступками (волевой момент). Для признания состояния невменяемости не требуется, чтобы были установлены оба указанные элемента юридического критерия невменяемости. Когда лицо не отдает себе отчета в своих действиях, оно, разумеется, не может и руководить своими поступками. Слова закона «...отдавать себе отчет...» показывают, что требуется глубокое понимание происходящего. Требуется, чтобы лицо понимало не только фактическую сторону своих действий, но и общественную опасность их. Психически нормальные люди отдают себе отчет об общественно-опасном и противозаконном характере таких действий, как убийство, кража, измена родине и т. п.

В судебной практике был такой случай. Обвиняемый был использован кулаками для неоднократных поджогов колхозных зданий. Он выдал зачинщиков преступления, так как не получил обещанной суммы денег. Обвиняемый не считал себя виновным, так как ему предложили сто рублей, а «это большие деньги». В другой раз, как он заявил, он за сто рублей не стал бы поджигать, а за пятьсот рублей поджог бы. Ясно, что данный субъект, страдавший слабоумием (олигофренией), не был способен отдавать отчет в своих действиях.

Однако состояние невменяемости будет и тогда, когда лицо отдает себе отчет в совершаемых им действиях, но в силу душевной болезни не способно руководить своими поступками.

В судебной практике был такой случай. Б., 30 лет, художник-график по профессии, с 20 лет злоупотреблял морфием. На протяжении 1934—1936 гг.

трижды добровольно поступал на лечение в психиатрическую клинику. Б. обвинялся в том, что пытался получить выигранный по подделанной им облигации в 20 руб. достоинством. Свой поступок Б. объяснил тем, что в тот день у него не было морфия и не было денег для его приобретения, что он испытывал тяжелые физические страдания и, не смотра на то, что понимал противозаконность совершаемого им поступка, не имел достаточной силы воли, чтобы удержаться от его выполнения. Судебно-психиатрическая экспертиза пришла к заключению, что Б. находился в состоянии морфинного голода (абстиненции) и хотя и отдавал отчет в своих действиях, но не мог руководить ими.

Для признания состояния невменяемости необходимо установить элементы и медицинского и юридического критериев. Некоторые хронические душевные заболевания, например эпилепсия, по своей интенсивности могут и не достигать еще такого состояния, когда лицо не могло отдавать себе отчета в совершаемых действиях или не могло руководить своими поступками. В этих случаях при наличии медицинского критерия невменяемости все же отсутствует юридический критерий, поэтому в подобных случаях лицо не может быть признано невменяемым.

II. Советское уголовное право не устанавливает для несовершеннолетних особых критериев невменяемости. И к несовершеннолетним применимы положения ст. 11 УК РСФСР. Но само собой разумеется, что требования, предъявляемые к несовершеннолетним, в особенности в возрасте от 12 до 14 лет, в смысле нормы их повеления, должны быть несколько иными, чем требования, предъявляемые к взрослым. Там, где у совершеннолетнего мы признаем наличие способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, мы можем и не признать этой способности у несовершеннолетнего. Так же и при рассмотрении медицинских оснований исключающих эту способность, должны учитываться особенности психических заболеваний и их течения у несовершеннолетних.

III. Всякий раз, когда перед судом встречается вопрос о признании обвиняемого действовавшим в состоянии невменяемости, суд обязан получить заключение судебно-медицинской экспертизы о психическом состоянии обвиняемого (ст. 63 УПК РСФСР). Заключение эксперта о психическом состоянии обвиняемого не является абсолютно обязательным для суда, суд может с ним и не согласиться. При несогласии суда с заключением экспертизы он обязан подробно мотивировать основания своего несогласия.

IV. Статья 7 «Основных начал» (ст. 11 УК РСФСР) указывает во второй своей части, что наказание не применяется к лицам, которые хотя и действовали в момент совершения преступления в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения приговора заболели душевной болезнью. Это постановление не имеет, по существу, непосредственного отношения к вопросу о невменяемости, так как в этом случае преступление совершено лицом

¹ Порядок производства экспертизы регулируется Инструкцией о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР, изданной НКЮ НКВД, НКЗдравом и Прокуратурой СССР 17 февраля 1940 г.

в состоянии вменяемости. Поэтому это постановление относится скорее к области уголовного процесса. Вопрос о принятии соответствующих мер в отношении таких лиц регулируется в уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 2 ст. 322 УПК РСФСР). При психическом расстройстве обвиняемого, наступившем после совершения им преступления, дело приостанавливается производством впредь до выздоровления обвиняемого. Если выздоровление не наступило, то дело направляется на прекращение, а к обвиняемому могут быть применены меры медицинского характера.

V. Специального внимания заслуживает вопрос о совершении преступления в состоянии опьянения. «Основные начала» не содержат по этому вопросу никаких особых постановлений. УК РСФСР в примечании к ст. 11 оговаривает, что действие этой статьи не распространяется на лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Таким образом, совершение преступления в состоянии опьянения не устраняет уголовной ответственности. Закон считает таких лиц вменяемыми. Лишь в тех случаях, когда на почве опьянения возникает действительное расстройство душевной деятельности (белая горячка на почве хронического отравления алкоголем, патологическое опьянение на почве острого отравления алкоголем), лицо, совершившее в этом состоянии преступление, считается действовавшим в состоянии невменяемости. По УК Украинской ССР лицо, находившееся во время совершения преступного действия в состоянии опьянения, считается невменяемым, если оно не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить своими поступками; в тех случаях, когда лицо привело себя в состояние опьянения для совершения преступления, оно при всех условиях независимо от степени опьянения подлежит уголовной ответственности.

Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело Ш., осужденного по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР на том основании, что Ш. находился в момент совершения преступления в бессознательном состоянии вследствие опьянения и был поэтому невменяем.

Пленум Верховного суда постановлением 15 июля 1939 г. отменил определение Железнодорожной коллегии как неправильное. Пленум указал, что совершение преступления в состоянии опьянения при недоказанности того, что совершивший преступление находился в состоянии невменяемости, само по себе не освобождает лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности. Железнодорожная коллегия, утверждая, что Ш. находился в таком состоянии (без заключения по этому поводу экспертизы) нарушила примечание 1 к ст. 63 УПК РСФСР, согласно которому при возникновении у суда сомнения по поводу психического состояния подсудимого вызов эксперта является обязательным.

VI. К лицам, признанным невменяемыми во время совершения преступления, могут быть применяемы медицинские меры. Конкретное содержание этих мер определяется законодательством союзных республик. В РСФСР действует Инструкция НКЮ и

НКЗдрава 17 февраля 1935 г. о порядке назначения и проведения принудительного лечения психически больных, совершивших преступление.

Инструкция различает принудительное лечение и лечение на общих основаниях. Принудительное лечение может назначаться исключительно приговором или определением суда в тех случаях, когда психически больной является опасным и должен содержаться в условиях, исключающих совершение им новых преступлений, почему и должен быть помещен в специальное психиатрическое учреждение или в специальное отделение общих психиатрических больниц. По делу Привалова Пленум Верховного суда СССР вынес 21 мая 1942 г. постановление руководящего характера, в котором указал, что если суд признает обвиняемого невменяемым и вместе с тем социально-опасным, то такое лицо не может быть оставлено на свободе и к нему должно быть применено принудительное лечение, то есть помещение в лечебное (психиатрическое) заведение с изоляцией. Назначению принудительного лечения должна обязательно предшествовать судебно-психиатрическая экспертиза. Наше право не знает обязательных минимальных сроков применения принудительного лечения. Освобождение от него произойдет в силу постановления суда (в порядке ст. 461 УПК РСФСР) по заслушании заключения экспертной психиатрической комиссии. К лицам, признанным невменяемыми и вместе с тем не нуждающимся в принудительном лечении, применяются такие медицинские меры, как лечение на общих основаниях (в общих психиатрических больницах) или отдача под наблюдение местных психиатрических пунктов.

VII. Признание, что душевнобольные, совершившие какие-либо преступления, не подлежат уголовной ответственности, было одним из прогрессивных требований буржуазной уголовно-правовой теории. Еще в XVIII в. уголовная ответственность душевнобольных была признана явлением. Французские психиатры отмечают, что освобождение преступника от уголовной ответственности в связи с его психической ненормальностью во Франции в XVIII в. было явлением совершенно исключительным. Для этого необходимо было помешательство, явное для всех и каждого. Судьба таких освобожденных от наказания была незавидной — с ними обращались как с животными, заковывали их в кандалы по рукам и ногам и содержали в кошмарных условиях в смиренных домах. Однако при наиболее серьезных преступлениях феодально-уголовного права (преступления против небесного величества, преступления против земного величества и отсубийство) даже и явное помешательство не освобождало преступника от уголовной ответственности за совершенное преступление.

Русская судебная хроника XVIII в. знает целый ряд случаев осуждения заведомо душевнобольных к смертной казни, (например, в 1716 г. был казнен душевнобольной Ивашко-самозванец), к пожизненному или длительному тюремному заключению.

Впервые в уголовном законодательстве во французском уголовном кодексе 1810 г. в качестве общего правила было провозглашено освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии душевной болезни: «Нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения действия обвиняемый находился в состоянии безумия и бешенства». Французский уголовный кодекс для определения понятия невменяемости пользуется лишь медицинским критерием. Так же поступает истроенный по французскому образцу и бельгийский уголовный кодекс 1867 г.

Большинство иностранных уголовных кодексов пользуется для определения состояния невменяемости не только медицинским, но и юридическим критерием.

ним. Русское дореволюционное уголовное уложение 1903 г. воспроизводило формулу невменяемости, предложенную русским криминалистом Таганцевым.

«Не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое во время его учинения не могло понимать свойство и значение совершаемого или руководить своим поступком вследствие болезненного расстройства душевной деятельности или бессознательного состояния или же умственного неразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни» (ст. 39). В § 51 германского уголовного кодекса (редакции 1933 г.) формула невменяемости построена на сочетании медицинского и юридического критериев: «Действие не является преступным, если во время совершения его лицо вследствие расстройства сознания, вследствие болезненного расстройства душевной деятельности или вследствие ослабления психики не было способно понимать запрещенность деяния или действовать согласно таковому пониманию». Общими критериями невменяемости пользуются и самый молодой из иностранных уголовных кодексов — швейцарский уголовный кодекс 1937 г., ст. 10 которого гласит: «Не подлежит наказанию, кто вследствие душевной болезни, слабоумия или тяжелого расстройства сознания не обладал во время совершения действия способностью понимать незаконный характер своего действия или руководствоваться таковым пониманием».

VIII. Юридический критерий невменяемости был подробно развит в классической школе уголовного права, особенно в германской литературе. Еще Кант указывал, что вопрос о признании преступника действовавшим в состоянии невменяемости есть не медицинская, а психологическая проблема. Она для него сводилась к решению вопроса, обладает ли в момент совершения преступления свободой воли или нет. Он считал, что решение этого вопроса входит в компетенцию не медицинского, а философского факультета. Гегель в «Философии права» наряду с тем, что мы сейчас называем медицинским критерием невменяемости (идиотизм, сумасшествие), выдвигает и юридический (интеллектуальный и волевой) критерий — уничтожение истинного характера человеческого мышления и свободы воли. Эти положения Канта и Гегеля были воспроизведены их последователями в теории уголовного права. Криминалисты классической школы выдвигали в различных формулировках интеллектуальный и волевой критерии понятия невменяемости наряду с медицинским критерием.

Криминалисты-антропологи и криминалисты-социологи рассматривали невменяемость как состояние, не устраняющее уголовной ответственности, а лишь определяющее принятие особых мер, в которых в данном случае должна выразиться уголовная ответственность. Так, Э. Ферри считал, что, душевнобольные лица, совершившие преступление, подлежат уголовной ответственности, так как они являются общественно-опасными лицами. Однако к ним целесообразно применять иные меры, чем к душевно здоровым лицам, совершившим преступление. Криминалист-антрополог Гарофало считал возможным даже казнить опасных душевнобольных преступников. Криминалист-социолог Лист давал психологический критерий для понятия невменяемости. Для него вменяемость есть нормальная определяемость мотивами. Тем не менее понятие вменяемости для него служит не предпосылкой возможности постановки вопроса о виновности, а

лишь основанием для целесообразного избрания в отношении данной личности соответствующей меры защиты общества. Это видно хотя бы из того, что с его точки зрения привычные преступники являются невменяемыми, так как они не обладают нормальной определяемостью через мотивы; тем не менее они подлежат уголовной ответственности за совершенные ими преступления, но применяемое к ним наказание должно соответствовать характеру их общественной опасности.

§ 44. Несовершеннолетие

I. Субъектом преступления может быть физическое лицо, достигшее определенного возраста. Малолетние не могут быть субъектами преступления. Возраст, с которого малолетние и несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности, определялся нашим уголовным законодательством не всегда одинаково.

Декрет 14 января 1918 г. о комиссиях для несовершеннолетних установил, что дела о несовершеннолетних обоего пола в возрасте до 17 лет, замеченных в общественно-опасных деяниях, подлежат ведению комиссии о несовершеннолетних. Лишь только с 17 лет лица, совершившие какие-либо преступления, могли подлежать уголовной ответственности в судебном порядке. «Руководящие начала» 1919 г., внесли существенные изменения в постановление указанного декрета. Лишь несовершеннолетние в возрасте до 14 лет не подлежали суду и наказанию за совершенные ими общественно-опасные действия. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, совершившие общественно-опасные действия, подлежали уголовной ответственности, если они действовали «с разумением». К несовершеннолетним этого возраста, действовавшим без разумения, как и к несовершеннолетним до 14-летнего возраста, могли быть применены воспитательные меры. Действовать с разумением — означает действовать, отдавая себе отчет в своих действиях; действовать без разумения — значит не отдавать себе отчета в своих действиях. Декрет 4 марта 1920 г. о делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях, определил, что несовершеннолетние в возрасте до 18 лет, совершившие общественно-опасные действия, подлежали ведению комиссии о несовершеннолетних. Однако в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет комиссия имела право передать дело для рассмотрения в судебном порядке, если считала невозможным применить меры медико-педагогического порядка. По УК РСФСР 1922 г. несовершеннолетние в возрасте от 16 лет подлежали уголовной ответственности, дела же о несовершеннолетних в возрасте до 16 лет рассматривались комиссиями по делам о несовершеннолетних, причем дела о несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет могли быть переданы комиссиями по делам о несовершеннолетних в суд.

II. Статья 8 «Основных начал» определяла, что меры медико-педагогического характера должны применяться к малолетним, а в отношении несовершеннолетних лишь в тех случаях, когда соответствующие органы признавали невозможность применения к ним наказания (мер судебно-исправительного порядка). «Основные начала» не определяли сами возраста малолетия и несовершеннолетия, предоставляя решение этого вопроса законодательству отдельных союзных республик. УК РСФСР 1926 г. в ст. 12 воспроизводил приведенные выше постановления УК РСФСР 1922 г. Согласно ст. 50 УК РСФСР, при назначении несовершеннолетнему лишения свободы или принудительных работ срок наказания подлежал обязательному смягчению для несовершеннолетних в возрасте от 14 лет до 16 лет на половину, а для несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет — на одну треть. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 30 октября 1929 г. определило, что дела о несовершеннолет-

них в возрасте от 14 до 16 лет вовсе не подлежат передаче в суд. Таким образом, возраст, с которого могла иметь место уголовная ответственность, был определен в 16 лет.

III. Постановление ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. внесло принципиальные изменения в дело борьбы с преступностью несовершеннолетних. Согласно этому закону, в целях быстрой ликвидации преступности несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, надлежало привлекать к уголовному суду с применением всех мер наказания. Статья 8 «Основных начал» и тем самым соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик отменялись. Одновременно устанавливалась суровая ответственность (тюремное заключение на срок не ниже пяти лет) для лиц, уличенных в подстрекательстве или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п. (ст. 73² УК РСФСР). Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 31 мая 1935 г. о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности указывало на непрерывное улучшение материально-культурного уровня трудящихся города и деревни и отпуск огромных средств государством на содержание детских учреждений. Наличие беспризорных детей в столицах и других городах страны указанное постановление объясняло плохой работой местных советских органов и партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в области ликвидации и предупреждения детской беспризорности и отсутствием организованного участия в этом деле советской общественности.

Постановлением 31 мая 1935 г. были ликвидированы комиссии о несовершеннолетних. Эти комиссии сыграли в свое время положительную роль в деле борьбы с преступностью несовершеннолетних. К 1935 г. они изжили свое назначение. Поскольку комиссии применяли лишь меры педагогического воздействия, у несовершеннолетних пропадало чувство страха, которое как раз могло оказать педагогическое воздействие не только на виновного несовершеннолетнего, но и на его окружение, на его сверстников. Советское государство, предоставляет несовершеннолетним все возможности для того, чтобы они были избавлены от беспризорности, этого основного источника преступности несовершеннолетних. Установление уголовной ответственности за ряд преступлений, начиная с 12-летнего возраста, должно было показать несовершеннолетним, что советская власть предъявляет серьезные требования к своим подрастающим гражданам.

В судебной практике возник вопрос о том, имеет ли закон 7 апреля 1935 г. в виду только умышленное убийство или телесное повреждение или также убийство и телесное повреждение, совершенные по неосторожности.

Президиум Верховного Совета СССР разъяснил 7 июля 1941 г. в порядке п. «б» ст. 49 Конституции СССР, что уголовная ответ-

ственность по закону 7 апреля 1935 г. устанавливается и за преступления, совершаемые по неосторожности.

Перечень преступлений, содержащихся в законе 7 апреля 1935 г., пополнен Указом Президиума Верховного Совета СССР 10 декабря 1940 г. Согласно этому Указу, несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении таких действий, как развинчивание рельсов, подкладывание на рельсы различных предметов и т. п., надлежит привлекать к ответственности с применением всех мер наказания.

Отменяя ст. 8 «Основных начал» 1924 г., закон 7 апреля 1935 г. не указал, с какого возраста должны нести ответственность несовершеннолетние за другие преступления. Большинство уголовных кодексов союзных республик не разрешало этих вопросов. УК Украинской ССР устанавливал ответственность по всем преступлениям, начиная с 14-летнего возраста. УК Белорусской ССР указывал, что к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет меры уголовного наказания применяются только за преступления, предусмотренные законом 7 апреля 1935 г. Директивное письмо Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР 21 апреля 1935 г. высказалось за такой же принцип, как и УК Белорусской ССР.

Возраст в 16 лет как норма для ответственности за все преступления является, несомненно, слишком высоким. В современных условиях СССР несовершеннолетние значительно ранее начинают жить общественной жизнью и приобретать навыки, чем в дореволюционное время.

Указ Президиума Верховного Совета СССР 31 мая 1941 г. об ответственности несовершеннолетних установил, что за преступления, не предусмотренные в постановлении 7 апреля 1935 г. и Указе 10 декабря 1940 г., несовершеннолетние привлекаются к уголовной ответственности, начиная с 14-летнего возраста.

Закон 7 апреля 1935 г. говорил о применении к несовершеннолетним всех мер наказания. Конечно, это положение нельзя было понимать буквально. Так, к несовершеннолетним в возрасте от 12 до 14 лет исправительно-трудовые работы вообще не применялись. Указ 31 мая 1941 г. вносит ясность в этот вопрос. Он говорит только о привлечении к уголовной ответственности, без упоминания о том, что должны применяться все меры наказания. Так, нельзя к несовершеннолетним не только до 16 лет, но и к не достигшим 18 лет применять такую меру наказания, как лишение политических прав, поскольку таковыми правами они вообще не обладают. По конкретному делу о нескольких несовершеннолетних в возрасте от 13 до 15 лет Пленум Верховного суда СССР вынес 18 сентября 1941 г. постановление о недопустимости постановки вопроса о применении к несовершеннолетним лишения прав, указанных в ст. 34 УК РСФСР и в соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик.

Уголовная ответственность несовершеннолетних за одни преступления, начиная с 12 лет, а за остальные — с 14 лет, предполагает, что они уже в этом возрасте отдают себе отчет в характере

своих действий и могут руководить ими. Так это, по общему праву, и имеет место. Однако в некоторых случаях в силу отсталости общего психического развития у отдельных несовершеннолетних, совершивших преступление, может отсутствовать сознание о характере совершаемых ими действий или они не могут руководить ими вследствие той же психической отсталости. В таких случаях к ним должно быть применено общее постановление ст. 11 УК РСФСР — они могут быть признаны действующими в состоянии невменяемости.

IV. Чрезвычайное значение в деле борьбы с преступностью несовершеннолетних имеет постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». Этим постановлением, в дополнение к существующим трудовым колониям для содержания детей и подростков, осужденных судами, предусматривается организация трудовых воспитательных колоний НКВД СССР. В эти колонии могут направляться подростки в возрасте от 11 до 16 лет: а) беспризорные, не имеющие родителей вовсе или длительное время живущие без родителей и не имеющие определенного местожительства; б) задержанные за мелкое хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, возбуждение уголовного преследования против которых будет признано нецелесообразным; в) воспитанники детских домов, систематически нарушающие внутренний распорядок и дезорганизующие нормальную постановку учебной и воспитательной работы в детском доме.

В соответствии с этим постановлением НКЮ СССР издал 19 июня 1943 г. приказ «Об усилении борьбы с хулиганством и преступностью несовершеннолетних». Приказ предписывает рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних (до 16-летнего возраста) в городских, краевых и областных центрах и крупных промышленных городах сосредоточить в специально выделенных участках народных судов, подобрав на эти участки наиболее подготовленных к рассмотрению таких дел народных судей. В отношении несовершеннолетних, виновных в злом хулиганстве, хищениях и других серьезных преступлениях, судам надлежит применять строгие меры наказания, предусмотренные законом. В отношении же несовершеннолетних, не достигших 16-летнего возраста, привлеченных к мелкому хулиганству, мелких кражам и другим незначительным преступлениям, в тех случаях, когда судом будет признано нецелесообразным привлечение их к уголовной ответственности, суд, вынося определение о прекращении дела, должен обсудить вопрос о целесообразности передачи несовершеннолетнего на попечение родителей или опекуна (при наличии их), или о направлении несовершеннолетнего в трудовую воспитательную колонию НКВД, если это необходимо.

Постановление от 15 июня 1943 г. усиливает воспитательный момент в деле борьбы с преступностью несовершеннолетних. Отказ от уголовного преследования органами милиции и прокуратуры и прекращение дела судом предусматривается не только по делам о мелкой краже и мелкому хулиганству, но и по другим «незначительным» преступлениям. «Незначительность» не следует понимать в смысле только незначительности последствий преступного деяния. Незначительным деяние может быть и в силу субъективных свойств несовершеннолетнего, степени его вины и т. п. Надо иметь в виду при этом, что отказ от уголовного преследования или прекращение дела не означает отказа от длительного воспитательного воздействия на несовершеннолетнего. Инструкция НКВД СССР, НКЮ СССР и прокуратуры СССР «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР» от 21 июня 1943 г., изданная на основании Постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г., предусматривает продолжительность содержания в колонии до наступления 16-летнего возраста, а достигших этого возраста, но нуждающихся еще в получении определенной трудовой квалификации, — и до 17-летнего возраста. Воспитанники, не достигшие 14-летнего возраста, не подлежат выпуску из колоний за исключением

случаев, когда воспитанника хотят взять для дальнейшего воспитания его родителями, опекуны или прямые родственники.

V. На постановления иностранного уголовного права XIX в. об ответственности несовершеннолетних большое влияние оказало французское законодательство. Французский уголовный кодекс 1810 г. предписывал о каждом подсудимом моложе 16 лет ставить специальный вопрос, действовал ли он «с разумием» или «без разумения». В последнем случае несовершеннолетний подлежал оправданию, но суд мог отдать его под присмотр родителей или поместить в исправительный приют на время по своему усмотрению, но не дольше достижения подсудимым совершеннолетия. Несовершеннолетний, признанный действовавшим «с разумием», подлежал наказанию, но наказание обязательно смягчалось. Смертная казнь, каторга и другие уголовные наказания заменялись в зависимости от тяжести заменяемого наказания, тюремным заключением на срок от одного года до 20 лет. Тюремное заключение должно было отбываться в особых учреждениях. При проступках наказание не могло быть выше половины наказания, которому мог бы быть подвергнут взрослый осужденный.

Уголовный кодекс 1810 г. не устанавливал возраста, до достижения которого несовершеннолетний не мог вообще подвергаться уголовному преследованию.

На развитие в иностранных странах Европы в первой четверти XX в. законодательства об уголовной ответственности большое влияние оказали США. В этой стране впервые возникли так называемые суды для несовершеннолетних. Эти специальные суды возникли в Чикаго в 1889 г., в Нью-Йорке — в 1901 г. Беря пример с этих штатов, вся страна довольно быстро покрылась сетью судов для несовершеннолетних. Суды для несовершеннолетних в большинстве штатов не являются судами, ведающими только правонарушениями несовершеннолетних. Им подведомственны и дела о платеже алиментов и некоторые преступления, направленные против детей. Ведению суда подлежат преступления несовершеннолетних в возрасте до 17 лет, в отдельных штатах — до 18 и 19 лет. Процессуальные формы упрощены. Большую роль в системе судов для несовершеннолетних играет институт обследователей-попечителей. Суд может оставить несовершеннолетнего под их наблюдением и в зависимости от его дальнейшего поведения оставить его на свободе или поместить в государственное или общественное воспитательное учреждение. Не исключено, однако, и применение к несовершеннолетним тюремного заключения.

Суды для несовершеннолетних были введены во Франции и Бельгии законами 1912 г. Введены они были и в ряде швейцарских кантонов. Перед войной они были введены и в дореволюционной России в столицах и в некоторых крупных городах.

Англия заимствовала идею судов для несовершеннолетних у США, но пошла, претворяя ее на практике, собственным путем. Закон 1908 г. не создал нового по существу суда для несовершеннолетних. Функции его были поручены столетиями существующим в Англии мировым судам. Благодаря этому, несмотря на некоторые процессуальные особенности при разборе дел, в английском праве полностью сохранилось положение, что суд для несовершеннолетних есть прежде всего суд, а не опекуное учреждение, и что несовершеннолетний должен пользоваться всеми процессуальными гарантиями, установленными для взрослых.

В 1933 г. английским парламентом был принят закон о малолетних и несовершеннолетних, который регулировал и вопросы об уголовной ответственности несовершеннолетних. Начало уголовной ответственности устанавливалось с 8 лет, но до 14 лет несовершеннолетний не может быть помещен в тюрьму, а от 14 до 17 лет может быть помещен лишь в том случае, если суд придет к заключению, что он «столь непокорного характера или настолько испорчен, что его нельзя поместить в специальное убежище». Лишение прав и каторга не применимы к не достигшим 17 лет, а смертная казнь — к не достигшим 18 лет. Вместо смертной казни суд приговаривает таких лиц к лишению свободы на срок «по усмотрению его величества» — фактически министра внутренних дел — в месте и на условиях, установленных этим министром. Широко должна применяться к несовершеннолетним отсрочка из попе-

чение родственникам и другим благонадежным лицам, под которыми понимаются и местные органы образования и воспитания. В более трудных случаях несовершеннолетние могут помещаться в особые школы закрытого типа, состоящие под правительственным контролем. Помещение в школу назначается сроком на три года, но после пребывания в ней несовершеннолетний может быть отпущен для пребывания в родной или иной семье, оставаясь под надзором школы, в зависимости от возраста при освобождении, до 18 лет или до 21 года.

До издания закона 1933 г. судам предоставлялось право подвергать несовершеннолетних в возрасте до 14 лет шести ударам розги взамен всякого другого наказания. В правительственный проект эта мера не была включена по тем соображениям, что порка в качестве наказания, применяемая судами, почти вышла из употребления и что она принципиально отличается от порки дома или в школе. Тем не менее по настоянию палаты лордов порка была сохранена и законом 1933 г.

Большим новшеством закона 1933 г. явилось положение, что для суда для несовершеннолетних должны выбираться в мировые судьи лица по специальным спискам, «знающие молодежь и имеющие интерес к работе с ней». Широким должно быть участие женщин в качестве таких мировых судей. Обстановка суда не должна задвигать несовершеннолетнего, но и не должна носить чрезмерно семейного характера, «дабы несовершеннолетний проникся сознанием значения того, что происходит». Институт обследователей-попечителей получил дальнейшее развитие.

VI. В Германии суды для несовершеннолетних были введены законом 1924 г., но все более или менее либеральное начинание в Германии в области борьбы с преступностью для несовершеннолетних были полностью искоренены фашистской властью. В своем «анализе» причин преступности фашистские «теоретики» отбрасывают социальные причины, в том числе и такую причину, как безработица, и указывают как на основную причину преступности на «биологическую предрасположенность». По закону 1939 г. несовершеннолетний, достигший 16 лет, может быть признан «привычным» преступником и к нему вряду с каторгой могут быть применены и такие меры безопасности, как интернирование на неопределенный срок. К несовершеннолетним, достигшим 16 лет, при известных условиях по закону 1939 г. за половые преступления может быть применена и такая чудовищная «мера безопасности», как кастрация.

ГЛАВА XIII

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 45. Вина как условие уголовной ответственности 121

I. Для того чтобы признать вменяемое лицо уголовно-ответственным за совершенное им преступление, недостаточно установить, что последнее было совершено данным лицом. Необходимо еще установить вину данного лица в совершении этого преступления.

Вина есть психическое отношение вменяемого лица к совершенному им преступному деянию в форме умысла или неосторожности. Это есть субъективная сторона состава преступления. Отсутствие психической связи между субъектом и преступлением означает и отсутствие в действии лица состава преступления.

Требование допустимости уголовной ответственности лишь при наличии индивидуальной вины было одним из прогрессивных буржуазно-правовых требований, выдвинутых идеологами буржуазии

в борьбе с феодальным государством. Законодательство и судебная практика феодального государства широко знали как объективное вменение, т. е. ответственность без вины за причиненный результат, так и коллективную ответственность — ответственность больших групп населения или отдельных общин и селений за преступление, совершенное отдельным лицом. «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г. в ст. 9 провозгласила в качестве общего принципа, что «каждый предполагается невиновным, пока он не будет признан виновным по суду».

Буржуазная философия и наука уголовного права много внимания уделяли вопросу об обосновании уголовной ответственности за вину. Решение этого вопроса давалось или на основе индетерминизма, т. е. признания существования ни от чего не зависящей свободной человеческой воли, или на основе детерминизма, т. е. признания причинной обусловленности человеческой воли внешней необходимостью, господствующей в окружающем мире.

II. Классическим примером обоснования уголовной ответственности на принципе свободной воли является уголовно-правовая теория Канта. Он считал возможным рассматривать человека одновременно и как объект нашего познания — «явление» (эмпирический характер человека), и как непознаваемую «вещь в себе» (умопостигаемый характер человека). Человек как «явление», как существо, доступное нашему познанию, рассматривается, как и всякое другое «явление», с точки зрения его причинной обусловленности: человеческое поведение считается здесь подчиненным закону причинности. Так, Кант рассматривает человека в области теоретического разума. Человек как «вещь в себе», как существо, недоступное нашему познанию, в своем поведении не подчинен закону причинности. Человека как «вещь в себе» нельзя познать, но можно и должно мыслить его как разумное существо, обладающее свободной волей, руководствующееся в своем поведении, лишь свободной, ни от чего не зависящей волей. Так рассматривает Кант человека в области практического разума. Если в области теоретического разума рассматривается Кантом вопрос, почему, в силу каких причин совершается данное явление, в частности, почему совершается человеком данный поступок, то в области практического разума рассматривается им вопрос о том, как должен поступать человек, поскольку он является разумным существом, обладающим свободной волей. Всю область права вообще и уголовное право в частности Кант относит к области практического разума. Признание наличия у человека свободной воли, т. е. возможности действовать независимо от каких бы то ни было влияний на его волю, является в учении Канта предпосылкой уголовной ответственности человека. С точки зрения Канта, вменить в вину — значит признать данное лицо свободной причиной совершенного им преступления.

Современные криминалисты-неокантианцы также строят уголовную ответственность на признании свободы воли че-

ловека. Они исходят из общих положений философии Канта, резко ограничивающей задачи теоретического и практического разума. Они считают вслед за Кантом, что проблема вины, как и проблема свободной воли, не может быть предметом нашего познания. Вина, с их точки зрения, относится к области, принципиально отличной от познания, — к области оценки человеческого поведения как противоречащего должному. Для них вина есть лишь отрицательная оценка действий данной личности. Они ведут борьбу с психологическим понятием вины как определенным психическим отношением субъекта преступления к совершенному им деянию. Эту борьбу они связывают с общей борьбой против материалистических теорий в уголовном праве.

III. Обоснование вины и ответственности на почве детерминизма давали французские материалисты XVIII в. Так, например, Гольбах считал, что поступки людей никогда не бывают свободными: они являются необходимым следствием их темперамента, предвзятых идей, истинных или ложных понятий о счастье, их взглядов, сложившихся под влиянием воспитания, примера; ежедневного опыта. По его мнению, преступления совершаются лишь потому, что «все способствует тому, чтобы сделать людей преступными и порочными, — их религиозные верования, их правительства, их воспитание, наблюдаемые ими примеры». Признание обусловленности человеческих поступков, однако, не только не устраняет смысла уголовной ответственности, но, наоборот, делает разумным применение наказания за совершенное преступление: наказание может побудить людей совершать одни действия и воздерживаться от других. Наказание может изменить волю человека. Вменить какое-нибудь действие кому-либо в вину — значит приписать ему его совершение; вменение в вину имеет место несмотря на то, что человеческое поведение причинно обусловлено.

Своеобразную трактовку уголовной ответственности и вины дал в своих работах А. Фейербах. Свобода воли для него могла служить основанием лишь для чисто внутреннего, морального вменения. Понятие свободы воли, с точки зрения А. Фейербаха, лишено какого бы то ни было значения для уголовного права. Для законодателя и суда человек является объектом познания нашего разума, почему на него, как и на все другие явления природы, распространяет свое действие закон причинности. Поэтому А. Фейербах строит уголовное право и уголовную ответственность на детерминистической основе, сближаясь этим с французскими материалистами. Причины совершения преступлений А. Фейербах видит в характере воспитания данного лица, его природной организации, внешних обстоятельствах, определяющих его представления, и т. д. Уголовное наказание должно угрожающе воздействовать на граждан, чтобы создать у них контрмотивы против влечения к совершению преступления. Наказание должно психологически детерминировать лишь к соблюдению требований закона. Уголовно-ответственными за свои поступки могут быть лишь те лица, у которых имеются определенные психические способности, позволяющие им

понимать требования уголовного закона. Уголовная ответственность предполагает наличие рассудка для познания закона, наличие способности суждения для подведения совершенного действия под уголовный закон и способности желания, направленного на совершение преступления. Поэтому для А. Фейербаха вина выражалась в нежелании подчинить себя требованиям права несмотря на наличие карательной угрозы уголовного закона.

Криминалисты-антропологи и многие криминалисты-социологи отрицали существование свободной воли человека и видели основание уголовной ответственности в необходимости защищать общество от социально-опасной личности. Сущность так называемой теории «социальной ответственности» Э. Ферри заключалась в том, что поскольку человек живет в обществе, он необходимо подлежит ответственности за совершение общественно-опасных действий; при этом отпадает всякое различие между лицами вменяемыми и невменяемыми, так как поведение и тех и других является общественно-опасным.

На место понятия вины криминалисты-антропологи и многие криминалисты-социологи поставили понятие «опасного состояния» личности как основу ее уголовной ответственности. В рядах криминалистов-социологов было выдвинуто понятие «вины характера» как некоего преступного настроения личности, являющегося основой ее уголовной ответственности. Это была попытка приспособить понятие вины к взглядам уголовно-социологической школы, что репрессия должна соотноситься не с тяжестью преступного деяния, а с характером общественной опасности личности преступника. Такой же характер носит и понятие «материальной вины», выдвинутое криминалистами-социологами. Этим понятием они хотели охватить не только определенное психическое отношение субъекта преступления к совершенному преступником деянию, но и совокупность всех обстоятельств, определяющих степень общественной опасности преступника и нашедших отражение в совершенном им преступлении.

В буржуазной науке уголовного права имеются теории, которые эклектически сочетают позиции детерминизма и индетерминизма в обосновании уголовной ответственности. Это так называемая теория относительной свободы воли, пользующаяся особым распространением среди французских и бельгийских криминалистов. Сторонники этой теории признают обусловленность человеческого поведения, однако неполную. Они полагают, что в определенных пределах человеческая воля остается все же нелетерминированной, свободной. Уголовную ответственность они обосновывают относительно свободной волей.

В основе решения проблемы об основаниях уголовной ответственности буржуазной науки уголовного права лежит метафизическое, антидиалектическое противопоставление свободы и необходимости. Механистический материализм исходит из того, что поскольку человеческое поведение материально обусловлено, нет места для свободы воли и свобода воли есть лишь иллюзия человеческого

разума; для него представление о необходимости человеческих поступков несовместимо с представлением об их свободном совершении.

Из представления о несовместимости понятия свободы и необходимости исходит и Кант при решении им проблемы уголовной ответственности. Человека как свободное существо он рассматривает в области практического разума, в области оценки человеческих поступков с точки зрения нравственного закона; человека как существо, подчиненное необходимости, он рассматривает в области теоретического разума. В этом выражается общий дуализм кантовской философии. Понятие свободы и необходимости, с точки зрения Канта, есть одна из антиномий, т. е. неразрешимых противоречий.

В иной плоскости поставил вопрос о свободе и необходимости Гегель. Для него свобода есть познанная необходимость. Решение вопроса о свободе и необходимости Гегель лава на основе своей идеалистической диалектики. Необходимое для него есть вместе с тем разумное проявление в действительности работы абсолютного духа. Свободно действует тот, кто сознательно осуществляет разумное. Понятие о свободе как познанной необходимости Гегель не мог применить к решению проблемы уголовной ответственности, так как для него преступление есть нечто неразумное. Основание уголовной ответственности Гегель ищет в произволе человеческой воли, в способности абстрагироваться от всех влияний внешнего мира и выбирать произвольно то или иное решение. Поэтому гегелевское обоснование уголовной ответственности остается, по существу, субъективно идеалистическим.

Материалистическая диалектика гегелевскому положению об отношении свободы и необходимости дала материалистическое истолкование как способности человека действовать со знанием дела.

IV. Марксистско-ленинская теория решает проблему свободы воли принципиально отлично от индетерминистических учений, теории механистического материализма и эклектических теорий, стремящихся сочетать в себе элементы противоположных мировоззрений. Отношение марксизма к свободе воли с исчерпывающей ясностью выражено в следующих словах Ф. Энгельса: «...Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей. Это верно как о законах внешней природы, так и о тех, которые регулируют физическую и духовную жизнь самого человека,—о двух классах законов, которые мы можем отделять друг от друга разве только в идее, но не в действительности. Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Следовательно, чем свободнее суждение какого-нибудь человека по отношению к известной проблеме, с тем большей необходимостью будет определено содержание этого суждения; наоборот, вытекающая из незнания неуверенность, которая выбирает яко-

бы произвольно между многими различными и противоположными решениями, этим именно доказывает свою несвободу, свою подчиненность объекту действительности, который она должна была бы как раз подчинить себе. Следовательно, свобода состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости; значит, она является необходимым продуктом исторического развития. Первые, выделившиеся из животного царства, люди были во всем существенном также несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед по пути к культуре был шагом к свободе»¹.

Это принципиально отличное от всей буржуазной философии понятие о свободе человеческой воли марксизм кладет и в основание уголовной ответственности.

Таким образом, марксизм не отрицает свободной воли, но единственно он научно ее объясняет как человеческую способность действовать со знанием дела. «Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия», — указывал Ленин². Обычное представление о свободной воле идеалистической философии есть идеологически извращенное понятие об этой способности человека. К. Маркс в статье о «Смертной казни» писал: «Не значит ли это обманывать самого себя, когда на место индивидуума, с его действительными мотивами, с испытываемым им многообразным воздействием социальной среды, ставят абстракцию «свободной воли», заменяя всего человека одним из многих человеческих свойств»³.

Личность, способная действовать со знанием дела, играет активную роль в изменении внешнего мира, хотя эта деятельность с тем большей необходимостью определена и тем меньше в ней элементов случайности, чем более свободно суждение человека о данном конкретном вопросе. Способность человека действовать со знанием дела вызывает ответственность человека за совершенные действия, определяет его вину за совершенные преступления. Чем с большим знанием дела действует человек, тем более ответственен он за совершенные действия, тем больше и его вина в совершении преступления.

Поэтому В. И. Ленин писал: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека. Ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»⁴.

По мере роста наших успехов в деле проведения культурной революции растет культурность и сознательность широчайших масс

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 114.

² Ленин, Соч., т. I, стр. 292.

³ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IX, стр. 88—89.

⁴ Ленин, Соч., т. I стр. 77.

нашего народа. Вырастают вместе с тем и сознание ответственности за свои поступки у отдельной личности и требования к ней социалистического государства. Для социалистического уголовного права особое значение имеет индивидуальная ответственность, индивидуальная вина отдельного лица за совершенные им преступные действия.

Ленин в своих высказываниях по вопросам уголовного права неоднократно пользовался понятием вины как предпосылкой индивидуальной ответственности. Так, например, уже в 1917 г. в записке Ф. Дзержинскому о необходимости скорейшего издания декрета о борьбе с саботажниками и контрреволюционерами Ленин, набрасывая проект этого декрета, пользуется понятием вины; проект декрета говорит о лицах, виновных в непредставлении нужных сведений, о членах домовых комитетов, виновных в несоблюдении правил хранения заявлений, поданных на основании этого декрета представителями буржуазии, о наказании указанных лиц по степени вины¹. В своих высказываниях по вопросу об уголовной ответственности Ленин требовал предания суду не только за умышленное совершение того или иного преступления, но и за неосторожное: он считал необходимым отдавать под суд за «неумелость», за «безрукость». Так, в конспекте брошюры о продналоге Ленин писал о том, что нужно отдавать «под суд за неисполнение закона и за неумелость»². В письме к Богданову о волоките по изготовлению плугов Фаулера, он писал о необходимости объявить виновными «в волоките, безрукости, в попустительстве бюрократизму»³.

Ленин всегда требовал установления точной индивидуальной виновности как предпосылки уголовной ответственности. В письме о постановке работы Управления делами СНК Ленин указывал на необходимость установления «точной персональной ответственности» в связи с медленным оформлением заказов на водные турбины. Здесь же Ленин писал: «Вообще установление точной персональной ответственности—важнейшее дело управдела СНК и СТО. Этого я буду требовать строже всего»⁴. На необходимость установления точной ответственности не раз указывал товарищ Сталин. Надо, говорил он, «карать всех тех товарищей, невзирая на лица, которые нарушают или обходят законы советской власти»⁵.

V. Понятием вины пользуются и первые декреты советской власти в области уголовного права. Отрицание социалистическим уголовным правом индетерминистического понятия о вине не означает отрицания индивидуальной виновности лица и различия в формах виновности.

«Руководящие начала» 1919 г. в ст. 10 подчеркнули отказ социалистического уголовного права от индетерминистического взгляда на вину и связанного с ним взгляда на наказание как на акт возмездия: «При выборе нака-

¹ Записки Института Ленина, стр. 38—39.

² IV Ленинский сборник, стр. 374.

³ VIII Ленинский сборник, стр. 57.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 445.

зания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть «искупление вины». Отрицание «Руководящими началами» вины, основанной на свободе воли, и наказания-возмездия не означало, разумеется, ни отрицания советским правом индивидуальной ответственности лица, ни оценки различия форм его виновности, различия между умышленным и неосторожным совершением преступления. Все же формулировка «Руководящих начал» не отличалась достаточной четкостью.

Постановление об умысле и неосторожности в «Руководящих началах» содержалось в пп. «в» и «з» ст. 12. Статья 12 «Руководящих начал» предлагала суду при определении меры наказания в каждом конкретном случае учитывать ряд условий совершения преступления. Пункт «в» этой статьи предлагал суду различать, «совершено ли деяние в сознании причиненного злорадия или по неведению и неосознанности», а пункт «з» — «обнаружены ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость, или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности». «Руководящие начала» не раскрывали непосредственно содержания умысла и неосторожности как условий уголовной ответственности.

О субъективной стороне совершенного преступления говорили и пп. «а» и «б» ст. 12 «Руководящих начал» в связи с конкретным содержанием умысла лица, совершившего преступление. Пункт «а» предлагал суду учитывать, «совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности», а пункт «б» — «совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса или в интересах личных совершающего деяние».

Если «Руководящие начала» проблему вины разрешали нечетко и неполно, то УК РСФСР 1922 г. дал в ст. 11 четкое определение понятий умысла и неосторожности как необходимых условий уголовной ответственности.

«Основные начала» требуют в качестве необходимого условия применения наказания наличие вины в форме умысла или неосторожности. В ст. 6 они устанавливают, что наказания применяются лишь в отношении лиц, которые: «а) действуя умышленно, предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, или б) действуя неосторожно, не предвидели последствий своих действий, хотя и должны были бы их предвидеть, или легкомысленно надеялись предотвратить таковые последствия».

УК РСФСР 1926 г. в ст. 10 воспроизводит с незначительными редакционными изменениями приведенное постановление «Основных начал». Это постановление «Основных начал» воспроизводится и в уголовных кодексах всех других союзных республик.

Таким образом, лишь при наличии вины умышленной или вины неосторожной к лицу, совершившему общественно-опасное действие, может быть применено наказание.

Советское уголовное право основывается на принципе индивидуальной ответственности, индивидуальной вины. Строгое различие форм виновности (умысла и неосторожности) при совершении преступления проводится социалистическим законом со всей определенностью.

Без наличия вины не может иметь места уголовная ответственность. Отсутствие вины означает и отсутствие в действиях лица состава преступления. Установление индивидуальной вины лица в

совершении преступления является основной задачей всего судебного процесса. Грубейшим нарушением требований социалистической законности было бы осуждение за преступление без установления виновности лица в совершении данного преступления.

§ 46. Формы виновности

I. Для понимания субъективной стороны преступления, необходимо уяснить понятия умысла и неосторожности. Приведенная выше ст. 6 «Основных начал» говорит о двух элементах умысла: а) предвидении (сознании) общественно-опасного характера последствий своих действий и б) желании или сознательном допущении наступления этих последствий.

Предвидение последствий своих действий и желание их наступления означает наличие прямого умысла. Например, Кузнецов, желая убить Борисова, стреляет в него из револьвера. Кузнецов предвидит, что последствием его действий (выстрела) может оказаться смерть Борисова, и желает этой смерти. Поэтому психическое отношение Кузнецова к причиненному им результату (смерть Борисова) выражается в форме прямого умысла.

Предвидение последствий своих действий и сознательное их допущение означают наличие непрямого (косвенного), или эвентуального, умысла. Например, Федоров с целью получить страховую премию за дачу поджигает ее ночью, зная, что в ней ночует его знакомый Некрасов, который может погибнуть в огне. Некрасов погибает во время пожара. Федоров предвидел, что последствием его действий может быть смерть Некрасова, и хотя не желал, но сознательно допустил ее. Поэтому психическое отношение Федорова к причиненному результату (смерть Некрасова) выражается в форме эвентуального умысла. Или другой пример: Иванов, любитель свежего воздуха, открывает зимой в морозную ночь окно, воспользовавшись сном живущего с ним вместе в одной комнате Петрова. Иванов знал, что Петров уже простужен и что открытое окно может сильно повредить ему, однако отнесся к этому безразлично. Петров заболел воспалением легких. Иванов предвидел, что последствием его действий может быть болезнь Петрова, и, конечно не желая этого, все же шел сознательно на то, что Петров может опасно заболеть. Психическое отношение Иванова к причиненному результату (болезнь Петрова) и здесь выражается в форме эвентуального умысла. Эвентуальный умысел на совершение данного преступления имеет место в тех случаях, когда лицо преследует какие-либо другие преступные цели или когда оно, осуществляя какие-нибудь сами по себе не-преступные намерения, вместе с тем сознательно допускает возможность наступления данного преступного результата.

Таким образом, умышленная вина возможна в виде умысла прямого или в виде умысла эвентуального.

II. Предвидение последствий своих действий является общим элементом для обоих видов умысла. Предвидение

последствий своих действий может выражаться в предвидении неизбежности их наступления или в предвидении лишь вероятности, возможности их наступления. Поэтому умысел на убийство имеет-ся не только тогда, когда убийца стреляет в свою жертву в упор в висок, предвидя неизбежность ее смерти, но и тогда, когда вы-стрел с целью лишить жизни человека произведен на значитель-ном расстоянии и гибель жертвы лишь вероятна. Однако при умысле эвентуальном предвидение последствий своих действий может выражаться лишь в предвидении вероятности, возможности их наступления. Когда лицо предвидит неизбежность наступления последствий своих действий, нельзя говорить, что оно их не же-лает, а лишь сознательно допускает.

Для наличия умысла необходимо предвидеть (сознавать) все те фактические обстоятельства, которые образуют объективную сторону со-става данного конкретного преступления. Так, например, для умысла при краже необходимо сознание, что похи-щается чужая вещь.

Предвидение всех фактических обстоятельств, принадлежащих к объективной стороне состава данного преступления, как по-следствий совершаемых действий включает в себя тем самым еще и предвидение развития причинной связи между совершенными действиями и наступив-шим преступным результатом. Для наличия умысла достаточно, чтобы это предвидение развития причинной связи имелось лишь в общих, родовых чертах. Так, например, для при-знания убийства умышленным не требуется, чтобы убийца пред-видел, что, стреляя в свою жертву, он пулей заденет сонную арте-рию, отчего и последует смерть, как это в действительности слу-чится, а достаточно лишь общего предвидения, что выстрел мо-жет причинить смерть. Наличием предвидения развития причинной связи между действием и наступившим преступным результатом умысел отличается от простого пожелания или надежды на наступ-ление того или иного результата. Поэтому нельзя говорить о на-личии умысла на убийство, если кто-либо содействует своему вра-гу поехать в опасную экспедицию, надеясь, что тот там погибнет. Здесь нет предвидения даже в родовых чертах того, каким путем желаемый результат может наступить.

При так называемых формальных преступлениях (§ 40) предви-дение как элемент умысла должно охватывать лишь сознание тех фактических особенностей совершаемого действия, которые отно-сятся к объективной стороне состава данного преступления. На-пример, при словесной обиде необходимо сознание, что слово, про-износимое по чьему-либо адресу, является оскорбительным; при оставлении в опасности необходимо сознание, что оставляемое без помощи лицо находится в опасном для жизни положении и лишено возможности самосохранения вследствие беспомощного состояния и что оставивший его был обязан иметь заботу о таком лице.

Не является элементом умысла сознание общественной опасности совершенного деяния (сознание противоправности). Советское право придерживается положения, что нельзя отговариваться незнанием общественно-опасного характера совершенного деяния. Сознание общественной опасности совершенного действия имеется в громадном большинстве случаев умышленного совершения преступлений. Лишь в первое время действия новых законов, направленных на укрепление новой дисциплины социалистического общества или на подавление сопротивления эксплуататоров, фактически возможны были бы ссылки на отсутствие сознания противоправности совершенного деяния. Внесение в содержание умысла в качестве обязательного элемента сознания противоправности создавало бы лишь вредные привилегии для лиц, не желающих ознакомиться с законами социалистического государства, в котором они живут. Советская власть всегда делала и делает все необходимое, чтобы довести содержание своих новых, в том числе и уголовных, законов до сведения широких народных масс.

III. Для прямого умысла необходимо, чтобы виновный желал наступления предвиденных им последствий своих действий. Достигнутый преступный результат является или единственной целью, преследуемой виновным, например убийство из мести, или необходимым средством для достижения какой-либо другой цели, например, убийство с целью скрыть следы другого преступления.

Для эвентуального умысла необходимо, чтобы у виновного отсутствовало желание наступления предвиденных последствий его действий, но тем не менее имелось сознательное их допущение. Этим эвентуальный умысел отличается от прямого.

Отсутствие желания наступления последствий своих действий может выражаться в безразличном к ним отношении или даже в нежелании их наступления.

Сознательное допущение возможности наступления преступных последствий имеет место до тех пор, пока субъект не рассчитывает на определенное обстоятельство, будь то свои собственные действия, действия другого лица или силы природы, которое должно, по его мнению, отклонить наступление предвиденных им преступных последствий своих действий. Поэтому сознательное допущение наступления предвиденных последствий будет и тогда, когда лицо, не желая их наступления, рассчитывает лишь на авось, на счастливую случайность, благодаря которой предвиденное им преступное последствие не наступит.

IV. Неосторожная вина возможна в виде самонадеянности (преступное легкомыслие — *luxuria*) и небрежности (*negligentia*)¹.

¹ Макашвили и Церетелли, О неосторожности по советскому уголовному праву, «Проблемы социалистического права», 1939 № 4/5.

Самонадеянность согласно ст. 6 «Основных начал», состоит в предвидении последствий своих действий, соединенном с легкомысленной надеждой предотвратить их. Самонадеянность характеризуется: а) наличием предвидения последствий своей деятельности и б) наличием легкомысленной надежды их предотвратить. Например, инженер Иванов при производстве химического опыта предвидит возможность порчи ценной аппаратуры, но не принимает необходимых мер, легкомысленно рассчитывая, что и принятых им мер достаточно для предотвращения вреда. Однако этих мер оказывается недостаточно, и вред наступает.

Предвидение лицом последствий своих действий сближает самонадеянность с умыслом. Предвидение при самонадеянности обладает всеми теми признаками, которыми оно обладает в качестве составного элемента эвентуального умысла. При самонадеянности предвидение последствий своих действий может быть лишь только предвидением их вероятности, так как только при этом условии может быть легкомысленная надежда в данном конкретном случае предотвратить наступление предвиденного последствия.

✓ Отсутствием сознательного допущения наступления предвиденных последствий самонадеянность отличается от эвентуального умысла. О сознательном допущении наступления предвиденных последствий не может быть речи, когда преступник сознательно рассчитывает предотвратить наступление предвиденных последствий. Надежда предотвратить предвиденные последствия своих действий предполагает расчет на определенное обстоятельство или группу обстоятельств, которые должны, по мысли виновного, отклонить возможность наступления предвиденных им последствий. В качестве такого обстоятельства может выступать или собственная ловкость лица, его находчивость в решительную минуту и т. д., или действия других людей, или действие сил природы. Надежда избежать наступления преступных последствий легкомысленным расчетом не на какое-либо определенное обстоятельство, а только на свое «счастье», как мы уже выяснили выше, не устраняет сознательного допущения наступления преступных последствий, а потому должна быть отнесена не к самонадеянности, а к эвентуальному умыслу.

Небрежность, согласно ст. 6 «Основных начал», состоит в непредвидении виновным последствий своих действий, которые по обстоятельствам дела он должен был бы предвидеть. Например, кто-нибудь оставляет в лесу не совсем потушенный костер, который раздувается поднявшимся ветром и вызывает пожар. Виновный хотя и не предвидел последствий своих действий (пожар), но должен был бы их предвидеть, если бы был более осмотрительным. Поэтому его психическое отношение к наступившему результату выражается в форме небрежности.

Небрежность характеризуется двумя моментами: 1) отрицательным — отсутствие предвидения последствий своей деятельности и 2) положительным — наличие таких условий, которые дают возможность признать, что субъект должен был предвидеть последствия своей деятельности. Первым моментом небрежность отделяется от умысла (прямого и эвентуального) и самонадеянности. Вторым моментом небрежность отличается от простого случая (casus), за который лицо не подлежит вовсе уголовной ответственности.

Вопрос о том, должен или не должен был субъект предвидеть возможность наступления причиненного результата, есть вопрос факта (questio facti). Он может быть решен лишь в результате оценки всей конкретной обстановки события как в отношении субъективных свойств лица, так и в отношении объективных обстоятельств, при которых наступил данный результат. Мерилом должной предусмотрительности служит предусмотрительность, которая в таких случаях требуется правилами профессии, обычаями, существующими в данном круге лиц, и т. д. Для лица, обладающего специальными знаниями и высоким развитием, эта норма будет одна, для лица, причинившего тот же результат, но не обладающего такими знаниями или такой сознательностью, норма будет другая.

Доклад УКК Верховного суда РСФСР 1929 г. о делах по ст. 128 УК РСФСР дифференцированно ставил вопрос о понимании неосторожной вины при бесхозяйственности: «Бесхозяйственность как результат неопытности ни в коем случае не освобождает от ответственности должностных лиц, имеющих определенную и установленную квалификацию. В отношении этих лиц бесхозяйственность по неопытности должна рассматриваться в плоскости преступной самонадеянности. По отношению к остальным должностным лицам (в частности выдвигенцам) неопытность следует считать обстоятельством, устраняющим ответственность лишь в тех случаях, когда будет доказано, что данное должностное лицо не имело возможности приобрести надлежащий опыт и знания в процессе производимой им работы».

Отрицательный ответ на вопрос, должен ли был субъект предвидеть возможность наступления последствий своей деятельности, влечет за собой признание отсутствия в его действиях вины и наличия случая, за который он не подлежит уголовной ответственности. По ходу пьесы один артист должен произвести выстрел в другого. Помощник режиссера по ошибке зарядил револьвер, из которого должен был быть произведен выстрел, не холостым патроном, а патроном с пулей; артист стреляет из данного ему револьвера, не предполагая, что он заряжен, и убивает своего товарища. Убивший не подлежит уголовной ответственности потому, что он не предвидел и по обстоятельствам дела не должен был предвидеть, что от его действий последует смерть другого лица.

УКК Верховного суда РСФСР в 1938 г. не усмотрела состава неосторожного убийства и признала тем самым наличие простого случая в том, что И., возвращаясь из бани с новорожденным ребенком, поскользнулась при входе в

дом и упала вместе с ребенком, который при этом стукнулся головой о стену и от полученного удара на следующий день скончался.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении 8 марта 1939 г. признал отсутствие состава преступления и наличие лишь случая в действиях машиниста К., который, въезжая на станцию и увидев на пути на расстоянии 20 метров двух человек, не остановил поезда, в результате чего эти люди попали под поезд и были убиты. Машинист К. подходил к станции ночью, в тумане и, не видя никого на путях, все же давал сигналы перед семафором и перед переездом, и на расстоянии 20 метров остановить поезд был не в состоянии. Пленум Верховного суда признал, что в этих условиях К., принявший все меры предосторожности, не может нести ответственность за несчастный случай. В тот момент, когда машинист К. въезжал на станцию, он не видел никого и все же принял все необходимые меры предосторожности, поэтому он в этот момент не предвидел и не должен был предвидеть гибели людей. Причиненный результат является для него случаем, за который он не подлежит уголовной ответственности. То обстоятельство, что в последний момент он увидел людей, не может изменить этого вывода, так как он не имел уже возможности остановить поезд и действовал поэтому под влиянием непреодолимой силы.

V. Субъективная сторона совершенного деяния может быть выяснена в каждом конкретном случае при помощи следующей схемы.

Первый вопрос	Первый ответ	Второй вопрос	Второй ответ
Предвидел ли субъект преступный результат?	а) Да, предвидел	Как он относился к предвиденному?	а) Желал (прямой умысел). б) Сознательно допускал (непрямой, или эвентуальный, умысел). в) Рассчитывал предотвратить (неосторожность в форме самонадеянности).
	б) Нет, не предвидел	Должен ли был предвидеть?	а) Да, должен (небрежность). б) Нет, не должен (случай).

VI. Так как в силу ст. 6 «Основных начал» наказание применяется лишь к тем, кто действовал умышленно или неосторожно, то ни одно преступление не может подлежать объективному вменению, т. е. уголовная ответственность исключается, если нет в действиях лица умысла или неосторожности. Объективного вменения советское уголовное право не знает и в тех случаях, когда фактические последствия совершенного преступления, согласно Особенной части Уголовного кодекса, являются обстоятельствами, делающими данное преступление более социально-опасным (квалифицированным). Так, например, по ч. 2 ст. 142 УК РСФСР квалифицирующим обстоятельством умышленного тяжкого телесного повреждения является последовавшая от него смерть потерпевшего. Буквальное понимание этой статьи может дать основание к выводу, что здесь ответственность усиливается вне зависимости от того или иного психического

отношения субъекта к наступившему последствию, квалифицирующему данное преступление. Однако, так как ст. 10 УК РСФСР. (ст. 6 «Основных начал») исключает возможность объективного вменения, то следует сделать вывод, что повышение наказания в связи с объективным последствием совершенного деяния (смерть потерпевшего) возможно лишь при установлении со стороны виновного неосторожности по отношению к последствиям своего действия — смерть от нанесения тяжких телесных повреждений. Установление этого психического отношения в виде умысла в приведенном примере меняет квалификацию преступления, превращая его из квалифицированного тяжкого телесного повреждения в умышленное убийство.

VII. Умышленно может быть совершено большинство преступлений, неосторожно не могут быть совершены многие преступления, состав которых исключает возможность их неосторожного совершения. Например, контрреволюционные преступления могут быть совершены только умышленно. Все преступления, в состав которых введен элемент специальной цели действия (например, корыстная цель при подлоге), могут быть совершены лишь с прямым умыслом. Все преступления, в состав которых введен элемент сознательности действия («заведомо для совершившего»), исключают возможность их неосторожного совершения. По некоторым преступлениям Уголовный кодекс в Особенной части проводит различие в смысле наказуемости их умышленного или неосторожного совершения, например убийство, телесное повреждение. В тех случаях, когда в Особенной части этого нет, различие видов виновности при совершении соответствующего преступления может быть учтено лишь в рамках карательных санкций соответствующих статей Особенной части, предусматривающих данное преступление.

Установление в действиях лица требуемой данным составом преступления одной из форм виновности — умысла или неосторожности — является необходимым условием уголовной ответственности вменяемого лица за совершенное им преступление. При отсутствии этих условий в действиях лица нет состава преступления. Наличие в действиях субъекта того или иного вида умысла или того или иного вида неосторожности не предрешает, однако, вопроса о характере и объеме его уголовной ответственности. Она определяется в рамках санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса, характером социальной опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления. Наличие в действиях лица умысла или неосторожности является при прочих равных условиях показателем различной степени социальной опасности преступника. Это различие субъективной стороны совершенного преступления должно всегда учитываться судом при определении наказания за те преступления, которые допускают и умышленное и неосторожное их совершение. Этим объясняется и то, что в Особенной части Уголовного кодекса в ряде случаев неосторож-

ное совершение преступления влечет за собой менее суровое наказание. Но наличие того или иного вида умысла или того или иного вида неосторожности не всегда является свидетельством различия в степени общественной опасности преступника. Установление психического отношения лица к преступному результату в виде эventуального умысла, по общему правилу, может свидетельствовать о меньшей его виновности по сравнению с лицом, действующим с прямым умыслом. Однако иногда оно может являться показателем его особенного эгоизма, пренебрежения и равнодушия к тем или иным защищаемым правом интересам. Точно так же и наличие небрежности не всегда является непременным показателем меньшей опасности преступника, чем при установлении в его действиях самонадеянности. Поэтому Уголовный кодекс ни в Общей, ни в Особенной части обычно не устанавливает обязательного смягчения меры наказания в связи с установлением в действиях лица того или иного вида умысла или того или иного вида неосторожности.

§ 47. Влияние ошибки на форму виновности

I. Вопрос о влиянии ошибки субъекта преступления на форму виновности не находит прямого разрешения в советском уголовном законодательстве.

Ошибка есть неправильное представление лица о действительном юридическом и фактическом характере и последствиях совершаемых действий. Таким образом, ошибка может быть двух видов: ошибка юридическая (error juris) и ошибка фактическая (error facti).

II. Юридическая ошибка субъекта преступления может заключаться в ошибочном представлении его о преступности или непротивности совершаемых им действий или в ошибочном представлении его относительно характера наказания, назначаемого за совершенное преступление.

а) Юридическая ошибка, состоящая в том, что субъект, совершив действия, которые являются с точки зрения Уголовного кодекса безразличными, считает их преступными, дает содержание так называемому мнимому преступлению, т. е. преступлению, существующему лишь в воображении лица совершившего его. Убеждение лица, совершившего те или иные действия, в их преступности не имеет юридического значения. Такие действия не являются общественно-опасными и не могут влечь уголовной ответственности.

б) Юридическая ошибка, заключающаяся в ошибочном представлении лица о непротивности совершаемых действий, в то время как в действительности они являются общественно-опасными, не устраняет виновности лица и не влияет на форму его виновности.

Социалистическое уголовное право исходит из материального понятия преступления: преступление рассматривается не только как нарушение нормы, но и как социально-опасное действие. Поэтому вопрос об этой ошибке в системе советского уголовного права сводится к вопросу о значении заблуждения лица, совершившего преступление, относительно общественно-опасного характера своих действий. Такое заблуждение не устраняет умысла в действиях лица. Сознание общественной опасности не является элементом умысла. Поэтому ошибочное представление субъекта о непротивоправности совершаемых действий не влияет на устранение умысла.

в) Заблуждение субъекта относительно размера наказания, которое может быть назначено за совершенное преступление, не имеет юридического значения. Размер наказания не принадлежит к тем обстоятельствам, которые должны охватываться предвидением субъекта как элементом его умышленной вины, почему такая ошибка не может исключать умысла в действиях лица.

III. Ошибка фактическая заключается в ошибочном представлении лица о фактическом характере и фактических последствиях своих действий. Предвидение субъектом преступления при умышленной деятельности заключается: а) в предвидении фактических обстоятельств, относящихся к объективной стороне данного конкретного преступления и б) в предвидении развития причинной связи между действиями субъекта и наступившим преступным результатом. Поэтому и фактическая ошибка может быть: а) ошибкой, относящейся к фактическим обстоятельствам, составляющим объективную сторону данного преступления, и б) ошибкой, относящейся к развитию причинной связи между действиями субъекта и наступившим преступным результатом (ошибка в причинности). Фактическая ошибка первого рода может быть или ошибкой, относящейся к основным элементам объективной стороны, или ошибкой, относящейся к квалифицирующим преступление обстоятельствам.

а) Фактическая ошибка, относящаяся к основным элементам объективной стороны состава данного преступления, может состоять в ошибочном предположении об отсутствии объективных элементов того или иного состава преступления или в ошибочном предположении об их наличии.

Примером ошибочного предположения об отсутствии объективных элементов состава преступления, тогда как в действительности они имеются, может служить незнание при сбыте фальшивой монеты, что она фальшива.

Так как в этом случае у субъекта преступления отсутствует предвидение таких обстоятельств, которые являются основными моментами объективного состава данного преступления (субъект не сознает, что он сбывает фальшивую монету), то его деятельность не может считаться умышленной. Она может считаться лишь деятельностью неосторожной, если по обстоятельствам дела

окажется, что субъект должен был предвидеть указанные факты. Совершенное деяние должно рассматриваться в таком случае как неосторожное преступление, если неосторожное совершение данного преступления вообще возможно. Если субъект по обстоятельствам дела не должен был предвидеть фактических обстоятельств, составляющих объективную сторону состава данного преступления, совершенное является случаем, за который он не подлежит уголовной ответственности.

Определением 25 октября 1924 г. по делу Л. УКК Верховного суда РСФСР не нашла состава преступления в попытке сдачи в сберкассу фальшивой банкноты в 5 червонцев, так как сдавший сам был введен в заблуждение и не знал, что банкнота была фальшивой. В 1927 г. УКК Верховного суда РСФСР не нашла состава преступления, предусмотренного ст. 77 УК РСФСР (самовольное присвоение себе звания должностного лица, сопряженное с дискредитированием советской власти или учинением на этом основании каких-либо общественно-опасных действий), в действиях С. и Н., которые в силу заблуждения, основанного на предъявленных документах, приняли Л. за народного судью и участвовали в качестве заседателей в самочинно устроенном им судебном процессе.

Примерами фактической ошибки, состоящей в ошибочном предположении о наличии объективных элементов состава преступления, тогда как их в действительности нет, может служить сбыт в качестве фальшивой настоящей монеты при ошибочном представлении, что она фальшива. В этом случае субъективная сторона деятельности лица заключает в себе предвидение тех обстоятельств, которые относятся к объективной стороне состава соответствующего преступления. Поэтому деятельность лица несмотря на фактическую ошибку, сохраняет все признаки умышленной преступной деятельности, вопрос же об ответственности за указанную деятельность должен быть разрешен так, как решается вопрос об ответственности за негодное покушение на преступление (§ 59).

а) Фактическая ошибка, относящаяся к объективным обстоятельствам, квалифицирующим данное преступление также может состоять в ошибочном предположении об отсутствии или о наличии этих объективных обстоятельств. В преступлениях, которые могут быть совершены лишь умышленно, ошибочное представление об отсутствии имевшихся в действительности квалифицирующих обстоятельств должно влечь за собой рассмотрение данного преступления как совершенного без наличия этих квалифицирующих обстоятельств.

УКК Верховного суда РСФСР определением 9 января 1925 г. по делу А. не усмотрела квалифицированной кражи в краже лошадей, принадлежащих отделу народного образования, так как «приговором не установлено, было ли известно, что лошади принадлежат государственному учреждению». Постановление Пленума Верховного суда РСФСР 2 марта 1927 г. признало, что кража государственного или общественного имущества, хранящегося в частных квартирах или у частных лиц, в случаях, когда лицо, совершившее кражу, заведомо знало, что это имущество принадлежит государственной или общественной организации, должна рассматриваться как кража государственного имущества. Отсюда следует, что кража государственного или общественного имущества в этих случаях при ошибочном предположении, что

похищенное имущество принадлежит частному лицу, не может рассматриваться как кража государственного имущества.

Совершение преступления при ошибочном предположении лица о наличии квалифицирующих преступление обстоятельств, например, ошибочное представление при краже лошади, что она принадлежит государственному учреждению, тогда как в действительности она принадлежит частному лицу, следует рассматривать как покушение на совершение квалифицированного преступления.

в) Ошибка субъекта преступления относительно фактических обстоятельств, не принадлежащих к составу данного преступления, не оказывает никакого влияния на форму виновности. К такой ошибке относится и так называемая ошибка в объекте (error in objecto). Например, Андреев, желая убить Борисова, ошибочно принимает за него Васильева и убивает его. Такая ошибка не может устранить умышленной вины, так как для наличия умысла при убийстве необходимо представление, что от совершаемых действий может последовать смерть человека; для состава преступления убийства юридически равноценным объектом является как жизнь Борисова, так и жизнь Васильева.

Близко по внешнему виду к ошибке в объекте подходят так называемые случаи отклонения действия (aberratio ictus) — осуществление преступного результата над другим объектом не вследствие того, что субъект преступления ошибочно принимает его за надлежащий, а вследствие каких-либо других причин. Например, Алексеев, желая убить Петрова, стреляет в него, но Петров во время отклоняется в сторону и пуля попадает в проходящего в это время Иванова.

Случаи aberratio ictus имеют иное юридическое значение, чем error in objecto. В приведенном примере мы имеем покушение на умышленное убийство Петрова в совокупности с неосторожным убийством Иванова, если субъект по обстоятельствам дела должен был предвидеть возможность наступления этого последствия, или же лишь покушение на убийство Петрова, если субъект не должен был предвидеть возможности наступления причиненного последствия.

На этой точке зрения стоит и наша судебная практика. Так, например, УКК Верховного суда РСФСР в одном из своих определений еще в 1928 г. указала: «Если бы суд пришел к выводу, что убийство К. имело место в силу неудавшегося покушения на убийство Л. и что выстрелы, направленные в последнего, минуя цель, попали в К., то в этом случае суд должен был это действие квалифицировать по ст.ст. 19 и 136 (т. е. покушение на убийство) и по ст. 139 РСФСР (т. е. неосторожное убийство), причем только совокупные признаки обеих статей отражают действительную картину происшествия».

IV. Ошибка в причинности заключается в неправильном представлении субъекта о причинной связи между совершенным им действием и наступившим преступным результатом. Такая ошибка вообще не устраняет умышленности совершенных действий, так как у субъекта при совершении преступного действия

имеется и предвидение фактических обстоятельств, относящихся к объективной стороне состава преступления, и определенное предвидение развития причинной связи, которая должна привести к наступлению данного преступного результата. Ошибка в причинности может исключать лишь вменение преступного результата в качестве окончченного умышленного преступления. Для этого оно должно состоять в таком несоответствии между действительным и предполагаемым развитием причинной связи, которое не охватывается общим родовым предвидением развития причинной связи. В таком случае уголовная ответственность должна определяться за покушение на преступление.

Одним из случаев ошибки в причинности является do-lus generalis (общий умысел), состоящий в том, что субъект совершает действие с умыслом достигнуть определенного преступного результата, но этот результат достигается в действительности не этим действием, а другим, совершенным субъектом с другим намерением. Например, Александров, желая убить Боброва, наносит ему удар тяжелым предметом по голове; считая Боброва убитым, Александров бросает его в воду, чтобы скрыть следы преступления. Оказывается, что в действительности смерть Боброва последовала не от удара, который вызвал у него лишь временную потерю сознания, а от того, что он утонул в воде. Некоторые криминалисты находили, что умысел на совершение преступления в таких случаях как бы продолжается, и во всех действиях лица есть как бы общий умысел (*do-lus generalis*), в нашем примере — умысел на лишение жизни. Но более правильно рассматривать эти случаи по общим правилам об ошибке в причинности, которая приводит к тому, что предвидение субъекта не охватывает даже родовых черт развития причинной связи между действием и наступившим результатом. Поэтому первое из совершенных действий нужно рассматривать как покушение на совершение соответствующего умышленного преступления, а последующие действия, в зависимости от конкретных обстоятельств, как неосторожное или случайное причинение результата. В тех случаях, когда второе действие, имея целью скрыть совершенное преступление, тем не менее предпринимается с представлением о возможности окончательного наступления преступного результата и от этого действия, так как нет полной уверенности, что преступный результат уже наступил, то нет и ошибки в причинности и все совершенное следует рассматривать как одно умышленное преступление.

§ 48. Формы виновности в истории уголовного права и в иностранном уголовном праве¹

1. Древние памятники права субъективной стороне совершенного преступления уделяли мало внимания. При определении уголовной ответственности они исходили из объективного вменения — и умышленное, и неосторожное, и

¹ Фельдштейн, Учение о формах виновности, 1902.

случайное причинение вреда порождало право частной мести, влекло возмещение ущерба, уплату штрафа или иное наказание.

«Русская Правда» также назначала продажи и виры не в зависимости от характера вины, а в зависимости от объективных условий — причиненного вреда, звания потерпевшего и т. д. «Аже кто убьет князя мужа... то 80 гривен; пакиль людин, то 40 гривен». Однако было бы неправильно утверждать, что «Русская Правда» вовсе не обращала внимания на субъективную сторону преступления. В ряде отдельных постановлений она это учитывала: ответственность за убийство в разбое была более суровой, чем за убийство в «сваде», т. е. в ссоре; закуп должен был платить за пропавшего коня, если он его не ввел во двор и не запер, где ему велел господин; но за пропажу коня, при соблюдении этих условий закуп не нес ответственности и т. д.

В Уложении 1640 г. в ряде отдельных постановлений проводилось различие между умышленным, неосторожным и случайным причинением вреда. Для обозначения умышленной деятельности Уложение пользовалось такими выражениями: умышление, хитрость, нарочное дело, нарядное дело, воровство. Неосторожность Уложение именovalo небрежением, леностью. Случайные действия назывались в Уложении бесхитростными или совершенными извольеньем божьим. Уложение не всегда выдерживало эту терминологию; иногда неосторожные действия оно называло бесхитростными. Уложение отказывалось от преследования за случайные действия, хотя в некоторых случаях сменяло случайность с неосторожностью и назначало за нее наказание. За действия, совершенные по небрежению, кроме возмещения вреда назначался обычно еще и штраф.

Воинский устав Петра I различал в отдельных постановлениях преступления, совершенные умышленно и неосторожно, хотя различие между ними, а также между неосторожными и случайными действиями он проводил недостаточно четко. Неосторожные преступления Устав называл ненарочными, небрежными, а иногда невольными, невинными. Эта невыдержанность терминологии могла влечь за собой смешение неосторожных и случайных деяний. Ненарочные, т. е. случайные, деяния не влекли за собой уголовной ответственности. Так, убийство солдатом, стрелявшим в цель, случайно подвернувшегося человека Устав считал «весьма неумышленным и ненарочным убийством, у которого никакой вины не находится».

Уложение о наказаниях 1845 г. различало умышленное и неумышленное совершение преступления. Среди умышленных преступлений Уложение различало преступления, совершенные с заранее обдуманном намерением и без этого; случайно причиненный вред не влек за собой уголовной ответственности в силу специального постановления о том Уложения. Уложение о наказаниях не содержало определения понятий умысла и неосторожности.

Уголовное уложение 1903 г. в Общей части давало определение понятия умышленного и неосторожного преступления; преступное деяние почиталось умышленным не только тогда, когда виновный желал его уминения, но также когда он сознательно допускал наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния. Преступное деяние почиталось неосторожным не только тогда, когда виновный его не предвидел, но также когда он, хотя и предвидел наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния, но легкомысленно предполагал такое последствие предотвратить (ст. 48). Тяжкие преступления наказывались лишь при наличии вины умышленной, преступления также наказывались лишь при наличии вины умышленной, а в особо указанных в законе случаях — и при наличии вины неосторожной, проступки наказывались при наличии вины как умышленной, так и неосторожной.

II. Многие иностранные уголовные кодексы не содержат в Общей части специальных постановлений об умысле и неосторожности. Так, например, Общая часть французского уголовного кодекса не содержит никаких норм, относящихся к умыслу или неосторожности. Однако в Особенной части кодекса в целом ряде преступлений, хотя и далеко не во всех, предусматри-

непосредственно указывает на характер субъективной стороны совершаемого преступления.

Понятие умысла и неосторожности и общие положения о порядке ответственности за умышленные и неосторожные преступления разрабатываются теорией уголовного права и судебной практикой. Общепризнанным считается, что «преступления» и «проступки» с субъективной стороны предполагают по общему правилу, наличие умысла. Уголовная ответственность при неосторожном совершении «преступления» или «проступка» может иметь место, когда это специально оговорено в законе или когда это вытекает из самого смысла угрозы наказания за совершение тех или иных действий. При совершении «нарушения» ответственность за умышленную деятельность имеет место лишь в тех случаях, когда это специально оговорено в законе.

Германский уголовный кодекс 1871 г. также не содержит в Общей части специальных постановлений об умысле и неосторожности. В ст. 59 кодекса содержится лишь постановление о том, что «кто при совершении преступного деяния не сознавал наличия фактических обстоятельств, принадлежащих к составу преступления или устанавливающих его наказуемость, то ему эти обстоятельства не могут быть вменены в вину; при наказании за неосторожно совершенное действие это постановление применяется лишь в тех случаях, когда это незнание не было вызвано самой неосторожностью лица».

Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. в ст. 18 дает определение умышленного и неосторожного деяния. Умышленным считается совершение действия со знанием и волей. Неосторожным считается совершение деяния, последствий которого вследствие проявленной непредусмотрительности лицо не предвидело или не обратило на них должного внимания.

III. В иностранной науке уголовного права долгие годы шла борьба двух теорий в вопросе о понимании умысла и об отличии его от неосторожности — волевой теории и теории представления. Волевая теория относила к умышленному преступному деянию лишь те последствия действий лица, которых оно желало. Теория представления относила к умышленному преступному деянию все те последствия действий лица, которые оно представляло себе как возможные.

Деление умысла на прямой и эвентуальный в буржуазной теории сложилось лишь в XIX в. Понятие непрямого умысла в современной теории уголовного права рассматривается как тождественное с умыслом эвентуальным. До появления в начале XIX в. работ А. Фейербаха под непрямым умыслом (dolus indirectus) понимали те случаи, когда причиненный преступный результат вышел за пределы, намеченные преступником при совершении им какого-нибудь умышленного преступления. Например, в случае, когда умысел был направлен на причинение побоев, но они повлекли за собой смерть потерпевшего, усматривали совершение умышленного убийства с непятым умыслом. Такое понятие непрямого умысла позволяло под видом ответственности за умышленную вину проводить ответственность по существу, за неосторожное причинение результата или даже проводить объективное вменение этого результата. В этом находили свое выражение те положения, которые господствовали еще в феодальном уголовном праве. Во французском праве до революции 1789 г. в качестве общего правила признавалось, что тот, кто является виновником преступного действия, несет ответственность за все его последствия, хотя бы они и не соответствовали его намерениям. Такое по-

нятие непрямого умысла имело достаточную историческую давность. Оно сложилось еще в средневековом каноническом праве и было впервые сформулировано средневековым философом и богословом Фомой Аквинским (1225—1276). Такое понятие умысла находило отражение и в соответствующих законодательных памятниках, в частности оно лежит и в основе понимания умысла Воинским артикулом Петра I.

А. Фейербах отстаивал требование ответственности в строгом соответствии с индивидуальной виновностью лица. Это было одним из прогрессивных буржуазно-правовых требований, направленных против произвола феодальной юстиции. Отстаивая принцип ответственности лишь за вину, А. Фейербах со всей решительностью выступал против существующего понятия непрямого умысла. Он справедливо доказывал, что здесь нельзя видеть умышленное причинение конечного результата, а в крайнем случае можно говорить лишь о наличии смешанной формы виновности: прямого умысла (*dolus*), направленного на совершение первого преступления, и неосторожности (*culpa*) в отношении наступившего последствия. Под ударами критики А. Фейербаха падает старое учение о *dolus indirectus*. Постепенно создается новое понятие непрямого, или эвентуального, умысла, которое охватывает вменение в вину умышленную лишь тех последствий действий данного лица, которые оно предвидело в качестве возможных.

Обоснование уголовной ответственности за неосторожность вызывало значительные разногласия в буржуазной теории уголовного права. Для тех, кто считал основой уголовной ответственности свободную волю человека, трудно было оправдать ответственность за последствия, которые лицо не только свободно не желало, но даже и не предвидело возможности их наступления.

Среди корифеев классической немецкой идеалистической философии вопроса об уголовной ответственности за неосторожную вину касается лишь Фихте. Ни Кант, ни Гегель ничего не говорили об уголовной ответственности за неосторожное совершение какого-либо деяния. Фихте ставил вопрос о необходимости установить ответственность за вред, причиненный по неосмотрительности и невнимательности граждан. Эта ответственность должна воспитать у граждан волю проявлять такое же внимание в отношении безопасности чужих прав, какое гражданин проявляет в отношении своих собственных интересов.

В иностранной теории уголовного права были сделаны многочисленные попытки свести ответственность за неосторожность к ответственности за умышленную деятельность. Так, еще А. Фейербах усматривал основание ответственности за неосторожность в умышленном нарушении обязанности быть предусмотрительным и не причинять таким путем вреда чужим правам и интересам, охраняемым уголовным законом. Другие криминалисты усматривали основание ответственности за неосторожность в умышленном поставлении в опасность защищаемых правом интересов. Биндинг усматривал основание ответственности за неосторожность в том, что и в неосторожности проявляется противоправная воля, лишь

не осознающая своей противоправности. Сведение неосторожности к особой форме умышленной преступной деятельности у Фейербаха было связано с его теорией наказания как психологического принуждения путем угрозы уголовного закона. Для уголовной ответственности с этой точки зрения всегда необходимо сознательное нарушение требований уголовного закона, которое при неосторожном совершении преступления выражается в сознательном нарушении обязанности быть предусмотрительным. Сведение неосторожности к особой форме умышленной деятельности в построениях других криминалистов связано было с их идеалистическим обоснованием уголовной ответственности на свободной воле человека.

ГЛАВА XIV

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ

§ 49. Необходимая оборона

I. Необходимая оборона есть правомерная защита от общественно-опасного нападения путем причинения какого-либо вреда нападающему. Необходимая оборона направлена против общественно-опасных действий и потому сама является действием не общественно-опасным, а наоборот, общественно-полезным и правомерным, так как запрещение гражданам обороняться от прозябших преступлений только облегчало бы преступникам совершение преступлений.

О необходимой обороне впервые упоминают у нас «Руководящие начала». Они усматривали необходимую оборону лишь в причинении при определенных условиях насилия над личностью нападающего.

Более обобщенное понятие о необходимой обороне было дано в ст. 19 УК РСФСР 1922 г., установившей, что необходимая оборона может выражаться не только в причинении насилия над личностью нападающего, но и в совершении в отношении его иных действий, которые при отсутствии условий необходимой обороны подлежали бы наказанию например, повреждение его имущества. УК РСФСР 1922 г. ограничивал область необходимой обороны лишь защитой личности и прав обороняющегося или других лиц.

«Основные начала» признали допустимость необходимой обороны и при защите советской власти. Согласно ст. 9 «Основных начал» наказания не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены лишь в состоянии необходимой обороны, против посягательства на советскую власть, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Так же разрешают вопрос и ст. 13 УК РСФСР 1926 г. и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик.

Необходимая оборона устраняет общественную опасность совершенного деяния, если она удовлетворяет ряду условий, относящихся как к нападению, так и к защите. При наличии этих условий совершенный акт обороны является правомерным и не может влечь применения наказания.

II. Нападение есть наличие непосредственной опасности нарушения того или иного охраняемого правом интереса.

Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к нападению, сводятся к следующему:

а) Нападение должно быть по своим объективным чертам общественно-опасным (противоправным). Общественно-опасное нападение не должно быть непременно таким, которое влечет применение наказания. Оно должно быть объективно общественно-опасным. Возможны случаи, когда такое нападение по тем или иным субъективным основаниям не является преступным, например нападение со стороны душевнобольного, несовершеннолетнего, лица, действующего при наличии фактической ошибки, устраняющей его наказуемость и т. д., тем не менее во всех этих случаях допустима необходимая оборона.

Необходимая оборона недопустима против правомерного нарушения тех или иных интересов, против лишения свободы, применяемого в силу обязательного приказа, против действий, которыми осуществляется право дисциплинарной власти и т. д., так как все эти действия являются правомерными. Однако необходимая оборона допустима против преступных действий должностных лиц.

б) Нападение должно быть наличным, т. е. его осуществление должно уже начаться или непосредственное начало его осуществления настолько очевидно, что охраняемые законом интересы и права поставлены в непосредственную опасность. Против предполагаемого нападения оборона недопустима; в этом случае возможно лишь принятие предупредительных мер для осуществления акта необходимой обороны, когда опасность станет наличной. Нельзя ссылаться на необходимую оборону при причинении телесного повреждения или при убийстве лица, которое произошло около дома, куда оно собиралось забраться, хотя бы в действительности это лицо и находилось здесь с целью осуществления своих преступных намерений. Здесь нельзя говорить даже и о превышении пределов необходимой обороны, так как отсутствует еще само нападение. Пленум Верховного суда СССР в постановлении 11 июля 1940 г. нашел состав простого убийства, а не убийства с превышением пределов необходимой обороны, в действиях Т., который, заподозрив в Ч., зашедшем во двор, где проживал Т., вора, произвел в Ч. выстрел из револьвера и нанес ему тяжелую рану, от которой тот скончался. Пленум нашел, что Т. не подвергся нападению со стороны Ч., не находился поэтому в состоянии необходимой обороны, а следовательно, и не мог превысить ее пределы.

Оборона недопустима также и против уже оконченного нападения, т. е. нападения, которое прекратилось, не будучи доведенным

до конца, и опасность которого уже полностью миновала, или нападения, которое уже полностью осуществлено. Поэтому не будет необходимой обороны в причинении телесного повреждения лицу, совершившему оскорбление действием.

Не обороной, а лишь приравненным к ней по своим юридическим последствиям действием является принятие мер, направленных к задержанию преступника, если они не выходят за пределы необходимости.

УК РСФСР 1922 г. в Общей части не содержал никаких указаний на юридическое значение этих действий. В Особенной же части в статьях о превышении пределов необходимой обороны, повлекшей за собой смерть нападающего (ст. 145) или тяжкое телесное повреждение (ст. 152), он приравнивал к указанным действиям причинение смерти или тяжелого телесного повреждения преступнику, застигнутому на месте преступления, если при этом были превышены меры, необходимые для его задержания. Этими постановлениями Уголовный кодекс давал возможность приравнивать к необходимой обороне действия, направленные в отношении преступника, уже совершившего преступление, в пределах мер, необходимых для его задержания. Поэтому, например, связывание пойманного вора для того, чтобы он не убежал, с этой точки зрения является действием правомерным, а избиение — действием неправомерным, так как оно, очевидно, не является необходимой мерой для его задержания. УК РСФСР 1926 г. ни в Общей ни в Особенной части не содержит никаких постановлений на этот счет, тем не менее причинение преступнику вреда при его задержании следует приравнивать к необходимой обороне. Вопрос о пределах допустимости того или иного причинения вреда преступнику при его задержании должен быть решен аналогично с вопросом о пределах допустимости правомерной защиты при необходимой обороне.

в) Нападение должно быть действительным. Действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, лишь тогда устраняют общественную опасность совершенного, когда нападение было реальным, существующим в действительности, а не только в воображении субъекта. Действия, совершенные для отражения кажущегося нападения (так называемая мнимая оборона), должны рассматриваться по общим правилам о значении ошибки для установления формы виновности лица. Лишь только при наличии такой фактической ошибки, которая исключает и умысел и неосторожность в действиях лица, устраняется и уголовная ответственность за действия, совершенные при мнимой обороне.

УКК Верховного суда РСФСР в определении 14 мая 1926 г. не усмотрела состава преступления в действиях Д., принявшего агентов уголовного розыска, скомпрометовавших ему «фучки вверх», за банкетов и произведшего в них в ответ на выстрелы с их стороны выстрел, ранивший одного из них.

III. Условия правомерности акта необходимой обороны, относящиеся к защите, сводятся к следующему:

а) Защита должна быть совершена путем причинения того или иного вреда интересам нападающего. Она не должна быть направлена против третьих лиц. Защита каких-либо интересов путем причинения вреда не нападающему, а третьим лицам не составляет акта необходимой обороны, а должна обсуждаться по правилам о крайней необходимости. Не требуется, чтобы защита причиняла обязательно вред личности нападающего. Вред может быть причинен и его имущественным интересам.

б) Защита допустима при отражении нападения на охраняемые правом интересы как свои, так и чужие, как индивидуальные, так и коллективные.

УК РСФСР 1922 г. допускал оборону лишь при посягательствах «на личность и права обороняющегося или других лиц» (ст. 49). Нецелесообразность этого постановления вызвала сомнения. Охрана интересов всего социалистического общества имеет не меньшее значение, чем охрана интересов отдельной личности. У нас нет антагонизма между интересами личности и интересами коллектива. Признавая правомерным акт, направленный к предотвращению нарушения тех или иных индивидуальных интересов путем причинения вреда нападающему, тем более нужно признать правомерным акт, направленный на предотвращение нарушения интересов всего коллектива путем причинения того или иного вреда лицу, посягающему на эти интересы. (например участие в отражении какого-либо контрреволюционного посягательства). Признание возможности защищать путем необходимой обороны интересы социалистического государства имеет и существенное воспитательное значение. Норма, допускающая такую оборону, прививает сознание, что интересы социалистического государства не являются для отдельного трудящегося чем-то его не касающимся. Она усиливает солидарность трудящихся в борьбе за охрану завоеваний социалистической революции и содействует искоренению мелкобуржуазной идеологии. Поэтому принципиально правильной является позиция в рассматриваемом вопросе «Основных начал», допустивших в ст. 9 охрану путем акта необходимой обороны и коллективных интересов.

в) Защита не должна превышать пределов необходимости. Закон не дает никаких указаний для установления пределов правомерной защиты.

Как общее правило, буржуазная теория уголовного права для правомерности акта необходимой обороны устанавливает, чтобы интенсивность обороны соответствовала интенсивности нападения. Пропорциональности между благом защищаемым и благом повреждаемым актом обороны для ее правомерности не требуется. Поэтому, с одной стороны, незначительное благо можно защищать самыми крайними средствами, если оно другими средствами обороны не могло быть защищено от данного нападения. С другой стороны, и при защите более ценного блага, например жизни, будет

иметь место превышение необходимой обороны, если можно было отразить нападение легким ударом, а обороняющийся прибег к огнестрельному оружию.

Наше уголовное законодательство не содержит указания на принцип установления пределов необходимой защиты, но требование соответствия интенсивности защиты интенсивности нападения не может быть принято без ограничений при анализе постановлений нашего Уголовного кодекса о необходимой обороне. Случай явного несоответствия между серьезностью повреждений, причиняемых обороной, и ничтожностью защищаемого ею блага могут иметь место главным образом при защите малоценных имущественных благ путем причинения серьезного вреда нападающему, например, убийство мальчика, пытающегося сорвать в саду с дерева яблоко, хотя бы это в данном конкретном случае и было единственным средством для предупреждения ущерба. По социалистическому уголовному праву в этом случае будет не оборона, а квалифицированное убийство.

В социалистическом уголовном праве более широко должны быть очерчены пределы такого недопустимого использования права обороны.

Пределы необходимой обороны в социалистическом уголовном праве должны определяться и интенсивностью нападения и характером защищаемого интереса. Необходимые средства обороны определяются прежде всего интенсивностью самого нападения. Там, где по всем обстоятельствам дела можно было защищаться от нападения относительно мягкими средствами, будет превышение пределов необходимости, если нападающему наносится тяжкое телесное повреждение или его лишают жизни. Нельзя требовать, однако, чтобы вред, нанесенный нападающему, был обязательно всегда меньше вреда, который мог быть причинен обороняющемуся.

УСК Верховного суда СССР в определении 27 января 1940 г. усмотрела наличие состояния необходимой обороны в следующих действиях гр. К. Гр. М. приставал к К. и кулаком ударил его. Желая избежать драки, К. бросился бежать от М., последний же продолжал его преследовать и, настигнув его, сорвал с него пальто, повалил на землю и стал избивать. Защищаясь от нападения, К. поднял камень и нанес им М. удар по голове, от которого М. скончался.

Вопрос, была ли действительная необходимость использовать данные средства для обороны, решается судом на основе оценки всех конкретных обстоятельств дела. Не будет превышения пределов необходимой обороны (если объективно можно было произвести защиту другими, более мягкими средствами), когда гражданин, защищая свою жизнь от произведенного на него нападения, убивает нападающего; когда женщина, защищаясь от попытки ее изнасиловать, убивает насильника; когда гражданин защищаясь от попытки вторжения бандитов в его квартиру, стреляет в них и ранит или убивает одного из них; когда сторож хлебного амбара применяет оружие для защиты социалистической собственности от попытки ее похищения и т. д.

IV. Превышение пределов необходимой обороны (эксцесс обороны) может быть двух родов: 1) несоразмерность между произведенной защитой и характером происходившего нападения, 2) несвоевременность обороны — совершение оборонительных действий уже после окончания нападения или отказа от нападения, если они не вызывались необходимостью задержания преступника.

Превышение пределов необходимой обороны является действием общественно-опасным, противоправным. Причиненный при превышении пределов обороны вред нападающему следует рассматривать на общих основаниях как совершение соответствующего преступления. Превышение пределов обороны, выразившееся в причинении смерти, является случаем убийства при смягчающих обстоятельствах (ст. 139 УК РСФСР), влекущего за собой применение относительно легкого наказания. Но для квалификации совершенного убийства по этой статье необходимо, чтобы оно следовало непосредственно за совершенным нападением, когда обороняющийся еще находился под непосредственным впечатлением этого нападения. Убийство же преступника после совершенного нападения, когда подвергшийся нападению уже полностью осознал отсутствие грозящей опасности, должно рассматриваться не как убийство при превышении пределов необходимой обороны, а в зависимости от конкретных обстоятельств или как простое убийство, или как убийство в состоянии аффекта, или даже как квалифицированное убийство. Совершение отдельным лицом самосуда над преступником, согласно указанию Пленума Верховного суда СССР 23 октября 1933 г., по общему правилу, следует рассматривать как квалифицированное убийство по ст. 136 УК РСФСР. В случае причинения при превышении пределов необходимой обороны какого-либо другого вреда нападающему, то обстоятельство, что преступление явилось лишь результатом эксцесса обороны, должно служить основанием для применения относительно более мягкого наказания. Эксцесс обороны в некоторых случаях может явиться основанием для смягчения наказания в порядке ст. 51 УК РСФСР.

УКК Верховного суда РСФСР в определении 20 октября 1928 г. усмотрела превышение пределов необходимой обороны в следующем случае. Е., защищаясь от нападавшего на него Р., ударил его камнем по голове, отчего тот упал в снег. После этого Е. схватил лежавший вблизи топор и ударил им Р. два раза. Р. умер от причиненных повреждений. УКК в своем определении правильно указала, что «поскольку потерпевший упал от удара камнем и обвиняемому непосредственной опасности не угрожало, удары топором были в результате превышения пределов необходимой обороны, и деяние надлежит квалифицировать по ст. 139 УК».

§ 50. Необходимая оборона в истории русского уголовного права и в иностранном уголовном праве

1. Постановления о необходимой обороне встречаются уже в древних памятниках права, хотя они и сливаются здесь еще с постановлениями о мести или праве на убийство. В памятниках русского права постановления о необходимой обороне содержались уже в договоре Олега с греками. «Русская

Правда» разрешала убить вора «во пса место». Подробные постановления о необходимой обороне, хотя и в очень казуистической форме, содержались в Уложении 1649 г. Воинский устав Петра I допускал «нужное сопротивление для защиты жизни и здоровья: «Кто прямое оборонительное сопротивление для обороны живота своего учинит, и оно, кто его к сему принудит убьет, оный от всякого наказания свободен». Для правомерности обороны Воинский устав требовал, чтобы была подлинная опасность нападения на личность, дозволялось, однако, обороняться, не ожидая первого удара, ибо «через такой первый удар может тако учиниться, что и противиться весьма позабудет». Уложение о наказаниях 1845 г. допускало необходимую оборону, когда при невозможности прибегнуть к защите местного или ближайшего начальства, нападению подвергались жизнь, здоровье или свобода обороняющегося, нападение сделано вором или разбойником или нападающий вторгся с насилием в жилище обороняющегося. Необходимость обороны признавалась и в случае, когда застигнутый при похищении или повреждении какого-либо имущества преступник силой противился задержанию при прекращении начатого им похищения или повреждения. Уложение о наказаниях возлагало на обороняющегося обязанность обо всех обстоятельствах и последствиях необходимой обороны немедленно объявить соседним жителям, а при первой возможности — и ближайшему начальству (ст. 107). Оборона признавалась также необходимой со стороны женщины против посягающего насильственно на ее целомудрие и честь (ст. 108). Во всех указанных случаях употребление мер необходимой обороны дозволялось не только для своей собственной защиты, но и для защиты других, находящихся в таком же положении (ст. 109). Уголовное уложение 1903 г. в ст. 45 давало более обобщенную формулировку понятия необходимой обороны. Оно определяло, что «не почитается преступным деяние, учиненное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личные или имущественные блага самого защищавшегося или другого лица».

II. Иностранное уголовное законодательство не всегда содержит обобщенные постановления о необходимой обороне.

Французский уголовный кодекс 1810 г. не содержит в общей части постановлений о необходимой обороне. Вопрос о необходимой обороне регулируется им при рассмотрении убийства и телесных повреждений, т. е. таких посягательств на личность, в которых наиболее часто выражается акт необходимой обороны. Кодекс в ст. 328 определяет: «Нет ни преступления, ни проступка, если лишение жизни, раны или удары были вызваны наличием законной необходимой обороны самого себя или другого лица». Кроме того, в силу ст. 329 считается также законной необходимой обороной причинение смерти, раны или ударов для отражения попытки проникновения ночью в дом или жилое помещение, влезания через ограду, взлома ограды или стен для защиты от разграбления или насильственного похищения.

В английском уголовном законодательстве отсутствует общее понятие необходимой обороны. Ответственность при необходимой обороне определяется в отдельных законах. Убийство, совершенное в состоянии обороны, в определенных случаях не влечет за собой уголовной ответственности. Допускается лишение жизни нападающего для предупреждения всех насильственных посягательств, носящих характер «felony» (убийство, изнасилование, разбой, вторжение в жилище, поджог и т. д.). Для защиты от умышленного убийства, разбой на улице или в доме, вторжения с целью разбой в жилище допускается оборона не только со стороны потерпевшего, но и со стороны других лиц. Лишение жизни допустимо при обороне лишь в тех случаях, когда нельзя было предупредить нападение более мягкими средствами. Для признания правомерности обороны от указанных преступлений закон не ставит условием невозможность спастись бегством. При других насильственных нападениях лишение жизни допустимо при обороне лишь для защиты самого себя и узкого круга своих близких. Убийство при этом должно быть единственным средством спасения от опасности; в случае возможности каким-либо иным путем избежать нападения, например спастись бегством, совершенное убийство не является правомерным. Защита, которая не выражается в убийстве напа-

дающего или причинении ему тяжкого телесного повреждения, допустима при всяком противоправном нападении на обороняющегося.

Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. признает наличие необходимой обороны в случаях, когда кто-либо для отражения противоправного нападения или угрозы такого нападения на себя или на других лиц защищается от него соответствующим данным обстоятельствам образом. Превышение пределов необходимой обороны влечет за собой уголовную ответственность, но суд при этом может смягчить наказание по своему усмотрению. Превышение пределов необходимой обороны под влиянием извинительного возбуждения в результате совершенного нападения не влечет за собой применения наказания.

III. Вопрос об обосновании права необходимой обороны издавна привлекал к себе внимание теории уголовного права. Теория естественного права считала необходимой оборону прирожденным правом человека (Гуго Гроций, Пуффендорф). В этом отношении эта теория воспроизводила взгляды, высказанные еще римскими юристами. Господствующий среди последних взгляд на оборону нашел свое выражение в знаменитом изречении Цицерона о том, что необходимая оборона есть не писаный, но прирожденный закон — non scripta, sed nata lex. Руссо в институте необходимой обороны видел возвращение человеку его естественного права на защиту, которым он обладал в догосударственном обществе и которое было лишь уступлено им государству согласно общественному договору.

Уголовно-правовая теория, находившаяся под влиянием классической немецкой философии, связывала обоснование необходимой обороны с философской системой соответствующего мыслителя. Последователи Фихте оправдывали ненаказуемость действий, совершенных при обороне, невозможностью защиты от нападения с помощью органов государственной власти. Для сторонников Гегеля правомерность необходимой обороны определялась тем, что она подобно наказанию демонстрировала ничтожность преступления как отрицания права и тем самым утверждала господство права. Поэтому некоторые из них считали необходимую оборону не только правом, но и обязанностью обороняющегося. В современной иностранной уголовно-правовой литературе правомерность необходимой обороны обосновывается обычно различными утилитарными соображениями.

§ 51. Крайняя необходимость

I. Крайняя необходимость есть такое положение лица, в котором оно только путем совершения какого-либо по внешнему характеру преступного действия, не заключающего в себе признаков необходимой обороны, может предотвратить грозящую опасность для каких-либо охраняемых законом интересов. Случаи крайней необходимости являются, таким образом, столкновением двух охраняемых правом интересов, где сохранение одного может быть достигнуто лишь путем нарушения другого. Эти случаи весьма разнообразны: колхозник взламывает амбар соседа для того, чтобы

достать ведра для тушения возникшего пожара, врач не является в качестве эксперта в суд, так как должен в это время производить неотложную операцию, кто-либо под угрозой лишения жизни отдает бандитам не только свое, но и чужое вверенное ему имущество, врач для спасения жизни беременной женщины совершает аборт и тем самым уничтожает плод и т. д.

Сохранение одного какого-либо интереса путем нарушения другого не всегда исключает общественную опасность совершенного действия. Преступность совершенного в этих случаях исключается лишь при наличии ряда условий, которые характеризуют действие как лишенное признаков общественной опасности.

В социалистическом уголовном законодательстве о крайней необходимости впервые упоминает УК РСФСР 1922 г.

«Основные начала» в ст. 9 (ч. 2 ст. 13 УК РСФСР) так определяют условия, при наличии которых акт, совершенный в состоянии крайней необходимости, не влечет применения наказания: когда действия, предусмотренные уголовными законами, «совершены для отвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предупрежденным вредом».

По действующему закону в отличие от УК РСФСР 1922 г. крайняя необходимость может устранить преступность совершенно не только для спасения жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или чужого, но и для спасения любых коллективных интересов, защищаемых законом.

Условия правомерности крайней необходимости в социалистическом уголовном законодательстве относятся и к грозящей опасности и к самой защите от нее.

II. Условия правомерности крайней необходимости, относящиеся к грозящей опасности, сводятся к следующему:

а) Источник опасности может быть самый разнообразный: действия человека, например нападение на личность, стихийные силы природы, например наводнение, и т. д. В тех случаях, когда источником опасности являются действия человека, разумеются лишь действия противоправные. Поэтому не может иметь места ссылка на состояние крайней необходимости при защите от правомерных действий должностных лиц, при защите от правомерной необходимой обороны и т. д. При противоправном нападении защита путем причинения вреда нападающему есть необходимая оборона, а защита путем причинения вреда интересам третьих лиц есть акт крайней необходимости.

б) Опасность должна быть наличной: только такая опасность создает столкновение между охраняемыми законом интересами, при которой сохранение одного может быть совершено лишь путем нарушения другого. Как будущая, так и уже миновавшая опасность не может создать состояния крайней необходимости. В тех случаях, когда на лице лежала специальная обязанность бо-

роться с опасностью, ее наличие не может, конечно, служить основанием ссылки на состояние крайней необходимости для спасения тех личных интересов, рисковать которыми данное лицо было обязано в борьбе с этой опасностью. Поэтому пожарный не имеет права уклониться от тушения пожара, ссылаясь на то, что это было единственным способом наверняка избежать возможных ожогов во время тушения пожара. Военнослужащий совершает тяжкое преступление — измену родине, когда для уклонения от опасности он покидает во время боя поле сражения.

в) Опасность должна быть действительной, т. е. реально существующей, а не мнимой. Уголовная ответственность лица, нарушившего чужой интерес при наличии мнимой опасности, должна обсуждаться по общим правилам о влиянии фактической ошибки на форму виновности.

III. Условия правомерности крайней необходимости, относящиеся к защите, сводятся к следующему:

а) Акт, совершенный в состоянии крайней необходимости, может быть совершен для защиты любого своего или чужого индивидуального или коллективного интереса. Путем акта крайней необходимости могут защищаться жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, достоинство личности, личная свобода, имущество и т. д. Путем акта крайней необходимости могут защищаться и любые коллективные интересы. Поэтому, возможна ссылка на состояние крайней необходимости, если при выполнении какой-либо публичной обязанности, например обязанности явиться в суд в качестве эксперта, нарушены какие-либо менее важные частные или публичные интересы.

б) Крайняя необходимость устраняет общественную опасность совершенного действия лишь в тех случаях, когда грозящая опасность была не устранима никакими другими средствами. Это условие правомерности крайней необходимости выставляется потому, что при крайней необходимости опасность с одного защищенного законом интереса переносится на другой интерес, пользующийся такой же охраной закона. Подобный способ спасения не является общественно-опасным лишь тогда, когда он является последним, единственным средством (крайняя необходимость) спасения данного блага. Поэтому если можно было избежать опасности другими средствами, например бегством или совершением акта необходимой обороны, то совершение акта крайней необходимости в этих условиях не устраняет его общественной опасности. Этим условием крайняя необходимость отличается от необходимой обороны. Требование этого условия для признания правомерности крайней необходимости четко выражено в ст. 9 «Основных начал».

в) Крайняя необходимость устраняет общественную опасность совершенного деяния лишь в тех случаях, когда причиненный им вред менее

того возможного вреда, который был избегнут. Требование пропорциональности между защищаемым и нарушаемым благом при крайней необходимости вызывается тем, что с объективной стороны совершенное действие может быть признано не социально-опасным лишь тогда, когда актом крайней необходимости совершается устранение большего вреда путем причинения меньшего. Вопрос, какие блага более ценны и какие менее ценны, разрешается в каждом отдельном случае в зависимости от всей конкретной обстановки события. При защите индивидуальных интересов могут быть нарушены менее важные публичные или индивидуальные интересы, как и при защите коллективных интересов могут быть нарушены менее важные индивидуальные или коллективные интересы.

Так как социалистическое уголовное право во всех случаях требует, чтобы вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, был менее важным по сравнению с предупрежденным вредом, то, следовательно, спасение одного интереса за счет причинения равноценного вреда другому интересу не устраняет общественной опасности совершенного действия, например, спасение имущества за счет равноценного повреждения чужого имущества, спасение жизни одного за счет гибели другого. В этих случаях возможно лишь смягчение наказания в порядке ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статей Уголовных кодексов других союзных республик.

Советское уголовное право не допускает спасения от опасности собственной жизни за счет гибели другого лица. Такое перенесение опасности с себя на других глубоко противоречит социалистической морали. Советский закон воспитывает в гражданах СССР чувства солидарности и взаимопомощи. Он поощряет проявление личного героизма и борется с проявлением грубого эгоизма. Поэтому является убиением лишение жизни человека, хотя бы это и было единственным средством спасения своей собственной жизни. Наше законодательство считает преступным спасение своей жизни за счет жизни другого лица.

Так как акт крайней необходимости является действием правомерным, то против него недопустима необходимая оборона.

Судебной практике сравнительно редко приходилось применять постановления о крайней необходимости. Лишь в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1940 г. суды признают уважительной причину прогула, когда он совершен в состоянии крайней необходимости; например, врач опаздывает на дежурство в поликлинику потому, что был срочно вызван к тяжело больному, работница опоздала на работу потому, что ей некому было поручить своего внезапно заболевшего ребенка, рабочий опаздывает на работу потому, что был занят тушением пожара, возникшего в его доме, и т. д. Все эти уважительные причины прогула представляют не что иное, как конкретные виды состояния крайней необходимости.

§ 52. Крайняя необходимость в истории русского уголовного права и в иностранном уголовном праве¹

I. Постановления, относящиеся к отдельным случаям крайней необходимости, были известны еще древним памятникам права. В памятниках русского права отдельные постановления о крайней необходимости встречаются в Уложении 1649 г. и Воинском уставе Петра I. Уложение 1649 г. считало безнаказанным истребление чужих животных при защите от них, если это произведено «ручным боем, а не из ружья». Воинский устав считал безнаказанным истребление чужого имущества, если оно по «необходимой нужде востребуется». Кроме того, Воинский устав предписывал наказание «умалить или весьма оставлять», если кто-либо из «крайней голодной нужды съестное, питейное или иное что украдет». Уложение о наказаниях 1845 г. вообще о крайней необходимости рассматривало наряду с непреодолимой силой. Обобщенное понятие о крайней необходимости давало Уголовное уложение 1903 г.: «Не почитается преступным деяние, учиненное для спасения собственной жизни или жизни другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы незаконного принуждения или иной причины и которая была не отвратима в то самое время другим средством. Не почитается также преступным деяние, учиненное для спасения здоровья, свободы, целомудрия или иного личного или имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины и которая была не отвратима в то самое время другим средством, если учиненный деяние имел достаточное основание считать причиняемый им вред маловажным сравнительно с охраняемым благом. Изложенные постановления не применяются в тех случаях, когда самое уклонение от опасности составляет преступное деяние».

II. Современное иностранное уголовное законодательство не всегда содержит обобщенные постановления о крайней необходимости. Так французский уголовный кодекс не имеет общего понятия крайней необходимости. Теория уголовного права и судебная практика случаев крайней необходимости подводят под действие ст. 64 кодекса, наряду с необходимостью, говорящей и о непреодолимой силе: «Нет ни преступления ни проступка, если обвиняемый во время совершения своего деяния находился в состоянии расстройства умственных способностей или если он был принужден к нему силой, которой он не мог противостоять».

Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. в ст. 34 признает ненаказуемым действие, совершенное в состоянии крайней необходимости для спасения своего или чужого блага, а именно жизни, здоровья, свободы, чести, имущества, если опасность была непосредственной и не отвратимой другими средствами. Для правомерности акта крайней необходимости закон требует, чтобы опасность не была причинена виновными действиями совершающего акт крайней необходимости.

III. Вопрос об обосновании института крайней необходимости в буржуазной теории уголовного права решался различно. Теория естественного права обосновывала его обычно ссылкой на инстинкт самосохранения, например, спасение собственной жизни за счет гибели другого при кораблекрушении.

Кант считал, что состояние крайней необходимости не может сделать правомерным то, что является преступным. Однако такие случаи, как спасение своей жизни за счет гибели другого, он считал ненаказуемыми, так как здесь угроза наказанием является бессильной предотвратить убийство: упрощающее наказание никогда не может быть больше, чем страх немедленной потери жизни. От этих положений Канта ведут свое происхождение

¹ Розин, О крайней необходимости, 1899.

ние те теории крайней необходимости, которые признают действие совершенное в состоянии крайней необходимости, все же действием не правомерным, а лишь только извинительным. Фейербах в соответствии со своей теорией психологического принуждения считал, что состояние крайней необходимости устраняет возможность вменения в вину совершенного деяния потому, что лишь в этих условиях хотя и сознавало наличие уголовного закона, запрещающего его действия, но не могло им руководствоваться.

Фихте ненаказуемость действий, совершенных в состоянии крайней необходимости, оправдывал тем, что в этих условиях вообще устраняется господство права вследствие невозможности совместного существования находящихся в коллизии прав. Гегель признавал наличие права вужды, «если жизнь находится в высшей опасности и ее спасение сталкивается с собственностью обеспеченного правом другого человека». Поэтому он считал, что «жизнь как совокупность целей имеет право пойти наперекор абстрактному праву. Если, например, она может быть поддержана посредством кражи куска хлеба, то этим, правда, поражается собственность другого человека, но было бы несправедливо рассматривать этот поступок как обыкновенное воровство»¹.

От этих положений Гегеля ведут свое происхождение те теории крайней необходимости, которые признают действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, не только лишь извинительным, ненаказуемым, но и правомерным.

При обосновании правомерности или ненаказуемости действий, совершенных в состоянии крайней необходимости, современная буржуазная теория пользуется или субъективным критерием (особое психическое состояние лица, совершающего действие в состоянии крайней необходимости) или критерием объективным (спасение более ценного блага за счет менее ценного — так называемая теория наименьшего зла).

§ 53. Другие обстоятельства, исключающие общественную опасность действия

1. *№ 11* Согласие потерпевшего является обстоятельством, устраняющим общественную опасность действия при посягательстве на те права и интересы, которые находятся в свободном распоряжении потерпевшего. Наличие согласия потерпевшего делает совершенный акт объективно не социально-опасным, правомерным. Вопрос о значении согласия потерпевшего как обстоятельства, устраняющего общественную опасность действия, в нашем законодательстве не находит прямого разрешения. Следует признать, что согласие потерпевшего может устранить противоправность действия лишь при наличии следующих условий:

¹ Гегель, Собр. соч., т. VII, стр. 146.

а) Если согласие относится к посягательствам на те права и интересы, которые находятся в свободном распоряжении лица, давшего согласие. Таковыми являются при известных условиях лишь имущественные права и интересы личности.

Поэтому согласие потерпевшего имеет указанное юридическое значение лишь в области преступлений имущественных и преступлений против личности. Согласие собственника вещи на изъятие у него его вещи устраняет возможность говорить о краже, хотя бы изъятие и было произведено в его отсутствие. Согласие на лишение свободы устраняет возможность говорить о незаконном лишении свободы человека. В области всех остальных преступлений, где нарушаются те или иные интересы коллектива — интересы социалистической собственности или социалистического государства, согласие лица, которому причинен вред этих интересов, не устраняет преступности совершенного деяния. Согласие заведующего магазином на совершение хищения вверенной ему социалистической собственности не устраняет преступности совершенных с его согласия действий.

б) Если согласие дано в пределах свободного распоряжения потерпевшего личными или имущественными правами и интересами. В области личных благ согласие потерпевшего не устраняет общественной опасности совершенного посягательства на его жизнь. Признание согласия потерпевшего при лишении жизни обстоятельством, устраняющим общественную опасность совершенного деяния, противоречит интересам всего общества. Оно подрывает сознание неприкосновенности для отдельных лиц жизни другого человека. УК РСФСР 1922 г. в первоначальной редакции ст. 143, предусматривавшей умышленное убийство, стоял в этом отношении на иной точке зрения. Примечание к этой статье признавало непроступным убийство, совершенное из сострадания и по настойчивой просьбе убитого. Однако практика скоро показала общественную вредность такой нормы, и она была отменена.

В области посягательства на имущественные блага, находящиеся в распоряжении отдельного лица, согласие потерпевшего может иметь значение только в объеме принадлежащего данному лицу имущественного права.

Согласие потерпевшего на совершение в отношении имущества, находящегося в его личной собственности, таких действий, которые он и сам в силу закона не имел права производить, не устраняет преступности совершенных деяний. Поэтому забой племенной телки, произведенный хотя бы с согласия лица, личной собственностью которого она является, не устраняет преступности совершенных действий, так как и сам собственник не имел права производить эти действия.

в) Если данное согласие не преследовало до-
стижения каких-либо общественно-вредных
целей.

При посягательствах против личности это может быть уста-
новлено по общему характеру совершаемых действий или в силу
специального постановления уголовного закона. По общему
характеру совершаемых действий согласие потерпевшего на при-
чинение телесного повреждения устраняет общественную опас-
ность действий, если они произведены, например, в целях научного
эксперимента. Согласие потерпевшего на причинение телесного
повреждения не устраняет преступности совершенных действий,
если оно дано для того, чтобы облегчить потерпевшему получение
пенсии по инвалидности.

Примером, когда согласие потерпевшего не устраняет проти-
воправности действия при посягательствах на блага личности, в
силу специального постановления уголовных законов, может
служить изгнание плода, совершенное с согласия матери. Со-
здание для работающего, хотя бы и с согласия последнего, таких
условий, в которых он утратил или мог утратить трудоспособ-
ность, не может устранить преступности действий в силу при-
знания социалистическим правом общественной вредности этих
действий для здоровья трудящихся.

При посягательствах против имущественных благ, находя-
щихся в распоряжении отдельных лиц, не имеет юридического
значения согласие потерпевшего при общественно-опасном по-
вреждении чужого имущества или при растративности в силу
того, что эти действия, хотя и совершенные с согласия потер-
певшего, все же являются социально-опасными.

г) Если данное согласие было действитель-
ным, т. е. когда оно дано вменяемым и дееспособным лицом
или его законным представителем в интересах представляемого,
когда оно дано добровольно, а не вынужденно, путем обмана,
либо физического или психического насилия (первое — при мо-
шенничестве, второе — при грабеже, разбое, изнасиловании, на-
конец когда согласие дано до или во время совершения данного
действия, но не после его совершения. Согласие потерпевшего,
данное после совершения преступления, не исключает преступно-
сти совершенного, поэтому прощение потерпевшим вора не может
устранить преступности совершенных воров действий.

II. Выполнение профессиональных функций.
Выполнение общественно-полезных профессиональных функций
может нередко облекаться в такие формы, которые по своим
внешним очертаниям охватываются тем или иным составом
преступления, например, зубной врач выдергивает зуб — легкое
телесное повреждение, хирург ампутирует ногу — тяжкое телес-
ное повреждение и т. д. Если выполнение профессиональных
функций производится соответствующими для данной профессии
средствами, то их выполнение исключает противоправность
совершенного в силу социальной полезности этой деятельности.

Поэтому в деятельности врача, причиняющего по внешности те или иные телесные повреждения для достижения социально-полезной цели, нет состава преступления. Во всех тех случаях, когда выполнение профессиональных функций совершается не в социально-полезных, а в каких-либо социально-вредных целях, оно не устраняет преступности учиненного. Например, хирургическая операция, производимая врачом не в силу того или иного болезненного состояния пациента, а для содействия уклонению от выполнения обязанностей воинской службы, не устраняет общественно-опасного характера действий врача. Если вред здоровью пациента был причинен в силу ошибки врача, неправильной оценки им обстоятельств, при которых должны быть применяемы те или иные средства, то врач отвечает за неосторожное причинение вреда в тех случаях, когда по обстоятельствам дела он должен был это предвидеть. В тех случаях, когда врач является должностным лицом, ошибочное врачевание может дать основание для привлечения его к уголовной ответственности за халатное отношение к своим служебным обязанностям.

При отправлении врачебных функций обычно требуется также согласие пациента. Согласия пациента не требуется в тех случаях, когда оно не может быть получено ввиду особого состояния больного, а медицинская наука диктует немедленное принятие соответствующих мер для предотвращения грозящей больному опасности.

Особенно большое практическое значение имеет согласие больного при производстве операций. Согласно действующему законодательству (декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников» — СУ РСФСР 1924 г. № 88, ст. 892), хирургическая операция должна производиться в отношении взрослых «с согласия больного, а в отношении лиц моложе 16 лет или душевнобольных — с согласия их родителей или опекуна». Операция, необходимая и неотложная для спасения жизни или важного органа, может быть произведена по консультации с другими врачами без согласия родителей или опекуна, когда они не могут быть опрошены без риска опоздания операции. Такая же операция допустима без согласия больного, если он находится в бессознательном состоянии. Если и консультация связана с риском опоздания, врачу предоставлено право решить вопрос об операции самостоятельно с доведением об этом до сведения здравоодела в течение суток.

III. Исполнение подчиненным обязательного приказа также является обстоятельством, устраняющим противоправность совершенных подчиненным действий. Обязательным для подчиненного является лишь законный приказ начальника. Законным приказом является приказ, который: а) отдан соответствующим начальником своему подчиненному, б) не выходит за пределы компетенции приказывающего, в) по своему содержанию не предписывает чего-либо явно преступного и,

наконец, г) отдан с соблюдением надлежащей формы, если такая форма требуется законом.

Вопрос об обязательности приказа, как обстоятельстве, устраняющем противоправность, не разрешен в уголовном кодексе. Исполнение подчиненным законно отданного ему приказа, который впоследствии по своему содержанию оказался преступным, устраняет противоправный характер действий подчиненного. За исполнение такого приказа несет ответственность лишь начальник, отдавший этот приказ.

УСК Верховного суда СССР в определении 28 марта 1939 г. не нашла состава преступления в действиях электромонтера Т., который по распоряжению главного механика завода С. включил ток в тот момент, когда бригадир Ш. производила по указанию С. смазку станка; в результате этого рука Ш. попала в станок, у нее были отрезаны концы указательного и среднего пальцев. УСК не нашла в действиях Т. состава преступления потому, что Т. включил ток по прямому указанию С., выполнив, таким образом, законное для него распоряжение своего начальника. Нести ответственность за последствия этого распоряжения должен лишь отдавший его главный механик С.

Незаконный приказ не является обязательным для исполнения подчиненным. Подчиненный, исполняющий незаконный приказ, совершает объективно общественно-опасное действие. Если подчиненный сознавал незаконность исполняемого приказа, то совершенные действия подлежат вменению ему в умышленную вину; самый факт совершения им действий в порядке исполнения приказа начальника может лишь явиться обстоятельством, влияющим на размеры назначаемого наказания, если это обрисовывает его в менее социально-опасном свете.

Для обороноспособности Красной Армии и Военно-Морского Флота особое значение имеет беспрекословное исполнение подчиненным приказа своего начальника, поэтому Дисциплинарный устав Красной Армии 1940 г. провозглашает: «Приказ командира и начальника — закон для подчиненного. Он должен быть выполнен безоговорочно и в срок. Невыполнение приказа является преступлением и карается судом военного трибунала» (ст. 8). Военнослужащий подчиненный не должен входить в оценку правомерности или неправомерности отданного ему по службе приказа. Если приказ окажется неправомерным, то за него отвечает лишь командир, отдавший этот приказ, а не подчиненный военнослужащий, исполнивший его. Исполнение подчиненным военнослужащим отданного ему начальником приказа устраняет противоправный характер всех тех его действий, в совершении которых выражается выполнение им этого приказа.

IV. Осуществление своего права в пределах, предоставленных законом, также является обстоятельством, исключаящим общественную опасность совершенного деяния, хотя бы оно по своим внешним чертам и являлось действием, подходящим под признаки состава того или иного преступления. Осуществление своего права, выходящее за те пределы, которые предоставлены законом, не является правомерным и должно обсуждаться по общим правилам, как всякое другое общественно-

опасное поведение. Осуществление своего права, но не в тех формах, в которых оно разрешено законом, может составлять содержание специального преступления, например самоуправства. Решение вопроса о том, было ли в данном конкретном случае осуществление своего права, устраняющее общественную опасность совершенного, может быть принято лишь путем изучения объема и форм дозволенного осуществления данного права в действующем законодательстве.

Например, осуществление родительских прав связано с применением ряда принудительных мер в отношении ребенка. Ограничение родителями свободы передвижения своего ребенка не может рассматриваться как незаконное лишение свободы, оно является действием правомерным. Применение истязаний к своему ребенку не есть осуществление родительских прав; оно является действием противоправным и включает в себе состав преступления.

V. Исполнение закона. Деятельность, состоящая в исполнении предписаний и требований закона, не может являться противоправной. Она не содержит в себе признака общественной опасности совершенного действия, являющегося объективным признаком всякого преступного деяния. Поэтому хотя бы действия, предпринятые для исполнения закона, по внешности и были похожи на те или иные действия, дающие состав определенного преступления, тем не менее они не могут считаться преступными. Например, лишение кого-либо свободы является действием преступным, а лишение свободы, произведенное во исполнение судебного приговора в качестве наказания, или лишение свободы на законном основании в качестве меры пресечения уклонения данного лица от суда и следствия преступлением не является. Изъятие имущества из чужого владения заключается в себе состав того или иного вида похищения имущества, а конфискация имущества осужденного по судебному приговору является исполнением закона и не включает в себе состава преступления. Положение, что исполнение закона не может заключать в себе состава преступления, что исполнение закона устраняет общественно-опасный характер совершенного, столь очевидно, что не нуждается в упоминании в Уголовном кодексе.

ГЛАВА XV

СТАДИИ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 54. Основания ответственности за предварительную преступную деятельность

I. Преступление является оконченным, когда совершенное субъектом содержит все признаки данного состава преступления. В процессе осуществления умышленной преступной деятельности можно различать следующие стадии: обнаружение

умысла, приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление. Развитие преступной деятельности от момента обнаружения умысла до момента его полного осуществления может быть названо предварительной преступной деятельностью.

Уголовную ответственность за предварительную преступную деятельность социалистическое уголовное законодательство устанавливает в зависимости от того, в какой степени совершенное является общественно-опасным действием и насколько в нем выражена общественная опасность самого совершившего его лица.

Обнаружение умысла, не выявленное в каких-либо общественно-опасных действиях, по общему правилу, не может влечь за собой уголовной ответственности. Вопрос об уголовной ответственности за умышленное преступление наше уголовное законодательство ставит со стадии совершения приготовительных к нему действий. Совершение действий, направленных на осуществление преступного умысла, может свидетельствовать об определенной опасности совершенных действий совершившего их лица. Обнаруженная при этом степень опасности совершенных действий и совершившего их лица, определяет характер уголовной ответственности за предварительную преступную деятельность, за приготовление и за покушение на преступление.

Общественная опасность деяния и совершившего его лица определяет уголовную ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление по действующему уголовному законодательству. Однако это положение не всегда разделялось нашим законодательством.

Согласно «Руководящим началам» 1919 г. было наказуемым и приготовление к преступлению и покушению. Однако при этом «Руководящие начала» подчеркивали, что совершение приготовления или покушения само по себе не могло смягчить наказания; мера репрессии определялась при этом, согласно «Руководящим началам», степенью опасности самого преступника. Таким образом, «Руководящие начала» при выборе судом меры наказания не придавали значения степени осуществления преступного намерения; степень общественной опасности деяния, связанная с тем, что преступление оказалось неоконченным, не учитывалась «Руководящими началами».

В отличие от «Руководящих начал» УК РСФСР 1922 г. признал приготовление к преступлению, по общему правилу, ненаказуемым. Оно влекло за собой уголовную ответственность лишь в тех случаях, когда приготовительные действия к совершению какого-либо преступления сами уже заключали в себе состав другого оконченного преступления. Однако уже в 1923 г. редакция ст. 12 УК РСФСР 1922 г. была изменена, и суду было предоставлено право к лицу, совершившему приготовление к преступлению, применять в случае признания его социально-опасным меры социальной защиты, указанные в ст. 46 УК, т. е. высылку, воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом. Согласно УК РСФСР 1922 г., покушение каралось как оконченное преступление, но при определении меры наказания суд мог принять во внимание отсутствие вредных последствий или их незначительность. Таким образом, УК РСФСР 1922 г., в отличие от «Руководящих начал», придавал большое значение при решении вопроса об

уголовной ответственности за приготовление и покушение, степени осуществления преступного умысла и степени общественной опасности самого совершенного действия. Он не наказывал, по общему правилу, приготовление и указывал суду на необходимость учета отсутствия или незначительности вредных последствий при определении наказания за покушение.

II. «Основные начала» по вопросу о стадиях развития преступной деятельности в ст. 11 говорят: «Если начатое преступление не было доведено до конца, т. е. если преступный результат по каким-либо причинам не наступил, то суд при выборе мер социальной защиты, назначенных уголовным законом за данный вид преступления, руководствуется степенью опасности лица, совершившего преступление, и степенью осуществления преступного намерения». Эта статья может дать повод считать, что она имеет в виду лишь покушение на преступление (начатое преступление). Однако этой формулировкой намеревались охватить и приготовление и покушение на преступление.

«Основные начала» не пользуются самыми понятиями «покушение» и «приготовление». Они предлагают суду руководствоваться при определении меры наказания не только степенью опасности преступника, но и степенью осуществления преступного намерения. Следовательно, несмотря на признание допустимости привлечения к уголовной ответственности не только за покушение, но и за приготовление, «Основные начала» придают той или иной стадии в развитии преступной деятельности определенное значение при выборе судом размеров наказания.

В соответствии с «Основными началами» УК РСФСР 1926 г. признал наказуемым не только покушение, но и приготовление к совершению преступления. В этом существенное отличие УК РСФСР 1926 г. от УК РСФСР 1922 г. в вопросе о стадиях развития преступной деятельности.

Однако при этом УК РСФСР 1926 г. указывает, что суд при выборе наказания должен руководствоваться «степенью опасности лица, совершившего покушение или приготовление, подготовленности преступления и близости наступления его последствий, а также рассмотрением причин, в силу которых преступление не было доведено до конца».

Таким образом, УК РСФСР 1926 г. дает суду подробные указания о необходимости учитывать при определении наказания за предварительную преступную деятельность не только общественную опасность самого лица, но и общественную опасность совершенного действия: подготовленность преступления, степень близости наступления его последствий и причины, по которым преступление не было доведено до конца. Эти указания говорят о том, что суд при определении меры наказания должен считаться с той стадией (приготовление или покушение), до которой довел виновный свою преступную деятельность.

III. Социалистическое уголовное законодательство не содержит постановлений об обязательном смягчении наказания за приготовление или покушение сравнительно с наказуемостью окон-

ченного преступления. УК РСФСР в ст. 19 указывает, что покушение и приготовление преследуются как совершенное преступление. Тем не менее отсюда нельзя сделать вывод, что предварительная преступная деятельность должна всегда называться как оконченное преступление. Это значит лишь, что обвинение при наличии приготовления или покушения должно быть предъявлено по ст. 19 УК РСФСР и той статье Особенной части Уголовного кодекса, которая предусматривает оконченный состав данного преступления. При выборе наказания за предварительную преступную деятельность суд, руководствуясь указанными критериями, в рамках карательной санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса назначает наказание за предварительную преступную деятельность — за приготовление к преступлению или за покушение на него. Наша судебная практика обычно устанавливает за них меньшее наказание, чем за оконченное преступление.

УСК Верховного суда СССР в определении 1938 г. по делу Н., П. и др. осужденных судом по закону 7 августа 1932 г. за приготовление к хищению социалистической собственности, специально указала на значение стадии в развитии преступной деятельности при определении меры наказания. УСК нашла, что ошибка суда вытекает из невнимания суда к разграничению преступлений по степени осуществления преступного умысла и к вопросу о моменте, на котором остановилось осуществление преступного намерения; это привело к тому, что все обвиняемые оказались осужденными к слишком суровым мерам наказания.

Наш уголовный закон предоставляет суду право применять наказание за приготовительные действия, однако это не означает, что наказание должно быть применено судом всегда, за всякие приготовительные действия. Поэтому только тогда, когда приготовительные действия являются опасными для интересов социалистического государства и социалистического строительства или для прав и интересов отдельных граждан, они должны влечь за собой уголовную ответственность. Судебная практика в сравнительно редких случаях привлекает к уголовной ответственности за приготовительные действия. Еще директивное письмо НКЮ и Верховного суда РСФСР по применению УК в редакции 1926 г. указало, что применение наказания за приготовление к преступлению может иметь место лишь в тех случаях, когда приготовительные к преступлению действия «вылились в определенную конкретную форму начала осуществления преступного умысла, а потому и являются социально-опасными».

В некоторых случаях и за покушение на преступление, если это касается сравнительно менее серьезных преступлений, не следует применять наказание. Уголовное преследование за приготовление или покушение, если оно не может быть признано общественно-опасным в силу малозначительности и отсутствия вредных последствий, может быть прекращено в порядке применения к ст. 6 УК РСФСР.

§ 55. Оконченное преступление

1. Преступление является оконченным тогда, когда совершенное субъектом действие содержит все признаки состава данного преступления. Таким образом, вопрос о наличии оконченного преступления решается в зависимости от обрисовки данного состава преступления в Особенной части Уголовного кодекса. Преступление может оказаться оконченным не только тогда, когда причинен тот или иной вред данному объекту, но и тогда, когда этот объект лишь поставлен в опасность причинения ему вреда. Уголовный закон с этого момента может признать наличие оконченного состава преступления. Так, например, согласно ч. 3 ст. 133 УК РСФСР, оконченным преступлением является заведомое поставление работника не только в такие условия работы, при которых он утратил трудоспособность, но и при которых мог утратить ее.

II. Перенесением момента окончания преступления на такую стадию в развитии преступной деятельности, в которой она не достигла, по существу, еще своего полного завершения, создаются «усеченные» составы преступлений. Этот законодательно-технический прием имеет большое значение в тех уголовных кодексах, где приготовление вовсе не влечет за собой уголовной ответственности, а покушение влечет за собой обязательное смягчение наказаний. Путем создания «усеченного» состава, в котором момент окончания преступления перенесен, по существу, на стадию покушения, является возможным:

1) устранить обязательное смягчение уголовной ответственности за совершенное покушение на преступление, так как оно само рассматривается как оконченное преступление, 2) в качестве покушения рассматривать ту стадию в развитии преступной деятельности (приготовление), которая, по общему правилу, при совершении других преступлений не влечет за собой уголовной ответственности. Путем «усеченного» состава и приготовительные действия могут быть объявлены оконченным преступлением.

Для советского уголовного права создание «усеченных» составов преступлений не имеет такого значения, поскольку наш уголовный закон не только не знает обязательного смягчения наказания за покушение, но и позволяет в случае необходимости наказывать приготовление как оконченное преступление. Поэтому сохранение в нашем законодательстве «усеченных» составов преступлений имеет смысл лишь в тех случаях, когда закон считает необходимым по тем или иным соображениям рассматривать как оконченное преступление ту или иную опасность причинения вреда, независимо от наступления вредных последствий. Так, в интересах охраны жизни и здоровья рабочего наш закон считает (ст. 133 УК РСФСР) оконченным преступлением не только причинение вреда его здоровью в результате несоблюдения соответствующих требований об охране труда, но и самый

факт поставления работающего в такие условия, в которых он мог утратить трудоспособность, хотя бы фактически от этого в действительности и не произошло никаких вредных последствий. Статья 156 УК РСФСР признает в интересах охраны жизни человека оконченным преступлением самый факт заведомого оставления в опасном для жизни положении лиц, которые не способны были принять меры к самоохранению, хотя бы от этого и не произошло никаких вредных последствий. В приведенных примерах у лица, совершившего преступление, вообще может отсутствовать и умысел на причинение каких-либо вредных последствий, но имеется сознание того, что лицо ставится в опасное для жизни положение.

N 33,

§ 56. Обнаружение умысла

N 28.

I. Обнаружение умысла (голый умысел) есть выражение его во вне словесно, письменно или иным путем. Обнаружение умысла является такой стадией развития преступной деятельности, которая, по общему правилу, не влечет за собой уголовной ответственности. Обнаружение преступником своего умысла может влечь за собой уголовную ответственность только при условии, если оно само по себе в силу каких-либо причин включает в себе состав оконченного преступления. Это может происходить потому, что обнаружение умысла облекается вместе с тем в такие формы, которые сами по себе являются общественно-опасными.

II. Специальным видом обнаружения умысла является угроза. Угроза совершить преступление, по общему правилу, не включает в себе состава преступления; ВЦИК РСФСР при принятии УК 1922 г. отклонил статью, устанавливающую уголовную ответственность за угрозу. Лишь специальным дополнением к кодексу, принятым ВЦИК 25 марта 1929 г., была введена в определенных пределах уголовная ответственность за угрозу совершить преступление. Это дополнение внесено в кодекс в виде ст. 73¹, предусматривающей угрозу убийством, истреблением имущества или совершением насилия по отношению к должностным лицам или общественным работникам, примененную в целях прекращения их служебной или общественной деятельности или изменения ее характера в интересах угрожающего. Введение этой статьи было вызвано необходимостью усилить охрану общественных работников и представителей советской власти от посягательств на них со стороны классово-враждебных элементов. Угроза здесь служит средством принудить должностное лицо или общественного работника к изменению их деятельности в интересах угрожающего. Здесь не только обнаруживается умысел (убить, истребить имущество, совершить насилие), но и совершается другое оконченное преступление — посягательство на личную свободу этих лиц и вместе с тем противодействие нормальной деятельности государственного аппарата.

Закон 7 августа 1932 г. об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности в третьей части специально предусматривает как государственное преступление, в частности, и применение угрозы или проповедь применения угрозы к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхоза с целью насильственного разрушения колхоза. Здесь также угроза является не только выражением умысла лица совершить какое-либо насилие в отношении колхозника, но и средством для достижения иных общественно-опасных целей (разрушение колхоза, принуждение колхозника выйти из колхоза).

Лишь УК Туркменской ССР в главе о преступлениях против личности (ст. 143) предусматривает в качестве специального преступления угрозу лишить кого-либо жизни или причинить иные насильственные действия при наличии достаточного основания опасаться приведения угрозы в исполнение. В тех случаях, когда нет основания опасаться приведения угрозы в исполнение, самый факт обнаружения умысла не является еще общественно-опасным и не влечет за собой применения уголовной ответственности.

§ 57. Приготовление и покушение

1. Приготовление к преступлению выражается в прискании или приспособлении орудий, средств и создании условий для совершения преступления (ст. 19 УК РСФСР). Таким образом, к приготовлению следует отнести такие действия, как приобретение топора для убийства, обследование места, где можно проникнуть в здание для совершения кражи, подыскание соучастников преступления, отправление в засаду для совершения убийства, изготовление клише для печатания фальшивых червонцев и т. д.

II. УК РСФСР в ст. 19 говорит, наряду с приготовлением, и о покушении на преступление как об особой стадии в развитии преступной деятельности, но не дает определения понятия покушения. Так как приспособление орудий или средств для совершения преступления УК РСФСР относит к приготовлению, то покушение, с точки зрения УК РСФСР, является действием, направленным непосредственно на совершение преступления. Так определяет покушение и УК Украинской ССР. Таким образом, покушение на преступление будет тогда, когда лицо, намеревающееся убить, замахивается ножом или стреляет, но мимо жертвы, или когда лицо, намеревающееся украсть, запускает руку в чужой карман или проникает в закрытое помещение, где находится вещь, и т. д.

Покушение может быть оконченным и неоконченным. Неоконченным является такое покушение, при котором лицо не совершило еще всего того, что считало необходимым для приведения своего намерения в исполнение. Оконченным яв-

ляется такое покушение, при котором лицо совершило все то, что оно считало необходимым для приведения своего намерения в исполнение, но результат почему-либо все же не наступил. Это различие в осуществлении преступного намерения может учитываться при выборе наказания за совершенное покушение.

III. Приготовление и покушение на преступление могут иметь место не при всех преступлениях. Область применения этих понятий ограничивается как определенными субъективными элементами состава преступления, так и его объективными свойствами.

а) Ограничение применения понятий приготовления и покушения субъективными свойствами преступления. О приготовлении и покушении не может быть речи при неосторожных преступлениях. Приготовление и покушение представляют собой стадии в развитии умышленного преступления. Уголовный кодекс по поводу добровольного отказа от продолжения преступления говорит о лицах, намеревавшихся совершить преступление, следовательно он имеет в виду умышленную деятельность.

Приложимо ли понятие предварительной преступной деятельности (покушения и приготовления) не только к преступлениям, совершаемым с прямым умыслом, но и к преступлениям, совершаемым с эвентуальным умыслом? Логически возможно представить себе наличие предварительной преступной деятельности и при реализации эвентуального умысла. Однако в громадном большинстве случаев практически затруднительным является установить наличие приготовления или покушения на совершение преступления с эвентуальным умыслом. В случаях действия с эвентуальным умыслом деятельность лица непосредственно направляется на достижение иных целей. Поэтому, когда преступный результат, по отношению к которому мы предполагаем наличие у данного лица эвентуального умысла, в действительности не наступил, преступник может часто с успехом отрицать сознательное допущение им возможности наступления преступного результата.

б) Ограничение применения понятий приготовления и покушения объективными свойствами преступления. Приготовление и покушение невозможны при так называемых «формальных» преступлениях (§ 40) в тех случаях, когда они совершаются путем бездействия. В них все поведение субъекта до момента, когда он не совершил того действия, которое обязан был совершить, является в уголовно-правовом отношении безразличным. Приготовление и покушение невозможны и в тех «формальных» преступлениях, совершаемых путем активных действий, в которых уже первый акт деятельности полностью осуществляет состав данного преступления. Приготовление и покушение возможны при всех остальных преступлениях, совершенных как путем бездействия, так и путем совершения активных действий.

§ 58. Добровольный отказ

I. Обстоятельством, устраняющим уголовную ответственность за предварительную преступную деятельность, является добровольный отказ.

Добровольный отказ есть отказ от доведения начатой предварительной преступной деятельности до конца при наличии сознания фактической возможности ее окончания. Нет добровольного отказа, когда преступник отказывается от продолжения предварительной преступной деятельности, убедившись в фактической невозможности доведения ее до конца, например, вор отказывается от продолжения покушения на кражу вследствие невозможности взлома замка.

При наличии добровольного отказа суд устанавливает соответствующее наказание лишь за те действия, которые фактически были совершены покушавшимся или приготовлявшимся (ст. 19 УК РСФСР). Таким образом, при наличии добровольного отказа уголовная ответственность наступает не за произведенное приготовление или покушение на данное преступление, а лишь за фактически совершенное при этом какое-либо другое оконченное преступление. При отсутствии этого условия лицо, добровольно отказавшееся от приготовления или покушения, вовсе не подлежит уголовной ответственности. Поэтому добровольно оставленное покушение на совершение кражи, сопровождавшееся взломом двери может влечь за собой уголовную ответственность за повреждение имущества, добровольно оставленное покушение на изнасилование может влечь за собой ответственность за насилие над личностью, добровольно оставленное приготовление к отравлению может влечь уголовную ответственность за хранение сильнодействующих веществ и т. д.

II. Признание добровольного отказа обстоятельством, устраняющим уголовную ответственность за совершенную предварительную преступную деятельность, вызывается следующими соображениями.

Во-первых, добровольно оставленное покушение или приготовление указывает на отсутствие общественной опасности лица, совершившего это покушение или приготовление, и на отпадение в некоторых случаях и общественной опасности совершенного приготовления или покушения. Во-вторых, возможность без привлечения к уголовной ответственности отступить от уже начатого покушения или приготовления к совершению преступления может побудить лицо прекратить уже начатую преступную деятельность. Преступнику в этой стадии развития преступной деятельности все еще открыт путь для отступления. Этим создается возможность предотвратить в некоторых случаях совершение преступления.

Мотивы, которыми руководствовался субъект при отказе от продолжения начатой предварительной преступной деятельности,

могут быть разнообразными. Важно, чтобы он совершенно отказался от продолжения начатой преступной деятельности при сознании возможности ее продолжения. Для устранения уголовной ответственности за предварительную преступную деятельность необходимо, чтобы имел место отказ от продолжения, а не перерыв в развитии начатой преступной деятельности. Поэтому если субъект прерывает на некоторое время покушение для того, чтобы произвести его при более благоприятных условиях, то такой перерыв не может считаться отказом от продолжения покушения, исключаящим его уголовную ответственность. Например, вор, сознающий, что он лишь с трудом может сломать несгораемую кассу принесенными инструментами, и прекращающий начатый взлом для того, чтобы принести другие инструменты, не может быть признан добровольно отказавшимся от покушения.

III. Добровольный отказ мыслим при всяком приготовлении к преступлению. По общему правилу, он должен выражаться в пассивном поведении лица — в воздержании от дальнейшего продолжения предварительной преступной деятельности. Совершение каких-либо активных действий, например уничтожение орудий преступления, может иметь при этом место, но, по общему правилу, оно является необязательным для установления добровольного отказа. Оно может явиться обязательным лишь в тех случаях, когда приготовление выражается в форме подстрекательства или пособничества к совершению преступления.

Добровольный отказ при покушении мыслим во всех тех случаях, когда субъект или еще сохраняет господство над совершением дальнейших действий или имеет еще возможность воспрепятствовать наступлению последствий от своих действий. Добровольный отказ при покушении может выражаться и в пассивном и в активном поведении. В этом отношении следует различать неоконченное и оконченное покушение.

При неоконченном покушении добровольный отказ выражается в пассивном поведении — в воздержании от совершения дальнейших действий, необходимых для наступления преступного результата (замахнувшись для удара субъект опускает руку, не причинив другому лицу никакого вреда).

Добровольный отказ может иметь место не при всех случаях оконченного покушения. Он допустим лишь тогда, когда между совершением всех действий, необходимых для наступления преступления, и действительным его наступлением имеется еще некоторый более или менее значительный промежуток в развитии причинной связи. В этих случаях добровольный отказ должен выражаться в активных действиях, направленных на предотвращение наступления преступного результата, например, отравитель дает противоядие своей жертве или приглашает своевременно врача. При этом лицо может отвечать лишь за фактически совершенное

оконченное преступление — причиненное данному лицу расстройство здоровья, незаконное хранение яда.

Обычно иностранное уголовное законодательство добровольный отказ при оконченном покушении рассматривает в специальных постановлениях о «деятельном раскаянии», причем в этих случаях выставляет также требование, чтобы предотвращение наступления преступного результата было сделано прежде, чем совершенное оконченное покушение станет известным другим лицам, так как считается как бы установленным, что в последнем случае лицо отказывается от покушения не добровольно. В нашем Уголовном кодексе этой оговорки нет, поэтому добровольно оставленное оконченное покушение и после того, как кто-либо узнал о нем, не должно влечь уголовной ответственности. Деятельность, направленная на предотвращение наступления преступного результата, не увенчавшаяся успехом, не исключает уголовной ответственности. Она может служить лишь обстоятельством, свидетельствующим о меньшей социальной опасности лица, совершившего преступление, и может быть учтена судом при определении размера наказания. В тех случаях оконченного покушения, когда опасность преступного результата от данного действия уже миновала, например, кто-либо с целью убить стреляет и промахивается, не может встать и вопрос о добровольном отказе. При таком оконченном покушении может иметь место не добровольный отказ от доведения предварительной преступной деятельности до конца, а лишь добровольный отказ от повторения нового покушения, когда к этому имелась возможность. Отказ от повторения покушения не устраняет уголовной ответственности за совершенное покушение. Он может быть лишь принят судом во внимание при определении размера наказания как обстоятельство, свидетельствующее о меньшей социальной опасности преступника.

§ 59. Негодное покушение

Вопрос об уголовной ответственности за негодную предварительную преступную деятельность не разрешен в ст. 19 УК РСФСР. Негодное покушение может быть покушением с негодными средствами или покушением на негодный объект. Таким же может быть и негодное приготовление.

Покушение с негодными средствами есть покушение, в котором субъект употребляет для достижения преступного результата средства, не способные по своим объективным свойствам вызвать наступление желаемого результата, например попытка отравить человека сахаром, выстрел с целью убийства из ружья, имевшего холостой заряд, и т. д.

Покушение на негодный объект есть покушение, в котором действия субъекта направлены на объект, отсутствующий в момент покушения или хотя бы и присутствующий, но обладающий такими свойствами, благодаря которым покушение на него не может быть доведено до стадии окончания преступления, на-

пример, выстрел в труп, принятый за живого человека, попытка украсть из кармана, который был пуст, и т. д. Такая предварительная преступная деятельность свидетельствует об опасности совершившего ее лица. В ряде случаев такая негодная предварительная преступная деятельность может быть и лишена признаков общественной опасности. Это может быть, например, в случаях предварительной преступной деятельности с негодными средствами, выброванными в силу явного невежества. Негодная предварительная преступная деятельность (особенно негодное приготовление) может дать основание для прекращения уголовного преследования в порядке примечания к ст. 6 УК РСФСР.

§ 60. Стадии развития преступной деятельности в истории русского уголовного права и в иностранном уголовном праве

I. Вопрос о наказуемости отдельных стадий в развитии преступной деятельности разрешался в древних памятниках права лишь от случая к случаю, при отдельных преступлениях. Обобщенное понятие приготовления и покушения впервые дается в средневековой итальянской юриспруденции. Здесь под термином «*conatus*» понималась преступная деятельность не доведенная до конца. Под термином «*conatus remotus*» понимались приготовительные действия в отличие от понятия «*conatus proximus*», к которому относили, по существу, покушение на преступление. Вопрос о наказуемости приготовительных действий уже тогда вызывал ожесточенные споры юристов-криминалистов. Уголовное законодательство феодального и феодально-абсолютистского государства ставило под угрозу уголовного закона не только покушение и приготовление, но нередко и проявление голого умысла.

В памятниках русского права отдельные постановления о наказуемости приготовления и покушения встречаются уже в «Русской Правде»: «аще ударит мечем, а не потнет на смерть, то три гривны продажи», «аще вынет мечь, а не потнет, то гривен кун». Разграничение отдельных стадий в развитии преступной деятельности в ряде конкретных случаев дает Уложение 1649 г. Голый умысел учинить на «...государское зловолье злое дело» карался смертной казнью; голый умысел холопа на убийство своего господина наказывался наравне с покушением на убийство. В ряде случаев Уложение предусматривало в качестве самостоятельных преступлений отдельные случаи приготовительных действий и покушения на преступление. Покушение на убийство, сопровождавшееся причинением лишь ранения, каралось Уложением значительно мягче, чем оконченное убийство: «а будет ранет, а не до смерти убьет, и ему учинити торговую казнь без лошады (а не смертную) и вкнути в тюрьму на месяц». Воинский устав Петра I голый умысел на совершение государственных преступлений карал как оконченное преступление. Устав не знал обобщенных постановлений о приготовлении и покушении, но предусматривал их в отдельных случаях. Покушение, по общему правилу, каралось как оконченное преступление, хотя иногда из этого правила и делалось исключение. Так, «вора, если он был пойман или отогнан, или помешает ему кто, что ничего с собой не унес, шпицрутеню и легче наказать надлежит». Обобщенные постановления о стадиях преступной деятельности содержало Уложение о наказаниях 1845 г. Оно давало понятие голого умысла, приготовления, покушения и оконченного преступления. В нем в значительной мере сохранились пережитки феодального уголовного права. Уложение о наказаниях не провозглашало общего правила о ненаказуемости голого умысла, но специально указывало случаи, когда он подлежал наказанию. За приготовление к преступлению виновный подвергался наказанию не только в случаях, специально указанных в законе, но и в случаях, когда приобретение средств для совершения преступления было соединено с опасностью для отдельных лиц или всего общества или когда употребляемые для приготовления средства были противозаконны. Наказание за покушение обязательно смягчалось сравнительно с

оконченным преступлением. Уголовное уложение 1903 г. карало приготовление лишь в случаях, специально указанных в законе. Покушение на тяжкие преступления было всегда наказуемо, покушение на прочие преступления было наказуемо лишь в случаях, специально указанных в законе; покушение на проступки было ненаказуемо.

II. Французский уголовный кодекс приравнивает покушение по наказуемости к оконченному преступлению. Вопрос об уголовной ответственности за покушение он разрешает так: «Всякое покушение на преступление, которое проявилось началом исполнения, если оно было прервано или не удалось только по обстоятельствам, от воли исполнителя не зависевшим, почитается равносильным самому преступлению». Покушение на проступки влечет уголовную ответственность лишь в случаях, специально указанных в законе. Понятие французского уголовного кодекса о покушении как начале исполнения воспринято иностранной теорией уголовного права и вошло во многие иностранные уголовные кодексы. Ненаказуемость по уголовному праву приготовления и наказуемость покушения проводятся большинством уголовных кодексов. При этом, в противоположность французскому уголовному кодексу, большинство этих кодексов проводит обязательное смягчение наказания за покушение сравнительно с наказуемостью оконченного преступления. Новейшие уголовные кодексы воспринимают принцип лишь факультативно, по усмотрению суда; смягчения наказания за покушение на совершение преступления. Так, Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. устанавливает лишь факультативное смягчение наказания за покушение. Он в своих постановлениях об уголовной ответственности за покушение специально определяет ответственность за неоконченное покушение, оконченное покушение и негодное покушение. Неоконченное покушение может быть наказано мягче по сравнению с оконченным покушением. Добровольный отказ от окончания покушения не может служить основанием для полного освобождения лица от наказания. Оконченное покушение также может влечь за собой смягченное наказание. Дейтельное расхождение при совершении оконченного покушения может влечь за собой смягчение наказания по свободному усмотрению суда. Негодное покушение, будет ли это покушение с негодными средствами или покушение на негодный объект, влечет за собой смягчение наказания по свободному усмотрению суда. Негодными средствами закон считает такие, которые вообще неспособны привести к наступлению преступного результата. Негодным объектом считается такой, в отношении которого состав преступления вообще не может быть выполнен. При совершении негодного покушения в силу неведения обвиняемый может быть полностью освобожден от наказания.

III. Ненаказуемость приготовления в иностранном законодательстве обосновывается различными соображениями. Во-первых, по приготовлению не всегда можно распознать наличие у преступника определенного умысла, направленного на совершение преступления, например, топор может быть куплен для колки дров, а не для убийства; во-вторых, приготовление даже в тех случаях, когда оно свидетельствует о наличии у субъекта определенного умысла, все-таки, по общему правилу, еще не свидетельствует о том, что намерение субъекта совершить преступление достигло уже непреклонной решимости. Между приготовлением к чему-либо и его действительным осуществлением большое расстояние. Те мотивы, которые оказались достаточными, чтобы человек совершил те или иные приготовительные действия, могут оказаться недостаточными для совершения самого преступления. Наконец, в-третьих, приготовление ненаказуемо еще и потому, что оно само по себе с объективной стороны не представляет реальной угрозы охраняемым правом интересам, не ставит эти интере-

сы в опасность. Менее всего иностранные криминалисты пытаются выяснить политические причины ненаказуемости приготовительных действий в буржуазном уголовном законодательстве.

Провозглашение в иностранном уголовном законодательстве, по общему правилу, наказуемости преступной деятельности лишь со стадии покушения было сделано впервые во французском уголовном законодательстве, воплотившем в себе политические требования буржуазной революции в области уголовной репрессии. Это было связано с проведением в уголовном законодательстве одного из основных буржуазно-демократических требований, провозглашенных «Декларацией прав человека и гражданина» 1789 г.: гражданин может быть наказан лишь за определенное преступное действие. Уголовная ответственность наступает лишь за совершение преступления или когда имеется хотя бы начало исполнения преступления (покушение). Признанием наказуемости лишь покушения создавались формально определенные пределы карательной власти государства. Всякая деятельность, которая не была еще началом исполнения преступления относилась к области, не запрещенной уголовным законом.

IV. В иностранной науке уголовного права существуют многочисленные разногласия относительно того, как провести разграничение между приготовлением и покушением. Попытками дать определение понятия покушения на основе объективных свойств самого действия являются разнообразные объективные теории покушения. Так, одни сторонники этих теорий считают покушением выполнение части состава преступления, другие определяют покушение как начало совершения тех действий, которые входят в состав данного преступления, третьи считают покушением начало нападения на правовое благо, четвертые — всю стадию в развитии преступной деятельности с момента, когда правовое благо ставится в опасность, и т. д.

Многие криминалисты пытались отграничить покушение от приготовления на основе субъективных признаков, свидетельствующих об опасности преступника. Эти попытки дают содержание многочисленным субъективным теориям покушения. Одни сторонники этих теорий считают покушением действие, которое само по себе, без дальнейших каких-либо взысканий свидетельствует о наличии преступного умысла, другие — действие, которое объективизирует преступную волю, третьи — действие, свидетельствующее об опасности субъекта, и т. д. Наконец, существует еще целый ряд смешанных теорий покушения, комбинирующих элементы объективных и субъективных теорий.

Споры криминалистов о понимании покушения ошибочно было бы считать только юридической схоластикой. Они имеют вполне определенный политический смысл. Субъективные теории покушения расширяли область наказуемой предварительной преступной деятельности. Они предлагали практике наказывать в качестве покушения и многие приготовительные действия. Тем самым они оправдывали усиление репрессии судебной практикой и нарушение

тех формальных правовых гарантий, которые давал закон при установлении границ карательной деятельности государства. Субъективные теории покушения имели поэтому реакционный политический смысл. Объективные теории покушения, более узко очерчивая объем тех действий, которые могли быть отнесены к покушению на преступление, стремились удержать судебную практику в рассматриваемом вопросе в границах буржуазной законности.

ГЛАВА XVI

СОУЧАСТИЕ

§ 61. Понятие соучастия

1. Преступление может быть совершено или в результате действий одного лица или же в результате определенным образом связанных между собой действий двух и более лиц. Эти случаи вызывают необходимость установления специальных норм о порядке уголовной ответственности за соучастие.

Соучастие по советскому уголовному праву есть умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Соучастие может выражаться прежде всего в том, что каждое лицо принимает участие в непосредственном выполнении действий, которыми осуществляется состав данного преступления. Это так называемое совиновничество. Например, три лица нападают на улице на одного прохожего и каждый из них ножом причиняет ему телесные повреждения, в результате которых наступает значительная потеря им трудоспособности. Вопрос об уголовной ответственности при таком соучастии не вызывает трудностей. Он решается для каждого соучастника на общих основаниях, без приведения в формуле обвинения ссылки на статью Уголовного кодекса, определяющую соучастие (ст. 17 УК РСФСР).

Соучастие в тесном смысле слова имеет место там, где между отдельными соучастниками проведено разделение ролей: совершение действий, путем которых непосредственно осуществляется состав данного преступления (исполнение), и совершение действий, которыми непосредственно состав данного преступления не осуществляется (пособничество и подстрекательство). Например, Андреев уговаривает Борисова убить Васильева, обещая ему передать оружие для убийства через Григорьева. Последний передает Борисову оружие для совершения убийства, и Борисов убивает Васильева. Андреев является подстрекателем к убийству, Борисов — исполнителем, Григорьев — пособником.

Специальный порядок уголовной ответственности существует

1 А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, 1941 г.

при соучастии в тесном смысле слова. Термин «соучастие» обычно относится к этой форме соучастия.

II. Соучастие не устанавливает каких-либо особых оснований уголовной ответственности. Оно предполагает применение общих принципов уголовной ответственности, известных социалистическому уголовному законодательству, к особой форме совершения преступления. Поэтому с объективной стороны для уголовной ответственности каждого соучастника необходимо установить наличие причинной связи между его деятельностью и совершенным исполнителем преступлением. Отсюда нужно сделать вывод, что не относится к соучастию так называемая прикосновенность, т. е. такая деятельность, которая не стоит в причинной связи с совершением исполнителем преступления, не является условием его совершения, но которая возникла по поводу данного преступления (укрывательство, доноительство, попустительство).

С субъективной стороны деятельность каждого из соучастников должна быть умышленной. Неосторожная вина при совершении преступных действий несколькими лицами не создает необходимости в установлении особого порядка уголовной ответственности. Неосторожная вина при совершении преступления не может создать и той внутренней связи между действиями отдельных лиц, которая требуется понятием соучастия как согласованной деятельности нескольких лиц. Неосторожная вина исключает знание подстрекателя и пособника характера деятельности исполнителя.

III. Умышленное подстрекательство или пособничество к неосторожно совершенному преступлению не образует соучастия, а является для подстрекателя и пособника самостоятельным совершением преступления. Например, Иванов подговорил Петрова выстрелить в своего врага Жукова из ружья, уверив Петрова, что ружье не заряжено и выстрел может лишь напугать Жукова. Петров стреляет и убивает Жукова. За отсутствием умысла в действиях исполнителя Петрова ответственность и Иванова и Петрова должна определяться на общих основаниях: Иванов подлежит ответственности за оконченное умышленное убийство, Петров, использованный лишь в качестве орудия преступления Иванова, — за неосторожное убийство, если по обстоятельствам дела он должен был предвидеть, что ружье было заряжено; он не подлежит вовсе уголовной ответственности, если не должен был этого предвидеть.

Неосторожное подстрекательство или пособничество умышленно совершенному преступлению также не может влечь уголовной ответственности за соучастие в преступлении. Например, Андреев оставляет по неосторожности на своем письменном столе револьвер. Воспользовавшись этим, его знакомый Хохлов берет револьвер для совершения убийства, которое он до сих пор не мог совершить лишь потому, что не мог достать необходимого оружия.

Андреев не может подлежать уголовной ответственности за соучастие в преступлении, совершенном Хохловым.

Нет соучастия и в тех случаях, когда преступление совершено в результате исключительно неосторожных действий нескольких лиц. В силу неосторожного характера действия каждого лица здесь не может иметь места согласованная деятельность отдельных лиц, требуемая понятием соучастия. Каждое лицо отвечает самостоятельно за неосторожное причинение преступного результата. Например, начальник станции в силу невнимательного отношения к выполнению своих служебных обязанностей дает распоряжение о принятии поезда на занятый другим составом путь. Машинист, который ведет поезд на этот путь, не обращает внимания на поданные ему стрелочником сигналы об остановке; происходит крушение поезда. Начальник станции и машинист, каждый в отдельности, отвечают за свои неосторожные действия — нарушение трудовой дисциплины на транспорте, вызвавшее указанные тяжкие последствия. По существу понятия соучастия нельзя рассматривать начальника станции как неосторожного подстрекателя к неосторожному крушению поезда.

О том, что соучастие предполагает совместную умышленную деятельность, говорят и решения Пленума Верховного суда СССР. Пленум 27 апреля 1937 г. не признал в действиях весовщика товарного двора станции Ярославль Б. соучастия в хищении четырех кип кожаных рукавиц, совершенных экспедитором завода Ш., поскольку Б. ничем не был связан с Ш. и не находился с ним в сговоре, а лишь отнесся халатно к своим служебным обязанностям, вследствие чего не следил за приехавшим на товарный двор Ш., что и дало последнему возможность совершить преступление. Преступную небрежность Б., создавшую благоприятную обстановку для хищения, нельзя рассматривать как соучастие в преступлении Ш., потому что соучастие предполагает умышленное участие в совершении другим лицом умышленного преступления.

Судебная практика признает соучастие при определении уголовной ответственности за причинение тяжких телесных повреждений или лишение жизни, совершенных в результате сознательного нарушения водителями автомашин правил об определенной скорости движения. В этих случаях к уголовной ответственности привлекается не только сам водитель машины, но и те лица (владелец машины или просто пассажир), которые подстрекали шофера к нарушению установленных правил движения. По существу, и в этих случаях имеет место умышленное участие двух или нескольких лиц в совершении умышленного преступления — сознательного нарушения правил о скорости движения автомашин, ответственность за которое в данном случае отягощена наступившими вследствие преступного легкомыслия тяжелыми последствиями.

IV. Нельзя говорить о соучастии и в тех случаях, когда исполнителем выступает душевнобольной или несовершеннолетний, который в силу своего возраста не может быть субъектом преступления.

Подстрекатель или пособник душевнобольного или ребенка в совершении кражи отвечает не за подстрекательство или пособни-

чество в краже, а за самую кражу, вследствие того, что невменяемый исполнитель является лишь орудием в совершении преступления. Подстрекательство несовершеннолетних и привлечение их к участию в различных преступлениях (закон 7 апреля 1935 г., ст. 73² УК РСФСР) влекут за собой уголовную ответственность как самостоятельное преступление.

При подстрекательстве или пособничестве совершению преступления несовершеннолетним или невменяемым нужно говорить не о соучастии, а о совершении преступления посредством ненаказуемых действий других лиц (посредственное виновничество).

V. Обобщенные постановления о порядке уголовной ответственности за соучастие в преступлении впервые появляются в советском уголовном законодательстве в «Руководящих началах», ст. 21 которых формулировала общий принцип ответственности за соучастие следующим образом: «За деяния, совершаемые сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния». Различие между отдельными видами соучастников для «Руководящих начал» не имело существенного значения. Они не придавали значения степени участия лица в совершении данного преступления при определении размера и характера его уголовной ответственности.

УК РСФСР 1922 г. принципиально иначе оценивал значение роли каждого из участников преступления в определении размера наказания: «За преступление наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания каждому из этих соучастников преступления определяется как степенью участия, так и степенью опасности преступника и совершенного им преступления» (ст. 15). В отличие от «Руководящих начал», по УК РСФСР 1922 г. мера наказания определялась не только в зависимости от степени опасности преступника и совершенного им преступления, но и от степени участия в преступлении. Это положение об ответственности за соучастие лежит в основе и действующего советского уголовного законодательства.

«Основные начала» содержат по данному вопросу лишь одну статью, определяющую общий принцип ответственности за соучастие: согласно ст. 12, наказания «применяются в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени участия в преступлении». Определения понятия подстрекателя, исполнителя и пособника «Основные начала» не давали, представляя разрешение вопроса уголовным кодексам союзных республик.

Таким образом, при определении ответственности каждого из соучастников необходимо выяснить не только субъективный момент — степень социальной опасности данного лица, но и объективный момент — характер деятельности данного лица, степень участия его в совершенном преступлении. Степень опасности совершенного отдельными участниками преступного действия и степень опасности самого совершителя определяют меру наказания каждому соучастнику в пределах санкции, установленной за данное преступление в Уголовном кодексе.

Советское уголовное право не знает в качестве общего правила обязательного смягчения наказания отдельным соучастникам преступления, тем не менее суд обязан при определении наказания

каждому соучастнику учитывать степень его участия в данном преступлении. Поэтому проведение различия между отдельными видами соучастников в преступлении имеет и непосредственное практическое значение. Обычно суд назначает второстепенным пособникам меньшее наказание.

VI. Наше законодательство в общих постановлениях о соучастии знает три вида соучастников: исполнители, подстрекатели и пособники.

Одной из основных форм сопротивления контрреволюционных элементов являлась деятельность заговорщических организаций, ставивших себе задачей свержение советского строя. Измена родине, вредительство, диверсии, организация террористических актов против руководителей партии и правительства являлись содержанием деятельности этих преступных организаций врагов народа. В подобных условиях среди соучастников преступлений особо опасными являются организаторы преступлений. Понятие организаторов преступления не укладывается в рамки деления соучастников на подстрекателей, пособников и исполнителей. Деятельность организаторов качественно отлична от указанных видов соучастия. Однако она может включать в себя каждый из видов соучастия как один из составных элементов общей деятельности организаторов преступления.

VII. Следует различать следующие формы соучастия: а) соучастие без предварительного соглашения, б) соучастие с предварительным соглашением и в) преступная организация или преступное сообщество.

Соучастием без предварительного соглашения является соучастие, в котором знание одного соучастника о присоединяющейся для совершения преступления деятельности другого устанавливается непосредственно перед совершением преступления. Примером соучастия без предварительного соглашения могут служить массовые беспорядки, предусмотренные ст. 59² УК РСФСР. Возможно соучастие без предварительного соглашения и при наличии всего нескольких лиц, возникающее непосредственно на месте совершения преступления.

Наиболее распространенным видом соучастия является соучастие с предварительным соглашением. Оно предполагает существование предварительного сговора между соучастниками относительно плана совершения преступления, распределения ролей, времени совершения преступления и т. д.

Качественно особым видом соучастия с предварительным соглашением является преступная организация или преступное сообщество. Это есть соучастие с предварительным соглашением, принявшее устойчивые формы и заключенное на длительный период времени. Оно может ставить себе задачей совершение одного или нескольких преступлений. УК РСФСР пользуется для обозначения такого соучастия с предварительным соглашением понятием банда, группа, организация.

Согласно п. «в» ст. 47 УК РСФСР преступление, совершенное группой или бандой, признается более опасным.

Преступная организация или преступное сообщество является особо общественно-опасным видом соучастия.

Эта форма соучастия ставит некоторые специальные вопросы об уголовной ответственности участников такой преступной организации. Их мы рассмотрим в следующем параграфе при рассмотрении отдельных видов соучастников и порядка их уголовной ответственности.

УК РСФСР в ряде случаев самый факт соглашения нескольких лиц для совершения преступления рассматривает как самостоятельное преступление, хотя бы этой организацией и не было еще совершено никакого преступления. Это делается ввиду особой социальной опасности тех преступлений, совершение которых ставит себе задачей данная организация. Такими случаями являются участие в контрреволюционных организациях, предусмотренное ст. 58¹¹ УК РСФСР, и организация банд и участие в них, предусмотренные ст. 59³ УК РСФСР.

§ 62. Виды соучастников №22. 1.

1. Устанавливая особый порядок уголовной ответственности за соучастие, советское уголовное законодательство имеет в виду лишь соучастие в тесном смысле слова, т. е. соучастие, где проводится различие между исполнителями, пособниками и подстрекателями.

Исполнителями советское уголовное право считает лиц, совершивших преступление. Под понятие исполнителя подойдет всякое лицо, принимающее непосредственное участие в выполнении того действия, которым осуществляется состав данного преступления. Поэтому исполнителем при убийстве является и тот, кто непосредственно совершает убийство, и тот, кто лишь держит руки жертвы в то время, как другие наносят ей смертельный удар, и тот, кто только распоряжается во время преступления действиями других.

Все эти лица отвечают как исполнители за совершенное убийство без ссылки на ст. 17 УК РСФСР. Несмотря на известное разделение ролей, все они являются исполнителями преступления.

Преступление, совершенное исполнителем, определяет уголовную ответственность и остальных соучастников. Отдельные соучастники привлекаются, как правило, по той же статье УК РСФСР, по которой привлекается исполнитель.

Преступление, совершенное исполнителем, должно быть умышленным, так как понятие соучастия применимо лишь при совершении умышленного преступления.

II. Подстрекателями считаются лица, склонившие к совершению преступления.

Для признания в действиях лиц наличия подстрекательства необходимо, чтобы оно с объективной и субъективной сторон удовлетворяло ряду условий.

С объективной стороны подстрекательство состоит в возбуждении в другом лице решимости совершить определенное преступление. Возбуждением этой решимости устанавливается причинная связь между действиями подстрекателя и совершенным исполнителем преступлением.

Средства, которыми пользуется подстрекатель, могут быть самыми разнообразными: просьба, убеждение, подкуп, угрозы и т. д.

С субъективной стороны подстрекательство всегда является деятельностью умышленной. Умысел подстрекателя, как и всякого другого субъекта преступления, должен заключать в себе предвидение, во-первых, всех тех фактических обстоятельств, которые образуют объективный состав совершенного преступления, а во-вторых, общего развития причинной связи между его действиями и наступившим преступным результатом. В силу первого момента подстрекательство должно быть направлено на конкретно определенное преступление (убийство, кража, разбой и т. п.). В силу второго момента умысел подстрекателя должен заключать в себе сознание, что его действия могут вызвать у подстрекаемого лица решимость совершить определенное преступление. Умысел подстрекателя может быть или прямым, если он желает наступления преступного результата, или эвентуальным, если он сознательно допускает его наступление.

Подстрекатель привлекается к уголовной ответственности за соучастие в том преступлении, которое совершил исполнитель. Наказание подстрекателю, как и всякому другому соучастнику, определяется в зависимости от степени его участия в преступлении и степени его социальной опасности и опасности совершенного исполнителем преступления. Поэтому наказание подстрекателю определяется в пределах санкции за то преступление, которое совершено исполнителем. Конкретно определенное судом наказание подстрекателю может быть выше, ниже или равным наказанию, определенному судом исполнителю.

Подстрекательство влечет за собой уголовную ответственность по ст. 17 УК РСФСР и по статьям, предъявленным исполнителю, лишь в тех случаях, когда исполнитель совершил действие, за которое он может быть привлечен к уголовной ответственности, т. е. совершил приготовление, покушение или оконченное преступление. Если в действиях исполнителя не заключалось состава преступления или если он не совершил никаких действий, то вся деятельность подстрекателя не может обсуждаться по правилам соучастия в преступлении. Такое неудавшееся подстрекательство («покушение на подстрекательство») можно рассматривать самостоятельно как приготовление к преступлению. При действии УК РСФСР 1922 г., где приготовление, по общему правилу, не влекло за собой уголовной ответственности, неудавшееся подстрекатель-

ство не могло влечь за собой уголовной ответственности, за исключением тех случаев, когда оно заключало в себе состав самостоятельного оконченного преступления, например при контрреволюционной пропаганде и агитации. Иное решение вопроса о возможности уголовной ответственности за неудавшееся подстрекательство нужно дать на основе постановления Общей части УК РСФСР 1926 г. Неудавшееся подстрекательство по УК РСФСР 1926 г. может влечь за собой уголовную ответственность потому, что приготовление влечет по кодексу уголовную ответственность. Неудавшееся подстрекательство всегда можно рассматривать как «создание условий для совершения преступлений», т. е. как приготовление к преступлению. Поэтому неудавшееся подстрекательство может влечь за собой уголовную ответственность не в силу ст. ст. 17 и 18 УК РСФСР, а в силу ст. 19.

III. Пособниками являются те, кто содействуют выполнению преступления советами, указаниями, предоставлением средств, устранением препятствий или же содействуют сокрытию преступника или следов преступления. Для признания в действиях лица наличия пособничества необходимо, чтобы последнее удовлетворяло ряду условий, относящихся к объективным и субъективным свойствам действия.

С объективной стороны пособничество выражается в содействии выполнению преступления или в содействии сокрытию преступления. Понятием пособничества с объективной стороны в УК РСФСР охватываются: 1) пособничество в тесном смысле слова (содействие выполнению преступления) и 2) укрывательство преступления (содействие сокрытию преступника и следов преступления).

Пособники в тесном смысле слова отличаются от исполнителей тем, что они не принимают непосредственного участия в выполнении преступления. Их содействие преступлению совершается или на более ранней стадии развития преступной деятельности, например, передача преступнику денег для покупки оружия, или при выполнении преступления, но без непосредственного участия в совершении действий, путем которых осуществляется данное преступление, например, наблюдение на улице при производстве в квартире кражи, не возвращается ли хозяин квартиры домой. От подстрекателей пособники отличаются тем, что их содействие выполнению преступления не выражается в склонении исполнителя совершить преступление. Содействие пособника выполнению преступления может выражаться в различных формах. Оно может быть пособничеством физическим (передача преступнику орудия преступления, устранение препятствий к совершению преступления и т. д.) или пособничеством интеллектуальным (дача советов, указаний о лучшем способе совершения преступления и т. д.).

Перечень способов пособничества, указанный в ст. 17 УК РСФСР (советы, указания, предоставление средств, устранение

препятствий), охватывает все возможные способы содействия совершению преступления.

Пособничество в тесном смысле слова предполагает содействие выполнению преступления, поэтому оно должно быть совершено до окончания преступления. Для признания наличия пособничества в тесном смысле слова необходимо констатировать причинную связь между действиями пособника и наступившим преступным результатом. Только при этом условии можно говорить, что пособничество содействует выполнению преступления.

При отсутствии причинной связи между действиями пособника и наступившим преступным результатом можно говорить лишь о неудавшемся пособничестве (покушение на пособничество).

Укрывательство может выражаться или в содействии сокрытию преступника, например, предоставления ему убежища, или в сокрытии следов преступления, например, прятание вещей, добытых грабежом. Укрывательство выражается в активных действиях. Этим оно отличается от недоносительства. Укрывательство совершается после того, как преступление окончено, поэтому если оно не было заранее обещано, то оно не является одним из необходимых условий совершения данного преступления. В силу этого теоретически правильнее рассматривать укрывательство не как соучастие в преступлении (пособничество), а лишь как прикосновенность. При этом укрывательство нужно было бы преследовать не по правилам о соучастии, а как самостоятельное преступление, как особую форму противодействия осуществлению социалистического правосудия. Для этого нужно было бы создать в главе о преступлениях против порядка управления специальный состав преступления, предусматривающий укрывательство при более или менее серьезных преступлениях. Так поступают уголовные кодексы Украинской и Грузинской союзных республик.

Согласно ст. 19 УК Украинской ССР, «укрывательство преступника и следов преступления, не являющееся содействием выполнению преступления, влечет за собой применение мер социальной защиты лишь в случаях, специально указанных в настоящем кодексе». Оно влечет за собой уголовную ответственность лишь в тех случаях, когда за преступление, в отношении которого имело место укрывательство, судом может быть назначено лишение свободы на срок свыше одного года или в законе определено лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Такое укрывательство влечет за собой лишение свободы на срок до одного года. Укрывательство в отношении менее тяжких преступлений не влечет за собой уголовной ответственности. УК Грузинской ССР также выделяет укрывательство, заранее не обещанное, в самостоятельный состав преступления; наказание за него — лишение свободы на срок до пяти лет.

Лишь в тех случаях, когда укрывательство преступника или следов преступления было заранее обещано исполнителю до совершения им преступления, его можно рассматривать действительно как пособничество. В таком случае оно является одним из необходимых условий совершенного исполнителем преступле-

ния, стоит с ним в причинной связи. УК РСФСР всякое укрывательство — и заранее обещанное и заранее не обещанное — рассматривает как пособничество в совершении преступления. Уголовные кодексы Украинской и Грузинской союзных республик считают только укрывательство, заранее обещанное, пособничеством в преступлении.

С субъективной стороны деятельность пособника должна быть умышленной. Предвидение как элемент умысла пособника в тесном смысле слова должно охватывать, во-первых, все те фактические обстоятельства, которые образуют объективный состав преступления, совершаемого исполнителем, во-вторых, причинную связь между его действиями и совершенным исполнителем преступлением. В силу первого момента пособничество как вид соучастия должно являться пособничеством в выполнении определенного преступления. Поэтому, например, нельзя признать пособником в убийстве лицо, давшее лом для взлома несгораемого шкафа исполнителю, который затем совершил этим ломом убийство. В силу второго момента умысел пособника должен заключать в себе сознание, что его действия являются одним из условий, содействующих совершению преступления. Умысел пособника может быть прямым (если он желает наступления преступного результата) или эвентуальным (если он сознательно допускает его наступление).

При укрывательстве субъективная сторона совершенных действий является различной, в зависимости от того, было ли укрывательство заранее обещано исполнителю или нет.

При заранее обещанном укрывательстве субъективная сторона является такой же, как и при пособничестве в тесном смысле слова.

При укрывательстве, заранее не обещанном, необходимо также установить умысел в действиях укрывателя, направленных на укрывательство определенного преступления. Предвидение как элемент умысла такого укрывателя должно заключать в себе: а) сознание того, что он оказывает содействие сокрытию преступника или следов преступления, и б) сознание, какого рода преступлению он оказывает укрывательство. Укрыватель, не обладающий сознанием хотя бы в общих чертах того, какого рода преступление совершил преступник, не может быть привлечен к уголовной ответственности как пособник в совершенном им преступлении. Лицо может отвечать за укрывательство лишь в том преступлении, сознание о сокрытии которого входило в его умысел. Поэтому судебная практика не усматривает, например, наличия пособничества бандитизму в укрывательстве вещей, добытых путем бандитского налета, если укрыватели не знали, что эти вещи были добыты именно этим преступлением.

Пособники привлекаются к уголовной ответственности за соучастие в том преступлении, которое совершил исполнитель. Советское уголовное право не знает обязательного смягчения наказания за пособничество. Наказание для пособника определяется в тех пределах, которые указаны в Особенной части за преступление, совершенное ис-

полнителем. Суд учитывает как субъективный момент — степень социальной опасности пособника, так и объективный момент — конкретное значение оказанного пособничества для совершения преступления (степень участия — ст. 18 УК РСФСР) и социальную опасность совершенного исполнителем преступления. В некоторых статьях Особенной части устанавливается обязательное смягчение наказания для пособников, которые считаются менее социально-опасными сравнительно с остальными соучастниками преступления (например ст. 59² УК РСФСР, предусматривающая участие в массовых беспорядках).

Судебная практика при определении ответственности за пособничество всегда учитывает степень участия пособника в совершении преступления сравнительно с ролью исполнителя и часто назначает пособнику менее тяжелое наказание сравнительно с исполнителем. В отношении второстепенных пособников не исключена возможность и применения примечания к ст. 6 УК РСФСР. Учет судом при определении меры наказания степени участия данного лица в совершении преступления приводит судебную практику к квалификации действий отдельных участников хищения (социалистической собственности) не по закону 7 августа 1932 г., а по тем или иным статьям Уголовного кодекса, предусматривающим соответствующее имущественное преступление, в то время как исполнитель хищения, несет ответственность по закону 7 августа 1932 г.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении 27 декабря 1938 г. нашел, что суд неправильно квалифицировал действия Ш. по закону 7 августа 1932 г. и определил ему наказание в 10 лет лишения свободы. Ш. хищения не совершал, а лишь принял на хранение кусок шелка от своего родственника, который, работая старшим весовщиком на железной дороге, систематически занимался хищением грузов, в частности похитил и переданный на хранение Ш. кусок шелка. Поскольку соучастие Ш. выразилось только в соучастии по одному эпизоду и не носило систематического характера, Пленум квалифицировал его действия по ст. 17 и п. «д» ст. 162 (кража).

За неудавшееся пособничество (покушение на пособничество), т. е. когда исполнитель не совершил ничего преступного, пособник может отвечать лишь как за приготовление к совершению преступления согласно ст. 19 УК РСФСР. По УК РСФСР 1922 г., который не устанавливал уголовной ответственности за приготовление, неудавшееся приготовление не могло служить основанием для привлечения к уголовной ответственности.

IV. Подстрекатели и пособники являются ответственными за то преступление, которое совершено исполнителем. Поэтому все те объективные обстоятельства, относящиеся к условиям совершения преступления, которые делают его более опасным или менее опасным, подлежат вменению в уголовную ответственность всем остальным соучастникам (подстрекателям и пособникам), конечно, при условии, что они охватывались их предвидением как элементы прямого или эвентуального умысла. Поэтому, например, если исполнитель совершает кражу с применением технических средств (п. «в» ст. 162 УК РСФСР), то и подстрекатели и пособники отвечают по п. «в» ст. 162, если они сознавали, что побужда-

ли к совершению такой кражи или оказывали ей содействие.

Что касается обстоятельств, относящихся к личности самого исполнителя, то вопрос о вменении их в уголовную ответственность соучастникам должен разрешаться не всегда одинаково. В тех случаях, когда обстоятельства, относящиеся к личности самого исполнителя, все же характеризуют большую или меньшую степень социальной опасности совершенного им преступления, они подлежат вменению в уголовную ответственность и остальным соучастникам, поскольку они охватывались их предвидением. Поэтому, например, соучастие в корыстном убийстве, где субъективный момент — мотив убийства — свидетельствует об особой социальной опасности совершенного преступления, влечет за собой уголовную ответственность подстрекателя и пособника за корыстное убийство, хотя бы они действовали и без корыстных мотивов. Но те личные обстоятельства, которые характеризуют лишь исключительно степень социальной опасности данного конкретного преступника и которые совершенно не влияют на степень социальной опасности совершенного деяния, не могут быть вменены в уголовную ответственность остальным соучастникам. Так, например, повторность убийства, совершенного исполнителем, вызывающая квалификацию преступления по п. «б» ст. 136 УК РСФСР, не оказывает влияния на ответственность остальных соучастников, так как имеет чисто личное значение; совершение матерью убийства своего новорожденного ребенка тотчас или вскоре после родов по УК Украинской ССР считается более легко наказуемым убийством, но пособничество или подстрекательство к такому убийству, совершенному военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах, за которое ч. 2 ст. 136 УК РСФСР устанавливает расстрел, должно влечь за собой для пособника-невоеннослужащего уголовную ответственность не по ч. 2 ст. 136, а по ч. 1 этой статьи.

Что касается личных обстоятельств, имеющих на стороне отдельных подстрекателей или пособников, то указанные обстоятельства оказывают влияние лишь на меру наказания того соучастника, к которому они прямо относятся.

В иностранной теории уголовного права вызывает сомнение вопрос о возможности соучастия в преступлениях, совершение которых предполагает особые свойства их исполнителя, лиц, не обладающих этими свойствами. Особенно спорным представляется вопрос о возможности соучастия в должностном преступлении частных лиц.

Отрицание возможности соучастия частных лиц в должностном преступлении основывается на том, что совершение должностного преступления представляет собой нарушение специальной правовой обязанности (служебный долг), которая лежит лишь на определенном круге должностных лиц и не лежит на остальных гражданах. Поэтому соучастие частных лиц в должностном преступлении не может влечь уголовной ответственности, так как с их стороны нет никакого нарушения служебного долга.

Эти соображения совершенно не применимы в социалистическом праве. На должностных лицах социалистического государст-

венного аппарата лежит особый служебный долг. Это — долг в связи с порученными им служебными обязанностями честного и добросовестного отношения к интересам социалистического государства и социалистической собственности, долг внимательного отношения к нуждам и запросам трудящихся. Особый служебный долг должностных лиц социалистического государственного аппарата есть выражение в особых условиях работы общего долга, который лежит на каждом гражданине СССР и который записан в Сталинской Конституции (ст. 130): «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития». Должностное лицо, совершая какое-либо должностное преступление, нарушает, конечно, свой служебный долг. Но и частное лицо, помогая ему в этом или подстрекая его к совершению должностного преступления, нарушает свой общественный долг и совершает общественно-опасные действия.

Вопрос об уголовной ответственности частных лиц за соучастие в должностном преступлении для нашего права не может вызывать каких-либо особых решений сравнительно с соучастием в других преступлениях. Наша судебная практика правильно допускает возможность соучастия частных лиц в должностном преступлении. В области воинских преступлений наше законодательство содержит специальное постановление о возможности соучастия в этих преступлениях и частных лиц (примечание 2 к ст. 193¹ УК РСФСР).

Эксцессом исполнителя называется совершение исполнителем того, что не охватывалось предвидением отдельного соучастника. Эксцесс исполнителя не может быть вменен в уголовную ответственность соучастникам, так как ответственность каждого из соучастников предполагает наличие у него умысла в отношении совершенного преступления. Поэтому подстрекатель или пособник в краже может отвечать лишь за кражу, хотя исполнитель совершил при похищении чужого имущества и убийство, поскольку последнее не охватывается предвидением подстрекателя или пособника.

При добровольном отказе исполнителя от доведения начатого преступления до конца, согласно ст. 19 УК РСФСР, уголовная ответственность может иметь место лишь за преступление, которое фактически было совершено. Так как совершенное исполнителем преступление вменяется в вину и соучастникам, то можно было бы сделать вывод, что при добровольном отказе исполнителя от продолжения начатого преступления соучастники отвечают также лишь за фактически совершенное исполнителем. Однако этот вывод для нашего действующего уголовного законодательства был бы ошибочным. Отдельные соучастники могут быть привлечены в этом случае к уголовной ответственности за приготовление к совершению преступления в порядке ст. 19.

Что касается добровольного отказа отдельного подстрекателя или пособника, то хотя Уголовный кодекс специально о нем не го-

ворит, но ст. 19 должна быть распространена и на добровольный отказ соучастника. Все соображения об уголовно-политической целесообразности отказа при приготовлении или покушении на преступление вполне применимы и к отдельному соучастнику. Добровольный отказ подстрекателя должен выражаться всегда в каких-либо активных действиях, направленных на предотвращение наступления преступного результата, вызванного его подстрекательством. Например, подстрекатель отговаривает исполнителя от совершения преступления или предупреждает данное лицо о готовящемся на него посягательстве и тем предупреждает возможность совершения преступления или сообщает органам власти о приготовительных действиях исполнителя и т. д. Добровольный отказ пособника может выражаться или в бездействии, несовершении тех действий, которые он обещал совершить и без которых исполнитель не в состоянии совершить преступление, например, домашняя работница обещает своему знакомому открыть ночью дверь квартиры, где она работает, для того, чтобы он мог совершить в этой квартире кражу, однако в последний момент отказывается от какого бы то ни было участия в этом преступлении и не открывает двери, или в совершении активных действий, направленных на предотвращение результата, наступлению которого содействовала его деятельность, например, пособник, давший исполнителю револьвер для совершения убийства, обезоруживает его и тем самым лишает возможности совершить задуманное преступление.

Если пособником или подстрекателем в результате добровольного отказа было предотвращено наступление преступного результата, то хотя бы это предотвращение и было совершено тогда, когда деятельность исполнителя уже достигла приготовления или покушения, соучастник не должен подлежать уголовной ответственности за совершенное исполнителем преступление. В тех случаях, когда подстрекателю или пособнику не удалось предотвратить наступление преступных последствий, он подлежит уголовной ответственности за содеянное исполнителем преступление. Его усилия, направленные на предотвращение преступного результата, могут быть приняты во внимание при определении судом наказания как характеризующие меньшую степень его социальной опасности.

V. Вопрос об уголовной ответственности членов преступной заговорщической организации за совершенные ею преступления требует специального рассмотрения.

Как показали прошедшие перед Верховным судом СССР процессы заговорщических контрреволюционных организаций, особенно процесс антисоветского «право-троцкистского блока» (март 1938 г.), контрреволюционные силы стремятся к организованному объединению для борьбы против победившего социализма. Конспирированные заговорщические организации, совершающие разнообразные контрреволюционные преступления (измена родине, диверсии, террористические акты, вредительство и т. д.), становятся одной из основных форм контрреволюции.

Организаторами являются лица, создавшие преступное сообщество или руководившие им, а также лица, разработавшие план преступления или руководившие его совершением.

Организаторы преступных сообществ подлежат особо суровой ответственности за совокупность совершенных данной бандой преступлений. Для этой ответственности вовсе не требуется предварительного соглашения организаторов со всеми членами организации и осведомленности организатора о принадлежности данного лица к преступному сообществу и о конкретных подготовленных или совершенных им преступлениях. Ответственность за эти преступления не означает их объективного вменения организаторам; совершение их находится в объективной причинной связи с деятельностью организаторов преступной банды и возможность совершения таких преступлений охватывается общим преступным умыслом организаторов данной преступной организации.

Таким образом, при совершении контрреволюционной организацией каких-либо преступлений, входящих в планы этой организации, имеются все необходимые предпосылки для индивидуальной ответственности организаторов этого преступного сообщества за все преступления, совершенные данной бандой, хотя бы организатор и не был непосредственно осведомлен о конкретных лицах, совершающих данное преступление, или об отдельном конкретном преступлении, совершение которого входит в общие планы созданной им организации.

Так же должен быть разрешен и вопрос об ответственности организаторов бандитской организации, деятельность которой предусмотрена ст. 59³ УК РСФСР. Они отвечают за всю деятельность банды, хотя бы и не были непосредственно осведомлены о совершении отдельными участниками банды конкретных преступлений, входящих в общие задачи данной бандитской организации.

В ст. 59² УК РСФСР в отношении организаторов и руководителей массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами, разрушениями железнодорожных путей или иных средств сообщения и связи, убийствами, поджогами и другими подобными действиями, специально устанавливается повышенное наказание.

Рядовые участники какой-либо преступной организации или банды несут ответственность за все преступления, совершенные данным преступным сообществом, поскольку совершение такого рода преступлений охватывалось их умыслом как сознательных участников преступной организации или банды, хотя бы они в данном конкретном преступлении и не принимали участия и ничего не знали о лице, совершившем преступление, или о его преступной деятельности. Сознательное присоединение лица к преступной организации или банде определяет и его ответственность за всю ее деятельность. Отдельный участник организации или банды реализует свой преступный умысел посредством деятельности данной преступной организации. Однако при определении индивидуальной

ответственности каждого участника организации или банды суд должен учесть степень участия его в преступной организации и в совершенных ею преступлениях. Выражением того, что всякий участник организации отвечает за совершенные ею преступления, является санкция ст. 58¹¹ УК РСФСР, предлагающая наказание за участие в контрреволюционной организации определять по статьям, предусматривающим то контрреволюционное преступление, совершение которого было задачей данной контрреволюционной организации. Выражением этого является и диспозиция ст. 59³ УК РСФСР, которая приравнивает в смысле возможного наказания самый факт участия в банде к непосредственному совершению отдельных бандитских налетов.

§ 63. Прикосновенность *ИИ. 1*

I. Для понятия соучастия необходимо, чтобы деятельность каждого из соучастников так или иначе содействовала совершению исполнителем преступления. Деятельность, связанная с совершением преступления, но не являющаяся содействием совершению преступления, называется прикосновенностью. Прикосновенность может выразиться в форме укрывательства, попустительства и доносительства.

Укрывательство преступника и следов преступления, как мы видели выше, УК РСФСР относит не к прикосновенности, а к соучастию (пособничеству). Иную позицию в этом вопросе занимают уголовные кодексы Украинской и Грузинской союзных республик. Укрывательство, которое не являлось содействием совершению преступления (укрывательство, заранее не обещанное), они не относят к соучастию. Укрывательство, заранее не обещанное преступнику, есть одна из форм прикосновенности к совершению преступления, а не соучастие в нем. Поэтому теоретически правильным является определение ответственности за него не по правилам о соучастии, а в особом порядке — как за специальное преступление против социалистического правосудия, как за преступление, препятствующее осуществить социалистическое правосудие в отношении данного преступника.

II. «Основные начала» о доносительстве ничего не говорят. Недоносительство УК РСФСР не считает соучастием в преступлении. В ст. 18 УК РСФСР говорится, что недоносение о совершенном или готовящемся преступлении влечет за собой применение наказания лишь в случаях, специально указанных в кодексе. Такими являются случаи, указанные в ст. 58¹⁻⁴, предусматривающей недоносительство об измене родине, в ст. 58¹², предусматривающей недоносительство о контрреволюционных преступлениях, и в ст. 59¹³, предусматривающей недоносительство о некоторых особо опасных преступлениях против порядка управления (массовые беспорядки, бандитизм, фальшивомонетчество). Уголовный кодекс в этих случаях рассматривает недоносительство как самостоятельное преступление. Лишь в этих случаях на граждан лежит специальная правовая обязанность сообщать властям о

готовящемся или совершенном преступлении. Недоносительство о хищении социалистической собственности, предусмотренном законом 7 августа 1932 г., согласно постановлению Президиума Верховного суда РСФСР 27 июня 1933 г., квалифицируется по ст. 58¹² УК РСФСР, так как хищение социалистической собственности является преступлением, направленным против основ советского строя.

Недонесение по другим преступлениям не влечет за собой применения уголовной ответственности, тем не менее моральной обязанностью граждан СССР является сообщать органам власти о том или другом достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении. Поэтому хотя недонесение о готовящемся убийстве не включает в себе состава преступления, тем не менее в моральном отношении такое недонесение заслуживает порицания.

Верховному суду СССР неоднократно приходилось исправлять ошибки судов, привлекавших к уголовной ответственности за недонесение по тем преступлениям, которые не заключают в себе состава указанных выше преступлений. Так, УСК Верховного суда СССР в определении 28 марта 1938 г. признала уголовно-ненаказуемым действие Т., знавшей о готовящемся убийстве Д., совершенном Б. в соучастии с Ш. с целью завладения имуществом, поскольку Верховный суд РСФСР переквалифицировал действия Б. и Ш. со ст. 59³ УК РСФСР (бандитизм) на ч. 3 ст. 167 (разбой). Недонесение Б. достоверно известном разбое не влечет за собой уголовной ответственности. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР в определении 16 января 1939 г. не нашла состава преступления в действиях Н., которая, будучи секретарем профсоюзной организации, своевременно не реагировала на злоупотребления властью, совершенные руководителями профсоюзной организации. В ее действиях, как правильно указала коллегия, не содержится состава уголовного преступления, так как недоносительство о должностном преступлении не влечет за собой уголовной ответственности.

Недоносительство не является соучастием (пособничеством) в преступлении потому, что оно не является одной из причин совершенного преступления. Лишь в тех случаях, когда недоносительство было заранее обещано исполнителю, оно становится в причинную связь с совершенным преступлением. В этом случае его следует рассматривать как соучастие в совершении преступления в форме пособничества. Недоносительство, которое, по общему правилу, не влечет за собой уголовной ответственности, близко соприкасается с укрывательством, которое всегда влечет за собой по УК РСФСР уголовную ответственность. Поэтому необходимо указать признак, по которому можно разграничить оба понятия.

Недоносительство отличается от укрывательства тем, что оно является чистым бездействием — несообщением властям о готовящемся или совершенном преступлении, укрывательство же предполагает всегда совершение каких-либо активных действий (предоставление преступнику убежища, уничтожение следов преступления, сокрытие приобретенного путем преступления имущества и т. д.).

О необходимости строго различать недоносительство от какого-либо участия в совершении преступления говорят и решения Верховного суда СССР.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении 28 апреля 1939 г. нашел состава контрреволюционной агитации в действиях Р., так как по делу было лишь установлено, что он, зная о контрреволюционной агитации со стороны М., не донес об этом в соответствующие органы. При таких условиях Р. мог отвечать лишь за недоносительство о достоверно известном совершенном контрреволюционном преступлении.

Недоносительство, совершенное должностным лицом, обязанностью которого является донести о совершенном преступлении, влечет за собой уголовную ответственность как за бездействие власти (ст. 111 УК РСФСР), если оно не заключает в себе иного самостоятельного преступления (например, ст. 58¹² УК РСФСР).

III. Попустительство есть невоспрепятствование совершению преступления в тех случаях, когда попуститель мог воспрепятствовать или принять те или иные меры к предотвращению преступления.

«Руководящие начала» относили попустительство к пособничеству преступлению, т. е. рассматривали его как соучастие. В обстановке ожесточенной классовой борьбы необходимо было применять репрессию не только к тем, кто чем-либо содействовал совершению преступления, в первую очередь преступлений против революции, но и к тем, кто не препятствовал, т. е. попустительствовал, этим преступлениям.

В отличие от «Руководящих начал» УК РСФСР 1922 г. не относил к числу пособников попустителей, т. е. лиц, не препятствовавших совершению преступления. Попустительство по УК РСФСР 1922 г. или вовсе не влекло за собою наказания или преследовалось в некоторых случаях в качестве специального преступления (бездействие власти, халатное отношение к служебным обязанностям, недоносительство о контрреволюционных преступлениях). После перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства отпала необходимость, в качестве общего правила, привлекать попустителей к уголовной ответственности как соучастников.

В период напряженной борьбы со взяточничеством (1922 г.) в УК РСФСР 1922 г. была введена специальная статья (114-а), предусматривавшая попустительство взяточничеству в качестве самостоятельного преступления — «непринятие мер противодействия взяточничеству».

УК РСФСР 1926 г. не содержит никаких постановлений о попустительстве. Попустительство, по общему правилу, не является и соучастием в преступлении, так как оно не является одной из необходимых причин совершения исполнителем преступления. В силу этих обстоятельств оно не влечет за собой уголовной ответственности. Попустительство, заранее обещанное исполнителю преступления, стоит в причинной связи с совершенным им преступлением, поэтому оно является соучастием в совершении преступления в форме пособничества. Попустительство, заранее не обещанное исполнителю, при контрреволюционных преступлениях охватывается понятием недоносительства. Попустительство должностного лица совершению преступления подойдет под понятие бездействия власти (ст. 111 УК РСФСР). Однако в тех случаях, когда должностное лицо, нарушая свои служебные обязанности, попустительствует совершению кем-либо преступления для осуществления таким путем своего преступного умысла, то все его поведение есть не попустительство преступлению, а совершение его посредством действий другого лица. Такой попуститель должен подлежать уго-

ловной ответственности не за попустительство совершению преступления, а за самостоятельное совершение преступления в качестве его исполнителя. Должностное лицо, в обязанности которого входит предупреждение контрреволюционного преступления, сознательно попустительствующее контрреволюционеру в осуществлении его планов, само является, по существу, исполнителем контрреволюционного преступления.

Указания о том, что попустительство не следует смешивать с соучастием в преступлении, дают и решения Верховного суда СССР. Так, УСК Верховного суда СССР в определении 4 июня 1939 г. не усмотрела соучастия в нанесении телесного повреждения лишь в факте присутствия М. при нанесении Мил. телесного повреждения своей жене при отсутствии какого-либо подстрекательства или пособничества со стороны М.

§ 64. Соучастие в истории русского уголовного права и в иностранном уголовном праве

1. Отдельные постановления о порядке ответственности за соучастие сохранились уже в древних памятниках права.

«Русская Правда» указывала, что при краже каждый из соучастников отвечает в равной мере: «Если кто украдет скот в хлеве или клетке, то если будет один, то платить ему 3 гривны и 30 кун; будет ли их (воров) много, всем платить по 3 гривны и по 30 кун».

Уложение 1649 г. в отдельных конкретных постановлениях определяло ответственность главных виновников (пущих заводчиков, воров) и пособников. Исполнителей преступления Уложение карало обычно более строго, чем пособников, подстрекателей к совершению преступления — обычно наравне с исполнителями. Так, исполнитель убийства наказывался смертной казнью, а пособники его наказывались кнутом и ссылкой, «куда государь укажет»; подстрекатель к убийству подлежал смертной казни — «кто на смертное убийство научал и кто убил, обоих казнить смертию же». Уложение знало в отдельных постановлениях и ответственность за укрывательство, недоносительство и попустительство. Укрыватели нередко подлежали тому же наказанию, что и исполнители; укрыватели разбойников наказывались так же, как и сами разбойники. Недоносительство по государственным преступлениям каралось как совершение преступления, недоносительство по ряду преступлений каралось денежным штрафом, по некоторым преступлениям недоноситель подлежал наказанию, «что государь укажет». Ппустители, видевшие воров, но не ловившие их, «когда изымать их было можно», подвергались штрафу: тот, кто слышал зов на помощь и не пошел помогать, наказывался «кнута и вешадно».

Воинский устав Петра I в ряде отдельных постановлений при определении ответственности по конкретным преступлениям устанавливал одинаковое наказание исполнителю, пособнику, подстрекателю и лицам, прикосновенным к преступлению.

При убийстве он определял, что «яко убийца сам, так и прочие имеют быть наказаны, которые подлинно к смертному убийству помогали или советом или делом вступались»; подстрекатель к убийству, «яко убийца сам имеет быть наказан смертию, а именно голову ему отсечь». В ряде указов Петра I устанавливалось за укрывательство и недоносительство такое же наказание, как и за совершение преступления. Так, указ 30 октября 1719 г. повелевал воров и разбойников «...казнить разными казнями без всякого милосердия»; вместе с тем этот указ определял, что «...те люди, которые таковы воров кроют, или пристани им держат, или об них, таковы и о тех, у которых они пристають, ведают, а не известят прежде времени, признаются за таких же воров...».

Уложение о наказаниях 1845 г. содержало, хотя и в крайне казуистической форме, обобщенные постановления об ответственности за соучастие. Оно различало соучастие с предварительным соглашением и без такового. В последнем оно различало главных виновников и участников. При со-

участии с предварительным соглашением оно различало зачинщиков, сообщников, подстрекателей, пособников. Отражая черты, свойственные еще феодальному уголовному законодательству, Уложение о наказаниях определяло в широких пределах ответственность за прикосновенность к преступлению — попустительство, укрывательство и недоносительство. Ответственность за них устанавливалась как за то пособничество, которое не было необходимо для совершения преступления.

Уголовное уложение 1903 г. ответственность за соучастие определяло на общих основаниях с буржуазным уголовным законодательством.

II. Уголовное законодательство об ответственности за соучастие и теория соучастия иностранного уголовного права ведут свою историю от французского уголовного кодекса 1810 г. Кодекс этот отобразил исторически прогрессивные уголовно-правовые требования буржуазии, выдвинутые ею в борьбе с феодально-абсолютистским государством.

Для уголовного законодательства и судебной практики дореволюционной Франции, как и для всякого другого законодательства феодального государства, были характерны широкие пределы уголовной ответственности за соучастие. Феодальное французское уголовное право относилось к соучастникам тех, кто принимал участие в совершении преступления, оказывал помощь его совершению, обязывал, убеждал или поручал его совершить, после совершения преступления присоединился к нему путем его одобрения или восхваления, принимая участие в дележе или сокрытии добычи, облегчая бегство или сокрытие преступника или предоставляя ему убежище, наконец, кто не препятствовал совершению преступления или не донос о нем властям.

Соучастие в том виде, в каком оно известно современным уголовным кодексам, впервые появляется во французском уголовном законодательстве эпохи революции — в уголовном кодексе 1791 г. Затем оно было воспринято в уголовном кодексе 1810 г.

Нормы о соучастии французского уголовного кодекса 1810 г. строго ограничили как круг подлежащих ответственности соучастников, так и пределы этой ответственности. Необходимой предпосылкой возможности привлечения к ответственности соучастников преступления является совершение исполнителем преступления или покушения на него.

Французский уголовный кодекс 1810 г. регулирует ответственность лишь соучастия нескольких лиц в совершении преступления в ст. ст. 59—61. Соучастники преступления подлежат тому же наказанию, что и исполнители, за исключением случаев, специально указанных в законе. Французский уголовный кодекс, в отличие от других уголовных кодексов, не знает обязательного смягчения наказания каким-либо соучастникам преступления. Подстрекателем считается тот, кто возбудил к совершению преступления или дал наставление для его совершения. В ст. 60 кодекс дает перечень средств подстрекательства к преступлению, который считается исчерпывающим: подарки, обещания, угрозы, злоупотребление положением или властью, преступные козни и ухищрения. Признаются соучастниками (пособниками) те, кто доставляет оружие, орудия или какие-либо иные средства, послужившие для совершения преступления, зная, что они должны будут служить этой цели. Считается также соучастником (пособником) и тот, кто сознательно помогал или соучествовал исполнителю в действиях, которые подготавливали или облегчали совершение преступления, или в самом его совершении. Это не исключает ответственности, специально установленной в кодексе за участие в заговоре или за возбуждение к посягательствам на внутреннюю или внешнюю безопасность государства, независимо от того, были ли фактически осуществлены при этом преследуемые указанными действиями преступления. К соучастникам преступления французский уголовный кодекс относит, наконец, и тех, кто, зная о преступном поведении лиц, занимающихся разбоями, насильственными посягательствами на безопасность государства, общественное спокойствие, личность или имущество, предоставляет им обычно жилище, место сборов или имущество (ст. 61).

III. Введение в законодательство новых постановлений о соучастии осуществляло прежде всего «правовые гарантии» личной свободы граждан. Ин-

институтом соучастия давалось разграничение деятельности преступной от не преступной в области отношения граждан к преступлению, совершенному другим лицом. На смену практиковавшемуся судом старого режима привлечению к уголовной ответственности по поводу совершенного преступления лиц, так или иначе к нему прикосновенных, уголовное законодательство французской революции узко очерчивает круг соучастников (подстрекатели, пособники) в преступлении, которые отвечают за совершенное исполнителем преступление так же, как и непосредственные исполнители. Вся деятельность лиц, не подходящая под эти понятия, не может влечь за собой уголовной ответственности за совершенное преступление. Институт соучастия тем самым очерчивал круг свободной деятельности граждан и пределы вмешательства государственной власти в отношения между гражданами. Так, например, в ст. 60 французского уголовного кодекса точно указываются условия, при которых может иметь место уголовная ответственность за подстрекательство. Поэтому в строго определенных указаниях ст. 60 французского уголовного кодекса, определяющих понятие подстрекательства, в отличие от расплывчатой неопределенности прусского земского права, Ф. Энгельс видел одно из выражений в юридической области социальных завоеваний буржуазной французской революции¹.

Постановления о соучастии французского уголовного кодекса послужили образцом для уголовного законодательства других буржуазных государств периода победы и утверждения капитализма в передовых странах. В отличие от французского уголовного кодекса большинство буржуазных уголовных кодексов знает обязательное смягчение наказания пособнику сравнительно с наказанием исполнителю.

Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. в своих постановлениях о соучастии устанавливает возможность смягчения наказания пособнику преступления или проступка, т. е. лицу, которое умышленно оказывает содействие совершению преступления или проступка. Подстрекатель к преступлению или проступку карается так же, как и сам его исполнитель. Неудавшееся подстрекательство влечет за собой уголовную ответственность как за покушение на преступление. Личные качества или обстоятельства, которые повышают, смягчают или исключают наказуемость, влияют на наказуемость лишь того соучастника, на стороне которого они имеются.

IV. Французский уголовный кодекс послужил основой и для развития классической буржуазной теории соучастия. Основные положения этой теории сводятся к следующему:

а) С объективной стороны деятельность каждого из соучастников должна стоять в причинной связи с преступным результатом, поэтому так называемая прикосновенность (недоносительство, попустительство и укрывательство), не стоящая в причинной связи с совершенным преступлением, не охватывается понятием соучастия.

Своеобразные особенности в этом отношении английского уголовного права связаны с особыми путями развития английского права. Английское уголовное право различает три категории участников преступления: 1) главные виновники первой или второй степени, т. е. исполнители и лица, непосредственно помогавшие при совершении преступления, 2) соучастники до совершения преступления, куда относятся подстрекатели и пособники, 3) соучастники после совершения преступления, куда относятся укрыватели преступления.

б) С субъективной стороны участие нескольких лиц в совершении одного преступления предполагает наличие общей вины, созданной явным или молчаливым соглашением всех

¹ См. Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 109.

участников преступления. Это может иметь место лишь тогда, когда и исполнитель и другие соучастники действуют умышленно. Это создает солидарную ответственность всех участников, в чем бы их деятельность ни выразилась, за одно общее преступление.

в) Акцессорная¹ природа соучастия. Так как соучастие есть совершение одного преступления при участии нескольких лиц, то действие каждого отдельного соучастника не имеет самостоятельного значения. Уголовно-правовое значение действий соучастника всецело определяется характером преступления, в совершении которого он принимал участие. Преступление, выполненное исполнителем (или исполнителями), вменяется в уголовную ответственность каждому соучастнику. Если исполнитель совершил оконченное преступление, то за оконченное преступление отвечают и соучастники. Если он совершил лишь покушение, то за покушение только может нести ответственность и каждый соучастник. Если деятельность исполнителя не достигла такой стадии в развитии преступной деятельности, которая влечет за собой уголовную ответственность, то не влекут за собой уголовной ответственности и действия, совершенные другими соучастниками. Если деятельность исполнителя не включает в себе элемента противоправности, например вследствие согласия потерпевшего, добровольно данного в момент совершения преступления, то непротивоправной является и вся деятельность каждого из соучастников. Этот взгляд на действия отдельного соучастника (подстрекателя и пособника) как на нечто лишь дополнительное, придаточное к действиям исполнителя, а потому всецело зависящее от характера его действий, составляет то, что называется акцессорной природой соучастия.

г) Посредственное причинение. В тех случаях, когда совершенное исполнителем преступное деяние не может быть вменено ему в умысел, причиненный им преступный результат подлежит вменению подстрекателю и пособнику, действовавшим умышленно, на общих основаниях (посредственное причинение или посредственное виновничество), а не по правилам о соучастии.

д) При определении размера наказания отдельным соучастникам пособники должны подлежать обязательно смягченному наказанию по сравнению с размером наказания, угрожающего исполнителю. Этот основной момент учения о соучастии криминалистов-классиков лежит в основе регулирования порядка уголовной ответственности при соучастии в большинстве иностранных уголовных кодексов.

Акцессорная природа соучастия, в силу которой подстрекатели и пособники отвечают лишь тогда, когда исполнитель совершил какое-либо преступное действие (преступление или покушение на него), есть непосредственно осуществление в организации репрессии государства буржуазно-демократического принципа, провозглашенного «Декларацией прав человека и гражданина» 1789 г.: гражданин может быть наказан только за определенное преступное действие.

¹ Акцессорный — несамостоятельный, придаточный.

Иностранное уголовное законодательство восприняло построение ответственности соучастников на началах акцессорной природы соучастия. В этом выражалось восприятие буржуазно-демократических начал в организации репрессии, провозглашенных французской революцией.

Криминалисты-социологи в решении вопроса об уголовной ответственности за соучастие отражают реакционные стремления в области уголовного права. Отсюда — ломка буржуазно-демократических гарантий в области ответственности за соучастие. Они выступают против необходимости особого института соучастия и его акцессорной природы. Акцессорная природа соучастия ставит в зависимость уголовную ответственность подстрекателя и пособника от поведения другого лица — исполнителя. Подстрекатель или пособник своим поведением выявляют свою опасность; поведение другого лица — исполнителя — является обстоятельством, посторонним для характеристики степени их опасности. Акцессорная природа соучастия ведет к безответственности социально-опасных подстрекателей или пособников в тех случаях, когда исполнитель не совершил еще ничего преступного. Поэтому действие каждого соучастника с их точки зрения целесообразно рассматривать отдельно на общем основании: деятельность исполнителей — как непосредственное совершение преступления, деятельность подстрекателей и пособников — как посредственное совершение преступления. При этом нужно установить в деятельности каждого из них те условия, которые являются необходимыми для уголовной ответственности каждого вменяемого преступника. Таким образом, при соучастии будет столько отдельных преступлений, сколько отдельных преступников.

Эти предложения юридически означали полную ликвидацию института соучастия, а политически и ломку буржуазно-демократической формы организации репрессии в вопросе об уголовной ответственности за соучастие.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

УЧЕНИЕ О НАКАЗАНИИ

ГЛАВА XVII

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О НАКАЗАНИИ¹ N 1.3

§ 65. Понятие о наказании

1. Наказание как последствие преступления более всего отличается уголовное право от других отраслей права, также имеющих дело с нарушениями закона, но связывающих с этими нарушениями качественно иные юридические последствия, например гражданское или административное право.

Буржуазные юристы потратили много времени и усилий на споры о том, какому из двух основных понятий уголовного права — преступлению или наказанию — принадлежит первенствующее значение.

Наказание считалось основным понятием уголовного права многими корифеями буржуазной науки уголовного права.

При большом значении, которое имеет наказание в деле уголовного правосудия, самая постановка вопроса о превалирующем значении наказания является порочной. Преступление и наказание одинаково являются основными понятиями уголовного права. Преступление и наказание неразрывно между собой связаны. Учение о наказании и учение о преступлении — равнозначные части науки уголовного права.

Вопрос о природе наказания, о специфических признаках, отличающих его от других принудительных мер, применяемых государством, является вопросом, которому буржуазные философы и юристы посвятили наибольшее внимание по сравнению со всеми другими вопросами уголовного права.

По вопросу о природе наказания и его отличии от других принудительных мер предлагались различные теории. Они сводились обычно к установлению какого-либо одного признака наказания, например страдание, осуждение, возмездие и т. д. Однако каждый

¹ Ленин, Государство и революция, Соч., т. XXI; Ленин, Как организовать соревнование, Соч., т. XXII; Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. XXIII; Сталин, Об основах ленинизма, разд. IV, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е; Сталин, Отчетный доклад XVIII съезду ВКП(б) о работе ЦК ВКП(б), «Вопросы ленинизма», изд. 11-е; Жижиленко, Наказание, 1914; Мокрянский, Наказание, его цели и предположения вып. 1, 1902 г.

из этих признаков, если его взять отдельно, оторванно от других признаков наказания, не характеризует наказания. Наказание определяется не одним, а разными признаками, и сводить наказание к одному только признаку — это значит характеризовать только одну какую-либо сторону наказания.

Только марксистско-ленинская теория государства и права дает те отправные положения, исходя из которых можно установить признаки наказания, отличающие его от других мер государственного принуждения, и правильно ответить на вопросы о классово-политической сущности наказания, об основании наказания и о его целях.

Наказание является одним из атрибутов государства, одним из проявлений государственной власти. Наказание, следовательно, как и государство и право, не существовало извечно, оно является исторической категорией. Наказание не существовало при первобытно-общинном строе и исчезнет вместе с исчезновением государства.

Из неразрывной связи между наказанием и государством вытекает его принудительный характер. Наказание — это одно из средств, при помощи которого осуществляется насильственная, принудительная сторона государственной власти. Принуждением государство пользуется не только при применении наказания. Принуждение применяется им и для поддержания общественного порядка, взимания налогов, содержания под стражей обвиняемых в преступлениях, поддержания дисциплины в гражданских учреждениях и т. д.

Являясь, таким образом, только одной из мер государственного принуждения, наказание имеет вместе с тем особые, специфические черты, отличающие его от других мер государственного принуждения.

II. Для наказания существенен прежде всего его публичный характер. Осуществление наказания — это функция государства, это его право и его обязанность. Наказание осуществляется в интересах государства и от имени государства.

Но признака публичности еще недостаточно для того, чтобы отграничить наказание от других мер государственного принуждения. Этот признак присущ и таким мерам, как взимание налогов, заключение под стражу в порядке меры пресечения и т. д. Необходимо поэтому установить и другие признаки, специфичные для наказания и отличающие его от других мер государственного принуждения.

Одним из таких признаков является то, что наказание — это мера, применяемая судом. Этим признаком наказание отличается от таких мер государственного принуждения, как взыскание налогов, взыскания, налагаемые административными органами за нарушение обязательных постановлений, дисциплинарные взыскания и др. Правда, этот признак присущ и гражданско-правовому взысканию, но от последнего наказание отличается рядом

других своих признаков (публичность, осуждение от имени государства).

Признаком наказания, отличающим его от других мер государственного принуждения, является неизбежное причинение преступнику определенного чувствительного для него страдания. Наказание всегда направлено против личности преступника. Даже если оно направлено непосредственно против его имущественных интересов, например штраф или конфискация, конечной задачей его является все же причинить преступнику страдание, лишение. Нарушение имущественных интересов преступника — не более, чем средство такого причинения страдания. Наказание, не причиняющее преступнику никакого страдания, перестает быть наказанием. Устрашающее действие наказания было бы немыслимым, если бы наказание не причиняло преступнику никакого страдания. Оно не в состоянии было бы оказать воздействие ни на самого преступника, ни на других лиц. Наказание по своей тяжести, т. е. по мере причиняемого им преступнику страдания, должно соответствовать степени его вины. Всякое излишнее страдание не только шло бы в разрез с принципами гуманизма, но только было бы бесцельным и бесполезным, но было бы даже вредным и противоречащим идее наказания как мере, по своей тяжести соответствующей тяжести преступления.

Наконец, признаком наказания, отличающим его от других мер государственного принуждения, является присущий ему момент осуждения от имени государства действий преступника и самого преступника. Наказание содержит отрицательную оценку преступления и преступника. Наказание в большей или меньшей мере всегда опорочивает преступника.

Осуждение, неодобрение как составной элемент наказания приобретает особенное значение в социалистическом государстве.

Момент осуждения от имени государства отсутствует у всех других мер государственного принуждения. Он чужд имущественному взысканию, его нет в применении мер пресечения, так как неизвестно еще, виновен или не виновен обвиняемый; нет его и у административного и дисциплинарного взыскания, так как эти взыскания накладываются не от имени государства, а от подчиненных органов управления или от лиц, стоящих во главе учреждения или предприятия.

Таким образом, в наказании сочетается целый ряд признаков: принудительный его характер, публичность, наложение его судом, причинение им страдания преступнику и выражаемое посредством его осуждение от имени государства преступления и преступника.

Установление этих признаков дает возможность определить наказание как применяемую судом к преступнику публичную меру государственного принуждения, причиняющую определенное страдание и выражающую от имени государства осуждение преступлению и преступнику.

III. Программа ВКП(б), многочисленные указания Ленина и Сталина и законодательные акты по социалистическому уголовному праву первых лет революции пользовались термином «наказание», но никогда ни Ленин ни Сталин не употребляют термина «меры социальной защиты».

В социалистическом законодательстве этот термин встречается впервые в УК РСФСР 1922 г., в котором говорилось о «наказаниях или других мерах социальной защиты». «Основные начала» 1924 г. отказались от двойственной терминологии и заменили ее единым термином — «меры социальной защиты». Вслед за «Основными началами» термин «меры социальной защиты» был воспринят уголовными кодексами всех союзных республик.

Введение в наше уголовное законодательство понятия «меры социальной защиты» не только означало неудачную терминологию, но и несло с собой неправильное представление о содержании этих мер и способно было дать повод к смешению этих мер с мерами безопасности в буржуазном уголовном праве. В последнем меры социальной защиты связаны не с виной, а с так называемым опасным состоянием. Между тем советское уголовное право при определении наказания исходит именно из вины преступника, устанавливая наказание в соответствии со степенью вины.

После того как в законе 8 июня 1934 г. об ответственности за измену родине, а вслед за ним и в ряде других законов появился термин «наказание», это простое, ясное и всем понятное слово получило право гражданства в теории уголовного права и в судебной практике.

§ 66. Основание применения наказания

I. По вопросу об основании, в силу которого государство вправе применять к преступникам наказания, буржуазными философами и юристами было создано чрезвычайно большое число различных взаимно исключающих теорий. По подсчетам проф. Сергеевского, в этом вопросе насчитывается, начиная с Гуго Гроция, до 24 полных философских систем и около 100 отдельных теорий, примыкающих к тому или иному направлению. Теории эти обычно разделяются на абсолютные, обосновывающие право государства наказывать преступников, на каком-либо безусловном начале, относительные, усматривающие основание наказания в каких-либо полезных для государства целях, достигаемых наказанием и оправдывающих применение к преступникам наказаний, и смешанные, пытающиеся объединить основания наказания абсолютных и относительных теорий.

Согласно абсолютным теориям, никакие утилитарные соображения не могут служить основанием наказания. Единственное основание наказания — это то, что преступник совершил преступление и тем нарушил некое безусловное начало (punitur quia reccatum est). Наказание является, согласно этим теориям, самоцелью. Оно — неизбежное последствие преступления, и его выпол-

нение — высший закон человечества. Наказание должно быть осуществлено во что бы то ни стало: fiat justitia, pereat mundus (да совершится правосудие, хотя бы погиб мир) — такова формула, к которой приходят до конца последовательные сторонники абсолютных теорий.

Из числа абсолютных теорий надо отметить прежде всего так называемые теологические теории, согласно которым преступное действие — это грех, нарушение божественной воли, допускающей только одно средство примирения с богом — наказание. Грех не может остаться без искупления, почему преступление как действие преходящее требует во что бы то ни стало наказания грешника. Теологические теории наказания получили развитие в эпоху феодализма. Они призваны были защищать феодальное государство и ограждать интересы церкви.

Абсолютную теорию наказания создал и Кант. Наказания, по Канту, применяются, quia reccatum est. Единственной задачей наказания является, по Канту, осуществление справедливости, без которой немисливо существование государства. Обоснование наказания какими-либо утилитарными, практическими задачами противоречило бы требованиям категорического императива, сделало бы преступника средством к достижению цели, между тем как человек — разумное существо, одаренное свободой воли, — может быть только целью в самом себе. Если бы человечество знало, что оно завтра погибнет, оно должно было бы наказать сегодня всех преступников, так как иначе нарушенная справедливость не была бы восстановлена.

К абсолютным теориям наказания относится и теория Гегеля, так как для него единственной задачей наказания — это восстановление права, нарушенного совершением преступления.

Относительные теории наказания, в противоположность абсолютным, усматривают основание наказания не в каком-либо абсолютном начале, а в определенных утилитарных, практических целях. Согласно относительным теориям, наказание осуществляется для того, чтобы предупредить совершение новых преступлений (punitur, ne reccetur). Спор между отдельными относительными теориями шел, с одной стороны, по линии метода осуществления задачи предупреждения совершения новых преступлений (метод устрашения, метод исправления), а с другой — по линии установления того круга лиц, в отношении которых преследуются задачи предупреждения, т. е. самих преступников или других лиц.

С теорией устрашения не следует смешивать так называемую теорию психологического принуждения, автором которой является А. Фейербах. Согласно этой теории, мотивам, толкающим людей на преступление, государство должно противопоставить другие, более действенные мотивы, которые способны были бы удержать готовящегося к преступлению от его совершения. Этой цели служит угроза наказанием. То зло, которое грозит преступнику за совершение преступления, должно быть

сильнее, чем те лишения, которые ожидают его в случае отказа от совершения преступления. Одним чувственным побуждениям противопоставляются другие, более сильные. Таким более сильным чувственным побуждением должна явиться угроза наказанием, содержащаяся в уголовном законе. Наказания не должны быть более суровыми, чем это необходимо для удержания лица от совершения данного преступления.

Основной порок всех буржуазных попыток обосновать право государства на наказание заключается в том, что все они игнорируют классовую сущность всякого государства и те реальные задачи, которые преследует применением наказаний господствующий в буржуазных государствах класс. Все эти теории сознательно или бессознательно забывают, что «признак государства — наличие особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается власть»¹.

II. В соответствии с указаниями Ленина и Сталина решается вопрос об основании наказания в СССР.

На первой фазе развития социалистического государства, учит товарищ Сталин, одной из двух основных функций государства было «подавление свергнутых классов внутри страны»². Одним из средств такого подавления было наказание.

Таким образом, основанием применения наказаний социалистическим государством в первой фазе его развития была прежде всего необходимость беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров. Вместе с тем основанием применения наказаний была и необходимость борьбы с общегосударственными преступлениями как формой сопротивления мелкобуржуазной стихии.

Основание наказания во второй фазе развития социалистического государства заложено в функциях этого государства на данной уже стадии. Необходимость охраны социалистической собственности от воров и расхищителей и необходимость «вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засылаемых в нашу страну иностранной разведкой»³, является прежде всего основанием сохранения наказания и на этой фазе. Вместе с тем основанием наказания служит на этой фазе необходимость борьбы с нарушителями, с преступлениями, подрывающими установленный государством социалистический правопорядок, с нарушениями социалистической дисциплины. Необходимость воспитания к дисциплине и мерами принуждения обосновывает применение к нарушителям в числе других мер и мер наказания.

§ 67. Задачи наказания

I. Ленин и Сталин создали учение о двуединой задаче наказания, диалектически сочетающего две его стороны — задачу принуждения и задачу воспитания. В наброске статьи «Очередные задачи

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 81.

² Сталин Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 605.

³ Там же, стр. 606.

Советской власти» Ленин писал: «Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине»¹. Программа ВКП(б), принятая на VIII съезде партии 18—23 марта 1919 г., установила принципиальные особенности наказания в советском уголовном праве в соответствии с ленинским учением о двуединой задаче наказания.

Указания Ленина и Сталина о двуединой задаче наказания легли в основу советского уголовного законодательства. Наиболее ярко эта двуединая задача выражена в Законе о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. «Советский суд, — говорит ст. 3 Закона о судостроительстве, — применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников, но также имеет своей целью исправление и перевоспитание преступников».

С развитием социалистического государства может меняться соотношение задач наказания.

В историческом докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин указал, что в первой фазе социалистического строительства (от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов) одна из двух основных функций социалистического государства состояла в военном подавлении свергнутых классов внутри страны. Хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа органов нашего государства не получила на этой фазе серьезного развития.

Во второй фазе (от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия Сталинской Конституции) функция военного подавления внутри страны отпала. Вместо этой функции появилась функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра. «Теперь основная задача нашего государства внутри страны, — говорит товарищ Сталин, — состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов»². Выдвижение на первое место воспитательной задачи отнюдь не означает, конечно, что отпала задача кары преступников.

Исторические указания товарища Сталина об изменении функций социалистического государства на разных этапах его развития по-новому ставят вопрос о задачах уголовного наказания. Если в отношении преступлений, совершаемых врагами народа, агентами иностранных разведок, во всей непримиримости сохраняется задача беспощадной кары, то в отношении остальных преступлений задача кары остается в силе, но сочетается с задачей

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 424.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 606.

исправления преступников, воспитания к социалистической дисциплине.

Особенное значение воспитательная сторона наказания получает в отношении преступлений, являющихся результатом влияния пережитков прошлого в сознании отдельных отсталых элементов из среды трудящихся — прогульщиков, лодырей, летунов, воров, хулиганов и др. Товарищ Молотов в докладе на XVIII съезде ВКП(б) говорил о том, что в отношении них «нужны серьезные меры в области укрепления дисциплины и в области воспитания»¹. В отношении них сохраняет силу указание Ленина, что борьбу с мелкобуржуазной стихией «нельзя вести только пропагандой и агитацией... борьбу надо вести и принуждением»². Средством такого принуждения является наказание. Но принуждение, осуществляемое и в виде наказания, играет серьезнейшую воспитательную роль. «Поощряя и награждая лучших представителей социалистического труда, с одной стороны, карая дезорганизаторов производства, с другой стороны, партия и советская власть тем самым показывают, в каком направлении надо вести коммунистическое воспитание трудящихся»³, «Беспощадно карая расхитителей социалистической собственности, воров, мошенников, спекулянтов, хулиганов, лодырей, прогульщиков и летунов, наш суд выжигает еще сохранившиеся в советской жизни родимые пятна капитализма. Средствами принуждения он борется с пережитками капитализма в сознании людей, убирая и изолируя, карая и перевоспитывая носителей этих пережитков»⁴.

II. Наказание призвано оказывать определенное воздействие как на самого наказанного, так и на других членов общества. Наказание удерживает наказанного от повторного совершения преступления и в то же время оказывает предупредительное воздействие в отношении других лиц.

Эти два направления действия наказания дали основание для векового спора между буржуазными философами и криминалистами по вопросу о действии наказания. Спор этот известен как спор между сторонниками теорий общего и специального предупреждения.

Разница между теориями общего и специального предупреждения сводится к тому, что первые стремятся так организовать уголовную репрессию, чтобы она удерживала от совершения преступления не самого преступника (он, по мнению представителей этих теорий, все равно уже совершил преступление), а других людей, вторые же полагают, что задача наказания — предотвратить совершение повторных преступлений данным преступником.

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, Госполитиздат, 1939, стр. 12.

² Ленин, Соч., т. XXII, стр. 460.

³ Калинин, О коммунистическом воспитании трудящихся, «Большевик», 1940, № 19—20, стр. 14.

⁴ «Правда» от 20 января 1941 г., передовая статья.

Теории общего предупреждения иногда принимают форму теории устрашения. Согласно теориям устрашения, наказание должно своей жестокостью, мучительностью устрашающе действовать на все общество. Сторонники этих теорий высказывались за публичные казни, публичные телесные наказания и т. д.

Некоторые сторонники теории общего предупреждения отвергают жестокость наказания. Сюда относится так называемая теория психологического принуждения.

Различные формы принимает и специальное предупреждение. Так, например социологическая школа, стоявшая на позициях специального предупреждения, считала, что наказание должно оказывать исправительное воздействие на преступников, способных к исправлению, устрашающее воздействие на преступников, не нуждающихся в исправлении, и обезвреживать преступников, неспособных к исправлению.

III. В социалистическом государстве, где приговор суда, назначающий наказание, защищает интересы того же класса, к которому принадлежит и осужденный, и выражает общественное мнение всего народа о преступлении и преступнике, наказание в то же время оказывает и предупредительное воздействие на неустойчивые элементы. Вместе с тем в социалистическом государстве в каждом случае применения социалистическим судом уголовного наказания одновременно выполняется задача кары и воспитания осужденного и вместе с тем задача воспитания к дисциплине трудящихся. Общее предупреждение диалектически сочетается со специальным предупреждением. И то и другое не противостоят друг другу, а друг другу неизменно сопутствуют. Наказания, более суровые с точки зрения специального предупреждения, например лишение свободы по сравнению со штрафом, являются в то же время более эффективными с точки зрения общего предупреждения.

Применение суровых мер наказания к преступникам — классовым врагам вместе с тем устрашающе действует на других классовых врагов. Применение наказания к преступникам из среды трудящихся, оказывая воспитательное воздействие на осужденного, в то же время воспитывающим образом действует в отношении других.

Сочетание в социалистическом государстве задач общего и частного предупреждения нашло свое выражение и в уголовном законодательстве. Так, согласно ст. 4 «Основных начал» и соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик (ст. 9 УК РСФСР), наказания применяются с целью: а) предупреждения преступлений, б) лишения общественно-опасных элементов возможности совершать новые преступления и в) исправительно-трудового воздействия на осужденных. Пункт «а» приведенной статьи говорит об общем предупреждении, а пп. «б» и «в» — о специальном предупреждении.

После издания Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик в вопросе о целях наказания в социали-

стическом уголовном праве должно руководствоваться не ст. 4 «Основных начал» (ст. 9 УК РСФСР), а ст. 3 указанного закона. В ч. 1 ст. 3 этого закона формулируется специальное предупредительное действие наказания. «Советский суд, — говорится здесь, — применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников, но также имеет своей целью исправление и перевоспитание преступников». Об общепредупредительном действии наказания говорится в ч. 2 ст. 3: «Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития».

ГЛАВА XVIII

СИСТЕМА И ВИДЫ НАКАЗАНИЙ

§ 68. Система наказаний

I. Отдельные попытки систематизации наказаний делаются в уголовном праве эпохи феодализма. Так, в германском феодальном уголовном праве наказания делились на телесные и позорящие. Тем не менее феодальное уголовное право отличалось в области репрессии неопределенностью и произвольностью и на практике широко применялись наказания, не предусмотренные в уголовных законах того времени.

Когда буржуазия шла к власти и выставляла в своей уголовно-правовой программе требование законности, она одно из проявлений законности в уголовном праве усматривала в установлении твердой системы наказаний. Буржуазия выставляла требование — нет наказаний, кроме установленных в законе. Поэтому в первом уголовном кодексе буржуазии, пришедшей к власти, — во французском уголовном кодексе 1791 г. — имелся уже твердый перечень наказаний. Статья 1 этого кодекса говорила: «Наказаниями, которые могут применяться судом присяжных к признанным виновными подсудимым, являются: смертная казнь, каторжные работы, заключение в смирительный дом, одиночное заключение, ссылка, лишение гражданских прав, выставление к позорному столбу». Стремление к определенности наказаний заходило в этом кодексе так далеко, что санкции в нем были абсолютно определенными, т. е. не оставлявшими никакого места усмотрению суда при назначении наказаний.

Французский уголовный кодекс 1810 г. разделял наказания на уголовные, исправительные и полицейские. Наказания уголовные разделялись в свою очередь на наказания «мучительные и бесчестящие» и только «бесчестящие». Уголовный кодекс 1810 г. вос- становил также клеймение и отсечение руки.

Все уголовные кодексы, издававшиеся после кодекса 1810 г., содержали исчерпывающий перечень наказаний.

Уголовные кодексы, изданные после империалистической войны, усложнили систему наказаний, установив наряду с наказаниями так называемые меры безопасности в отношении рецидивистов, бродяг и др., являющиеся, по существу, теми же наказаниями, но лишь устанавливаемыми на неопределенные или относительно неопределенные сроки.

II. В советских уголовных кодексах установление точной, определенной системы наказаний, с твердо установленными рамками для каждого из наказаний является (выражением социалистической законности в уголовном праве, стабильности закона и единства карательной политики).

Система наказаний имеет огромное значение для уголовного правосудия в СССР. Она вводит деятельность суда по применению уголовной репрессии в строго очерченные законом рамки.

Уже «Руководящие начала» 1919 г. содержали перечень наказаний, но перечень этот имел примерный, а не исчерпывающий характер. УК РСФСР 1922 г. содержал исчерпывающий перечень наказаний и других мер социальной защиты. Согласно ст. 32 этого кодекса, к наказаниям относились: «а) изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно; б) лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; в) принудительные работы без содержания под стражей; г) условное осуждение; д) конфискация имущества — полная или частичная; е) штраф; ж) поражение прав; з) увольнение от должности; и) общественное порицание; к) возложение обязанности загладить вред». К мерам социальной защиты, заменяющим по приговору суда наказание или следующим за ним, УК 1922 г. относил: «а) помещение в учреждения для умственно или морально дефективных; б) принудительное лечение; в) воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом; г) удаление из определенной местности».

«Основные начала» дифференцируют различные меры и разделяют все меры на три категории: судебно-исправительного, медицинско-го и медико-педагогического характера (ст. 5).

Наказаниями являлись при этом, по существу, лишь меры судебно-исправительного характера.

Согласно «Основным началам», к мерам наказания относятся: а) объявление врагом трудящихся с лишением гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда; б) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях СССР; в) лишение свободы в общих местах заключения; г) принудительные работы без лишения свободы; д) поражение прав; е) удаление из пределов СССР на срок; ж) ссылка; з) высылка; и) увольнение от должности; к) запрещение занятия той или иной деятельностью или занятия той или иной деятельностью или промыслом; л) общественное порицание; м) конфискация имущества; н) штраф и о) предостережение (ст. 13). К этому перечню наказаний надо прибавить расстрел и такие меры наказания, установленные союзными законами, как объявление вне закона (постановление ЦИК СССР 21 ноября 1929 г.) и тюремное заключение (постановление ЦИК и СНК СССР 8 августа 1936 г.).

Перечень мер наказания, установленных в «Основных началах», не был исчерпывающим. Согласно примечанию 2 к ст. 13, союзным республикам принадлежало право устанавливать и иные меры наказания, в соответствии с «Основными началами» и общими принципами уголовного законодательства СССР.

УК РСФСР 1926 г. и кодексы других союзных республик полностью воспроизвели систему наказаний «Основных начал». Они также разделяют все меры на три группы: судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера. Одно из дополнений, сделанных в перечне мер судебно-исправительного характера в УК РСФСР и в уголовных кодексах Азербайджанской, Грузинской и Таджикской союзных республик, заключается во введении наказания в виде возложения обязанности загладить причиненный ущерб (п. «н» ст. 20 УК РСФСР). Другое дополнение сделал УК Таджикской ССР, который ввел в качестве меры наказания лишение прав землепользования при совершении преступления против закона о национализации земли.

III. Наказания могут применяться самостоятельно, в качестве единственной или основной меры, или же дополнительно к другой основной мере. С этой точки зрения различаются две категории наказаний: а) наказания, которые могут назначаться только как основные наказания; к ним относятся: объявление врагом трудящихся с его последствием, объявление вне закона, расстрел, лишение свободы (во всех его формах), ссылка с исправительно-трудовыми работами и исправительно-трудовые работы; б) наказания, которые могут назначаться в качестве самостоятельных мер, но могут и сочетаться с основными мерами наказания в качестве дополнительных; к этим наказаниям относятся: поражение политических и отдельных гражданских прав, удаление из пределов СССР на срок, ссылка, высылка, увольнение от должности, запрещение занятия той или иной деятельностью или промыслом, общественное порицание, конфискация имущества, денежный штраф и возложение обязанности загладить причиненный ущерб. По УК Белорусской ССР, к основным мерам относится и предостережение. На практике, однако, многие из этих мер, например конфискация, применяются только в качестве дополнительных мер наказания.

Все уголовные кодексы союзных республик оговаривают, что конфискация имущества в качестве дополнительной меры наказания может быть назначена судом лишь в случаях, особо оговоренных в законе. По уголовным кодексам Украинской и Узбекской союзных республик, это же относится и к штрафу.

Предостережение, согласно УК РСФСР, может назначаться только в случае оправдательного приговора, если суд усмотрит, что поведение оправданного дает все же основание опасаться совершения им преступления в будущем.

§ 69. Расстрел. Смертная казнь через повешение

I. Первые месяцы после Октябрьской революции советское законодательство не предусматривало расстрела. Только 16 июня 1918 г. НКЮ РСФСР указал, что и революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и пр. не

связаны никакими ограничениями. После мятежа «левых» эсеров, убийства Урицкого и Володарского и организованного меньшевиками, эсерами и «левыми коммунистами» злодейского покушения на убийство В. И. Ленина СНК РСФСР (в известном декрете о красном терроре 5 сентября 1918 г. (СУ РСФСР 1918 г. № 65) установил, «...что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что подлежит расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам...».

В начале 1920 г. применение высшей меры было отменено. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР, вынесенном по инициативе ВЧК 17 января 1920 г., говорилось: «Разгром контрреволюции во-вне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций, контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление советской власти дают ныне возможность рабоче-крестьянскому правительству отказаться от применения высшей меры наказания, т. е. расстрела, по отношению к врагам советской власти».

Однако возобновление интервентами попыток вооруженного вмешательства и материальная поддержка ими мятежных белогвардейских генералов вынудили советскую власть вновь прибегнуть к применению расстрела. УК РСФСР 1922 г. не поместил расстрел в перечень мер наказания, но оговорил в ст. 33, что по делам, находящимся в производстве Верховного суда, губернских судов и трибуналов всех категорий, в случаях, когда статьями кодекса определена высшая мера наказания, в качестве таковой впредь до отмены применяется расстрел.

В «Основных началах», как и в УК РСФСР 1922 г., расстрел не включен в перечень наказаний (ст. 13), но в примечании 2 к ст. 13 установлено, что «временно в качестве высшей меры социальной защиты, впредь до полной ее отмены, Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР, для борьбы с наиболее тяжкими видами преступлений, угрожающими основам советской власти и советского строя, допускается расстрел».

Уголовные кодексы РСФСР 1926 г., Азербайджанской, Туркменской и Таджикской союзных республик воспроизводят формулировку «Основных начал» о расстреле, дополняя ее указанием, что расстрел применяется «в качестве исключительной меры охраны государства трудящихся».

II. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. установлена смертная казнь через повешение для наиболее злобных изменников родине.

§ 70. Объявление врагом трудящихся. Изгнание из пределов СССР и объявление вне закона

I. УК РСФСР 1922 г. не знал термина «объявление врагом народа», но в числе наказаний говорил об изгнании из пределов РСФСР на срок или бессрочно (ст. 32). «Основные начала» сочетали объявление врагом трудящихся с последствиями, установленными в УК РСФСР 1922 г. Пункт «а» ст. 13 «Основных начал» говорит об объявлении врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда. «Основные начала» установили, что объявление врагом трудящихся, а также

изгнание из пределов СССР навсегда применяются лишь к лицам, осужденным за преступления, угрожающие основам советского строя. В случае самовольного возвращения лица, изгнанного по судебному приговору из пределов СССР, а также в случае невозможности фактически привести в исполнение приговор об изгнании суд применяет иную меру наказания, не ниже, однако, лишения свободы на пять лет.

Уголовные кодексы союзных республик восприняли эту меру наказания. В ст. 20 действующего УК РСФСР в перечне мер наказания первым идет «объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов». Эта мера наказания, согласно ст. 27, может применяться лишь без срока. О лишении гражданства говорит принятый 2-й сессией Верховного Совета СССР Закон о гражданстве СССР. Статья 7 этого закона предусматривает, что лишение гражданства может иметь место либо «в силу особого в каждом случае указа Президиума Верховного Совета СССР», либо «по приговору суда в случаях, предусмотренных законом».

В судебной практике изгнание из пределов СССР почти не встречается.

II. Объявление вне закона как мера наказания неизвестно ни «Основным началам», ни уголовным кодексам союзных республик.

Эта мера была введена законом 21 ноября 1929 г. «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР» (СЗ СССР 1929 г. № 75, ст. 732).

Согласно этому закону, граждане СССР — должностные лица государственного учреждения или предприятия СССР, действующего за границей, отказавшиеся на предложение органов государственной власти вернуться в пределы СССР, объявляются вне закона. Объявление вне закона влечет за собой конфискацию всего имущества осужденного и его расстрел через 24 часа после удостоверения его личности. Объявление вне закона назначается по приговору Верховного суда СССР.

§ 71. Лишение свободы

I. Лишение свободы в советском социалистическом уголовном праве является мерой наказания, сочетающей задачу кары и задачу воспитания.

Уже в самых первых декретах советского правительства, подписанных Лениным, как мера наказания фигурирует тюремное заключение. «Виновные в нерадивости, сокрытии запасов, отчетов и пр. караются конфискацией всего имущества и тюрьмой до 5 лет», — писал Ленин в проекте Положения о рабочем контроле 8—13 ноября (26—31 октября 1917 г.)¹.

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 25.

В первых декретах советской власти среди мер наказания упоминается заключение в тюрьме на определенный срок или на неопределенный срок, до наступления известного события. Приговоры на неопределенный срок, до наступления известного события, применялись в судебной практике с первых лет революции в такой, например, форме: «заключить в тюрьму до окончания гражданской войны» и т. п. Практика того периода знала приговоры к лишению свободы на срок до 10—15 лет и выше.

25 марта 1921 г. последовал декрет, установивший высший предел лишения свободы в пять лет. Пятилетний срок предусматривался и проектом УК РСФСР 1922 г., но сессия ВЦИК, рассматривавшая проект, отвергла этот явно недостаточный срок и установила максимум лишения свободы в 10 лет.

Злодеяния врагов народа — троцкистско-бухаринских агентов и наймитов иностранных разведок, вредителей, диверсантов и шпионов — вызвали необходимость усиления борьбы со шпионажем, вредительством, попытками организации взрывов, крушений, поджогов с человеческими жертвами и другими злодеяниями. С этой целью, а также с целью предоставления суду возможности избирать по этим преступлениям не только высшую меру наказания, но и лишение свободы на более длительные сроки, ЦИК СССР 2 октября 1937 г. постановил, во изменение ст. 18 «Основных начал», установить в качестве меры уголовного наказания лишение свободы на срок не свыше 25 лет.

Минимальный срок лишения свободы был первоначально установлен УК РСФСР 1922 г. в шесть месяцев. Постановлением ВЦИК 7 июля 1923 г. этот срок был сокращен до одного месяца, а на 2-й сессии ВЦИК XI созыва был доведен до семи дней. Соображением, которое привело к столь низкому минимальному сроку лишения свободы, послужила неорганизованность в то время исправительно-трудовых (принудительных) работ без лишения свободы.

«Основные начала» обошли молчанием вопрос о минимальном сроке лишения свободы, предоставив тем самым его установление на усмотрение союзных республик. Между тем правильное определение его представило собой в дальнейшем немало трудностей, и срок этот в уголовных кодексах союзных республик различен. Уголовные кодексы Украинской, Белорусской и Азербайджанской союзных республик не устанавливают минимального срока лишения свободы. УК Армянской ССР устанавливает минимальный срок лишения свободы в один день, УК Грузинской ССР — в один месяц.

УК РСФСР 1926 г. установил минимальный срок лишения свободы в один день.

Изменением УК РСФСР 20 мая 1930 г. минимальный срок лишения свободы был установлен в один год (СУ РСФСР 1930 г. № 26, ст. 344). Однако это изменение не нашло отражения в статьях Особенной части УК РСФСР, которые в ряде случаев сохранили в санкции лишение свободы на сроки меньше года. В этих случаях применение лишения свободы в соответствии со ст. 20 УК РСФСР не может иметь места, и суд в таких случаях

должен применять не лишение свободы, а исправительно-трудовые работы.

Минимальный срок лишения свободы установлен законом в один год и уголовными кодексами Узбекской, Туркменской и Таджикской союзных республик.

Практика последних лет показала необходимость назначать лишение свободы и на сроки менее одного года. Наличие ст. 18 «Основных начал» дало возможность Верховному суду СССР указывать судам о применении по отдельным преступлениям наказания на сроки менее одного года, хотя бы соответствующие кодексы союзных республик предусматривали в качестве минимума один год лишения свободы. Так, постановлением 4 мая 1939 г. Пленум Верховного суда СССР признал целесообразным по делам об уклонении руководителей предприятий и учреждений от проведения мер по укреплению дисциплины применять лишение свободы на срок менее одного года. В постановлении 11 октября 1941 г. об уголовной ответственности граждан, уклоняющихся от всеобщего обязательного обучения военному делу, Пленум Верховного суда СССР указал, что предусмотренное в ст. 68 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик лишение свободы на срок до шести месяцев может применяться без замены исправительно-трудовыми работами. В постановлении Пленума Верховного суда СССР 24 декабря 1942 г. «О судебной практике по делам о самогоне» указывается, что, определяя наказание за действия, предусмотренные ч. 1 ст. 102 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, суды, как правило, должны применять лишение свободы, руководствуясь при этом ст. 18 «Основных начал», которой лишение свободы допускается и на срок ниже одного года.

В последние годы отдельные законы устанавливают в качестве санкции лишение свободы на срок ниже одного года. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1940 г. предусматривает для трудящихся, самовольно оставивших работу, тюремное заключение на срок от двух до четырех месяцев.

Указ 2 мая 1943 г. за ношение орденов, медалей и нагрудных знаков лицами, не имеющими на то права, устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до одного года.

Изменению в 1930 г. подверглось и разделение лишения свободы на два вида — со строгой изоляцией и без строгой изоляции.

Лишение свободы со строгой изоляцией, отбываемое в специальных закрытого типа учреждениях и более жестких по режиму условиях, являлось формой наказания, предназначавшейся для преступников из классов чуждой среды и лиц, совершивших наиболее тяжкие преступления. Лишение свободы со строгой изоляцией было не совместимо с учреждением исправительно-трудовых колоний и лагерей. 6 ноября 1929 г. была изменена ст. 18 «Основных начал», по новой редакции которой лишение свободы на срок до трех лет отбывается в общих местах лишения свободы, а на срок от трех лет и выше — в исправительно-трудовых лагерях (СЗ СССР 1929 г. № 72, ст. 681). В связи с этим упоминание в Уголовном кодексе о строгой изоляции было исключено.

II. Система мест лишения свободы установлена в уголовном и исправительно-трудовом законодательстве. «Основные начала» устанавливают основное деление всех мест лишения свободы на общие места лишения свободы и исправительно-трудовые лагеря. Отдельные типы общих мест лишения свободы и порядок содержания в них заключенных установлены исправительно-трудовыми кодексами союзных республик.

8 августа 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР введена новая форма лишения свободы — тюремное заключение, применяемое в отношении осужденных за наиболее тяжкие преступления.

Тюремное заключение, о котором говорится в указах Президиума Верховного Совета СССР 26 июня и 10 августа 1940 г. и др., применяется и народными судами.

В соответствии с общими положениями социалистического уголовного права организация труда и режим во всех исправительно-трудовых учреждениях не могут сопровождаться ни причинением физических страданий, ни унижением человеческого достоинства (ст. 9 УК РСФСР, ст. 7 ИТК РСФСР).

Лишение свободы, по советскому исправительному праву, ставя перед собой задачу наказания, кары, сочетает эту задачу с задачей исправления, перевоспитания преступника. Режим в советских исправительно-трудовых учреждениях, осуществляя задачу кары, свойственную лишению свободы как мере наказания, сочетает эту задачу с задачами воспитания осужденных к дисциплине социалистического общества.

Особый интерес представляет в советском уголовном праве такое специфическое воинское наказание (в мирное время), как направление в дисциплинарный батальон, установленное Положением о дисциплинарном батальоне в Красной Армии 1940 г.

Дисциплинарные батальоны в Красной Армии предназначаются для отбывания наказания осужденными военными трибуналами военнослужащими рядового и младшего начальствующего состава срочной службы. Указанные лица направляются в эти батальоны на срок от шести месяцев до двух лет. Время пребывания осужденного в дисциплинарном батальоне не засчитывается в срок службы в армии. Вместе с тем зачисленные в дисциплинарные батальоны не исключаются из списка своей части и по отбытии наказания возвращаются в свою часть для продолжения военной службы. Осужденные, отбывшие одну треть наказания и проявившие себя за это время дисциплинированными, образцово выполняющими поручаемые им работы, переводятся приказом командира батальона в разряд исправляющихся. Срок наказания может быть сокращен на одну треть определением военного трибунала по представлению командира батальона.

Нетрудно усмотреть специфику этого чисто воинского по своему характеру наказания. Режим дисциплинарных батальонов является достаточно репрессивным и вместе с тем преследующим цели воинского воспитания направленных в эти батальоны. Во время пребы-

вания в батальонах направленный в него не перестает носить почетное звание военнослужащего и, как указывалось, продолжает числиться в списках своей части. Лица, отбывшие наказание в дисциплинарном батальоне, считаются не имеющими судимости.

Если направленный в батальон вместо того, чтобы стать образцовым военнослужащим, совершит новое преступление, безразлично — воинское или общеуголовное, то он предается суду военного трибунала и отбывает наказание в общих местах лишения свободы — тюрьмах и лагерях.

Вместе с тем к сроку наказания, назначенному за данное преступление, суд обязательно присоединяет срок не отбытого в дисциплинарном батальоне наказания. Хотя Положение о дисциплинарном батальоне ничего не говорит по этому поводу, но, согласно общему началу советского уголовного права, назначенный по совокупности срок лишения свободы не должен превышать максимума, установленного вообще для лишения свободы, — 10 лет, а по некоторым преступлениям — 25 лет.

Так называемая пенсильванская система (от американского штата Пенсильвания), созданная в США в начале XIX в. и широко воспринятая всеми буржуазными странами, ставила своей задачей «донимающее исправление». Тюрьмы, строившиеся по пенсильванской системе, были тюрьмами строго одиночного заключения, отражавшими лицемерные утверждения создателей пенсильванской системы — религиозной, ханжеской секты квакеров, что «...преступник — кающийся, а тюрьма — место покаяния (repentant aires), а средство пробуждения раскаяния — оставление арестанта наедине с собой». Про эту систему Маркс говорил: «...Изолирование человека от внешнего мира и насильственное погружение в глубокое душевное одиночество, соединение юридического наказания с теологическим мучительством, — получает законченное, совершенное выражение в системе одиночного заключения»¹.

Даже с точки зрения буржуазии той эпохи отрицательной стороной пенсильванской системы являлось то обстоятельство, что длительное пребывание в одиночной камере без возможности труда и с единственной книгой — библией настолько разрушало физические и душевные силы заключенных, что они становились инвалидами. Энгельс, называвший одиночное заключение «озверением в одиночестве», писал: «Заключенный в одиночке сводится с ума: образцовая тюрьма в Лондоне после трехмесячного существования должна была передать в Бедлам трех помешавшихся, не говоря уже о религиозном помешательстве, которое обычно исходит за нормальное состояние»².

Стремление избежать этих невыгодных для интересов буржуазии эпохи промышленного капитализма последствий одиночного заключения и вместе с тем воспользоваться возможностью использования труда заключенных повело к созданию наряду с пенсильванской тюремной системой другой, не менее варварской тюремной системы, так называемой оборнской (от города Обора в США). В тюрьмах, построенных по оборнской системе, заключенные днем работают совместно в мастерских, в остальное же время остаются в своих одиночных камерах. Тюрьмы оборнской системы сохранили полностью систему молчания, принятую в тюрьмах пенсильванской системы. Система молчания настолько последовательно проводилась в тюрьмах оборнской системы, что даже колеса экипажей, въезжающих во двор тюрьмы, обтягивались кожей. Школа и церковь представляли в этих тюрьмах одиночные кабины, не позволяющие заключенным сказать хотя бы слово друг другу; администрация, чтобы предотвратить звук от шагов, носила мягкую обувь и т. д. Принуди-

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 218.

² Там же, т. II, стр. 386—387.

тельная религиозная обработка и беспощадные физические наказания — неотъемлемые атрибуты тюремной системы.

Прогрессивная система возникла в первой половине XIX в. в австралийской ссылке. Она заключается в том, что заключенные по мере исправления переводятся из разряда в разряд (таких разрядов бывает 3—5), причем с каждым переводом в высший разряд увеличивается якобы количество привилегий, облегчается режим и приближается возможность досрочного освобождения. В действительности предоставляемые заключенным высших разрядов льготы довольно незначительны.

§ 72. Ссылка *N 24.3 25.2*

Ссылкой называется удаление осужденного из данной местности с обязательным поселением его в определенной местности на установленный в приговоре срок.

Ссылка отличается от высылки тем, что при ссылке осужденный к этой мере наказания принудительно поселяется в определенной (назначенной) ему местности без права покинуть эту местность до окончания срока ссылки; при высылке осужденному запрещается проживать в течение назначенного срока в определенной местности или в определенных местностях с тем, что он имеет право свободного проживания во всех остальных местностях. Общим для этих обеих мер является то, что осужденные к ним принудительно удаляются из определенной местности.)

Ссылка является целесообразной мерой наказания в тех случаях, когда общественная опасность обвиняемого не требует обязательной его изоляции и может быть устранена при помощи принудительного поселения его в другой местности.

В СССР ссылка начинает применяться сравнительно поздно. УК РСФСР 1922 г. не знает ссылки.)

«Основные начала» ввели в число мер наказания «удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового, с запрещением проживания в тех или иных местностях или без такового запрещения», т. е. ссылку и высылку (п. «ж» ст. 13).

Формулировка п. «ж» ст. 13 «Основных начал» была без каких-либо изменений воспроизведена в п. «ж» ст. 20 УК РСФСР 1926 г. Срок ссылки был установлен не свыше пяти лет. Применение ссылки допускалось в отношении тех совершивших преступление лиц, оставление которых в данной местности признается судом общественно-опасным, если они были привлечены к ответственности за одно из преступлений, указанных в законе.

Ограниченная область применения ссылки по УК РСФСР 1926 г. и неразрешенность многих вопросов, связанных с организацией ссылки, явились причиной слабого применения этой меры наказания судами.

С целью урегулировать в законодательном порядке вопросы, связанные с назначением и осуществлением ссылки, в РСФСР был издан закон 10 января 1930 г. «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам» (СУ РСФСР 1930 г. № 5). Закон этот

различает два вида ссылки — ссылку в определенную местность (простую ссылку) и ссылку в определенную местность в соединении с исправительно-трудовыми работами.

Простая ссылка отличается от ссылки с исправительно-трудовыми работами тем, что при первой наказание ограничивается принудительным поселением осужденного в определенной местности, а при второй к этому присоединяется обязанность осужденного работать не по собственному выбору, а по указанию органов, осуществляющих ссылку, на условиях, установленных законом для этой категории осужденных.

Простая ссылка назначается на срок от одного года до пяти лет, а ссылка, соединенная с исправительно-трудовыми работами, — на срок от трех до десяти лет за преступления, перечисленные в ст. 36 УК РСФСР.

По закону 10 января 1930 г. простая ссылка может применяться или в качестве основной меры наказания, или в качестве дополнительной к лишению свободы. В качестве основной меры наказания этот вид ссылки применяется в случаях, когда суд признает, что общественная опасность осужденного может быть устранена его поселением в определенной местности под постоянным надзором без применения лишения свободы. В качестве дополнительной меры наказания этот вид ссылки применяется в случаях, когда повышенная общественная опасность осужденного требует определенного надзора за ним даже после отбытия им назначенного по приговору суда лишения свободы.

Осужденный, отбывающий простую ссылку, может избирать себе любое занятие и ограничивается в правах лишь постольку, поскольку это указано в приговоре (поражение прав, запрещение заниматься определенной деятельностью и пр.).

Ссылка, соединенная с исправительно-трудовыми работами, может назначаться только в качестве основной меры. Она применяется к тем же лицам и по тем же основаниям, что и простая ссылка, в случаях, когда суд признает целесообразным (помимо поселения подсудимого в другой местности подвергнуть его дополнительно исправительно-трудовому воздействию.

В 1933 г. применение простой ссылки было прекращено. 1)

Побег с места ссылки или с пути следования к месту ссылки влечет за собой замену ссылки лишением свободы на тот же срок (ст. 82 УК РСФСР).

§ 73. Высылка

Высылкой называется удаление осужденного из пределов данной местности.

Высылка является целесообразной мерой наказания в тех случаях, когда общественно-опасная деятельность лица связана с пребыванием его именно в данной местности и когда эта опасность может быть предотвращена одним удалением его из этой местности.

Высылка впервые упоминается в Инструкции революционным трибуналам 1917 г., где уже говорится об «удалении из столиц, отдельных местностей или пределов России». Высылка предусматривается здесь в двух формах — высылка из данной местности и высылка за границу.

29 августа 1921 г. была введена административная высылка за границу иностранцев, «образ жизни, деятельность и поведение коих будут признаны не совместимыми с принципами и укладом жизни Рабоче-крестьянского государства» (СУ РСФСР 1921 г. № 62).

Упоминается высылка и в УК РСФСР 1922 г. Она называется здесь «удалением из определенной местности (п. «г» ст. 46). Применялась эта мера к лицам, признанным судом социально-опасными по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности. Назначалась она на срок до трех лет (ст. 49).

«Основные начала» ввели высылку из пределов союзной республики или из отдаленных местностей лиц, признанных опасными по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности. Согласно «Основным началам» (ст. 22), высылка может применяться судом по предложению органов прокуратуры как независимо от привлечения к судебной ответственности за совершение определенного преступления, так и в случаях, когда указанные лица были привлечены по обвинению в совершении определенного преступления и были судом оправданы, но признаны социально-опасными. Установление порядка высылки «Основные начала» предоставили законодательствам союзных республик.

УК РСФСР 1926 г. предусматривает в числе наказаний удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности без обязательного поселения в других местностях, с запрещением проживать в других местностях или без такого запрещения. Срок высылки во всех случаях — от одного года до пяти лет (ч. 2 ст. 35).

Постановление ВЦИК 10 января 1930 г. регулирует «высылку из места, где данное лицо проживает, с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого»; т. е. высылку в двух формах: а) запрещение проживать в месте жительства осужденного без всяких ограничений в выборе нового места жительства и б) запрещение проживать в месте жительства осужденного с известными ограничениями в выборе нового места жительства в форме запрещения селиться в определенных местностях.

Высылка по закону 10 января 1930 г. может назначаться в качестве основной и дополнительной меры наказания, в обоих случаях на срок от одного года до пяти лет.

Высылка должна применяться судами в тех случаях, когда пребывание осужденного в среде, где он проживал, является общественно-опасным, т. е. может содействовать повторению им преступления.

Высылка с запрещением проживать в других местностях должна применяться в тех случаях, когда пребывание осужденного в определенных пунктах, например в крупных городах, может благоприятствовать совершению осужденным новых преступлений.

Высылка из пределов РСФСР или из пределов данной местности в обеих ее формах не может применяться к не достигшим 16 лет (ст. 35 УК РСФСР).

«Основные начала» предусматривают в числе мер наказания и «удаление из пределов Союза ССР на срок» (ст. 13), т. е. высылку из СССР. Уголовные кодексы союзных республик включили эту меру в перечень мер наказания, но на практике она почти не применяется.

Самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания, наказывается заменой высылки лишением свободы или ссылкой на тот же срок, причем ссылкой высылка может быть заменена лишь в том случае, если высылка назначена на срок не ниже трех лет (ст. 82 УК РСФСР 1926 г.).

§ 74. Исправительно-трудовые работы 181.3

I. Советское уголовное право принципиально отличается от уголовного права иностранных государств широким применением наказаний, не связанных с лишением свободы. Суды за менее важные преступления применяют вместо лишения свободы другие меры, главным образом исправительно-трудовые работы без лишения свободы¹.

Указания на исправительно-трудовые работы встречаются уже в первых актах по уголовному праву: в Инструкции революционным трибуналам 19 декабря 1917 г., в декрете «О суде» 20 июня 1918 г., во «Временной инструкции о лишении свободы» 20 августа 1918 г. и др.

УК 1922 г. разделил исправительно-трудовые работы на работы по специальности и работы неквалифицированного физического труда. Вопрос о форме исправительно-трудовых работ должен был решаться судом. Срок работ — от семи дней до одного года.

II. «Основные начала» сохранили эту меру, указав в ст. 19, что принудительные работы без лишения свободы назначаются на срок не свыше года. «Основные начала» предоставили союзным республикам определять характер и организацию принудительных работ, а равно и порядок замены принудительных работ лишением свободы.

Исправительно-трудовые работы отбываются или по месту постоянной работы, или на работах, организуемых исправительно-трудовыми органами, исправительно-трудовые работы на общих основаниях, (ИТК РСФСР, ст. 9).

¹ До 1933 г. эта мера носила название «принудительные работы». В Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 г. она получила название «исправительно-трудовые работы». Это название с 1935 г. стало применяться в законодательстве СССР. В отдельных актах союзного законодательства сохраняется старое название — «принудительные работы».

Ввиду неправильностей, наблюдавшихся при вынесении судами рабочим, служащим и колхозникам в качестве основной меры наказания исправительно-трудовых работ без лишения свободы, ввиду явной недооценки воспитательного значения этой меры как судами, так и органами и учреждениями, приводящими эти приговоры в исполнение, Пленум Верховного суда СССР дал 23 ноября 1933 г. следующее разъяснение:

1) Согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 27 марта 1933 г. исправительно-трудовые работы рабочими, служащими и колхозниками отбываются, как правило, по месту работы или службы. Если суд, назначая осужденному в качестве меры социальной защиты исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев, считает необходимым в виде исключения из общего правила отбытие осужденным этих работ не по месту службы или работы, он обязан сделать об этом мотивированное указание в приговоре:

Вместе с тем суд, вынося приговор к исправительно-трудовым работам на срок до шести месяцев по месту работы или службы, может вынести добавочное определение о перемещении осужденного на менее ответственную работу или должность.

Если суд назначает осужденному исправительно-трудовые работы на срок свыше шести месяцев и считает при этом, чтобы эти работы отбывались не по месту работы или службы, он обязан сделать об этом специальное указание в приговоре. При отсутствии такого указания суда работы отбываются по месту работы или службы, причем и в этом случае суд может вынести добавочное определение о перемещении осужденного в интересах дела на менее ответственную работу или службу.

Приговор к исправительно-трудовым работам по месту работы или службы независимо от срока таковых ни в какой мере не стесняет администрацию предприятия или учреждения, в котором работает осужденный, в части перемещения его на другую работу или его увольнения в соответствии с осуществляющим трудовым законодательством.

2) Если исправительно-трудовые работы назначаются лицу, занимающему выборную должность, суд сообщает копию своего приговора организации или коллективу, производившему выборы. От этих последних зависит оставить осужденного на выборной должности или отозвать.

3) При назначении исправительно-трудовых работ ответственным руководящим работникам суд может дополнительно обсудить вопрос о возможности или невозможности оставления работника на занимаемой им должности и в соответствии со ст.ст. 23 и 37 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик присоединить снятие с работы на определенный срок в качестве дополнительной меры к основной мере (наказания).

В случае вынесения такой дополнительной меры суд во всяком случае обязан сообщить копию своего приговора соответствующим учреждениям и органам, от которых зависит снятие ответственного работника с работы или оставление на ней.

Неправильным было бы применение исправительно-трудовых работ по месту службы к лицам, признанным виновными в совершении растрат и хищений, независимо от суммы произведенной растраты или хищения (постановление Президиума Верховного суда РСФСР 13 июня 1934 г.). Исправительно-трудовые работы не должны применяться к нетрудоспособным и к лицам, не имеющим постоянного местожительства (постановление Президиума Верховного суда РСФСР 3 мая 1932 г.). Нецелесообразно также применение исправительно-трудовых работ к лицам, не имеющим определенных занятий, и к преступникам-рецидивистам (циркуляр НКЮ РСФСР, 1933 г. № 44).

Исправительно-трудовые работы по месту найма в отношении временных или сезонных рабочих могут быть назначены судом лишь при условии, если срок исправительно-трудовых работ не превышает времени пребывания осужденного на сезонной или временной работе, остающегося к моменту исполнения приговора (постановление Президиума Верховного суда РСФСР 3 октября 1934 г.).

III. Исправительно-трудовые работы назначаются судом на срок от одного дня до одного года (ст. 30 УК РСФСР 1926 г.). В административном порядке эта мера может назначаться на срок до одного месяца. Постановление СНК СССР 29 июня 1937 г. «О мерах по улучшению семян зерновых культур» (СЗ СССР 1937 г. № 40) установило, что за использование семян зерновых культур на иные нужды, кроме посевных, возможно применение принудительных работ на срок до двух лет, а за смешение сортового зерна с несортным — до трех лет.

Из заработной платы лиц, выполняющих исправительно-трудовые работы по месту постоянной своей работы, производится удержание в размере, установленном приговором суда, но не свыше 25%.

Из заработка колхозников, выполняющих исправительно-трудовые работы в колхозах, членами которых они состоят, удержания производятся в размере, установленном приговором суда, но не свыше 25% их доходов, оцениваемых в трудовых (ст. 20 ИТК РСФСР).

Пленум Верховного суда СССР 8 июня 1942 г. указал, что при осуждении к исправительно-трудовым работам удержание из заработной платы является составной частью наказания. Поэтому размер этих удержаний в пределах, установленных законом, то-есть до 25%, так же как и срок наказания, должен устанавливаться приговором суда как по исправительно-трудовым работам по месту работы, так и по исправительно-трудовым работам на общих основаниях.

Отбывание исправительно-трудовых работ не по месту службы регулируется Исправительно-трудовым кодексом.

Беременные и кормящие грудью женщины не могут направляться на исправительно-трудовые работы вне места их жительства. Они вовсе не могут привлекаться к работам до родов и по-

сле родов в сроки, указанные Кодексом законов о труде РСФСР, и пользуются всеми льготами, установленными этим кодексом для беременных и кормящих женщин (ст. 18 ИТК РСФСР).

Лица, отбывающие исправительно-трудовые работы на работах, организуемых исправительно-трудовыми органами, приравниваются в отношении вознаграждения, а также в отношении питания и довольствия (в тех случаях, когда питание и довольствие им предоставляются) к лицам, содержащимся в местах лишения свободы (ст. 21 ИТК РСФСР).

Лица, обязанные выполнять исправительно-трудовые работы не по месту своей постоянной работы, при потере ими трудоспособности свыше 50% не принимаются на учет; в этом случае, а также в случае потери трудоспособности свыше 50% во время отбывания исправительно-трудовых работ орган, осуществляющий исправительно-трудовые работы, ставит перед органами, назначившими эти работы (суд или административный орган), вопрос о замене их иной мерой (ст. 14 ИТК РСФСР).

В постановлении от 3 июля 1940 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что нельзя направлять для отбывания исправительно-трудовых работ в открытые исправительно-трудовые колонии, поскольку эти колонии являются одним из видов мест лишения свободы.

IV. Неприменение исправительно-трудовых работ к военнослужащим. Согласно ст. 191 «Основных начал», к военнослужащим высшего, среднего, старшего и младшего сверхсрочной службы кадрового начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а также к военнослужащим кадрового рядового и младшего начальствующего срочной службы состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии исправительно-трудовые работы без лишения свободы не применяются. Вместо исправительно-трудовых работ к этим лицам применяется арест на срок до двух месяцев, отбываемый в порядке, установленном для отбывания военнослужащими дисциплинарного ареста.

Лица, осужденные к исправительно-трудовым работам по месту работы или на общих основаниях, при призыве их в ряды Красной Армии или Военно-Морского Флота, освобождаются со дня призыва от дальнейшего отбывания наказания (постановления Пленума Верховного суда СССР от 31 октября 1940 г. и 12 июня 1941 г.).

V. Замена исправительно-трудовых работ другими наказаниями. В случае злостного уклонения лиц, осужденных к исправительно-трудовым работам на общих основаниях, от отбывания этих работ суды могут в отношении этих лиц заменять исправительно-трудовые работы лишением свободы на срок не свыше срока исправительно-трудовых работ (постановление Пленума Верховного суда СССР 23 сентября 1939 г.).

По вопросу о значении прогула без уважительных причин при отбывании исправительно-трудовых работ Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 7 июля 1941 г. указал, что в тех слу-

чаях, когда осужденный за прогул без уважительных причин к исправительно-трудовым работам по месту работы совершит во время отбывания наказания повторный прогул без уважительных причин, такие действия осужденного следует рассматривать как самостоятельное преступление и определять меру наказания в соответствии с ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. (прогул без уважительных причин) по принципу сложения наказаний. Если после этого осужденный во время отбывания наказания снова совершит прогул без уважительных причин, то такие действия, носящие, по существу, характер злостного уклонения от работы следует рассматривать как самовольный уход с работы и квалифицировать в соответствии с ч. 1 ст. 5 Указа 26 июня 1940 г.

Согласно директивному письму Верховного суда СССР от 31 августа 1936 г., при осуждении учащихся к исправительно-трудовым работам на общих основаниях, когда по характеру совершенного преступления представляется возможным оставить осужденного в этом же учебном заведении, суды обязаны заменять исправительно-трудовые работы другими наказаниями, не связанными с отрывом от учебы (условное осуждение, общественное порицание).

Согласно приказу Прокурора СССР, НКЮ СССР и НКВД СССР от 13 марта 1941 г., осужденный к исправительно-трудовым работам по месту работы, уволенный до окончания срока наказания и не поступивший в течение 15 дней на новую работу, привлекается на неотбытый срок к исправительно-трудовым работам на общих основаниях, с удержанием из заработной платы в размере, установленном приговором суда.

VI. Последствия отбывания приговора к исправительно-трудовым работам. Время отбывания исправительно-трудовых работ, даже если осужденный отбывал их по месту постоянной работы, не засчитывается в общий трудовой стаж и стаж для определения квалификации, а также в стаж работы, дающий право по законодательству СССР и РСФСР на получение пенсий и других льгот и преимуществ (надбавок к ставкам заработной платы за выслугу лет, дополнительного отпуска и т. д.). Выплата надбавок к ставкам заработной платы за выслугу лет на время отбывания исправительно-трудовых работ приостанавливается (постановление ЦИК и СНК СССР 28 мая 1935 г. — СЗ СССР 1935 г. № 30, ст. 135; ст. 30 УК РСФСР 1926 г. в ред. 20 августа 1935 г.). Лица, осужденные к исправительно-трудовым работам за прогул, теряют свой непрерывный стаж работы на данном предприятии или в учреждении и лишаются права на обеспечение пособиями по временной нетрудоспособности в течение шести месяцев со дня вынесения приговора (постановление ВЦСПС, утвержденное СНК СССР 17 сентября 1940 г.).

Время отбывания исправительно-трудовых работ по месту постоянной работы не засчитывается в срок, дающий право на очередной отпуск, и очередные отпуска в период отбывания исправительно-трудовых работ не предоставляются (разъяснение Верховного суда РСФСР 26 февраля 1931 г.).

I. Поражение прав заключается в лишении осужденного права пользоваться в течение определенного срока теми или иными перечисленными в законе правами.

Поражение прав было известно советскому законодательству еще с первых лет революции. Так, декрет ВЦИК, опубликованный 26(13) апреля 1918 г., говорил о «лишении прав гражданина Советской республики».

Действующая редакция ст. 20 «Основных начал» (13 февраля 1930 г.) устанавливает, что поражение прав заключается в лишении: а) активного и пассивного избирательного права, б) права занимать выборные должности в общественных организациях, в) права занимать те или иные государственные должности, г) права носить почетные звания, д) родительских прав и е) права на пенсии, выдаваемые в порядке социального страхования и государственного обеспечения.

Поражение прав может назначаться как в отношении всех перечисленных выше прав полностью, так и в отношении отдельных прав.

Поражение прав может назначаться в качестве как дополнительной, так и самостоятельной меры наказания. УК РСФСР и уголовные кодексы других союзных республик не предусматривают ни в одной из статей Особой части поражения прав как основной меры наказания. Не встречаются подобные приговоры и в судебной практике. В качестве дополнительной меры наказания поражение прав может применяться не во всех случаях. В силу ст. 34 УК РСФСР суд обязан войти в обсуждение вопроса о поражении прав осужденного всякий раз, когда приговаривает его к лишению свободы на срок свыше года. Отсюда следует сделать вывод, что при осуждении к более мягкой мере наказания поражение прав не может применяться. Согласно прямому указанию ч. 3 ст. 34 УК РСФСР, поражение прав не может соединяться в качестве дополнительной меры с условным осуждением и общественным порицанием. Если поражение прав присоединяется в качестве дополнительной меры наказания к лишению свободы, то оно распространяется на все время отбывания заключения и сверх того на срок, указанный судом.

II. Особенно важное значение приобрел вопрос о поражении прав после издания Сталинской Конституции. Сталинская Конституция придала избирательным правам столь высокое и почетное значение, что лишение этих прав является для гражданина СССР величайшей потерей. Вместе с тем высокое значение избирательных прав в СССР не допускает, чтобы эти права использовались лицами, недостойными этого. Сталинская Конституция установила поэтому, что права участия в выборах в советы лишаются лица, осужденные судом с лишением избирательных прав.

Положение о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА от 22 сентября 1935 г. предусматривает лишение военного звания. Хотя этот вид правомораже-

ний и не включен в список правопроражений в «Основных началах», он должен тем не менее рассматриваться как специальное правопроражение, которое суд может присоединить в качестве дополнительного наказания при осуждении лиц начальствующего состава за воинские или общеуголовные преступления, лишить, например, виновного звания майора юстиции и т. п. Поражение избирательных прав, права занимать выборные должности в общественных организациях и права занимать те или иные государственные должности влечет за собой лишение знаков отличия в виде орденов и медалей («Основные начала», ст. 21, УК РСФСР, ст. 33). Согласно Конституции Союза ССР, награждение орденами (медалями) отнесено к компетенции Президиума Верховного Совета СССР. Поэтому суд обязан по вступлении приговора в законную силу входить в Президиум Верховного Совета СССР с представлением о лишении осужденного орденов и медалей.

Поскольку почетные звания присваиваются Президиумом Верховного Совета СССР или Президиумами Верховных Советов союзных республик, суды должны, хотя закон об этом умалчивает, входить точно так же с представлением о лишении почетных званий в Президиум соответствующего Верховного Совета. О лишении военного звания суд входит, в зависимости от звания, с соответствующим представлением в Народный Комиссариат Обороны или в СНК СССР.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. установил, что за продажу или передачу в виде подарка орденов, медалей или нагрудных знаков виновный, помимо тюремного заключения сроком от одного года до трех лет, подлежит лишению награды. 1-3.

Лица, отбывающие наказание в местах заключения, хотя бы и без поражения в правах, а также лица, находящиеся под следствием и содержащиеся под стражей, не включаются, согласно постановлению ЦИК СССР 16 октября 1937 г., в избирательные списки.

Поражение права занимать выборные общественные должности заключается в лишении осужденного права занимать выборные должности в профсоюзных, кооперативных и других общественных организациях.

Советскому уголовному праву неизвестно правопроражение в виде лишения права занимать вообще какие-либо государственные должности. Мера наказания, предусмотренная в п. «в» ст. 20 «Основных начал» (п. «в» ст. 31 УК РСФСР), — поражение права занимать те или иные государственные должности — может заключаться в лишении права занимать ответственные должности, связанные, например, с хранением или распоряжением материальными ценностями и т. п.

Лишение права носить почетные звания состоит в лишении таких званий, как народный артист, заслуженный деятель науки, заслуженный учитель и т. п.

Лишение родительских прав может назначаться лишь при установлении судом злоупотребления этими правами со стороны осужденного, а лишение права на пенсии и пособия — только за пре-

ступления, особо указанные законодательством СССР и союзных республик.

Категории преступлений, по которым суд может лишить осужденных права на пенсии и пособия, предусмотрены в постановлениях СНК СССР 31 мая 1930 г. (СЗ СССР 1931 г. № 11), ЦИК и СНК СССР 2 сентября 1930 г. (СЗ СССР 1930 г. № 81) и ЦИК и СНК СССР 21 февраля 1931 г. Это государственные преступления, некоторые воинские преступления, совершенные в мирное время, и все воинские преступления, совершенные в военное время, корыстные преступления при осуждении к лишению свободы. Лишение права на пенсию назначается в качестве дополнительного наказания и при полной конфискации имущества (ч. 4 ст. 32 УК РСФСР). О лишении отдельных прав уголовные кодексы союзных республик говорят и в санкциях статей Особенной части. Так, например, в ст. 87 УК РСФСР говорится о лишении права на надел.

III. Советское уголовное право не устанавливает минимума срока поражения в правах. Судебная практика обычно назначает от двух лет. В качестве максимума срок установлен в пять лет («Основные начала», ст. 20. УК РСФСР, ст. 32). Лишение земельного надела по ст. 87-а УК РСФСР назначается на срок до шести лет.

Согласно закону («Основные начала», ст. 20, УК РСФСР, ст. 32), при назначении поражения прав в качестве дополнительной меры наказания к лишению свободы поражение прав распространяется на все время отбывтия заключения и сверх того (на срок, определенный судом). При досрочном освобождении в силу амнистии, помилования срок поражения в правах исчисляется со дня освобождения от лишения свободы. Все эти положения по аналогии должны быть применены и к такой мере наказания, как ссылка.

7 января 1943 г. Пленум Верховного суда СССР принял важное постановление о порядке досрочного снятия поражения в правах в отношении лиц, отбывших основную меру наказания и подлежащих по своему возрасту призыву или мобилизации.

Учитывая, что в условиях военного времени было бы нецелесообразно лишать возможности выполнить свой воинский долг тех из указанных лиц, которые отбыли наказание за преступления, не представляющие исключительной общественной опасности, тем более что, как правило, эти лица сами выражают желание пойти на фронт и тем загладить свою вину перед родиной, — Пленум Верховного суда СССР, руководствуясь ст. 8 УК РСФСР и соответствующими статьями УК и УПК других союзных республик, указал, что суды вправе вынести (в порядке ст. 461 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик) определение о досрочном снятии поражения в правах с лиц, отбывших наказание и подлежащих по своему возрасту призыву или мобилизации в Красную Армию или Военно-Морской Флот. Такое определение может быть внесено как по представлению военкомата, так и по заявлению самого осужденного с заключением

военкомата, а равно по представлению администрации места заключения с заключением военкомата.

Постановление 7 января 1943 г. не распространяется на лиц, отбывших наказание за контрреволюционные преступления (кроме недоносительства) и бандитизм.

§ 76. Увольнение от должности, запрещение занятия должности или занятия деятельностью или промыслом

«Основные начала» предусматривают в числе мер наказания увольнение от должности, а также запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом (пп. «з» и «и» ст. 13). Эти наказания применяются на срок до пяти лет. Уголовные кодексы союзных республик восприняли обе эти меры, но внесли в них некоторые изменения, а именно — ввели увольнение от должности, которое может сопровождаться запрещением занятия той или иной должности на срок не свыше 5 лет.

Увольнение от должности назначается в случаях, когда по характеру совершенного преступления является нецелесообразным оставление осужденного на прежней должности или допущение его к исполнению аналогичной работы.

Запрещение занятия той или иной деятельностью или промыслом применяется в случаях, когда суд признает невозможным вследствие установленных злоупотреблений осужденного при занятии своей профессией или промыслом допустить дальнейшее его занятие таковыми.

Эта мера наказания является, по существу, правопоражением, хотя и не включенным в ст. 31 УК РСФСР. Это правопоражение сходно с поражением права занимать те или иные государственные должности, и судебная практика не проводит между ними резкого различия. В директивном письме от 23 июля 1936 г. Верховный суд СССР предложил всем судебным органам при вынесении приговора лицам, осужденным за расправы, хищения и другие корыстные преступления, специально ставить на свое обсуждение вопрос о наличии основания для ограничения поступления осужденного на работу, связанную с материальной ответственностью, при наличии такого основания указывать в приговоре, на какую работу воспрещается поступать осужденному, и срок этого воспрещения, который не должен превышать пяти лет.

Указанные меры наказания могут применяться как в качестве самостоятельного, так и в качестве дополнительного наказания. В отдельных случаях кодекс предусматривает эти меры в санкциях статей Особенной части, например, ч. 2 ст. ст. 112, 113, 120, 121 УК РСФСР.

§ 77. Конфискация имущества

«Основные начала» (ст. 25) и уголовные кодексы союзных республик определяют конфискацию имущества как принудительное и безвозмездное отчуждение

в пользу государства всего или точно определенного судом имущества осужденного, являющегося его личной собственностью или долей в общей собственности.

Конфискация в качестве дополнительной меры наказания может назначаться лишь в случаях, специально в УК указанных (УК РСФСР, ст. 23).

Конфискация бывает двух родов — всего или части имущества. УК РСФСР в ст. 40 говорит о конфискации «точно определенного судом имущества». Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 27 мая 1927 г. указал, что по точному смыслу ст. 25 «Основных начал» при вынесении судом приговора не требуется точного установления состава конфискуемого имущества или размера его денежной стоимости, а необходимо лишь указание о конфискации «всего или точно определенной части имущества, например — одной трети».

В силу противоречия по этому вопросу ст. 40 УК РСФСР со ст. 25 «Основных начал» суды должны на основании ст. 20 Конституции СССР руководствоваться ст. 25 «Основных начал».

При проведении конфискации по делам о преступлениях, наказуемых по закону 7 августа 1932 г., необходимо конфисковать имущество, как непосредственно похищенное осужденным, так и приобретенное за счет похищенного (постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 февраля 1933 г.). В конфискуемое по этим делам имущество следует включать и доходы по трудодням, за исключением имущества, не подлежащего конфискации (постановление Пленума Верховного суда СССР от 25 декабря 1934 г.).

Конфискации подлежит только имущество, принадлежащее лично осужденному. Закон («Основные начала», ст. 25¹, УК РСФСР, ст. 40) указывает, какое имущество не подлежит конфискации.

«Основные начала» (ст. 26) устанавливают, что при конфискации имущества государство не отвечает по обременяющим имущество долгам и обязательствам, если таковые возникли после принятия следственными или судебными органами мер по охране имущества и при этом без согласия органа, принявшего меры охраны этого имущества. Что же касается претензий, подлежащих удовлетворению, то государство отвечает за них лишь в пределах актива, т. е. конфискованного имущества.

В случае отмены приговора о конфискации имущества и прекращения дела конфискованное имущество должно быть возвращено прежнему владельцу в натуре. Если имущество продано с торгов, то приобретателю возвращается та сумма, которую он уплатил за это имущество, а имущество возвращается прежнему владельцу. В отдельных случаях, когда имущество не может быть возвращено в натуре, прежний владелец должен получить действительную стоимость этого имущества по ценам кооператив-

ной или государственной торговли (постановление Пленума Верховного суда РСФСР 16 июля 1930 г.).

Наше законодательство предусматривает так называемую специальную конфискацию, а именно конфискацию орудий преступления (ст. 223 УПК РСФСР). Специальной конфискацией является также предусмотренная уголовными кодексами конфискация предметов преступления, например огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или снарядов и т. п.

§ 78. Штраф *НК. 3*

Штраф есть денежное взыскание, налагаемое на осужденного.

Штраф ни в коем случае не может заменяться лишением свободы. «Основные начала» (ст. 27) содержат категорическое указание, что «замена штрафа лишением свободы и лишения свободы штрафом не допускается». Это положение характерно для социалистического закона, так как допущение замены штрафа лишением свободы и наоборот, естественно, создавало бы возможность освобождаться от лишения свободы людям состоятельным и влекло бы лишение свободы во всех случаях для не имеющих возможности заплатить штраф. Это правило воспринято уголовными кодексами всех союзных республик.

Штраф в случае его невнесения может быть заменен лишь исправительно-трудовыми работами. Порядок замены устанавливается законодательством союзных республик.

Суд, вынесший приговор, имеет право отсрочить или рассрочить на срок до шести месяцев уплату штрафа в тех случаях, когда немедленная его уплата является непосильной для осужденного (ст. 460 УПК РСФСР).

«Основные начала» установили также, что штраф налагается в соответствии с имущественным положением осужденного.

Штраф назначается либо в определенной сумме, либо в зависимости от стоимости какого-либо имущества, например десятикратная стоимость незаконно добытого, поврежденного либо истребленного леса (ч. 2 ст. 85 УК РСФСР) или пятикратный размер договоренной платы при продаже и покупке жилой площади (ст. 98 УК РСФСР). Штраф может быть назначен в качестве как основной, так и дополнительной меры наказания.

В тех случаях, когда санкция какой-либо статьи предусматривает штраф не свыше определенной суммы, штраф в виде дополнительной меры наказания применяться не может (постановление Пленума Верховного суда РСФСР 28 марта 1930 г.). Размер штрафа как дополнительной меры наказания законом не ограничен. Размер его определяется по усмотрению суда, с соблюдением, однако, и в этом случае соответствия штрафа имущественному положению осужденного.

§ 79. Возложение обязанности загладить причиненный вред

Возложение обязанности загладить причиненный вред заключается в том, что именно сам осужденный обязывается устранить последствия совершенного им правонарушения или причиненного им потерпевшему вреда.

От удовлетворения гражданского иска возложение обязанности загладить вред отличается тем, что первое — это чисто гражданско-правовое мероприятие, хотя иногда и связанное с совершением преступного действия, но не преследующее ни одной из задач, которые ставятся перед уголовным наказанием, между тем как возложение обязанности загладить вред — это наказание, заключающее в себе все элементы последнего и являющееся мерой принудительного воспитания. Не допускается заглаживание вреда в форме уплаты денег за бесчестье, нанесенную обиду, оскорбление и т. д. Высокое значение, которое Сталинская Конституция придает охране личности гражданина СССР, не совместимо, конечно, с оценкой в деньгах морального ущерба от нарушения достоинства и чести советского гражданина.

В советском законодательстве возложение обязанности возмещения вреда содержится уже в УК РСФСР 1922 г., но этой меры наказания не знают «Основные начала». По предоставленному «Основными началами» союзным республикам праву устанавливать и иные меры наказания, кроме предусмотренных в ст. 13 «Основных начал», возложение обязанности загладить вред установлено уголовными кодексами РСФСР, Грузинской, Азербайджанской и Таджикской союзных республик.

Обязанность загладить вред может назначаться в качестве как основной, так и дополнительной меры наказания. В качестве основной меры наказания обязанность загладить вред предусматривается в ч. 2 ст. 112 УК РСФСР, а в качестве дополнительной меры — в ст. 163 УК РСФСР. Это не исключает, конечно, применения этой меры в качестве и основной и дополнительной и в других случаях, причем в качестве основной она может назначаться лишь в порядке ст. 51 УК РСФСР.

§ 80. Общественное порицание. Предостережение. Предупреждение

I. Общественное порицание заключается в публичном выражении приговоренному осуждения от имени социалистического суда.

На практике эта мера используется судами недостаточно. Значение ее должно возрастать по мере усиления воспитательного значения наказания. В свете решений XVIII съезда ВКП(б) и указания товарища Сталина в его историческом докладе о том, что основная задача нашего государства заключается теперь в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе,

общественное порицание должно получить большое практическое значение.

Общественное порицание, согласно закону, может быть назначено в качестве как основной, так и дополнительной меры наказания, на практике же, однако, применяется только как мера основная. В двух случаях УК РСФСР предусматривает в Особой части общественное порицание как основное наказание (ст. ст. 140-б и 159). В остальных случаях общественное порицание может быть назначено в качестве основной меры лишь в порядке ст. 51 УК РСФСР.

II. Хотя предостережение и входит в перечень мер наказания, содержащийся в ст. 13 «Основных начал» (УК РСФСР ст. 20), но эта мера не является наказанием, так как она применяется лишь, как это указывается в самом законе, при вынесении оправдательного приговора («Основные начала», ст. 28, УК РСФСР, ст. 43). Вынесение предостережения не создает и судимости.

Судебная практика не всегда правильно понимала природу такой меры как предупреждение. Поэтому Пленум Верховного суда СССР по одному конкретному делу указал (29 января 1942 г.), что предупреждение имеет исключительно предупредительное значение и применяется только в тех случаях, когда обвиняемый признан судом невиновным в предъявленном ему обвинении, но поведение его дает все же основание опасаться совершения им преступления в будущем.

III. Предостережение не следует смешивать с предупреждением, которое является мерой наказания, предусмотренной в ст. 192 УК РСФСР.

ГЛАВА XIX

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ

§ 81. Общие принципы назначения наказания

I. Вынесение приговора является важнейшим моментом в деятельности советского уголовного суда. «Приговор означает решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого» (п. 9 ст. 23 УПК РСФСР).

Признав обвиняемого невиновным, суд выносит оправдательный приговор, который и приводится в исполнение немедленно по его провозглашению. Более сложной становится задача суда, когда он признает обвиняемого виновным.

По-общему правилу (исключения см. гл. XXII), суд должен назначить признанному виновным определенное наказание. Общие принципы, которых должен придерживаться советский суд при назначении наказания, указываются самим законом. Согласно ст. 30 «Основных начал», при назначении наказания должны учитываться «степень и характер опасности преступника и совершенного им преступления, личность преступника, мотивы преступления, а также

«насколько само преступление в данных условиях места и времени является общественно-опасным».

Статья 45 УК РСФСР говорит, что при назначении наказания суд должен руководствоваться: а) указаниями Общей части кодекса, б) пределами, указанными в статье Особенной части за данное преступление, и в) «всем социалистическим правосознанием, исходя из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности совершившего преступление».

Формула УК РСФСР развивает положения «Основных начал». Она подчеркивает прежде всего значение общих положений о виновности и ответственности, установленных советским законодательством, и общих положений о задачах наказания, которые преследуются советским уголовным правом.

Согласно «Основным началам» (ч. I ст. 4), наказание применяется в целях как общего, так и специального предупреждения. Эта же мысль выражена и в Законе о судостроительстве 1938 г., ст. 3 которого подчеркивает, что всей своей деятельностью советский суд должен содействовать воспитанию граждан «в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу и уважения к правилам социалистического общежития».

При назначении наказания необходимо сочетать цель специального предупреждения с задачами общего предупреждения.

II. Суд может назначать только те наказания, которые установлены законом, как это указывается и в Законе о судостроительстве (п. «а» ст. 4) Овязывая определенное наказание с определенным преступлением, закон тем самым оценивает степень общественной опасности данного преступления для советского правопорядка.

Основное наказание должно назначаться в пределах, указанных в санкции за данное наказание, дополнительное наказание — в пределах, установленных для данного наказания Общей частью.

Если за данное преступление предел лишения свободы установлен в восемь лет, то суд не может назначить лишение свободы выше этого срока. Суд не может перейти и к более суровому наказанию, если оно не установлено в санкции статьи, предусматривающей данное преступление, например от лишения свободы к расстрелу или от исправительно-трудовых работ к лишению свободы. При наличии определенных условий закон допускает назначение наказания ниже указанного в санкции минимума или переход к более мягкому наказанию.

И при назначении наказания в пределах санкции суд должен руководствоваться как общими соображениями о задачах наказания в советском уголовном праве, так и тем, чтобы наказание соответствовало вине осужденного. Советское уголовно-процессуальное законодательство среди оснований к отмене приговора в кассацион-

ном порядке указывает и на явную несправедливость приговора (п. 3 ст. 413 УПК РСФСР). Приговор признается явно несправедливым, когда «назначенное наказание хотя и не выходит за законные пределы, но по размеру своему резко не соответствует содеянному» (ст. 417 УПК РСФСР). Это несоответствие следует понимать как в смысле чрезмерной суровости, так и в смысле чрезмерной мягкости. Практика Верховного суда знает случаи отмены приговора по обоим этим основаниям.

Судебная коллегия Верховного суда СССР 6 сентября 1940 г. отменила приговор народного суда, которым кассир Г., проигравший на бегах свыше 5 000 руб. присвоенных им денег, был осужден к одному году лишения свободы на том основании, что он имеет первую судимость, а до того работал честно. Верховный суд указал, что осуждение Г. за растрату показывает уже, что он работал нечестно, а применение наказания в виде одного года лишения свободы является мягким и не обеспечивает суровой борьбы с такого рода преступлениями, как растрата. Стрелочник Ш., поставивший стрелку по направлению занятого пути и доложивший дежурному по станции о готовности маршрута, причем возможное столкновение было предотвращено лишь благодаря бдительности машиниста, был приговорен по ч. 1, ст. 59^а УК РСФСР к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на два года. Пленум Верховного суда СССР в постановлении 9 ноября 1939 г. найдя, что, поскольку действия Ш. не повлекли за собой тяжелых последствий, назначенное ему наказание по своей суровости не соответствует тяжести совершенного преступления, снизил наказание до пяти лет лишения свободы без поражения в правах.

Закон предоставляет советскому суду широкие полномочия в смысле назначения или неназначения дополнительных наказаний. Но по некоторым преступлениям, по которым назначается долгосрочное лишение свободы, по общему правилу, должно присоединяться и поражение прав. Так, по одному делу Пленум Верховного суда СССР (постановление 25 августа 1940 г.) указал, что неприменение к осужденным по закону 7 августа 1932 г. и тем самым признанным врагами народа поражения в правах является недопустимым послаблением.

III. Советское уголовное право знает ряд случаев, когда суд в силу прямого указания закона не может назначить максимума наказания, установленного в санкции. Это — случаи обязательного смягчения наказания. Так, расстрел не может применяться к беременным женщинам (примечание 2 к ст. 13 «Основных начал», ст. 22 УК РСФСР). В случае неприменения давности по контрреволюционному преступлению не может быть назначен расстрел (примечание 2 к ст. 10 «Основных начал», примечание 1 к ст. 14 УК РСФСР), за исключением преступления, предусмотренного ст. 58¹³ Положения о преступлениях государственных (ст. 58¹³ УК РСФСР). Наконец, согласно ч. 4 ст. 18 «Основных начал» (ст. 29 УК РСФСР), время предварительного лишения свободы, а также время, проведенное в заключении с момента объявления приговора до вступления его в законную силу, обязательно засчитывается в срок лишения свободы, определенный судом, а также в срок исправительно-трудовых работ из расчета трех дней исправительно-трудовых работ за один день лишения свободы (УК РСФСР, ст. 30).

N 13 2

§ 82. Назначение наказания при наличии смягчающих или отягчающих вину обстоятельств

I. УК РСФСР 1922 г. предоставлял суду право понижать наказание ниже минимума, указанного в статье, предусматривающей данное преступление, и даже переходить к другому, менее тяжелому по роду наказанию. Так, если в санкции указано лишение свободы не ниже двух лет (УК РСФСР, ст. 110, ч. 2), то суд РСФСР может снизить на основании ст. 51 лишение свободы до одного года. Суд может в этом же случае перейти вообще от лишения свободы к исправительно-трудовым работам. Условием такого снижения закон ставил «наличие исключительных обстоятельств дела» (ст. 28). Такое же условие сохранил и УК РСФСР 1926 г. (ст. 51). «Основные начала» отказались от требования исключительности обстоятельств дела (ст. 34). Такого же положения придерживается и большинство уголовных кодексов союзных республик.

«Основные начала» требуют, чтобы в указанных случаях переход к более мягкому наказанию сопровождался приведением в приговоре мотивов снижения. Это требование «Основных начал» воспроизведено в уголовных кодексах союзных республик.

Положение о преступлениях государственных 1927 г. в ряде статей указывает, что при смягчающих обстоятельствах наказание понижается до определенного предела. Так, например, ст. 2 Положения (ст. 58² УК РСФСР) указывает, что при смягчающих обстоятельствах наказание понижается до лишения свободы на срок не ниже трех лет. Такого же типа санкцию содержит закон 7 августа 1932 г. в первых двух частях. Поскольку в этих случаях пределы смягчения указываются самим законом, суд не может выйти из них. Вместе с тем, смягчая наказание, суд не должен исходить из ст. 51 УК (постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 января 1942 г.).

II. «Основные начала» содержат в ст.ст. 31 и 32 примерный перечень обстоятельств, увеличивающих и смягчающих вину:

Согласно ст. 31 «Основных начал», суд при назначении наказания применяет более строгую меру наказания: а) если преступление совершено в целях восстановления власти буржуазии; б) если преступление хотя и не направлено непосредственно против интересов Советского государства или интересов трудящихся, но по своим объективным результатам может принести ущерб этим интересам; в) если преступление совершено группой или бандой; г) если преступление совершено лицом, уже ранее судившимся, кроме случаев, когда данное лицо признается несудившимся (ст. 10¹ «Основных начал») или когда с момента совершения первого преступления либо вынесения по нему приговора истекли давностные сроки (ст. 10 «Основных начал»). При этом, однако, суд вправе, в зависимости от характера первого преступления, не признавать за ним отягчающего обстоятельства; д) если преступление совершено из корыстных или иных низменных побуждений, или в отношении лиц, подчиненных совершившему преступление, или находившихся на его попечении либо в особо беспомощном по возрасту или иным условиям состоянии; е) если преступление совершено с особой жестокостью, насилием или хитростью.

Согласно ст. 32 «Основных начал», суд применяет более мягкую меру наказания, если преступление было совершено: а) хотя с превышением мер необходимой обороны, но для защиты от посягательств на советскую власть, революционный правопорядок или личность и права обороняющегося либо другого лица; б) (пункт отменен); в) в первый раз; г) по мотивам

вам, лишением корысти и каких бы то ни было низменных побуждений; д) под влиянием угроз, принуждения, служебной или экономической зависимости; е) под влиянием сильного душевного волнения; ж) в состоянии голода, нужды и вообще под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий; з) по невежеству, неосознанности или случайному стечению обстоятельств; и) лицом, не достигшим совершеннолетия, или же женщиной в состоянии беременности.

Эти статьи с незначительными изменениями, большей частью чисто редакционного характера, воспроизводятся уголовными кодексами всех союзных республик (ст. ст. 47 и 48 УК РСФСР). Следует признать, что этот перечень не дает суду всех нужных указаний для определения наказания. Так, совершение преступления в целях восстановления власти буржуазии является не обстоятельством, только отягчающим вину, а свидетельствует о том, что мы имеем перед собой контрреволюционное преступление. К обстоятельствам, отягчающим вину, закон относит возможность нанесения совершением преступления ущерба интересам государства или трудящихся. В практике Верховного суда СССР по железнодорожным делам проводится линия на снижение наказания, если от действия виновного не последовало вредных последствий, в особенности если они не последовали благодаря мерам, принятым самими виновным.

Линейный суд железной дороги имени Кагановича приговорил Р. по ч. 1 ст. 59 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы за то, что он, будучи дежурным по станции, дал разрешение на прием поезда, не проверив правильности стрелок. Суд не принял во внимание при определении наказания, что Р. во-время вспомнил, что на пути стоит вагон, побежал навстречу поезду, стал подавать сигналы и тем предотвратил крушение. Пленум Верховного суда СССР постановлением 29 января 1940 г. изменил приговор как чрезмерно суровый и назначил наказание в виде лишения свободы на срок два года.

В качестве отягчающего вину обстоятельства указывается совершение преступления группой или бандой, но это не исключает необходимости индивидуализировать наказание при определении ответственности каждого из соучастников. Равным образом и перечень смягчающих обстоятельств не всегда дает суду правильные указания.

Одним из смягчающих вину обстоятельств перечень называет «совершение преступления в первый раз». Но далеко не всегда такого рода обстоятельство может смягчать вину. Не может оно, конечно, никаким образом смягчать вину при таких преступлениях, как контрреволюционные, особо опасные против порядка управления, убийство, изнасилование. Но и по таким преступлениям, как должностная растрата, кража социалистической собственности, хулиганство, совершение преступления в первый раз не всегда может явиться обстоятельством, смягчающим вину.

Народный суд в Москве в июне 1940 г. приговорил инструктора экскурсионного бюро Д. за растрату 2902 руб. по ч. 1 ст. 116 УК РСФСР к двум годам лишения свободы. Московский городской суд снизил наказание до одного года исправительно-трудовых работ на том основании, что Д. ранее не был судим. Судебная коллегия Верховного суда СССР по протесту председателя Верховного суда СССР 13 сентября 1940 г. отменила определение городского суда, указав, что первая судимость сама по себе не может служить осно-

ванием к снижению меры наказания, если обвиняемым совершено такое опасное преступление, каким является растрата.

В качестве смягчающего обстоятельства указывается совершение преступления по неведению или неосознанности. В условиях победившего социализма, когда общим и политическим просвещением охвачены решительно все народные массы, неведение и неосознанность крайне редко могут явиться обстоятельством, смягчающим вину. Скорее могут встретиться случаи совершения преступления, например должностного, по неопытности; лицо могло быть выдвинуто на работу без достаточной подготовки и оставлено без надлежащего руководства.

Закон противопоставляет совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений (отягчающее обстоятельство) совершению преступления по мотивам, лишенным корысти или каких бы то ни было низменных побуждений (смягчающее обстоятельство). Но мотив в значительной мере учитывается самим законом при отдельных составах. Так, убийство из низменных мотивов отнесено к случаям квалифицированного убийства, корыстный мотив квалифицирует донос или ложное свидетельство, служебный подлог, большинство имущественных преступлений вообще предполагает корысть и т. д.

III. Судебная практика знает и иные обстоятельства, как отягчающие, так и смягчающие вину, не предусмотренные кодексом. Увеличивать наказание может, например, систематичность при совершении растраты, смягчать — возмещение до суда причиненного преступлением ущерба и т. п. В руководящем постановлении от 22 апреля 1942 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что при дезертирстве в военное время могут быть применены ст. 51 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик при наличии таких смягчающих обстоятельств, как, например, раскаяние подсудимого, явка с повинной, самовольная отлучка хотя и свыше суток, но в течение сравнительно небольшого периода времени, и т. д.

В постановлении от 16 августа 1940 г. «О недостатках судебной практики по делам о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и учреждений и о прогулах без уважительных причин» Пленум Верховного суда СССР указал на недопустимость снижения наказания в порядке ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик по делам об этих преступлениях. В другом постановлении от того же числа Пленум Верховного суда СССР указал, что снижение наказания в порядке ст. 51 УК не должно применяться не только по делам о хулиганстве и мелкой краже с производства, но исходя из смысла Указа 10 августа 1940 г. и по делам о растратах и расхищении социалистической собственности.

Пленум Верховного суда СССР совершенно своевременно дал приводимые указания: более или менее широкое применение смягчения наказания в порядке ст. 51 УК по делам о прогуле без уважительных причин и самовольном уходе с предприятий и из уч-

реждений, по делам о хулиганстве и мелкой краже с производства и т. п. резко противоречило бы задачам, которые стремился достичь советский законодатель, издавая такие указы, как 26 июня и 10 августа 1940 г. Последним Указом не случайно была установлена абсолютной-определенная санкция в виде одного года тюремного заключения.

Но постановление Верховного суда СССР от 15 августа 1941 г. не отменяло (да и не могло отменить) применения ст. 51 УК по указанным делам вообще. В практике Верховного суда СССР как в 1940, так и в последующие годы, применялось в исключительных, конечно, случаях по этим делам смягчение наказания в порядке ст. 51 УК. Так, 26 мая 1943 г. Уголовная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев дело Малова, осужденного за кражу по п. «а» ст. 162 УК, заменила назначенное ему наказание условным ввиду нахождения у осужденного сыновей в Красной Армии.

Тем более недопустимо было бы механическое понимание судами постановлений Пленума Верховного суда СССР от 15 августа 1940 г. в условиях военного времени. Субъектом мелкой кражи с производства, мелкой растраты могут быть жены красноармейцев с малолетними детьми, мужья которых на фронте, ими могут быть старики, дети которых на фронте, ими могут быть еще не трудоустроенные инвалиды Отечественной войны и т. п. К такого рода лицам, в особенности если преступление совершено впервые, вполне правильно применение не только смягчения наказания, но в ряде случаев и условного осуждения.

В неоднократных постановлениях Пленума Верховного суда СССР подчеркивается необходимость при назначении наказания исходить из оценки всех обстоятельств дела, а также из оценки личности виновного. И в условиях военного времени советские суды должны учитывать все обстоятельства дела, связанные в ряде случаев с войной.

На необходимость всемерного учета обстоятельств дела и личности осуждаемых со стороны военных трибуналов и военных прокуроров указывается и в приказе НКЮ СССР и Прокурора СССР от 6 июня 1943 г. В приказе среди других мер предлагается не допускать применения лишения свободы в тех случаях, когда имеются все основания для применения ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик. С особой серьезностью суды, как подчеркивает приказ, должны подходить к рассмотрению дел о преступлениях по службе, совершаемых женщинами, имеющими малолетних детей, подростками, инвалидами.

§ 83. Общие начала назначения наказания в иностранном уголовном праве

В дореволюционном праве Франции господствовал принцип, гласивший, что наказания в этом королевстве назначаются по усмотрению суда. Этот принцип разрешал суду вообще наказывать за действия, не предусмотренные законом как преступления, а наказания выбирать по своему усмотрению из арсенала карательных мер, установленных королевскими указами или при-

нятых в судебной практике. Другим принципом, характерным для французского дореволюционного права, имевшим значение и при назначении наказания, являлся принцип социального неравенства наказания.

Французская буржуазия, пришедшая к власти, декретом 21 января 1790 г. провозгласила, что «преступные деяния одного и того же рода подлежат одинаковым наказаниям, не взирая на ранг и состояние виновных». Уголовный кодекс 1810 г. установил систему относительно-определенных санкций. Опасения проявления судебного произвола сказались на кодексе, поэтому освобождение от уголовной ответственности и смягчение наказания, согласно ст. 65 кодекса, допускались только в случаях, указанных законом. Кодекс допускал смягчение наказания ниже установленного за данное преступление минимума лишь при «проступках» и то при условии, что причиненный ущерб не превышал 25 франков. Для такого снижения требовалось, чтобы суд признал наличие смягчающих обстоятельств. В отношении преступлений кодекс не допускал такого снижения, потому что в этих случаях пришлось бы переходить от одного рода наказания к другому, а это составители кодекса считали недопустимым.

Практика показала, что в ряде случаев присяжные заседатели предпочитали выносить виновным оправдательный вердикт только из-за того, чтобы не подвергать их всей тяжести установленного законом наказания. Поэтому реформа кодекса в 1832 г. коснулась и вопроса о смягчающих обстоятельствах. Признать наличие их по делам о преступлениях было предоставлено присяжным заседателям, по делам о проступках и нарушениях — самому суду. По делам о преступлениях наказание обязательно смягчалось на одну или на две степени. Так, от смертной казни суд мог перейти к пожизненной или срочной каторге, от бессрочной каторги — к срочной или к смирительному дому и т. д. По делам о проступках возможность смягчения наказания была еще значительнее — от тюрьмы суд мог перейти к штрафу.

Кодекс не определяет, в чем состоит обстоятельство, смягчающее вину. Французская теория считает, что такого рода система является наиболее целесообразной, так как невозможно заранее определить все обстоятельства, которые могут повлиять на смягчение наказания. Кодекс не знает также общих обстоятельств, увеличивающих вину, кроме рецидива. В Особенной части указываются по отдельным преступным деяниям конкретные обстоятельства, усиливающие наказание, например взлом при краже, предумышленное при убийстве.

Германский уголовный кодекс 1870 г. заимствовал из Франции институт смягчающих обстоятельств, но говорил о них не в Общей части, а по отдельным преступлениям и проступкам, тут же указывая и смягченную санкцию, например вместо каторги — тюрьма на срок не ниже трех месяцев, вместо тюрьмы — штраф.

* * *

Русское Уложение о наказаниях 1845 г. перечисляло в 9 пунктах ст. 134 «обстоятельства, в большей или меньшей мере уменьшающие вину, а вместе с тем и строгость следующего за оную наказания». К ним относились добровольная явка в суд или к местному или другому начальству, вполне чистосердечное с раскаянием сознание, полное во всем признание по одному из первых на допросе убеждений или увещаний, указание без замедления, своевременно и с полной откровенностью всех участников его в преступлении, совершение преступления по легкомыслию и т. п. Этот перечень имел исчерпывающее значение. В случае признания наличия указанных в ст. 134 обстоятельств суду предоставлялось право смягчать наказание, установленное в законе за данное преступление, на одну или две степени, т. е. сравнительно в небольших пределах, поскольку каторга разделялась в зависимости от сроков на семь степеней, арестантские роты (впоследствии арестантские исправительные отделения) — на пять степеней и т. д. Судебные уставы 1864 г. ввели французскую систему обстоятельств, уменьшающих вину. В случае признания присяжными заседателями наличия этих обстоятельств суд обязан был понижать наказание на одну или две степени. Право признания наличия смягчающих обстоятельств было предоставлено и коронным судьям. Уголовное уложение 1903 г. отказалось от перечня обстоя-

ятельств, которые могут явиться смягчающими вину. При признании виновного заслуживающим снисхождения суду предоставлялось право понижения наказания в значительно больших размерах, чем по Уложению 1845 г. Не могла быть прежде всего применена высшая мера наказания, установленная за данное преступное деяние. Если в законе за преступное деяние указан низший предел наказания, то суд мог уменьшить то наказание до низшего законного размера этого наказания. При отсутствии указания низшего предела суд мог уменьшить это наказание до низшего его законного размера и даже перейти к другому наказанию.

§ 84. Назначение наказания при совокупности преступлений 33.

Г. Когда виновным совершается не одно, а несколько преступлений, мы имеем случай так называемой совокупности преступлений. Если одним действием выполняется состав нескольких преступлений, то такую совокупность называют идеальной, если же каждое действие образует отдельное преступление, то совокупность называется реальной.

Статья 33 «Основных начал» устанавливает принцип определения наказания и при идеальной и при реальной совокупности: «Когда в совершенном обвиняемым деянии содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым до вынесения приговора двух или более преступлений, меры социальной защиты определяются по тому преступлению, которое влечет за собой более строгую меру».

При идеальной совокупности в одном деянии виновного содержатся, как говорит ст. 33 «Основных начал», «признаки нескольких преступлений». По существу, мы имеем одно преступление, но мысленно, в виде, мы можем расчленить его на несколько преступлений, из которых каждое содержит признаки состава предусмотренного той или другой статьей Уголовного кодекса. Случаи, в которых проявляется идеальная совокупность преступлений, могут быть весьма разнообразными. Одним выстрелом виновный убивает своего недруга и ранит неосторожно постороннего человека. Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им служебных обязанностей путем произнесения нецензурной ругани предусматривается в ст. 76 и ст. 74 УК РСФСР. К этим случаям применимо правило ст. 33 «Основных начал» о назначении наказания по тому преступлению, которое влечет более строгую ответственность. От идеальной совокупности надо отличать случаи, когда одно и то же действие охватывается и более общим и более специальным законом.

От идеальной совокупности следует отличать конкуренцию законов, т. е. случаи, когда одно и то же преступное действие предусмотрено двумя статьями. В этих случаях применяется статья, предусматривающая более тяжкое преступление. Всякое злоупотребление властью содержит и элементы дискредитирования власти, но привлекать к уголовной ответственности следует за злоупотребление властью, как за более тяжкое

преступление. Если действие, подпадающее под общий закон, предусмотрено и специальным законом, должен применяться специальный закон.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР переквалифицировала определением 16 апреля 1939 г. действия двух служащих, совершивших служебный подлог и осужденных по ст. 109 УК РСФСР на ч. 1 ст. 120 УК РСФСР как более специальную. Пленум Верховного суда СССР 3 мая 1940 г. по одному делу указал, что нельзя привлекать за должностную растрату по ч. 1 ст. 116 УК РСФСР и дополнительно по ст. 109.

Под реальной совокупностью понимаются случаи совершения виновным несколькими действиями нескольких преступлений, ни за одно из которых он еще не осужден. Виновный может, например, совершить кражу и затем оказать при задержании сопротивление власти, убить кого-нибудь и затем поджечь дом для сокрытия следов преступления.

При реальной совокупности каждое действие виновного представляет отдельное преступление, предусмотренное отдельной статьей, а согласно ст. 33 «Основных начал», наказание должно определяться по тому преступлению, которое влечет более строгую ответственность.

Установление в действиях виновного реальной совокупности имеет большое значение для правильного установления вины и наказания. Изучение, например, практики по делам о калыме показывает, что даже калыма часто сопутствуют вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста, или половой зрелости, или принуждение женщины к выходу замуж. Суды не всегда оценивают этого рода преступления, сопутствующие калыму, как самостоятельные, и виновный наказывается только за калым, т. е. значительно легче, чем при применении правила о совокупности.

Большинство уголовных кодексов союзных республик вслед за «Основными началами» разрешает вопрос об ответственности одинаково как при идеальной, так и при реальной совокупности. УК РСФСР (ст. 49) дает следующее указание. «Когда в совершенном обвиняемым действии содержатся признаки нескольких преступлений, а равно в случае совершения обвиняемым нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора, суд, определив соответствующую меру социальной защиты за каждое преступление отдельно, окончательно определяет последнюю по статье, предусматривающей наиболее тяжкое из совершенных преступлений и наиболее тяжелую меру социальной защиты». УК Украинской ССР (ст. 45), в противоречие с «Основными началами», общее правило о совокупности применяет в тех случаях, когда виновным совершено несколько преступлений, по которым приговор не состоялся или не был обращен к исполнению.

Вопрос о порядке постановления приговоров при совокупности преступлений вызывал разногласия в руководящих указаниях верховных судов союзных республик, ввиду чего Пленум Верховного суда Союза ССР дал 4 марта 1929 г. разъяснение ст. 33 «Основных начал». Разъяснение это является принципиально важным для понимания вопроса о совокупности преступлений и порядке назначения в этих случаях наказания.

Руководящим в разъяснении Верховного суда СССР, является положение, что совокупность преступлений — единично как идеальная, так и реальная — свидетельствует о большей опасности преступника, что и должно быть учтено при назначении наказания.

Уголовные кодексы союзных республик, кроме Украинской и Таджикской, предписывают суду при совокупности преступлений предварительно определять наказание по каждому преступлению.

Однако указанное разъяснение Верховного суда СССР не ставит условием назначения наказания при совокупности предварительное определение наказания по каждому из преступлений.

Как «Основные начала», так и разъяснение Верховного суда СССР отвергают механический подход при назначении наказания в случаях совокупности преступлений (это относится и к случаям идеальной совокупности).

В разъяснении указано, что суд вправе при определении наказания по совокупности присоединить к главному наказанию любое из дополнительных наказаний, предусмотренных другими статьями, по которым квалифицируются преступления, входящие в совокупность.

Наконец, разъяснение указывает, что правила о совокупности должны применяться лишь в тех случаях, когда «ни по одному преступлению, входящему в совокупность, еще не было вынесено отдельного приговора и, следовательно, когда суд рассматривает дело по существу в отношении преступлений, входящих в совокупность».

По одному конкретному делу Пленум Верховного суда СССР подчеркнул, что в советском уголовном праве при совокупности преступлений (ст. 49 УК РСФСР) применяется не принцип поглощения, а принцип сложения наказаний, т. е. после определения наказания за каждое отдельное преступление, назначение окончательного наказания по той статье, по которой определено более высокое наказание (постановление от 8 января 1942 г.).

II. Ни «Основные начала», ни приведенное выше разъяснение 4 марта 1929 г. не содержат никаких указаний, как следует поступать в случаях, если по одному или нескольким преступлениям приговор уже вынесен, а затем обнаружится, что виновный ранее, чем состоялся приговор по разобранным уже делам, совершил одно или несколько других преступлений. Такого рода случаи предусматриваются в республиканских процессуальных законах. Так, ст. 465 УПК РСФСР устанавливает, что приговор по

совокупности выносится судом, постановляющим позднейший приговор, причем если предыдущим приговором, вступившим в законную силу, было назначено более тяжелое наказание, то позднейший приговор считается погашенным предыдущим, приговором. Следует признать, что такой же порядок поглощения должен применяться и в том случае, когда более тяжелое наказание вынесено позднейшим приговором.

III. Не предусмотрен союзным законодательством вопрос, как должен поступить суд, если виновным совершено преступление, когда приговор был уже обращен к исполнению, но наказание по нему полностью не отбыто. УК Украинской ССР предписывает в этих случаях назначать наказание за новое преступление самостоятельно, но с таким расчетом, чтобы неотбытая часть наказания по первому преступлению и наказание по новому в общей сложности не превышали пределы, установленного кодексом для данного лица наказания (ч. 2 ст. 45). Аналогичное постановление содержится в уголовных кодексах Белорусской, Туркменской, Грузинской и Азербайджанской союзных республик. УК Грузинской ССР содержит добавочное указание о том, что при сложении лишения свободы с исправительно-трудовыми работами вторая мера наказания присоединяется к первой из расчета три дня работ за один день лишения свободы. УК Азербайджанской ССР предписывает при разнородности мер наказания приводить каждую из них в исполнение в отдельности независимо от другой меры наказания.

Как видно, только УК Грузинской ССР содержит ясное правило об определении наказания по принципу сложения, когда по приговорам, входящим в совокупность, меры наказания назначены в виде лишения свободы и исправительно-трудовых работ. Пленум Верховного суда СССР в постановлении 22 января 1942 г. указал, что в тех союзных республиках, уголовные кодексы которых не разрешают указанного вопроса, наказание по совокупности в случае необходимости применения принципа сложения наказаний определяется применительно к ст. 29 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Исправительно-трудовые работы должны быть заменены лишением свободы из расчета трех дней исправительно-трудовых работ за один день лишения свободы. Полученный таким образом срок присоединяется к сроку лишения свободы, назначенному по другому приговору, входящему в совокупность.

Уголовные кодексы РСФСР, Таджикской и Узбекской союзных республик не содержат по этому вопросу никаких постановлений. По конкретному вопросу о назначении наказания за второй прогул при не отбытом еще наказании за первый прогул Пленум Верховного суда СССР в руководящем постановлении 7 июля 1941 г. высказался за принцип сложения наказаний в таких случаях в пределах максимума, установленного для данного вида карательной меры.

В связи с указанным постановлением Пленума Верховного суда СССР на местах возник вопрос, в каком размере следует производить удержание из заработной платы лиц, признанных виновными в совершении второго прогула во время отбывания наказания за первый прогул.

НКЮ СССР разъяснил 14 августа 1941 г., что при вынесении приговора за повторный прогул суд присоединяет неотбытый срок исправительно-трудовых работ по первому приговору к сроку исправительно-трудовых работ, назначенному за совершение второго прогула. При этом суд обязан указать в приговоре, что в течение неотбытого срока по первому приговору удержание из заработной платы должно производиться в размере, установленном в первом приговоре, и что в дальнейшем, при отбывании срока исправительно-трудовых работ за повторный прогул, удержание производится в тех размерах, которые суд определит за совершение повторного прогула исходя из обстоятельств дела.

За принцип сложения наказаний высказался Пленум Верховного суда СССР и в постановлении от 1 августа 1942 г., в котором указал, что в тех случаях, когда осужденный по Указу от 15 апреля 1942 г. за невыработку в колхозе без уважительных причин обязательного минимума трудовой в одном периоде сельскохозяйственных работ — во время отбывания наказания вновь совершит такое же преступление в следующий период сельскохозяйственных работ, наказание за это преступление назначается самостоятельно по приговору суда с присоединением неотбытой части наказания по предыдущим приговорам. При этом срок исправительно-трудовых работ в общей сложности не может быть назначен свыше одного года с момента вынесения последнего приговора.

IV. Совокупность преступлений имеет и большое процессуальное значение. Пленум Верховного суда СССР в постановлении 13 июня 1939 г. указал, что постановление ЦИК СССР 14 сентября 1937 г., установившее недопущение кассационного обжалования по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58⁷ и 58⁹ УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик, является законом исключительным и не допускает расширительного толкования. Поэтому в тех случаях, когда судом выносится приговор по совокупности по статьям Уголовного кодекса, указанным в постановлении, и кроме того еще и по другим статьям, на которые не распространяется действие этого постановления, приговор в части обвинения по этим статьям Уголовного кодекса может быть обжалован или опротестован.

Как указал Верховный суд СССР рассмотрение жалобы или протеста в этой части может иметь серьезное значение для дела, так как объем преступных действий, вменяемых в вину осужденному, характеризует общественную опасность последнего и имеет влияние на размер назначенного ему наказания.

V. От совокупности преступлений следует отличать случаи, когда, несмотря на наличие нескольких действий, каждое из которых, взятое в отдельности, образует состав преступления, все эти действия рассматриваются как единое преступление. Сюда относятся так называемые составные, длящиеся и продолжаемые преступления.

Составными преступлениями являются преступления, слагающиеся из действий, каждое из которых само по себе предусматривается уголовным законом как самостоятельное преступление. Так, например, грабеж с насилием (ч. 2 ст. 165 УК РСФСР) состоит из двух преступлений — из открытого похищения (ч. 1 ст. 165) и насилия над личностью (ст. 146 или ст. 143).

По постановлению Пленума Верховного суда СССР 4 марта 1929 г., длящимся признается преступление выполняющееся непрерывно в течение длительного времени, например, незаконное лишение кого-либо свободы (ст. 147 УК РСФСР). Преступление закончено, как только произошло лишение виновным потерпевшего свободы, но оно длится до тех пор, пока не будет прекращено это преступное состояние. Примером длящегося преступления будет и уклонение от призыва к отбыванию действительной военной службы (ст. 18 Положения о государственных преступлениях, ст. 59^а УК РСФСР). Преступление длится до тех пор, пока уклонившийся не явится сам или не будет обнаружен органами власти. Более или менее длительный срок преступного состояния может быть учтен в пределах санкции при назначении наказания как отягчающее вину обстоятельство.

Продолжаемыми преступлениями являются преступления, слагающиеся из двух или более тождественных преступных действий, образующих один и тот же состав, направленных к осуществлению одной и той же преступной цели. В качестве примера продолжаемого преступления указанное разъяснение Верховного суда СССР приводит растрату, совершаемую путем присвоения денег мелкими суммами в течение продолжительного времени. Началом продолжаемого преступления следует считать совершение первого действия, например первого акта растраты.

Продолжаемое преступление рассматривается как единое преступление, виновный отвечает за одно, а не за совокупность преступлений. Признание в этом случае преступления единым является вопросом факта. Так, если однородные преступные действия, например растрата, отделены одно от другого очень большим промежутком времени, то можно говорить и о совокупности преступлений. Совершивший растрату, хотя бы и на незначительном протяжении времени, но в различных учреждениях, будет отвечать по совокупности преступлений.

VI. Французское уголовное право совершенно не предусматривает идеальной совокупности. Теория и практика считают, что при наличии такого рода совокупности следует применять ту статью закона, которая предусматривает наиболее тяжкое преступление. Дореволюционное русское уголовное законодательство не содержало никаких постановлений по

вопросу об идеальной совокупности. Большинство буржуазных кодексов предусматривает специально случаи идеальной совокупности, предписывая применять статью кодекса, устанавливающую наиболее строгое наказание.

По вопросу о назначении наказания по реальной совокупности в буржуазном уголовном законодательстве встречаются три системы: система поглощения, система сложения и система повышения наказания.

Французский уголовно-процессуальный кодекс 1808 г. придерживается, по общему правилу, системы поглощения. Наказание за более тяжкое преступление или проступок поглощает наказания, установленные за менее тяжкие преступления и проступки. К дополнительным наказаниям принцип поглощения не применяется. При нарушении наказания складываются. В германском уголовном кодексе 1871 г., по общему правилу, применяется принцип повышения наиболее тяжелого наказания до максимального предела. Уложение о наказаниях 1845 г. придерживалось системы поглощения, Уголовное уложение 1903 г. — системы поглощения с факультативным повышением тяжчайшего наказания до высшего предела, установленного в законе для данного рода наказания, причем суд не мог превысить сумму наказаний, назначенных за все совершенные преступления.

Итальянский уголовный кодекс 1930 г. в вопросе о назначении наказания по совокупности преступлений резко порвал с традиционными системами иностранного законодательства. Основной является система сложения. Там, где характер наказаний не допускает сложения, суд должен назначать наказание, качественно более тяжелое. Так, при совершении двух преступлений, из которых каждое влечет пожизненную каторгу, назначается смертная казнь. Две санкции, содержащие каждая максимальный срок лишения свободы (24 года), дают пожизненную каторгу. Если преступления влекут за собой срочное лишение свободы ниже 24 лет, то назначается единое наказание на срок, равный сумме всех наказаний, которые следовало бы назначить за отдельные преступления. Эта сумма может быть в пять раз выше, чем наиболее тяжелое наказание, назначенное за отдельное преступление, и достигать до 30 лет при исправительном доме и до шести лет при аресте. Дополнительные наказания не только присоединяются к основным наказаниям, но суммируются так же, как и сроки правопоражения.

Итальянский кодекс предусматривает особую наказуемость и при продолжаемом преступлении. Хотя различные нарушения и рассматриваются как единое преступное деяние, наказание, назначаемое за наиболее тяжкое нарушение, повышается до утроенного размера.

§ 85. Применение наказания при повторности, неоднократности и совершении преступлений в виде промысла

I. «Руководящие начала» 1919 г. и УК РСФСР 1922 г. предписывали суду при назначении наказания учитывать, совершено ли преступление «профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным», но ни «Руководящие начала» ни УК 1922 г. не давали более точного определения понятия рецидива.

«Основные начала» (п. «г» ст. 31 в редакции 1929 г.) не знают терминов «рецидивист», «профессиональный преступник». Они противопоставляют повторное совершение преступления совершению его в первый раз. «Основные начала» содержат вместе с тем весьма принципиальное положение: повторность имеет значение в том только случае, если новое преступление совершено до истечения сроков, при которых погашается судимость, или до истече-

ния давности. Тем самым совершение нового преступления после истечения указанных сроков не может уже считаться обстоятельством, усиливающим ответственность.

Указывая на повторность как на обстоятельство, отягчающее вину, «Основные начала» тут же устанавливают: «При этом, однако, суд вправе, в зависимости от характера первого преступления, не признать за ним отягчающего значения». Это постановление «Основных начал» воспроизведено в Общей части уголовных кодексов всех союзных республик (п. «в¹» ст. 47 УК РСФСР).

О повторности в смысле совершения однородного преступления как квалифицирующем обстоятельстве говорится, кроме того, в ряде статей Особенной части. Так, УК РСФСР упоминает повторность при сокрытии или неверном показании предметов, подлежащих учету или обложению (ч. 2 ст. 62), при нарушении правил, установленных для учета военнообязанных и военнослужащих (ч. 4 ст. 64), при хулиганстве (ч. 2 ст. 74). Повторность квалифицирует кражу (п. «б» ст. 162), грабеж (ч. 2 ст. 165), разбой (ч. 2 ст. 167) и другие преступления.

Для признания повторности не требуется предварительного осуждения и отбытия наказания.

Помимо повторности, в качестве обстоятельства, квалифицирующего отдельные преступления, в Особенной части республиканских уголовных кодексов упоминается неоднократность совершения преступления. Так, в УК РСФСР квалифицируется неоднократное умышленное повреждение или истребление имущества, принадлежащего государственным предприятиям (ч. 2 ст. 79), неоднократное получение взятки (ч. 2 ст. 117), неоднократность при совершении краж (пп. «в», «г» и «д» ст. 162).

Для признания неоднократности не требуется предшествующего осуждения и отбытия наказания.

Из сопоставления с понятием повторности следует прийти к заключению, что под неоднократностью закон понимает совершение преступления не менее трех раз.

Советское уголовное законодательство говорит по отдельным преступлениям о совершении их в виде промысла. Этот признак или входит как необходимый элемент в состав преступления, например, подделка или сбыт в виде промысла поддельных денежных знаков (ст. 22 Положения о преступлениях государственных, ст. 59⁸ УК РСФСР), или же квалифицирует основной состав, например, при покупке заведомо краденого (ч. 4 ст. 164), при ростовщичестве (ч. 2 ст. 173).

Закон не дает определения понятия «промысел». Из сопоставления с понятиями «повторность» и «неоднократность» можно сделать заключение, что для промысла характерно то, что совершение преступления является для виновного определенным занятием, главным или хотя бы побочным, но приносящим ему определенный доход. Совершение преступлений является для виновного своего рода профессией. Для признания промысла не тре-

буется предшествующей судимости — этот признак может быть установлен и при привлечении к ответственности в первый раз.

В некоторых случаях, когда в Особенной части предусматриваются повторность, неоднократность или совершение преступления в виде промысла, суду предоставляется право присоединить к основному наказанию дополнительное в виде ссылки на срок до пяти лет. Такого рода случаи точно указаны в ст. 36 УК РСФСР и в соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик.

Советскому уголовному праву чужд принцип обязательного усиления наказания при совершении виновным преступления после отбытия наказания за другое преступление. Даже в случаях многократной судимости за такие преступления как кража, суд не обязан, а только вправе назначить дополнительное наказание в виде ссылки на срок до пяти лет.

II. Резко отличаются от постановлений советского уголовного права о повторности, неоднократности и совершении преступления в виде промысла иностранные законодательства в постановлениях о рецидиве.

Содержание этого понятия в отдельных законодательствах довольно различно. Одни из них, например русское дореволюционное, признают рецидивом повторение преступления после отбытия наказания, другие, например: французский уголовный кодекс 1810 г., не требуют отбытия наказания.

Постановления о рецидиве содержатся в Общей части кодексов, за исключением германского кодекса 1871 г. (до закона 1933 г.), предусматривавшего рецидив при краже, разбое и при некоторых других преступлениях.

Различается общий и специальный рецидив. Под первым понимается совершение вообще нового преступления, под специальным — тождество или однородность преступления. Для наличия рецидива требуется совершение нового преступления в течение определенного срока после осуждения или отбытия наказания.

Законодательство о рецидиве преследует главным образом цель усиления репрессии за имущественные преступления, в первую очередь за кражи.

В связи с резким ростом преступности, в особенности профессиональной, в конце XIX в. был выдвинут антропологической и социологической школами вопрос о недостаточности обычных мер наказания в борьбе с профессиональной и привычной преступностью и о необходимости применения к привычным и профессиональным преступникам так называемых «мер безопасности», то есть интернирования их на неопределенное время после отбытия наказания.

ГЛАВА XX

ОТСРОЧКА ПРИВЕДЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ

§ 86. Общие условия отсрочки. Условное осуждение

I. Назначенное судом наказание по вступлении приговора в законную силу реализуется. По делам о прогуле и самовольном уходе (Указ 26 июня 1940 г.) приговор приводится в исполнение немедленно. Но советский закон знает ряд случаев, когда приведение приговора в исполнение отсрочивается. Так, при вступлении приговора о расстреле в силу осужденный может подать ходатайство о помиловании, что приостанавливает впредь до рассмотрения

ходатайства (приведение приговора в исполнение (ст. 442 УПК РСФСР).

Отсрочка приведения приговора в исполнение в этом случае происходит в силу самого закона. Советское уголовно-процессуальное право знает, кроме того, ряд случаев (ст. 456 УПК РСФСР), в которых вопрос об отсрочке разрешается судом в порядке ст. 461 УПК РСФСР. Суд может отложить исполнение наказания при болезни осужденного, препятствующей отбывать наказание до его выздоровления. Если беременность осужденной является препятствием к отбыванию наказания, то суд может отсрочить его до истечения двух месяцев после родов. Суд может, далее, предоставить отсрочку, если немедленное отбывание наказания связано с особо тяжелыми последствиями для осужденного или его семьи ввиду особых обстоятельств или особых условий положения осужденного. В качестве примера закон указывает стихийные бедствия, постигшие осужденного, тяжкую болезнь или смерть единственного работоспособного члена семьи. Такого рода исключительными условиями может явиться и наличие малолетних детей, остающихся без попечения. Практически вопрос об отсрочке наказания в указанных случаях может возникнуть при назначении наказания в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ по указанию органов НКВД. Наконец, суд может отсрочить или рассрочить уплату штрафа до шести месяцев, если немедленная уплата его непосильна для осужденного (ст. 460 УПК РСФСР).

Приведение приговора в исполнение может быть приостановлено также при истребовании дела в порядке надзора. Председателем Верховного суда СССР или союзной республики и Прокурором СССР или союзной республики (ст. 16 Закона о судостроительстве, ст. 440 УПК РСФСР). Более подробного рассмотрения заслуживает вопрос об отсрочке наказания в случаях так называемого условного осуждения.

II. Советские суды с самых же первых дней своего существования стали широко применять условное осуждение. Это подчеркивается и в программе ВКП(б). «В области наказания, — говорится в ней, — суды уже привели к коренному изменению наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение».

Термин «условное осуждение» прочно укрепился в советском праве, хотя он и не отличается точностью. Само осуждение, выразившееся в вынесении обвинительного приговора, является безусловным. Устанавливая виновность и назначая соответствующее наказание, суд условно откладывает на известных условиях приведение этого наказания в исполнение.

Условное осуждение предусматривалось и в «Руководящих началах» и в УК РСФСР 1922 г. По действующему праву ст.ст. 36 и 37 «Основных начал», (ст.ст. 53 и 54 УК РСФСР), условное осуждение есть постановление суда о неприведении в исполнение приговора, прису-

ждающего к лишению свободы или к исправительно-трудовым работам, под условием неосуществления в течение испытательного срока нового, не менее тяжкого преступления.

«Руководящие начала» и УК РСФСР 1922 г. допускали применение условного осуждения лишь при совершении преступления впервые. Действующее право этого ограничения не знает. Условное осуждение может быть применено лишь к таким наказаниям, как лишение свободы или исправительно-трудовые работы. Закон не указывает максимума наказания, при котором может быть применено условное осуждение.

«Основные начала» не касаются вопроса о дополнительных наказаниях, которыми, может сопровождаться условно назначенное основное наказание. УК РСФСР (примечание к ст. 53), как и ряд других республиканских кодексов, указывает, что денежное или имущественное взыскание, присоединенное в виде дополнительного наказания к лишению свободы или к исправительно-трудовым работам, приводится в исполнение на общих основаниях, независимо от того, что основная мера назначена условно. По УК РСФСР (ст. 34) и УК Таджикской ССР (ст. 31) применение условного осуждения несовместимо с одновременным назначением поражения прав.

Вынося приговор об условном осуждении, суд должен назначить испытательный срок. По «Основным началам» этот срок может быть от одного года до десяти лет. УК РСФСР и большинство других республиканских кодексов воспроизводят буквально это положение. Уголовные кодексы Белорусской и Украинской союзных республик конкретизировали эти сроки: при назначении исправительно-трудовых работ или лишения свободы до одного года испытательный срок назначается от одного года до трех лет, при назначении лишения свободы на срок более года — от трех до десяти лет.

«Основные начала» предоставили союзным республикам установление условий, при которых применяется условное осуждение.

Таким условием могли бы, например, явиться посильное возмещение потерпевшему нанесенного ему ущерба, контроль общественных организаций. Однако законодательства союзных республик не воспользовались этим правом.

Единственным поводом к отмене условного осуждения по «Основным началам» является совершение виновным в течение испытательного срока нового, не менее тяжкого преступления. Большинство уголовных кодексов союзных республик воспроизводит эту формулу. УК Узбекской ССР говорит о неосуществлении в течение испытательного срока «нового, не менее тяжкого либо однородного или тождественного преступления».

Под не менее тяжким преступлением следует понимать такое новое преступление, за которое суд приговорил к не менее тяжкому наказанию, чем то, по которому вынесено условное осуждение. Учитывая оба преступления, суд может правильное

оценить вину преступника, выявившуюся в обоих преступлениях, чем сравнивая санкцию статьи, по которой было вынесено условное осуждение, с санкцией статьи за новое преступление.

Под однородными следует понимать преступления, обнимаемые одним и тем же родом преступлений, например, должностные преступления, убийство и тяжкое телесное повреждение, кража и мошенничество или иное имущественное корыстное преступление и т. п. Как однородные могут рассматриваться и преступления, совершенные по одинаковому мотиву; например, корыстное имущественное и корыстное должностное преступление.

При совершении условно-осужденным в течение испытательного срока нового, не менее тяжкого преступления прежний приговор не приводится механически в исполнение, как это было до издания союзного закона 13 октября 1929 г. (По действующему закону, от суда зависит назначить виновному наказание только за новое преступление или присоединить к новому наказанию полностью или частично старое наказание, с тем чтобы наказание в целом не превышало десяти лет лишения свободы и одного года принудительных работ (ст. 54 УК РСФСР).

При несовершении условно осужденным в течение испытательного срока не менее тяжкого преступления приговор в части наказания вовсе не приводится в исполнение и условно-осужденный считается не имеющим судимости (п. «б» ст. 55 УК РСФСР).

В советском уголовном праве законодательные формулы об условном осуждении отражали («Руководящие начала», УК РСФСР 1922 г.) и отражают задачу специального предупреждения. «Основные начала», как и все союзные кодексы, предоставляют суду право выносить виновному условное осуждение, если «степень общественной опасности не требует изоляции его или назначения ему принудительных работ». Из этой формулы отнюдь не вытекает, однако, чтобы суды, вынося условное осуждение, игнорировали задачи общего предупреждения. Хотя для некоторых преступников, с точки зрения их исправления или устрашения на будущее время, и было бы достаточным осуждения их советским судом без отбывания самого наказания, но в ряде случаев такого рода мягкость приговора противоречила бы задачам общего предупреждения.

Необходимо учитывать, что в широких массах населения вынесение условного осуждения рассматривается как своего рода оправдание и вызывает представление о безнаказанности. Широкое применение условного осуждения наряду с не менее широким применением смягчения наказания в порядке ст. 51 УК РСФСР ослабляло силу уголовной репрессии в борьбе с такими преступлениями, как хулиганство, растрата и кража социалистического имущества.

III. Советское уголовное право знает специальный вид условного осуждения военнослужащих в военное время. Согласно ст. 19^а «Основных начал», введенной постановлением ЦИК и

СНК СССР 23 мая 1928 г. (примечание 2-е к ст. 28 УК РСФСР), приговор, присуждающий в военное время военнотружущаго к лишению свободы без поражения в правах, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осужденный направляется в действующую армию. Военнотружущие, проявившие себя в составе действующей армии стойкими защитниками СССР, по ходатайству соответствующего военного начальства могут быть по определению суда, вынесшего приговор, освобождены от назначения наказания. Вместо полного освобождения суд может заменить наказание более мягким. По одному конкретному делу Пленум Верховного суда СССР вынес руководящее постановление от 28 января 1943 г., что в отношении лиц, указанных в примечании 2 к ст. 28 УК РСФСР, допускается не частичное освобождение от наказания, а либо полное освобождение от наказания, либо замена наказания более мягким наказанием, что и должно найти свое отражение в приговоре суда.

В условиях Отечественной войны в судебной практике возник вопрос о порядке отбывания наказания в виде лишения свободы лицами, которые ко времени вступления приговора в законную силу находятся уже в рядах Красной Армии или Военно-Морского Флота. Пленум Верховного суда СССР в постановлении 8 января 1942 г. указал, что суд, вынесший приговор, может в таких случаях вынести определение об отсрочке исполнения приговора применительно к примечанию 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

Отбывание наказания в виде лишения свободы является препятствием к отбыванию воинской обязанности, между тем, осуждение лиц призывного возраста за бытовое, например, преступление к краткосрочному лишению свободы в ряде случаев не свидетельствует о том, что данное лицо недостойно с оружием в руках защищать социалистическое отечество, если исполнение приговора будет приостановлено. Поэтому Верховный суд СССР дал 22 января 1942 г. руководящее указание, что осуждение лиц, совершивших уголовное преступление, к лишению свободы на срок не свыше двух лет без поражения в правах не является препятствием к призыву или мобилизации этих лиц в Красную Армию или Военно-Морской Флот.

Постановление Пленума Верховного суда от 25 июля 1943 г. указало, что отсрочка может иметь место вообще при осуждении к лишению свободы без поражения в правах, независимо от срока лишения свободы. В этих случаях, применительно к ст. 19² Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 г. (примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик), исполнение приговора приостанавливается судом, вынесшим приговор, до возвращения осужденного из Красной Армии или Военно-Морского Флота.

Постановление Пленума от 22 января 1942 г. не предусматривало случая, когда лицо, к которому применено примечание 2 ст. 28 УК РСФСР, оказалось бы непригодным к военной службе. Приказом Народного Комиссара Обороны, Народного Комиссара Юстиции СССР, Народного Комиссара НКВД СССР и Прокурора СССР от 13 марта 1942 г. был, поэтому, уточнен порядок применения судами постановления Пленума Верховного суда СССР от 22 января 1942 г. Органы расследования, а по делам, по которым не производится предварительное расследование — суды обязаны точно установить отношение обвиняемого к воинской обязанности. Копии приговоров к лишению свободы на срок не свыше двух лет без поражения в правах в отношении военнобязанных и лиц, подлежащих очередному призыву суды обязаны немедленно направлять в соответствующие военные комиссариаты, не обращая приговор к исполнению. Если военный комиссариат, получив копию приговора установит, что осужденный подлежит очередному призыву по мобилизации в Красную Армию или Военно-Морской Флот, то он в 10-дневный срок по зачислении означенного лица в ряды Красной Армии или Военно-Морского Флота сообщает об этом суду, вынесшему приговор. Суд выносит определение о приостановлении приговора до возвращения осужденного из армии и флота применительно к примечанию 2 ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик. В случае же, если военный комиссариат признает осужденного негодным к зачислению в ряды Красной Армии или Военно-Морского Флота, то он сообщает об этом немедленно суду, вынесшему приговор. По получении такого сообщения суд направляет приговор к исполнению.

Еще больше было расширено применение примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1942 г. об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта, осужденных к лишению свободы без поражения избирательных прав.

Если суд найдет возможным применить к этим лицам примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовного кодекса других союзных республик, то лица призывного возраста направляются в действующую армию, а остальные — на предприятия с использованием их по усмотрению руководителей предприятий.

Указ говорит о направлении на предприятия вообще. Но, поскольку третья часть Указа предусматривает возможность освобождения по ходатайству соответствующего руководителя предприятия от назначенного по суду наказания или смягчения наказания в отношении лиц, осужденных с применением примечания 2 к ст. 28 и показавших себя хорошо на транспорте, следует заключить, что данные лица должны направляться на работу, связанную с транспортом. Смысл этого Указа в отношении лиц, вышедших из призывного возраста, и заключается в использовании их как специалистов именно в этой столь важной в условиях военного времени отрасли народного хозяйства.

Что касается лиц призывного возраста, то по смыслу Указа к ним должно быть применено примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР полностью, т. е. освобождение от наказания или смягчение его может последовать только в том случае, если они проявят себя стойкими защитниками родины.

Пленум Верховного суда СССР 8 октября 1942 г. вынес специальное постановление о том, какие последствия влечет за собой увольнение с работы

или вторичное осуждение лиц, ранее осужденных с применением Указа от 27 февраля 1942 г.

Пленум указал, что в тех случаях, когда такое лицо уволено из учреждения или предприятия железнодорожного или водного транспорта, действие отсрочки исполнения тем самым прекращается. Равным образом прекращается действие отсрочки и в случае осуждения такого лица к лишению свободы за новое преступление. В этих случаях суд определяет наказание по совокупности на общих основаниях. При этом, суд вправе, в исключительных случаях, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, вновь применить к подсудимому Указ от 27 февраля 1942 г. В частности Указ может быть применен, если второй приговор выносится за менее тяжкое преступление, совершенное до вынесения первого приговора.

Отличие применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР от института условного осуждения, предусмотренного ст. 53 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, заключается главным образом в том, что от осужденного требуется определенное положительное поведение — проявить себя стойким защитником родины, показать хорошую работу на транспорте, при условном же осуждении требуется лишь совершение нового преступления. Далее, на основании примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР испытательный срок не назначается. Исполнение приговора откладывается вообще до окончания военных действий. Вопрос об освобождении или смягчении наказания может быть, однако, возбужден и до этого момента. Хотя Указ 27 февраля 1942 г. ничего не говорит о том, на какой срок откладывается исполнение приговора, но, поскольку Указ ссылается на примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР, следует прийти к заключению, что он откладывается до окончания военных действий.

Если лица, к которым применено примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР, будут освобождены от наказания, то тем самым они должны быть признаны, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 февраля 1943 г., не имеющими судимости.

IV. В иностранных государствах условное осуждение стало применяться впервые в Англии с 40-х годов прошлого столетия до всякого регулирования его законом. Некоторые судьи, опираясь на старинный, основанный на так называемом общем праве институт «ручательства», откладывали применение наказания, если виновный обязывался вести себя добропорядочно в течение известного времени. При этом суд, признавая данное лицо виновным, мог отложить назначение наказания в зависимости от дальнейшего поведения виновного. Эта судебная практика была признана законом 1879 г. Почти одновременно в одном из штатов США (Массачусетс) законами 70-х годов была введена так называемая испытательная система, преимущественно по отношению к несовершеннолетним. Сущность ее состояла в том, что суд отсрочивал вынесение приговора о наказании, передавая виновного под наблюдение специальных попечителей, состоящих при суде. Примеру Массачусетса быстро последовали и другие штаты США. Под влиянием американской практики развилось и английское право, регулирующее в настоящее время вопросы об условном осуждении законом 1907 г.

Особенность англо-американской системы заключается в том, что отсрочивается не применение назначенного наказания, а назначение наказания или даже вынесение обвинительного приговора. Испытуемый может быть поставлен под наблюдение специального попечителя. Испытательный срок, по правилу, является не особенно продолжительным: наблюдение длится обычно в течение нескольких месяцев, редко год и выше. Условное осуж-

ление как в Англии, так и Америке преследует цель избавить от знакомства с тюрьмой главным образом впервые совершающих преступления сравнительно незначительной тяжести. В США этот институт нередко используется судом, потому что там давно уже подсчитали, что издержки на попечителя значительно меньше издержек по содержанию осужденного в тюрьме. Однако в ряде штатов наблюдение попечителя превращается в простую формальность и сводится ксылке испытываемым попечителю в определенные сроки письменных сообщений о себе.

Введение условного осуждения во Франции и в других западно-европейских странах произошло под влиянием англо-американской практики.

Теоретическое обоснование этого института было выражением либеральной тактики буржуазии. Применение условного осуждения было рассчитано на «случайных преступников».

Во Франции условное осуждение введено законом 1891 г. Оно допускается, если виновный до этого не был приговорен к тюрьме или более строгому наказанию. Условным может быть приговор, присуждающий к тюрьме (максимум тюремного заключения — пять лет) или к денежному штрафу. Испытательный срок определен законом в пять лет. Если в течение этого срока условно осужденный не совершит преступления, за которое ему была бы назначена тюрьма или более строгое наказание, то приговор считается погашенным и как бы не бывшим. Никакого наблюдения за условно осужденным закон не устанавливает.

Примеру Франции еще до мировой войны последовал ряд европейских стран: Италия, Испания, некоторые швейцарские кантоны и др.

Большинство западноевропейских стран вводило условное осуждение, следуя французской системе. В довоенной Германии правящая бюрократия вообще противилась введению этого института, и в некоторых ее государствах был введен лишь суррогат в виде условного помилования. По усмотрению министерства юстиции приведение приговора в исполнение могло быть отложено при условии хорошего поведения осужденного в течение довольно продолжительного времени. Приговор в благоприятном случае погашался в порядке «монаршей милости». После мировой войны право условного помилования было предоставлено суду. Применение условного осуждения в Германии в последние годы было ограничено.

Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. допускает применение условного осуждения при назначении наказания в виде тюрьмы на срок не свыше одного года или ареста (максимум ареста — три месяца), если до этого в течение пяти лет до совершения преступления осужденный не отбывал в Швейцарии или за границей наказания в виде лишения свободы за преступление или проступок и возместил, насколько это ему было доступно, ущерб, причиненный потерпевшему. Испытательный срок назначается на время от двух до пяти лет. Суд может возложить на осужденного определенные обязательства, как-то: поступить под патронаж, жить в определенном месте, изучать какое-нибудь ремесло, воздерживаться от употребления спиртных напитков, возместить ущерб потерпевшему. Если в течение испытательного срока осужденный совершит умышленное преступление или проступок, или, несмотря на формальное предупреждение суда, будет продолжать нарушать возложенные на него обязательства, или «вообще обманет оказанное ему судом доверие», то суд постановляет о приведении приговора в исполнение. Если же осужденный выдержит испытание до конца, то судимость его считается погашенной.

В дореволюционной России требование о введении условного осуждения было выдвинуто еще в конце 80-х годов прошлого столетия. После революции 1905 г. это требование становится достоянием широких общественных кругов, и даже III Государственная дума, в большинстве состоявшая из представителей правых буржуазных и помещичьих партий, вынуждена была после двухлетнего обсуждения принять проект об условном осуждении. Но проект встретил решительные возражения в Государственном совете и был провален.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ

§ 87. Общее понятие. Досрочное освобождение от наказания

I. Наказание, назначенное обвинительным приговором, может быть приведено в исполнение, но не отбыто полностью (досрочное освобождение). Советское уголовное право наряду с этим знает случаи, когда при установлении вины наказание вообще не назначается. К обстоятельствам, устраняющим назначение наказания, относятся давность, изменение социально-политической обстановки и отсутствие общественной опасности преступника.

В связи с обстоятельствами, устраняющими наказание, следует остановиться на постановлениях советского законодательства, касающихся как погашения в силу акта верховной власти неотбытого или частично отбытого наказания (помилование и амнистия), так и погашения всех последствий осуждения за преступления (погашение судимости).

II. Приведение наказания в исполнение может быть отсрочено вследствие болезни осужденного (§ 89). Могут быть, однако, случаи, когда осужденный, отбывающий наказание в виде лишения свободы, заболел во время отбывания наказания. Случаи эти регулируются уголовно-процессуальным законодательством. Статья 457 УПК РСФСР предусматривает возможность перевода в психиатрические или иные больницы или полного освобождения лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, «заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом». Вопрос разрешается судом по заслушании медицинской экспертизы. Закон говорит об отбывающих наказание в виде лишения свободы, но по его смыслу он должен применяться и к лицам, отбывающим ссылку с исправительно-трудовыми работами или исправительно-трудовые работы по указанию органов НКВД.

Освобождение от наказания на основании ст. 457 УПК РСФСР и соответствующих статей уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик является безусловным.

III. Советское уголовное законодательство до союзного закона 1939 г. предусматривало условно-досрочное освобождение от наказания «Основных начала» в ст.ст. 38 и 39 (в редакции 6 ноября 1929 г.) предусматривали возможность применения условно-досрочного освобождения к лицам, приговоренным к срочным мерам наказания и обнаружившим исправление, по отбытии ими не менее одной трети срока определенного судом наказания. Условно-досрочное освобождение выражалось либо в освобождении от дальнейшего наказания, либо в замене назначенного судом наказания более легким. Если условно-досрочно освобожденный не совершал в течение неотбытого срока нового, не менее тяжкого преступления, то наказание считалось погашенным.

IV. Условно-досрочное освобождение было применено впервые в Англии, в австралийской ссылке, а затем в 50-х годах XIX в. система досрочного освобождения была введена и в метрополи. По действующему английскому праву условно-досрочное освобождение применяется к отбывающим каторгу по отбытии мужчинами не менее трех четвертей, а женщинами — двух третей назначенного наказания. На освобожденного возлагается ряд обязательств: извещать полицию о своем местожительстве и всяких изменениях

его, являться раз в месяц в полицию или извещать ее письменно, вести добродетельный образ жизни и т. п. В случае совершения в течение испытательного срока, продолжительность которого равняется сроку неотбытого наказания, преступления, преследуемого в порядке обвинительного заключения, условно освобожденный отбывает сначала наказание за новое преступление, а затем неотбытый срок наказания за первое преступление. За нарушение обязательств условно-освобожденный может быть подвергнут тюремному заключению на срок до трех месяцев, а его освобождение может быть аннулировано министерством внутренних дел.

Условно-досрочное освобождение в большем или меньшем объеме предусматривается и в других иностранных государствах.

§ 88. Давность

1. Под давностью в уголовном праве понимается истечение известного срока времени, устраняющее приведение в исполнение обвинительного приговора или самое уголовное преследование. Истечение известного срока времени, как бы разрывает связь между преступлением и наказанием. С точки зрения общего предупреждения, запоздалое приведение приговора в исполнение не производит уже того воспитательного действия на общество, как это было бы при своевременном его исполнении. Сам преступник мог измениться за время, прошедшее со дня приговора, вести безукоризненный образ жизни, так что и с точки зрения задач специального предупреждения приведение приговора в исполнение представлялось бы бесцельным. Сроки давности, конечно, должны быть различны, в зависимости от тяжести обвинительного приговора.

При давности уголовного преследования к указанным выше соображениям о нецелесообразности приведения наказания в исполнение присоединяются еще процессуальные трудности: следы преступления могут исчезнуть, доказательства могут быть утрачены, свидетели — забыть события и т. п.

Действующему советскому уголовному праву давность известна в указанных двух видах и регулируется ст. 10 «Основных начал» (в редакции 1927 г.). Уголовные кодексы союзных республик полностью воспроизводят положения «Основных начал» (ст.ст. 14 и 15 УК РСФСР).

Согласно ч. 3 ст. 10 «Основных начал», обвинительный приговор не приводится вовсе в исполнение, если он не был приведен в исполнение в течение десяти лет со дня вынесения приговора. Это правило, конечно, не может распространяться на осужденных, скрывающихся от отбытия наказания после вынесения приговора. Сроки давности приведения приговора не дифференцируются, и никаких исключений по роду преступлений при этом виде давности советское уголовное право не устанавливает.

Дифференцируются сроки при давности уголовного преследования. «Основные начала» разделяют преступления на три категории: по преступлениям с возможным наказанием свыше пяти лет лишения свободы (тем самым и с наказанием в виде расстрела) давность устанавливается в десять лет (п. «а» ст. 10), при наказании до пяти лет лишения свободы — в пять лет (п. «б» ст. 10), при

наказании до одного года лишения свободы или более легком — в три года (п. «в» ст. 10).

Говоря о наказании, закон имеет в виду высший предел наказания, установленный в санкции за данное преступление. Так, если преступление наказывается лишением свободы на срок до десяти лет, давность исчисляется исходя из этого срока. При альтернативной санкции принимается в расчет более суровый род наказания.

«Основные начала» предоставляют союзным республикам право в случаях, указанных в пп. «б» и «в» ст. 10, понижать давностные сроки по отдельным преступлениям (примечание 1 к ст. 10). Некоторые республиканские уголовные кодексы использовали это право. Так, УК Таджикской ССР устанавливает по преступлениям, влекущим более мягкое наказание, чем лишение свободы, давность в два года. УК РСФСР (примечание 3 к ст. 14) и другие уголовные республиканские кодексы указывают, что давностные сроки установленные в Уголовном кодексе не распространяются на действия, преследуемые, согласно кодексу, в административном порядке, и что наложение административного взыскания допустимо только в течение месяца со дня их совершения.

«Основные начала» ставят для применения давности уголовного преследования два условия: по данному делу в течение указанных сроков не должно быть «никакого производства или следствия» и виновным не должно быть совершено «другое однородное или не менее тяжкое преступление».

Первое условие нельзя понимать буквально. За исключением случаев, когда потерпевший не заявит о преступлении, по общему правилу, по более или менее серьезному преступлению соответствующими органами всегда заводится производство, следовательно, давность никогда не могла бы применяться. Сам закон говорит, что «течение давности прерывается, если совершивший преступление во время течения соответствующего срока... скроется от следствия и суда». Следовательно, «производство по делу» надо понимать в том смысле, что определенное лицо было привлечено в качестве обвиняемого. Такое производство прерывает давность, если преступник скроется от следствия и суда. При нерозыске обвиняемого производство приостанавливается (ст.ст. 202, 203 УПК РСФСР). Исчисление давностных сроков начинается в этих случаях, как указывает закон, со дня возобновления приостановленного производства.

Течение давности прерывается также в случае совершения другого однородного или не менее тяжелого преступления. Указание закона, что совершение не всякого преступления прерывает давность, является вполне понятным. Если кто-либо совершит убийство, а затем в течение давностного срока по этому преступлению нанесет кому-либо легкое телесное повреждение, то новое преступление не характеризует лицо как особо опасное, которое не заслуживало бы применения к нему давности. Иное дело, если преступник совершит второе убийство или после убийства окажется ви-

новым в тяжком телесном повреждении и т. п. Понятие «не менее тяжкое преступление» разъяснено выше (§ 85).

Прерванная давность вновь начинает течь со дня совершения второго преступления.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 4 марта 1929 г. разъяснил, что в отношении длящихся преступлений срок давности исчисляется со времени прекращения преступного состояния, а в отношении продолжаемых с момента совершения последнего преступного действия из числа составляющих продолжаемое преступление.

Из общих правил о давности преследования советское уголовное право делает изъятия по контрреволюционным преступлениям. Применение давности по этим преступлениям в каждом отдельном случае предоставляется на усмотрение суда. Но если суд и не найдет возможным применение давности, то при назначении расстрела последний обязательно заменяется объявлением врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства СССР и изгнанием из пределов СССР навсегда или лишением свободы на срок не ниже двух лет (примечание 2 к ст. 10). В отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против рабочего класса при царском строе и т. д. (ст. 13 Положения о преступлениях государственных, ст. 58^{1а} УК РСФСР), суду предоставляется разрешение не только вопроса о применении давности, но и вопроса о замене расстрела (примечание 3 к ст. 10).

При рассмотрении понятия преступления в советском уголовном праве (§ 85) было показано историческое происхождение ч. 2 ст. 34 «Основных начал» и ст. 61 «Основ уголовного судопроизводства» (ст. 8 УК РСФСР) и дана оценка этих принципиальных положений советского уголовного права. Здесь необходимо только указать, что наличие такого рода положений представляет весь институт давности в совершенно ином свете. Погашение наказания за давностью связано с определенными, точно установленными законом сроками. При разрешении же вопроса о неприменении наказания вследствие того, что благодаря изменившейся социально-политической обстановке данное действие перестало быть общественно-опасным, или вследствие того, что совершившее его лицо настолько изменилось, что перестало быть общественно-опасным, суд не связан никакими сроками.

Таким образом, постановления ч. 2 ст. 34 «Основных начал» и ст. 61 «Основ уголовного судопроизводства» являются существенным дополнением к постановлениям о давности.

В постановлении 31 октября 1940 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что призванные в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота осужденные к исправительно-трудовым работам по месту службы освобождаются от отбывания наказания со дня их призыва. Мотивировалось это тем, что призыв в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота является обстоятельством, препятствующим продолжать работу по месту прежней работы, а тем самым и реализовать исполнение приговора. Вместе с тем Пленум указал, что отсрочка исполнения приговора до окончания срока службы в этих случаях была бы явно нецелесообразна в силу ст. 8

УК РСФСР и соответствующих статей уголовных и уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик.

Постановлением 12 июня 1941 г. Пленум Верховного суда СССР распространил положения, выказанные им 31 октября 1940 г. об освобождении от наказания, и на исправительно-трудовые работы, отбываемые на общих основаниях. Вместе с тем Пленум указал, что подлежат прекращению незаконченные дела в отношении лиц, призванных в ряды Красной Армии и Военно-Морского Флота, о преступлениях, совершенных ими до призыва, если за эти преступления законом предусмотрено наказание не выше исправительно-трудовых работ.

В постановлении 18 июля 1941 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что оба постановления его — 31 октября 1940 г. и 12 июня 1941 г. — распространяются и на лиц, вступивших в народное ополчение, поскольку они зачислены в части ополчения с отрывом от производства.

II. Во французском законодательстве вопросы давности регулируются в уголовно-процессуальном кодексе. Для давности уголовного преследования установлены более короткие сроки, чем для второго вида давности. Теория объясняет это положение тем соображением, что при отсутствии судебного разбирательства преступление привлекло к себе меньшее общественное внимание. Закон устанавливает следующие сроки для давности преследования: для преступлений — десять лет, для проступков — три года и для нарушений — один год. Для давности наказания установлены соответственно 20, 5 лет и 2 года. Для определения давности наказания принимается во внимание не санкция закона, а вынесенное судом наказание.

В германском кодексе 1870 г. для давности преследования и наказания установлены более дробные сроки. Так, давность преследования при преступлениях не едина, как во Франции, а устанавливается в 20, 15 и 10 лет, в зависимости от тяжести наказания, предусмотренного законом за то или другое преступление. Максимальный срок давности наказания установлен в 30 лет по преступлениям, караемым смертной казнью, пожизненной каторгой или крепостью.

В Англии только в виде исключения по некоторым преступлениям уголовное преследование должно быть возбуждено лишь до истечения определенного срока. Так, по делам о государственной измене (кроме посягательства на жизнь короля) обвинительный акт должен быть утвержден до истечения трех лет со времени совершения преступления. По проступкам, преследуемым в порядке сокращенного производства, обвинение в суде должно быть предъявлено в течение шести месяцев со дня его совершения. Как общее правило, английское право не знает давности.

Уложение о наказаниях 1845 г. знало лишь давность преследования. Из действия давности исключались преступления государственные и отцеубийство. По истечении 20 лет смертная казнь и каторга заменялись ссылкой на поселение. Давностные сроки по остальным преступлениям были от десяти лет до шести месяцев.

Уголовное уложение 1903 г. предусматривало три вида давности: а) давность преследования, б) давность осуждения и в) давность наказания. Для давности преследования были установлены сроки от 15 лет до одного года. Для давности осуждения и наказания сроки удваивались. Давность исключалась по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и неприкосновенность царствующего императора, императрицы и наследника. По истечении 15 лет смертная казнь и каторга заменялись в этих случаях ссылкой на поселение.

§ 89. Амнистия и помилование

Назначенное судом наказание могут отменить или смягчить лишь высшие органы советской власти. Оно может касаться отдельного осужденного, и тогда мы говорим о помиловании или распространяться на неопределенно большое количество осужденных, и тогда мы говорим об амнистии.

Согласно п. «ч» ст. 14 Конституции СССР, ведению СССР в лице его высших органов власти и управления подлежит издание общесоюзных актов об амнистии. Президиум Верховного Совета СССР осуществляет право помилования (п. «з» ст. 49). Верховные советы союзных республик пользуются правом амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами союзной республики (п. «г» ст. 60).

Помилование может касаться, по общему правилу, любого преступника, осужденного за любое преступление. В виде исключения закон запрещает впредь применять помилование по определенным преступлениям. Так, закон 7 августа 1932 г. запретил применять амнистию к осужденным по этому закону; закон 1 декабря 1934 г. установил, что по делам о террористических актах не допускается подача ходатайств о помиловании.

Помилование может выразиться в смягчении наказания, назначенного судом, например, в замене расстрела лишением свободы, в сокращении срока наказания или в полном освобождении от него и даже от его последствий — судимости.

Амнистия выражается в освобождении от наказания, если оно не превышает определенного в амнистии срока, или в сокращении длительных сроков и наказания.

Так, по амнистии к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции были освобождены от наказания все осужденные к лишению свободы на срок до шести месяцев, а из числа трудящихся — осужденные на срок до одного года лишения свободы. Трудящиеся, осужденные на более длительные сроки, подлежали освобождению по отбытии половины срока наказания.

В самых актах об амнистии в ряде случаев указывается, что амнистия не распространяется на некоторые категории осужденных, например на осужденных за контрреволюционные преступления или за корыстные должностные преступления и т. п. Если в акте об амнистии не упомянуто об отмене дополнительных наказаний в виде поражения прав, увольнения от должности, запрещения заниматься той или иной деятельностью, то на судебные органы возлагается обязанность разрешить вопрос о снятии или сокращении указанных дополнительных наказаний (ст. 458-а УПК РСФСР).

Амнистия применяется к тем идлящимся преступлениям, которые окончились до ее издания. К идлящимся же преступлениям, продолжавшимся после издания амнистии, таковая не применяется. К продолжаемым преступлениям, вполне законченным до издания амнистии, амнистия применяется. Она не применяется, если хотя бы одно из преступных действий, образующих преступное

деяние, совершено было после издания акта амнистии (Постановление Пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1929 г.).

Идеологи буржуазии, шедшей к власти, были резко настроены против права помилования ввиду злоупотребления этим правом при старом режиме. Французский уголовный кодекс 1791 г. категорически запрещал издание актов о помиловании, хотя бы и в смысле смягчения наказания. При Наполеоне это право было восстановлено. В настоящее время право помилования во Франции принадлежит президенту республики. Амнистия как акт общего значения издается в законодательном порядке. Как право помилования, так и амнистия известны и в других иностранных государствах.

§ 90. Погашение судимости

1. Виновный может отбыть наказание, суд может, признав его виновным, освободить от наказания, и все же данное лицо считается имеющим судимость.

Вопрос о снятии, погашении судимости впервые был разрешен в законе РСФСР 9 февраля 1925 г. При несомнении условно осужденным преступления в течение испытательного срока приговор суда признавался утратившим силу, а условно осужденный — несудившимся. Кроме того, признавался несудившимся и приговоренный к лишению свободы на срок не свыше шести месяцев или ко всякому другому, более мягкому наказанию, если в течение трех лет со дня вступления приговора в законную силу он не совершит какого-либо другого преступления, и приговоренный к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, но не свыше трех лет, если он не совершит преступления в течение шести лет.

Такой принципиальный вопрос, как вопрос о судимости, должен был получить разрешение только в союзном порядке, что и было сделано в 1927 г. Постановлением ЦИК СССР 25 февраля 1927 г. «Основные начала» были дополнены ст. 10¹. Согласно этой статье признаются не имеющими судимости: а) лица, оправданные по суду, б) лица, условно осужденные, которые в течение назначенного судом испытательного срока не совершили нового преступления, в) лица, приговоренные к лишению свободы на срок не свыше шести месяцев или ко всякому иному, более мягкому наказанию, которые в течение трех лет со дня отбытия наказания не совершили нового преступления, и лица, приговоренные к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, но не свыше трех лет, которые не совершили нового преступления в течение шести лет.

Пленум Верховного суда СССР 10 февраля 1940 г. указал, что исправительно-трудовые работы являются более мягким наказанием, чем лишение свободы, и что один год исправительно-трудовых работ должен считаться равнозначным четырем месяцам лишения свободы. Поэтому осужденные к исправительно-трудовым работам на срок до одного года включительно признаются не имеющими судимости по истечении трех лет со дня отбытия наказания.

В отношении лиц, приговоренных на сроки свыше трех лет, судимость может быть снята лишь в порядке амнистии или помилования.

Союзное законодательство для погашения судимости требует, чтобы в течение определенного срока осужденный не совершил нового преступления. УК РСФСР (ст. 55) и УК Таджикской

СССР (ст. 49) для погашения судимости требуют несовершеннолетнего, не менее тяжкого преступления. Такое смягчение условий противоречит союзному закону, на что и было указано Пленумом Верховного суда СССР в постановлении 10 февраля 1940 г.

Возникший в судебной практике вопрос о том, с какого времени начинают течь сроки для погашения судимости, разъяснен Верховным судом СССР в постановлении от 20 декабря 1929 г. Исходя из того, что закон говорит об «отбытом» наказании, Верховный суд указал, что закон имеет в виду фактически примененное наказание, а не наказание, первоначально назначенное судом. Верховный суд указал далее, что на том же основании следует исчислять и сроки погашения судимости при амнистии: принимать во внимание следует ту меру наказания, которая исчислена в конечном выводе после сокращения срока наказания по амнистии.

Не связано ни с какими сроками погашение (снятие) судимости в силу помилования или амнистии. Так, амнистия в ознаменование десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции снимала судимость с трудящихся, осужденных впервые и отбывших ко дню издания акта об амнистии основную меру наказания, досрочно освобожденных, условно осужденных или приговоренных к исправительно-трудовым работам. Постановлением ЦИК и СНК СССР 29 июля 1935 г. «О снятии судимости с колхозников» снята судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше пяти лет либо к иным, более мягким мерам наказания и отбывших назначенное им наказание или досрочно освобожденных до издания этого постановления.

С вопросом о погашении судимости приходится сталкиваться при заполнении личных анкет. Смысл погашения или снятия судимости заключается в том, что юридически человек не считается судившимся. Закон (ст. 10¹ «Основных начал») не оставляет никаких сомнений, что погашение судимости наступает автоматически при выполнении определенных условий. Никаких дополнительных условий в виде получения справок о несудимости закон не предусматривал. Приказ НКЮ СССР 1937 г. № 34 указал, что лица, которые признаются не имеющими судимости на основании ст. 10¹ «Основных начал», а также лица, судимость с которых снята в порядке помилования или амнистии, имеют право в анкетах о прошлой судимости отвечать «не судился». Никакой ответственности за дачу такого ответа указанные лица подвергаться не могут.

II. В условиях Отечественной войны снятие судимости было чрезвычайно облегчено для военнослужащих. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1941 г. Секретариатом Президиума была 15 января 1942 г. издана Инструкция о порядке снятия судимости с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками. Согласно Инструкции снятие судимости с таких военнослужащих производится по ходатайству командиров (начальников) частей, кораблей, учреждений

Военными Советами фронтов (отдельных армий) и флотов от имени Президиума Верховного Совета СССР с последующим его утверждением. По утверждению военнотружашему выдается справка о снятии судимости. В случае его смерти справка выдается семье. Судимость может быть снята независимо от тяжести наказания, к которому в свое время был приговорен амнистируемый.

Новый порядок снятия судимости с военнотружаших, находящихся в рядах действующей армии, явится для них лишним стимулом проявить себя храбрым бойцом. Заслуживает внимания и постановление Инструкции от 15 января 1942 г. о посылке в случае смерти военнотружашего семье справки о снятии судимости. Отсюда следует, что военное начальство вправе возбуждать ходатайство о снятии судимости и в тех случаях, когда военнотружаший уже пал в бою смертью храбрых.

Облегчено снятие судимости и для тех, к которым применено примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 февраля 1943 г. установил, что лица, осужденные с отсрочкой исполнения приговора в порядке указанной статьи, проявившие себя стойкими защитниками Родины и в силу этого освобожденные от наказания Военным трибуналом или иным соответствующим судом по ходатайству военного начальства, признаются неимеющими судимости, о чем указывается судом в определении об освобождении от наказания.

III. В иностранном праве институт погашения судимости известен под названием реабилитации. Во французском уголовном кодексе 1791 г., отменившем право помилования, была введена реабилитация. Восстановление в правах могло быть получено спустя десять лет по отбытии наказания в виде лишения свободы. Если большинство членов генерального совета Коммуны закрытым голосованием высказывалось за «аттестацию», то представители Коммуны отправлялись вместе с реабилитируемым в суд, в котором, после прочтения обвинительного приговора, председатель провозглашал, обращаясь к реабилитируемому: «Согласно аттестации и просьбы вашей страны, закон и суд стирают пятно вашего преступления». На языке того времени эта церемония называлась «цивическим крещением». Институт реабилитации предусматривался как акт исполнительной власти в уголовно-процессуальном кодексе 1808 г. Этот институт был существенно изменен законом 1885 г. До него суд только давал свое заключение по ходатайству осужденного, сама же реабилитация зависела от главы исполнительной власти. По закону 1885 г. вопрос о реабилитации разрешается самим судом. Условия реабилитации — истечение пяти лет после отбытия или освобождения от уголовных наказаний, трех лет — после исправительных наказаний. Для рецидивистов сроки удваиваются.

В уголовном праве других стран континентальной Европы реабилитация по суду или в силу самого закона также допускается по истечении более или менее длительных сроков.

Русское дореволюционное право до Уложения 1903 г. не знало реабилитации. Восстановление в правах возможно было только в порядке «монаршего милосердия». Составители Уложения предусматривали восстановление в правах «через суд по прощению: для приговоренных к каторге или ссылке на поселение десяти лет по освобождении от поселения, для приговоренных к исправительному дому — десяти и для приговоренных к тюрьме — пяти лет по освобождении из заключения. При этом права состояли вообще не подлежали восстановлению».

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
§ 1. Предмет науки уголовного права	3
§ 2. Система курса Общей части социалистического уголовного права	8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Глава I. Происхождение уголовного права и уголовное право рабовладельческого государства

§ 3. Происхождение уголовного права	10
§ 4. Особенности уголовного права рабовладельческих государств	11

Глава II. Уголовное право феодального государства

§ 5. Особенности уголовного права феодального государства	12
§ 6. Уголовное право раннего феодализма	12
§ 7. Уголовное право развитого феодализма	13
§ 8. Уголовное право периода разложения феодального строя	14

Глава III. Уголовное право буржуазных государств

§ 9. Уголовное право периода победы и утверждения капитализма в передовых странах. Классическая школа	16
§ 10. Уголовное право и теория уголовного права конца XIX и начала XX века	26
§ 11. Уголовное право иностранных государств в период после первой мировой войны	33
§ 12. Буржуазные теории уголовного права в период после первой мировой войны	38

Глава IV. История уголовного права народов СССР

§ 13. Памятники русского уголовного права до превращения русского национального государства в многонациональное государство	41
§ 14. Уголовное право народов СССР в XIII—XVI вв.	43
§ 15. Уголовное право периода превращения русского государства в многонациональное централизованное государство	43
§ 16. Уголовное право от эпохи Петра I до 60-х годов XIX в.	45
§ 17. Уголовное право пореформенной России	49
§ 18. Уголовное законодательство Временного правительства	51

Глава V. Основные этапы развития советского социалистического уголовного права

§ 19. Две фазы развития Советского государства и изучение истории советского социалистического уголовного права	52
§ 20. Период проведения Великой Октябрьской революции	54
§ 21. Период иностранной интервенции и гражданской войны	57
§ 22. Период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства	62
§ 23. Период борьбы за социалистическую индустриализацию страны	65
§ 24. Период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства	65
§ 25. Период борьбы за завершение строительства социалистического общества и проведение новой Конституции	70
§ 26. Уголовное законодательство за время Великой Отечественной войны	72

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УЧЕНИЕ ОБ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Глава VI. Общее учение об уголовном законе

§ 27. Понятие уголовного закона	75
§ 28. Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик	76
§ 29. Строение уголовных кодексов и структура их статей	82

Глава VII. Действие уголовного закона

§ 30. Действие уголовного закона во времени	85
§ 31. Действие уголовного закона в пространстве	87

Глава VIII. Толкование уголовного закона

§ 32. Виды толкования уголовного закона	93
§ 33. Приемы толкования уголовного закона	91
§ 34. Аналогия	96

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Глава IX. Общее учение о преступлении

§ 35. Понятие преступления	100
§ 36. Состав преступления	104

Глава X. Объект преступления

§ 37. Понятие объекта преступления	111
§ 38. Понятие объекта преступления в буржуазной теории	113

Глава XI. Объективная сторона состава преступления

§ 39. Общественная опасность и противоправность преступного деяния	114
§ 40. Преступное действие и бездействие	115
§ 41. Причинная связь	117

Глава XII. Субъект преступления

§ 42. Понятие субъекта преступления	12
§ 43. Понятие вменяемости и невменяемости	12
§ 44. Несовершеннолетие	13

Глава XIII. Субъективная сторона состава преступления

§ 45. Вина как условие уголовной ответственности	139
§ 46. Формы виновности	147
§ 47. Влияние ошибки на форму виновности	154
§ 48. Формы виновности в истории уголовного права	158

Глава XIV. Обстоятельства, исключающие общественную опасность действия

§ 49. Необходимая оборона	162
§ 50. Необходимая оборона в истории русского уголовного права и в иностранном уголовном праве	167
§ 51. Крайняя необходимость	169
§ 52. Крайняя необходимость в истории русского уголовного права и в иностранном уголовном праве	173
§ 53. Другие обстоятельства, исключающие опасность действия	174

Глава XV. Стадии развития преступной деятельности

§ 54.	Основания ответственности за предварительную преступную деятельность	179
§ 55.	Оконченное преступление	183
§ 56.	Обнаружение умысла	184
§ 57.	Приготовление и покушение	185
§ 58.	Добровольный отказ	187
§ 59.	Негодное покушение	189
§ 60.	Стадии развития преступной деятельности в истории русского уголовного права и в иностранном уголовном праве	190

Глава XVI. Соучастие

§ 61.	Понятие соучастия	193
§ 62.	Виды соучастников	198
§ 63.	Прикосновенность	208
§ 64.	Соучастие в истории русского уголовного права и в иностранном уголовном праве	211

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

УЧЕНИЕ О НАКАЗАНИИ

Глава XVII. Общее учение о наказании

§ 65.	Понятие о наказании	216
§ 66.	Основание применения наказания	219
§ 67.	Задачи наказания	221

Глава XVIII. Система и виды наказаний

§ 68.	Система наказаний	225
§ 69.	Расстрел. Смертная казнь через повешение	227
§ 70.	Объявление врагом трудящихся. Изгнание из пределов СССР и объявление вне закона	228
§ 71.	Лишение свободы	229
§ 72.	Ссылка	234
§ 73.	Высылка	235
§ 74.	Исправительно-трудовые работы	237
§ 75.	Поражение прав	242
§ 76.	Увольнение от должности	243
§ 77.	Конфискация имущества	245
§ 78.	Штраф	247
§ 79.	Возложение обязанности загладить причиненный вред	248
§ 80.	Общественное порицание. Предостережение. Предупреждение	248

Глава XIX. Назначение наказания

§ 81.	Общие принципы назначения наказания	249
§ 82.	Назначение наказания при отягчающих или смягчающих обстоятельствах	252
§ 83.	Общие начала назначения наказания в иностранном уголовном праве	255
§ 84.	Назначение наказаний при совокупности преступлений	257
§ 85.	Применение наказаний при повторности	263

Глава XX. Отсрочка приведения наказания в исполнение

§ 86.	Общие условия отсрочки. Условное осуждение	265
-------	--	-----

Глава XXI. Освобождение от наказания

§ 87.	Общее понятие. Досрочное освобождение от наказания	273
§ 88.	Давность	274
§ 89.	Амнистия и помилование	278
§ 90.	Погашение судимости	279